

Kevin Lynch

The Image of the City

The M. I. T. Press
Massachusetts Institute of Technology
Cambridge, Massachusetts and London, England

К. Линч

Образ города

Перевод с английского
канд. архит. В. Л. Глазычева

Под редакцией
д-ра архит. А. В. Иконникова

Москва Стройиздат 1982

Линч К. Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева; Сост. А. В. Иконников; Под ред. А. В. Иконникова. — М.: Стройиздат, 1982. — 328 с., ил. — Перевод изд.: The Image of the City / Kevin Lynch. — The M. I. T. Press.

Книга включает главы из трех выдержавших несколько изданий публикаций К. Линча, известного специалиста по проблемам теории зрительного восприятия города: «Образ города», «Образ времени», «Осмысление региона».

Рассмотрен комплекс психологических, социально-психологических и социальных проблем архитектурно-градостроительной науки. Предлагается классификация элементов облика города (пути, границы, район и др.), дается их характеристика и раскрываются особенности их взаимодействия при зрительном восприятии городских структур. Анализируются процессы развития города. Предложенные принципы проектирования образа города автор считает возможным распространить на регион.

Книга предназначена для архитекторов.
Ил. 105, список лит.: 414 назв.

Печатается по рекомендации д-ра архит. проф. А. В. Иконникова, канд. архит. проф. В. Н. Белоусова.

Составитель — А. В. Иконников.

© 1960 by the Massachusetts Institute of Technology and the President and Fellows of Harvard College

© Предисловие. Перевод на русский язык, Стройиздат, 1982

В поисках путей к «очеловеченному» окружению

Книга, предлагаемая вниманию читателя, соединила три работы Кевина Линча — «Образ города», «Образ времени», «Осмысление региона». Первая из них была опубликована в США в 1960 г., вторая — двенадцатью годами позже, третья — уже в 1976 г.*, но все они складываются в изложение единой концепции формирования городской среды, которую автор разрабатывает более двух десятилетий. На долю первой работы выпал успех, который для теоретического исследования можно считать исключительным: общий тираж переизданий «Образа города» только на английском языке превысил 120 тыс. экземпляров, книга выходила в Японии, Франции, Италии, ФРГ, Западном Берлине, Иране, Аргентине, на Кубе (а быть может, и где-то еще). На нескольких языках издавалась и вторая книга — «Образ времени». Интерес, который вызвали внешне довольно скромные издания работ К. Линча, определялся не тем (или не столько тем), что на общем фоне нарастающей лавины книг об архитектуре попытки широко осмыслить профессиональную деятельность архитектора, ее цели и место в современном мире остаются достаточно редкими. Главной причиной успеха было то обстоятельство, что в условиях нарастающего кризиса «современной архитектуры» 60—70-х годов, охватившего все капиталистические страны, появилась концепция, которая, казалось, указывает реальные возможности действия, нечто определенное в зыбком мире отвергнутых и рушащихся профессиональных ценностей.

Кризис «современной архитектуры» начинался с полного пересмотра всей системы идей, основа которой была заложена западным конструктивизмом и функционализмом. Идеи Линча, казалось, совпадали с антитезами функционализму, предлагая вместе с тем определенные положительные установки.

В центре антифункционалистской критики оказались механоморфные черты того мира, о котором мечтали «пионеры современной архитектуры», черты, доведенные их последователями до полной обезчеловеченности. Линч же основывал свои идеи на простых и устойчивых человеческих ценностях, на прямоте и непосредственности чувственных ощущений.

Функционализм строил свои градостроительные программы, игнорируя пространственно-временную сложность и динамичность городских организмов, мечтая о недвижимом совершенстве, которое создавалось бы раз и навсегда, как бы на поверхности чистого ли-

* Image of the City, M. I. T. Press, 1960; What time is this place? M. I. T. Press, 1972; Managing the sense of a region, M. I. T. Press, 1976. Английские названия последних двух книг практически непереводимы и заменены в русском переводе смысловыми эквивалентами.

ста. Линч же широко и всесторонне исследует время как измерение бытия городских структур. Город для него существует в непрерывности развития, в единстве старого и нового. Методы «современной архитектуры» предлагали расчленение города на элементы, выстраиваемые в строгие и простые иерархические системы; все, что не укладывалось в их ясную логику, отсекалось. Идеальнее модели города, выдвигавшиеся функционализмом, становились сопряжением — почти механическим — торжественно-осевых систем классицистических ансамблей и чисто рационального «зонирования», престижности и утилитаризма, — как «Лучезарный город» Ле Корбюзье. Линч, напротив, предлагал принять города во всей сложности их реалий.

«Современная архитектура», провозгласившая лозунг «градо-строительство — ключевая проблема», логикой развития аналитического подхода была приведена к сосредоточенности на отдельном сооружении — «произведении архитектуры». Для Линча существовала только среда в ее целостности, со всеми разнообразными связями, которые ее пронизывают. Он предлагает не претенциозные программы, а достижение малых целей, обеспеченное личными возможностями и обещающее немедленный результат. Исследования чувственно воспринимаемого качества среды во всем ее комплексе (включая и эстетическое восприятие), предлагаемое Линчем, не могло не встретить сочувствия у новых «постфункционалистических» поколений архитекторов, для которых среда стала таким же главным полем осуществления эстетических идей, как фасад для архитекторов Ренессанса или классицизма.

Концепция Линча оказалась созвучна и увлечению «семиологией города», приложением к анализу городских структур понятий и техники, выработанных семиотикой. Один из энтузиастов этого направления мысли француз Роланд Барт писал в 1970 г., что Линч «во всех ближе подошел к проблемам семантики города, поскольку он рассматривает город как воплощение в образах заключенного в нем смысла»*.

Наконец, в идеях Линча могли найти выход из тупиковой ситуации те молодые радикалы, которые вместе с «архитектуроцентристскими» претензиями функционализма стали отвергать и саму архитектуру в ее традиционном понимании. Идея обращенности к среде, к исправлению ее «сенсорных качеств», выдвигаемая Линчем, могла дать позитивное наполнение для новых вариантов профессиональной ориентации.

Впрочем, параллели между антифункционалистскими тенденциями и идеями Кевина Линча не определяются намерениями их автора. Функционализм попросту вне сферы его интересов. И концепция его сложнее, глубже и, можно полагать, гораздо долговечнее, чем множество сочинений, порожденных в полемике двух по-

следних десятилетий архитекторами Запада. Думается, что сильная сторона ее не в моментах актуальности, завоевавших читателей и определивших тиражи изданий, а в направленности на устойчивые человеческие ценности, в гуманистической подоснове, которая в конечном счете определила главные положения, и, наконец, в трезвой реалистичности подхода к проблемам. Впрочем, Линч — автор достаточно сложный, однозначные определения к нему неприменимы. Сквозь характерный американский прагматизм проступают у него и романтические нотки, пожалуй, даже несколько старомодные, напоминающие о романтизме прошлого столетия.

Главный сюжет для Линча — среда в человеческом восприятии. Сюжет этот включает в себе многие искушения: погрузиться в запутанную и увлекательную сферу чисто эстетических категорий или отдалиться той «игре в бисер», правила которой столь детально разработала семиотика; замкнуться в эмпирике психофизиологических наблюдений или довериться бихевиористским схемам. Линч, однако, отверг любые возможности одностороннего подхода. Он видит и то, что структура среды во многом определяется исторически сформировавшимися социально-экономическими отношениями и культурными нормами, и то, что само человеческое восприятие предопределено социально.

Пионеры «новой архитектуры» полагали, что цель и этическое оправдание профессиональной деятельности — в жизнестроительной утопии. Они верили, что, рационально формируя пространственную оболочку для жизни, они могут повлиять и на саму жизнь, сделав ее лучше и справедливее средствами «честной архитектуры». Постфункционализм отверг такие иллюзии вместе с представлением о социальной ответственности архитектора. Утопизм чужд, на первый взгляд, и К. Линчу. Он не принимает жизнестроительных иллюзий и, по-видимому, с достаточным скептицизмом относится к фантазиям и утопиям вообще. (Обратим внимание читателя не только на соображения, высказанные Линчем в главе «Сохраняемое будущее» работы «Образ времени», но и на то обстоятельство, что во времена наивысшего подъема «футурологической волны» он остался в стороне от прогностических увлечений.)

Линч со всей определенностью утверждает, что и радикальные изменения среды не приносят изменений в обществе. Материалом для теоретических построений служит ему действительность современной Америки, которую он отнюдь не идеализирует. Ограничения, определяемые противоречиями социально-экономических отношений, структурой частного землевладения и политической системой, он оценивает достаточно трезво. Эти «ключевые факторы» он принимает как некую данность, утверждая, что сами по себе они находятся вне сферы того, что он рассматривает.

И вместе с тем Линч не становится на точку зрения лидера постфункционалистской архитектуры Роберта Вентури, заявлявшего, что жизнь следует принимать такой, какова она есть, дело архитектора правдиво отразить ее во всей противоречивости. Если прини-

* Барт Р. Семиология и градостроительство. — Современная архитектура, 1971, № 1, стр. 7.

мать такую позицию, «уродливое и обиденное» становятся столь же правомерными целями профессиональной деятельности, как «прекрасное и необычное», хаос равноценен порядку. Нет, Линч не хочет принять несовершенства существующего. Он все-таки верит в то, что естественность стремления к человеческому благополучию каким-то образом возобладает. И он мечтает о различных способах сделать жизнь более насыщенной и осмысленной, как бы перескочив в воображении ограничения реальности. Мечты эти непохожи на агрессивные очертания утопического идеала пионеров «новой архитектуры», это скорее отражение каких-то настроений молодежной контркультуры конца 60-х годов, вошедшее в рациональную систему мысли. В этой позиции есть доля наивности или идеализма, но именно она помогает Линчу сохранить ту веру в гуманные ценности, которая столь привлекательна в его работах.

Среда у Линча выступает как нечто целостное, почти не поддающееся расчленению. В подчеркивании этого есть полемика с традиционно архитектурским стремлением к «произведению архитектуры», которое выступает не столько как часть более обширной системы, сколько как замкнутый, «истинный в себе» самодостаточный мир (а иногда и как продукт самоутверждения зодчего, проекция его личности на окружающий мир). Но ведь любая среда реализуется через уровень архитектурных и дизайнерских решений, через объекты, входящие в нее как элементы. Линч этот уровень почти игнорирует (почти, поскольку объекты дизайна и детали сооружений в его концепции фигурируют в общем достаточно широко, сооружение же как подсистема среды почти не возникает).

Возможно, что в этой особенности его работ отразилась специфически американская жесткая специализация внутри архитектурной деятельности. Рубеж между архитектором-«объемщиком» с его художническими претензиями и архитектором-планировщиком, погруженным в социальные, экономические и юридические аспекты землевладения и землепользования, прямо выходящим на самые «горячие» городские проблемы, в США весьма ощутим. Рубеж этот разделяет не только типы занятий, но и ценностные установки, предпочтения, структуры профессионального сознания. Кевин Линч — теоретик в своих идеях — выше этого членения профессии, но его практическая погруженность в планировочные проблемы, возможно, и объясняет оттенок субъективной неприязни к «объемщикам».

Вообще многие особенности концепции Линча объясняются индивидуальностью автора. Необычность системы идей во многом отражает сложность пути творческого становления, в которое были вовлечены достаточно разнообразные источники жизненного и профессионального опыта.

Кевин Линч родился в 1918 г. в Чикаго, втором по экономическому значению городе США. Дед его прибыл в США с волной ирландских иммигрантов, отец работал на скотопригонном дворе крупной мясоконсервной фирмы. Впрочем, вот что Линч сам рассказывает о себе: «Моя мать любила искусство и музыку, особенно живопись

(позднее я узнал, что она занималась живописью до того, как вышла замуж). Ей, однако, пришлось отказаться от всего этого, чтобы растить трех активных мальчишек и выжить во время «великой депрессии» 30-х годов. Мой интерес к архитектуре исходит, впрочем, не от семьи или друзей. Его возбудили прогулки по городу и кое-кто из школьных учителей, умевших заронить и поддержать увлечение. К окончанию школы я уже знал, что хочу «проектировать города», но совершенно не представлял себе, как к этому приступить»*. — Заметим, что школа, которую посещал Линч, была одной из первых в США школ, организованных в соответствии с концепцией философа Дж. Дьюи и следовавших его идеям. Занятия в этой школе в большой мере определили становление мировоззрения Кевина Линча и его собственную философскую концепцию.

По чьему-то совету Линч поступил на архитектурный факультет Йельского университета, но бросил его, разочаровавшись в том, что казалось «архитектурной теологией». Статья, случайно просмотренная в чикагской библиотеке, привела его к Фрэнку Ллоиду Райту, в его архитектурную мастерскую-школу «Товарищество Тейлизин». Заведение это было намеренным подобием ремесленных мастерских средневековья, соединявших учебные функции с практическим проектированием и строительством. Мыслилось, что вовлечение во все более сложные практические задачи и должно быть основной формой обучения. Над всем здесь царила могучая личность Райта — крупнейшего архитектора Америки, ее последнего романтика и вместе с тем одного из пионеров рационалистической архитектуры, связавшего своим творчеством две эпохи развития зодчества. Он соединял в «Тейлизине» роли менеджера, главного архитектора и педагога.

В 1938 г., когда Линч пришел к Райту, «Товарищество Тейлизин» размещалось в постройках «стиля пустыни» близ города Феникса в штате Аризона. Линч рассказывает: «Как начинающий, я почти не выполнял профессиональных архитектурных заданий. Я помогал во время сбора урожая, занимался простейшими плотничными работами, учился выводить каменную стену, работал на кухне и прислуживал за столом. Но я наблюдал. Прекрасная архитектура и люди, которые ее создавали, окружали меня. Я ощущал это кожей. Райт был большой говорун, противоречивый, удивительный человек — столь же гений, сколь и огромный эгоист».

Линч пробыл в «Тейлизине» полтора года и ушел, когда почувствовал, что личность Райта, нетерпимого к любым идеям, кроме собственных, начинает подавлять его. Но это короткое время стало решающим. Именно контакт с Райтом определил глубоко гуманистичную основу мировоззрения Линча, через Райта протянулась нить к старой традиции американского романтизма с его особой демократической тональностью, к Уитмену и Торо. Райт научил проникновению в «дух места», ощущению целостности, органичности

* Здесь и далее цитируется письмо К. Линча к А. Иконникову.

средовых систем, их связи с образом жизни. И при всем том Линч ушел из «Товарищества Тейлизины» вовремя: восприняв много ценного, он не подчинился влиянию стихийного райтовского дезурбанизма (несомненно, регрессивного), преувеличенной индивидуальности этого большого мастера.

После «Тейлизины» Линч поступил в политехнический институт, намереваясь получить инженерную подготовку, но там увлекся прежде всего биологией, которую преподавал д-р Брей. Недолгие занятия под его руководством укрепили почерпнутые у Райта идеи органичного развития форм и их систем. От них же берет свое начало и активный интерес Линча к сенсорному аппарату человека, к его функции посредующего звена между окружением и образом окружения, складывающимся в сознании. Затем был неполный год работы в небольшой архитектурной конторе Швеклера в Чикаго, занимавшейся реконструкцией старых зданий. Здесь Линч столкнулся на практике с проблемой сочетания старого и нового в городской среде, получив тот эмпирический опыт, который позднее дал толчок к осмыслению временной глубины города. Годы службы в инженерных войсках (1940—1946) во время второй мировой войны были школой не только инженерного дела, но и школой человеческих отношений. После демобилизации Линч в течение года изучал планировку городов в Массачусетском технологическом институте и год работал в планировочном офисе в Гринсборо, Северная Каролина. Затем снова МТИ, уже в качестве преподавателя. Он участвует в разработке нескольких крупных проектов, в том числе проекта планировки административного центра Бостона. В 1953 г., назначенный по стипендии Фонда Форда в Италию, он начинает заниматься проблемой того, как форма города воспринимается его жителями.

В 1956—1959 гг. в Массачусетском технологическом институте Линч вместе с профессором Дьердем Кенешем, живописцем и художником-фотографом, продолжателем европейской художественной традиции 20-х годов, занимавшимся проблемами связи искусства и науки, руководит исследованием «перцептуальной формы» города. Влияние Кенеша было важным фактором образования научного кругозора и исследовательских методов Линча, включивших технику психофизиологических и социально-психологических экспериментов. В совместных исследованиях откристаллизовалась его собственная концепция. Книга «Образ города» дала первые формулировки ее положений.

Значение книги в том, что город едва ли не впервые был в ней подвергнут анализу не с позиции профессиональной установки, ее догм и правил, а с позиции человека, живущего в городе и повседневно воспринимающего формы его среды. Для этого нужно было выяснить, как же люди действительно воспринимают свой город, свое непосредственное предметно-пространственное окружение. Эксперименты стали главным средством решения задачи, их техникой выявлялось объективное существо субъективного отношения.

Исследуя сложное зрелище города, Линч стремился структурировать его, выявить главные элементы, опираясь на которые человек как бы строит «каркас» образного представления о среде, в которой протекает его жизнь. Были предложены пять типов исходных элементов — пути, границы, зоны, узлы, ориентиры, из которых выстраивались схемы, помогавшие сделать очевидной структурную основу восприятия даже в системах очень запутанных, противоречивых или кажущихся аморфными. В книге раскрываются методы анализа, удобные как для исследования и оценки сложившегося города при выборе стратегии его улучшения путем реконструкции, так и для внутренней оценки промежуточных моделей в процессе проектирования. Проводимые Линчем примеры использования метода достаточно специфичны — Бостон, Джерси-сити, Лос-Анджелес — очень характерные американские города, мало схожие с городскими структурами, обычными для других континентов. Очевидным достоинством метода является, однако, его универсальность, возможность использования для различных типов городской среды и для внегородских ландшафтов.

Кстати, такая возможность была продемонстрирована книгой «Вид с дороги»¹ (1964 г.), написанной Линчем вместе с Д. Эшлэндом и Дж. Майером [изд. III, 57]. Его метод использован здесь для изучения возможностей ландшафтной проектирования межгородских скоростных автомагистралей с целью превращения их из фактора разрушения ландшафтов в позитивный фактор их пространственной организации. В этой книге единство пространственных и временных измерений в формировании образа окружения выступило особенно ярко.

Наглядность метода, его очевидная инструментальность определили широту его использования в научных исследованиях и проектировании. Инструмент, однако, сам по себе не обеспечивает достояния результата его применения. Это показало и применение техники, разработанной Линчем. Критики стали упрекать Линча за подход к городу на чисто визуальной основе и за то, что он видит его как бы со стороны, глазами заезжего туриста, а не тех, для кого город обеспечивает оболочку повседневного бытия. Первое не было лишено оснований, так как, стремясь к максимально предметному исследованию отношений человека и окружения, Линч действительно сделал акцент на пространственных характеристиках среды и их визуальном восприятии. Пытаясь выявить его структуру, он все время моделировал восприятие напряженное, направленное, несомненно отличающееся от неизбежной рассеянности и фрагментарности восприятия обыденного, очень много опускающего в привычном. Сама техника экспериментов, детально описанная в книге, явно ориентирована на побуждение у людей остроты видения, выходящей за рамки их повседневного поведения. Как будто правдив, таким образом, и второй упрек. Но иной возможностью Линч вряд ли располагал. Обыденные восприятия вряд ли доступны четкой фиксации при любой технике эксперимента, да и выделить какую-то структур-

ность в том переплетении случайного, которое стоит за ними, практически невозможно. Да и не нужно, наверное, потому что в их подоснове можно с достаточной определенностью обнаружить стереотипы, восходящие к направленному восприятию.

Книга «Образ времени» расширяет концепцию, рассматривая город как грандиозный системный объект, существующий в потоке времени, непрерывно изменяющийся и несущий в себе следы предметности культуры и единства исторического процесса. Среда здесь выступает уже как своеобразный код, которым фиксируется «образ времени» — образ, расширяющий представление человека о настоящем связью с прошлым и надеждами на будущее. Отказ автора от традиционных форм и рамок исследования, определяемых или чисто пространственными, или исключительно временными категориями, позволил разносторонне охарактеризовать природу и сущность той системной целостности, какой является город.

Позиция, занятая здесь К. Линчем, дала возможность показать внутреннюю связанность проблем сохранения культурного наследия с актуальными проблемами современности и перспективами развития городов. Временное измерение, введенное К. Линчем в анализ предметно-пространственного окружения человека, естественно подводит к причинности явлений. Город уже не может рассматриваться только как пространственная система. В сфере внимания неизбежно оказываются механизмы взаимосвязи между становлением физических форм среды и социальной динамикой общества.

Заметим, что к исследованию этих механизмов К. Линч подошел с достаточной реалистичностью. Ему чужды жизнестроительные претензии буржуазно-либеральных теоретиков архитектуры. Социальная роль среды, как полагает автор, заключается в стабилизации форм поведения. Физическое окружение может также служить для обучения и формирования личности, если оно доступно, объяснено, богато информацией и открывает возможности упражнения в новых функциях. Весьма ограниченным считает Линч и обратное влияние — социальной организации на среду. Он говорит лишь о ниспровержении социальной революцией символов недавнего прошлого и подчеркивает необходимость сохранения основной массы ценностей — материальных и духовных, с тем чтобы не отвлекать внимания от перестройки социальных структур. Это рассуждение, однако, оставляет в стороне главное — изменение в ходе революции «генетического кода», определяющего дальнейшее развитие среды. Не раскрывает К. Линч и огромного воздействия форм земельной собственности на пространственную организацию населенных мест и структуру межселенных территорий.

Книгу «Образ времени» открывает глава, в которой дан сжатый и точный анализ нескольких конкретных примеров различных путей развития городской среды, таких, как перестройка Лондона после катастрофического пожара 1666 г.; постепенный упадок Бата — английского аристократического курорта; превращение в «индустриальную пустыню» Сток-он-Трента (Англия); превращение Гаваны

в очаг социальной революции на Кубе. Далее автор говорит о сохранении следов прошлого в современных городах, подчеркивая, что это не самоцель. Сохранять информацию об ушедшем и контролировать современность в конечном счете нужно для того, чтобы сформировать наш образ будущего. Стремление утвердить направленность исторического процесса в формах материального окружения — лейтмотив, проходящий через всю книгу. Линч полагает, что градостроительство, исходящее в своих задачах из действий и поведения людей, должно рассматривать их организацию не только в пространстве, но и во времени, оно должно стать одной из форм управления изменениями деятельности и связанного с ней окружения.

Отношение Линча к проблеме развития физического окружения человека реалистично. Однако, поднимаясь на более высокие уровни абстракции в поисках раскрытия структуры отношений между пространством и временем, он занимает позицию, которую читателю, воспитанному в рамках иной культуры и иного мировоззрения, трудно воспринять. К. Линч придерживается точки зрения, что пространство и время — не объективные свойства бытия материи, а человеческие изобретения. Отсюда и стремление показать общее для всех время как некую конвенцию, необходимую лишь в связи с осуществлением определенных социальных процессов. Отсюда и ностальгические мотивы возможности ухода личности в некие свои системы отсчета времени (перекликающиеся с популярными лозунгами американской молодежной культуры конца 60-х годов). Разделы книги, посвященные времени, представляются нам наиболее спорными — здесь понимание времени как внутренней структуры субъекта выступает на первый план.

В предлагаемый читателю том работ К. Линча из книги «Образ времени» включены из десяти глав четыре, образующие ее концептуальное ядро. За пределами отобранного остались главы, посвященные конкретному анализу развития городов, глава о «внутреннем времени» и главы, посвященные возможным путям реализации идей, предложенных в книге.

В наиболее поздней по времени публикации работе «Осмысление региона» Линч говорит уже о том, как человеческие ощущения пространственных и временных структур, соединяющиеся в «чувстве региона», следует учитывать в решении планировочных задач. Здесь как бы синтезируются положения, раздельно изложенные в более ранних книгах. Существенное отличие последней книги и в том, что центр внимания переносится с анализа среды и ее восприятия на методику исследований, необходимых для осуществления проектирования, и на само проектирование.

Линч здесь не ограничивается формулировкой исходных принципов идеальной методики проектирования. Он предлагает детально разработанные перечни проектных задач, которые, с его точки зрения, следует ставить, и критерии, которым должны удовлетворять решения проектировщиков. При этом принципы анализа среды и методов проектирования, формулируемые Линчем, привязаны кон-

кретно к современной Америке, но универсальны в своей основе. Он предлагает для развивающихся систем своеобразный «проект-процесс». Его основа — каркас замысла, охватывающий всю территорию региона и намечающий тенденции развития среды и управления ею, абстрагированные от конкретности формы. Очень подробно моделируется некое идеальное планировочное управление региона, которое могло бы в условиях США развернуть деятельность по комплексной организации среды с учетом ее чувственно воспринимаемых качеств. В этой «административной утопии», несколько растянутой и изобилующей подробностями, содержится много ценных мыслей о создании в рамках проектирования механизмов связи между проектировщиками, пользователями и средой, служащей объектом деятельности. Предлагаемая методика любопытна сама по себе как методологическая модель, но она позволит читателю сделать и выводы, выходящие далеко за пределы сюжетов книг Линча и сравнимые для иных задач, иных условий, иных «правил игры».

С выходом этой книги цикл исследований Кевина Линча, посвященных проблемам восприятия среды и «очеловечивания» городского окружения, получил некую законченность. Книга образует завершающую часть русского издания, куда вошли ее основной текст и одно из приложений, дополняющее характеристику метода исследований «сенсорного качества» региона. (В перевод не включены остальные приложения, содержащие обзор градостроительных проектов, а также обзор литературы и терминологический словарь.)

Собранные вместе три главные работы Кевина Линча обрисовывают одно из наиболее содержательных явлений в современной теории градостроительства и архитектуры. Очень естественно выросшие из внимательных наблюдений и исследования весьма специфичной действительности американских городов, они выведены на уровень теоретического обобщения, где из-за конкретного проступает универсальное. Отнюдь не связаны какой-то местной ограниченностью разработанные Линчем методы исследования городских структур, методы формирования и оценки проектных решений. Плодотворно и общее направление его мысли, сконцентрированной на системных свойствах городских структур и их значении для человеческого бытия.

Д-р архитектуры, проф. А. Иконников

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Наше, выраженные в этих трех книгах, переведенных частично или полностью, основана на североамериканском опыте со всеми его надеждами и трудностями. Я не уверен, что в своей конкретной форме они соответствуют тому, к чему стремятся в Советском Союзе. Но лежащее в основе моих работ требование — прямое восприятие человеком своего окружения должно быть главным критерием его ценности — может иметь отклик русских читателей. Наша общая озабоченность гуманными целями может объединить нас в эти тревожные времена.

К. Линч

I. Образ города

Образ окружения

Подобно произведению архитектуры, город представляет собой конструкцию в пространстве, но гигантского масштаба, нечто такое, что можно воспринять только за продолжительное время. Поэтому проектирование города — это временное искусство, хотя в нем редко удается использовать контролируемую последовательность, характерную для других временных искусств, например музыки. В разных ситуациях и для разных людей порядок города перевертывается, перебивается, рассекается или вовсе отбрасывается. Город можно воспринимать при любом освещении и при любой погоде.

В любой момент здесь всего гораздо больше, чем глаз способен различить, чем ухо способно расслышать; вид или обстановка словно ожидают, чтобы их исследовали. Все воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте. Вашингтон-стрит, перенесенная в чистое поле, может и будет напоминать торговую улицу в сердце Бостона, но покажется совершенно другой. У всякого горожанина есть свои ассоциации, связанные с какой-либо частью города, и этот персональный образ проистекает из воспоминаний и значений.

Подвижные элементы в городе, и особенно люди и их деятельность, столь же существенны, как его неподвижные материальные части. Мы не только зрители этого спектакля, мы сами — его участники. Чаще всего наше восприятие города отнюдь не последовательно, оно скорее фрагментарно, переплетено с другими заботами. Почти все чувства подключены к этому процессу, и результирующий образ создается их взаимодействием.

Город не только объект, воспринимаемый (и, возможно, доставляющий удовольствие) миллионами людей, различающихся социальной позицией и характером. Это еще и продукт деятельности множества застройщиков, постоянно изменяющих его структуру на основе собственных соображений. Будучи в общих очертаниях какое-то время стабильной, эта структура вечно изменяется в деталях, а ее рост и форма поддаются контролю только частично. Здесь не бывает окончательного результата — только непрерывная последовательность состояний. Не удивительно поэтому, что искусство формирования городов — особое искусство, обособленное и от архитектуры, и от музыки или литературы. Оно может многому научиться у этих искусств, но не может подражать им.

Прекрасное или очаровательное городское окружение — такая редкость, что многие называли бы его невозможным. Ни один из американских городов, превышающих размерами деревню, не обладает непрерывностью высокого качества, хотя в нескольких городах есть очень неплохие фрагменты. Стоит ли удивляться тому, что большинство американцев слабо себе представляют, что такое жить в це-

лостном окружении. Они осознают уродливость мира, в котором живут, и много шумят по поводу пыли, дыма, духоты, толчеи, хаотичности и вместе с тем монотонности окружения. Но им трудно представить потенциальную ценность гармоничного окружения, на которое они разве что успели бегло взглянуть в роли туристов. Им трудно представить себе окружение как источник повседневного наслаждения, как житейскую гавань или как расширение осмысленности и богатства мира.

Ясность прочтения

Задача автора книги — рассмотреть визуальные качества американских городов, исследовав тот мысленный образ города, которым располагают его жители. Особое внимание мы сосредоточим на одном визуальном качестве — очевидной ясности, или читаемости, городского ландшафта, понимая под этим легкость, с которой части города распознаются и складываются в упорядоченную картину. Читаемым городом мы назовем такой, в котором районы, ориентиры или пути легко определяются и легко группируются в целостную картину.

Цель книги — отстоять взгляд, согласно которому читаемость имеет ключевое значение в сложении города, и показать, как эту концепцию можно было бы использовать сейчас в перестройке наших городов. Эта работа — попытка найти некоторые идеи и предложить способы их проверки и развития. Поэтому тон книги размышляющий и, пожалуй, несколько безответственный, сочетающий колебание и твердую уверенность. В первой главе разворачиваются некоторые основные идеи, в последующих главах рассмотрены их приложения на материал: нескольких американских городов и результирующие следствия для проектирования городов.

Хотя ясность, или читаемость, никоим образом не единственная важная особенность прекрасного города, при размышлении об окружении, обладающем городским масштабом величин, времени и сложности, она приобретает особое значение. Чтобы постигнуть это, необходимо понять город не просто как «вещь в себе», но как город, воспринимаемый его обитателями.

В опознании и упорядочении восприятия окружения участвует множество ощущений: визуальные ощущения цвета, формы, движения или поляризации света, равно как и обоняние, слух, осязание, кинестетика, чувство тяжести и, возможно, электрических и магнитных полей.

Виды ориентирования, начиная с перелетов ласточек через океан и кончая движениями моллюска на микротопографии камня, описаны в соответствующей литературе. Психологи изучают эту способность и у человека, и хотя некоторые загадки еще не решены, существование какого-то мистического «инстинкта» ориентации маловероятно. Скорее речь идет о постоянном использовании определенных ощущений внешней среды. Характер организации этих ощуще-

ний имеет фундаментальное значение для эффективности свободно движущейся жизни и даже самого ее существования.

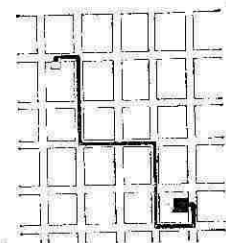
В современном городе чувство полной потери ориентации, пожалуй, редкость. Нас поддерживает присутствие других людей, нам помогают специальные устройства для отыскания дороги: схемы, названия улиц, дорожные знаки, надписи автобусных маршрутов. Но стоит хоть раз потерять ориентацию, и ощущение беспокойства и даже страха немедленно показывает нам, как тесно связано чувство ориентации с чувством душевного равновесия и благополучия. Само слово «потерялся» в нашем языке значит гораздо больше, чем географическая неопределенность, оно несет в себе оттенки полной катастрофы.

В процессе отыскания пути образ окружения, обобщенная мысленная картина окружающего материального мира в сознании человека имеют ключевое значение. Этот образ одновременно и результат непосредственного ощущения, и память о прошлом опыте, и он играет принципиальную роль как в осмыслении информации, так и в руководстве действием.

Необходимость распознать и мысленно обрисовать окружающую нас обстановку столь существенна и так глубоко укоренилась в нашем сознании, что такой образ обладает для индивида и практической, и эмоциональной важностью.

Очевидно, что ясность образа окружения позволяет легко и быстро перемещаться с целью отыскания нужного объекта. Но упорядоченное окружение содержит в себе и нечто большее: оно может служить широчайшей системой отнесения, организующей деятельность, представления или знания. На основе понимания структуры Манхаттана, к примеру, можно упорядочить существенное количество фактов и представлений о природе мира, в котором мы живем. Как и любой добротный каркас, такая структура предоставляет каждому возможность выбора и служит опорой для накопления дальнейшей информации. Ясный образ окружения является, таким образом, солидным основанием для саморазвития индивида.

Живое и собранное материальное окружение, которое можно отразить в четко отфокусированном образе, играет и социальную роль. Оно способно служить подосновой для знаков коммуникации внутри группы, для коллективной памяти. Запоминающийся ландшафт — это каркас, на котором примитивная культура воздвигала свои социально значимые мифы, а общие воспоминания о родном городе сплошь и рядом бывали первой и самой простой основой контакта между солдатами во время войны.

В противовес беспокойству, вызываемому утерей ориентации, добротный образ окружения дает важное чувство эмоционального комфорта и помогает установить гармоничные отношения между личностью и внешним миром.

В самом деле, характерное, легко читаемое окружение не только несет с собой чувство безопасности, но и повышает потенциальную глубину, интенсивность человеческого опыта. Хотя жизнь и возможна в визуальном хаосе современного города, те же повседневные действия могут приобрести дополнительное значение, если они осуществляются в более животворном окружении. Потенциально город сам по себе — символ сложности общества, и, если зрительно он хорошо организован, этот символ приобретает сильную выразительность.

На утверждение о важности читаемости окружения можно возразить, что человеческий мозг обладает чудесной приспособляемостью, что после некоторого опыта можно научиться находить дорогу в самом беспорядочном и бесформенном окружении. Есть немало примеров точной прокладки маршрута через «бездорожье» моря, песков, льдов или сквозь переплетение джунглей. Но и в море есть солнце и звезды, ветры, течения, птицы и цвет воды, без чего свободная навигация была бы невозможной. Тот факт, что только самые умелые профессионалы способны водить суда в Полинезии, да и то лишь после длительной тренировки, подчеркивает трудности, создаваемые этим специфическим окружением. Стресс и неврозы сопровождают даже отлично подготовленные экспедиции.

Говоря о городском окружении, следует заметить, что почти каждый, если только будет внимателен, способен находить путь в Джерси-сити, но опять-таки только ценой усилий и некоторой растерянности. Кроме того, отсутствуют позитивные ценности читаемого окружения: эмоциональное удовлетворение, каркас для коммуникации или создания концепций, та новая глубина, которую оно могло бы привнести в повседневный опыт. Этого мы лишены, даже если наше сегодняшнее городское окружение не столь беспорядочно, чтобы вызвать стресс у тех, кто близко соприкасается с ним.

Следует признать, что есть некая ценность в таинственности, в лабиринте, в неожиданности окружения. Многие из нас получают удовлетворение в Луна-парке, и есть несомненное очарование в кривых улочках Бостона. Это так, но только при соблюдении двух условий. Прежде всего не должно ощущаться опасности полной утраты понимания основной формы или чувства ориентации, не должно возникать страха, что никогда не удастся выбраться. Неожиданности должны случаться в рамках определенного сценария, беспорядок должен занимать лишь малые фрагменты видимого целого. И, во-вторых, лабиринт или таинственность должны сами по себе обладать некоторой формой, которую со временем можно исследовать и освоить.

Все сказанное приводит к выводу, что сам зритель должен играть активную роль в восприятии мира, занимать творческую позицию

в создании его образа, иметь возможность изменять этот образ, чтобы привести его в соответствие с новыми нуждами. Окружение, упорядоченное во всех деталях, может воспрепятствовать возникновению новых форм деятельности. И хотя это вряд ли резонно считать ключевым вопросом в нашем нынешнем городском хаосе, важно отметить, что мы стремимся не к завершенному порядку, а открытому, способному развиваться.

Формирование образа

Образы окружения суть результат обратной связи между наблюдателем и его окружением. Окружение предлагает членения и зависимости, а наблюдатель, обладая высокой степенью приспособляемости и исходя из собственных нужд, отбирает, организует и наделает значением то, что он видит. Будучи сформированным, образ начинает ограничивать круг воспринимаемого и подчеркивать что-то в нем; сам же он постоянно испытывается в столкновении с отфильтрованными через него впечатлениями в процессе неустойчивого взаимодействия. Уже поэтому образы данной действительности могут существенно различаться у разных наблюдателей.

Связность образа может складываться разными путями. В действительном объекте может быть мало упорядоченного или примечательного, однако его мысленный образ приобретает характерность и организованность за время длительного знакомства. Кто-то может легко выделить нужные предметы среди того, что другому покажется полным беспорядком на рабочем столе. В то же время объект, увиденный впервые, может быть опознан и осмыслен не потому, что он знаком как таковой, но в силу того, что он соответствует стереотипу, уже сложившемуся у наблюдателя. Американец всегда опознает аптеку на углу, хотя она может быть и неразличимой для бушмена. Наконец, новый объект может навязать структуру опознаваемости в силу наличия каких-то выразительных характеристик, явно имеющих своеобразную упорядоченность или кажущихся упорядоченными. Так, море или гора способны приковать к себе внимание путника, движущегося с равнины, даже если он столь юн или столь ограничен, что не знает, что это такое.

Будучи манипулятором материальным окружением, градостроители заинтересованы прежде всего внешними носителями того взаимодействия, что порождает образ окружения. То или иное окружение может помогать процессу формирования образа или, напротив, препятствовать ему. Произвольно взятая форма — изысканная ваза или комок глины — несет в себе высокую или низкую вероятность формирования яркого образа у различных наблюдателей. По-видимому, такая вероятность закрепляется все интенсивнее по мере того, как наблюдатели будут группироваться во все более однородные «классы» по возрасту, полу, культурной подготовке, занятиям, темпераменту. Каждый формирует и несет в себе самостоятельный образ окружения, но между членами одной группы возникает некоторое

принципиальное согласие. Именно такими групповыми образами, которыми выявляются единодушие в рамках значительных коллективов, интересуются градостроители, стремящиеся моделировать окружение для множества людей.

В связи с этим данное исследование оставляет в стороне индивидуальные различия, сколь бы они ни были любопытны психологу. Нас будут интересовать прежде всего «общественные образы», картины, принадлежащие множествам обитателей города, — своего рода зоны согласия, возникающие во взаимодействии общей материальной действительности, общей культуры и базисной физиологической общности.

Системы ориентации широко варьируются, меняясь от культуры к культуре, от ландшафта к ландшафту. Мир может быть упорядочен системой ключевых точек или расчленением на районы с собственными названиями, или пронизан закрепленными в памяти маршрутами. Однако, сколь бы ни различались способы упорядочения, сколь бы ни казалось бесконечным число потенциальных «ключей», с помощью которых можно расчленять видимый мир, все они указывают на единство средств, которые мы используем для определения своего местонахождения в нашем городском мире. Действительно, какие бы примеры мы ни взяли, большинство их будет так или иначе соответствовать абстрактным типам элементов образа города: путь, ориентир, граница, узел, район.

Структура и опознаваемость

При анализе образ окружения может быть расчленен на три компонента — опознаваемость, структуру и значение, хотя следует помнить, что в действительности все эти компоненты проявляются одновременно. Для «работающего» образа необходимо, во-первых, опознаваемость объекта, предполагающая различение его среди других. Во-вторых, образ должен включать в себя пространственную или формальную соотносительность объекта с наблюдателем и другими объектами. В-третьих, объект должен иметь какое-то практическое или эмоциональное значение для наблюдателя. Значение — тоже связь, но совсем иной природы, чем пространственная или формальная.

Так, образ, необходимый для того, чтобы выйти откуда-то, предполагает распознавание двери как определенной сущности, ее пространственной соотносительности с наблюдателем и ее значения как проема наружу. Конечно, все это неразделимо: визуальное опознавание двери сопряжено с ее интерпретацией в роли двери. Однако допустимо анализировать дверь в категориях опознаваемости ее формы и определенности ее местонахождения, как если бы и то и другое предвзято установление ее значения.

Такие аналитические действия, наверное, бессмысленны в отношении двери, но отнюдь не бессмысленны в процессе исследования городского окружения. Прежде всего, вопрос значения в городе весьма

далек от простоты. Менее вероятно, что значения групповых образов согласуются на этом уровне, а не в восприятии сущностей и взаимоотношений. Более того, манипуляция предметами гораздо меньше влияет на значение, чем на два других компонента образа. Если наша задача — строить города так, чтобы они доставляли удовольствие массам людей с весьма различным характером (да еще такие города, чтобы они были способны удовлетворять будущие потребности), быть может, самое разумное — сосредоточиться на предметной ясности образа, предоставив значению формироваться без нашего прямого вмешательства. Образ, который несет силуэт Манхэттана, может означать жизненную силу, мощь, упадок, тайну, переуплотненность, величие или что-то другое, но в любом случае его резкая очерченность и уточняет, и усиливает значение. Весьма различны могут быть индивидуальные значения города, даже если его формы обладают такой легкой усвояемостью, что представляется возможным отделить значение от формы, по крайней мере на первой стадии анализа. Таким образом, наше исследование сосредоточится на опознаваемости и структуре образов города.

Если образ должен служить ориентации в обжитом пространстве, он должен обладать определенными качествами. Он должен быть достаточным, верным в прагматическом смысле, т. е. давать индивиду возможность действовать в желаемых пределах окружения. Карта, точная или не очень, должна быть настолько удовлетворительна, чтобы с ее помощью можно было добраться в желаемый пункт. Она должна быть читаемой, т. е. достаточно ясной и обобщенной, чтобы экономить интеллектуальные усилия. Она должна быть надежной — содержать некоторую избыточность «ключей», чтобы облегчить различные действия и свести к минимуму риск ошибки. Желательно также, чтобы образ обладал открытостью, способностью вместить в себя изменения, давая возможность продолжать исследование и упорядочивать действительность, — карте нужны широкие пустые поля, на которых можно продолжить рисунок. Разумеется, сравнительная важность этих критериев «хорошего» образа у разных людей различна: один предпочтет экономную и надежную систему, другой — открытую и общепонятную.

Вообразимость

Поскольку нас интересует предметное окружение в роли независимой переменной, мы будем искать предметные качества, которые соответствовали бы атрибутам опознаваемости и структуре мысленного образа. Это приводит к необходимости определить то, что лучше всего назвать вообразимостью, — такое качество материального объекта, которое может вызвать сильный образ в сознании произвольно избранного наблюдателя. Это такие формы, цвет или композиция, которые способны облегчить формирование живо опознаваемых, хорошо упорядоченных и явно полезных образов окружения. Это качество можно было бы также назвать читаемостью или, быть

может, видимостью в усиленном смысле, когда объекты не просто можно видеть, но они навязывают себя чувствам обостренно и интенсивно.

Полвека назад Стерн [74] обсуждал такое качество у художественного предмета, назвав его очевидностью. Хотя искусство, конечно же, несводимо к одному лишь этому свойству, Стерн считал, что одной из его двух базисных функций является «создание образов, которые благодаря ясности и гармонии формы удовлетворяют потребность в непосредственной постижимости видимого». По мнению Стерна, это необходимая первая ступень к выражению внутреннего содержания.

Легковообразимый в указанном смысле город будет казаться хорошо сформированным, ясным, примечательным, побуждающим внимание и соучастие зрения и слуха. Чувственное проникновение в такое окружение будет не только и не столько упрощенным, сколько расширенным и углубленным. Это город, который со временем будет постигаться как целостная картина, состоящая из многих различных частей, ясно связанных между собой. Уже знакомый с ним восприимчивый наблюдатель может впитывать все новые впечатления без разрушения имеющегося у него обобщенного образа, и каждый новый импульс будет затрагивать множество ранее накопленных впечатлений. В таком городе он может легко ориентироваться и легко передвигаться, отдавая себе отчет в том, что его окружает. Венеция может служить примером такого окружения, обладающего высокой степенью вообразимости. В США хочется назвать некоторые фрагменты Манхэттана, Сан-Франциско, Бостон и, наверное, Чикаго со стороны озера Мичиган.

Все это соответствует нашему определению. Идея вообразимости не обязательно означает нечто жестко фиксированное, ограниченное, точнее, унифицированное или регулярно упорядоченное, хотя может и включать любое из этих качеств. Эта идея не означает также что-то непременно охватываемое с одного взгляда, очевидное или элементарное. Окружение в целом должно быть приведено к очень сложной системе, тогда как слишком очевидный образ скоро наскучивает и способен выявить лишь немногие черты живого мира.

Поскольку формирование образа — двусторонний процесс, объединяющий наблюдателя и наблюдаемое, существует возможность усилить образ или переучив наблюдателя, или перестроив окружение. Можно выдать зрителю символическую диаграмму, показывающую ему, как все в мире взаимосвязано, — карту или набор печатных инструкций. До тех пор, пока можно сравнивать действительность с диаграммой, есть некий ключ к взаимоотношениям вещей. Можно даже создать машину, дающую указания, что недавно и было сделано в Нью-Йорке [49]. Подобные устройства весьма полезны для получения сводных данных, например, о транспортных пересадках, но они должны работать, чтобы можно было ориентироваться с их помощью, да и в само устройство нужно непрерывно вводить поправки на изменения действительности. Случаи умствен-

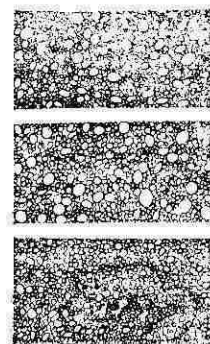
ных расстройств в достаточной мере иллюстрируют степень стресса и усилий, сопровождающих тех, кто пытается полностью полагаться на подобные средства. К тому же в этом случае исчезают опыт установления взаимосвязей, глубина живого образа.

Можно, конечно, натренировать наблюдателя. Браун отмечает, что лабиринт, через который предложили пройти испытуемым с завязанными глазами, показался им вначале неразрешимой проблемой [8]. После повторений некоторые части рисунка пути, особенно его начало и конец, стали знакомыми, и по ним устанавливался характер участка. Наконец, когда испытуемым удалось научиться проходить лабиринт без ошибки, вся система стала казаться знакомой местностью. Де Сильва описывает случай с мальчиком, который, казалось, обладал «автоматической» ориентацией по странам света, но, как выяснилось, он тренировался с раннего детства (под руководством матери, которая не могла различать правое и левое) — различать «восточную сторону веранды» и «южный конец гардероба» [7].

Отчет Шилтона о разведке подъема на Эверест содержит яркий пример такого обучения [70]. Двигаясь к Эвересту с нового направления, Шилтон немедленно опознал пики и долины, которые он хорошо знал с северной стороны. Однако сопровождавший его проводник шерп, которому оба подхода были равно известны, никогда не отдавал себе отчета в том, что это те же самые ориентиры, и был радостно удивлен такому «открытию».

Килпатрик описывает процесс обучения восприятию, когда новые импульсы не укладываются в прежние рамки образа [41]. Этот процесс начинается с наложения описания гипотетических форм, способных объяснить новые импульсы, на сохраненные иллюзии восприятия ранее виденных форм. Личный опыт большинства из нас подтверждает устойчивость иллюзорного образа в течение долгого времени, когда его неадекватность логически уже установлена. Мы всматриваемся в лесную чащу и видим только солнечные блики на листьях, но предупреждающий звук говорит нам, что где-то там спряталось животное. Теперь спрятавшееся животное можно обнаружить по блеску его глаз. Повторение опыта изменяет весь ход восприятия, и наблюдателю уже не нужно сознательно отыскивать признаки, выдающие присутствие животного, дополнять прежнюю мысленную конструкцию новыми данными. У него уже сложился образ, который «сработает» и в новой ситуации, так как кажется естественным и верным. Просто внезапно спрятавшееся животное «очевидным образом» распознается среди листвы.

Точно так же нам необходимо научиться видеть скрытые формы в наших расплывшихся во все стороны городах. Мы не приу-

чены упорядочивать и представлять себе искусственное окружение столь крупномасштабного характера, но сама наша деятельность вынуждает к этому. Курт Закс приводит пример неспособности установления взаимосвязей при несовпадениях выше определенного уровня [64]. У североамериканских индейцев партии голоса и барабана подчинены столь разному темпу, что воспринимаются независимо. В поисках музыкальной аналогии в нашем мире Закс приводит церковную службу, в ходе которой мы никак не согласовываем хор внутри церкви с колокольным звоном снаружи.

В наших гигантских метрополиях мы тоже не связываем хор и колокола; как шерпы, мы видим только стороны Эвереста, но не видим самой горы. Расширить и углубить восприятие окружения — значит продолжить долгую биологическую и культурную эволюцию, в которой произошли уже переходы от контактного чувства осязания к дистанционному зрению и слуху, а от этих дистанционных чувств — к символической коммуникации. Наш тезис сводится к тому, что мы теперь в состоянии развивать образ окружения как путем воздействия на внешнюю материальную форму, так и процессом самообучения (см. гл. IV).

Примитивный человек был вынужден совершенствовать образ окружения, адаптируя восприятие к данному ландшафту. Он мог вносить лишь малые изменения в свое окружение, насыпая кучи камней, зажигая сигнальные костры или нанося зарубки на деревья, однако существенные модификации с целью достижения зримой ясности и визуального взаимодействия были осуществимы только в масштабе жилища или священного участка. Только мощные цивилизации способны существенным образом влиять на все окружение. Сознательная же перестройка материального окружения в крупных масштабах оказалась возможной совсем недавно, и поэтому проблема вообразимости окружения достаточно нова. Технически мы теперь в состоянии формировать совершенно новые ландшафты в короткие сроки времени, как это произошло на голландских польдерах. Здесь проектировщики уже столкнулись с вопросом, как сформировать всю «сцену», чтобы зритель сумел опознать ее элементы и структурировать целое [30].

Мы способны быстро построить функциональный блок, целый район, но нам еще нужно осознать, что и то и другое, помимо всего прочего, должно обладать соответствующими образами. Сьюзен Лангер схватывает самую суть этой проблемы в своем афористическом определении архитектуры — «это придание очевидности всему окружению» [42].

Три города

Чтобы понять роль образов окружения в нашей городской жизни, необходимо внимательно взглянуть в несколько городов и побеседовать с их обитателями. Нужно разработать и опробовать идею вообразимости и, сравнивая образ с видимой действительностью,

определить, какие формы способны создавать сильные образы, и тогда предложить некоторые принципы для проектирования города. Мы провели такую работу исходя из убеждения, что анализ существующих форм и их воздействия на горожан является одним из краеугольных камней проектирования города, и к тому же надеясь, что в виде побочного продукта удастся получить полезную методику полевого исследования и проведения интервью с горожанами.

Анализу подлежали зоны центра трех американских городов: Бостона, Джерси-Сити и Лос-Анджелеса. Бостон уникален среди американских городов и по живости форм, и по обилию трудностей ориентации. Джерси-Сити был избран в силу его очевидной бесформенности, содержащей (с первого взгляда) предельно низкий уровень вообразимости. Наконец, Лос-Анджелес — город с совершенно иной масштабностью и решетчатым планом зоны центра. В каждом случае для исследования была взята зона центра приблизительно $4 \times 2,5$ км.

В каждом из этих городов мы провели два основных исследования*.

1. Опытный наблюдатель провел систематическое полевое исследование района, нанося на карту различные элементы, их различимость, слабость или силу образа, наличие и отсутствие связи и других взаимодействий между ними. Он же отмечал любые формы, облегчающие или затрудняющие сложение структуры потенциального образа. Все это — субъективные суждения, опирающиеся на непосредственную фиксацию появления таких элементов одного за другим.

2. Небольшая группа горожан стала объектом продолжительных интервью, имеющих целью пробудить их собственные образы материального окружения. Интервью включали ответы на просьбы описать, локализовать, зарисовать его и провести воображаемую прогулку. Опрашиваемые принадлежали к числу тех, кто давно живет или работает в этой зоне, так чтобы их дома или места работы были разбросаны по ее территории.

Было опрошено около 30 человек в Бостоне и по 15 в Джерси-Сити и Лос-Анджелесе. В Бостоне в дополнение к основному исследованию предлагались тесты на опознание по фотографии, проводились действительные прогулки и многократные опросы о дороге у прохожих на улице. К тому же некоторые элементы бостонской «сцены» стали объектами детального полевого исследования.

Методика описана и оценена в Приложении I. Малый объем выборки и отклонения, вызванные профессиональной принадлежностью опрошенных, не дают права считать, что нами воссоздан правдивый «образ в массовом сознании». Но материал позволяет строить немалое число предположений; он обладает достаточной однородностью, чтобы заключить: некоторые групповые образы в самом деле

* См. Приложение I.

существуют и использованные средства удовлетворительны, чтобы частично их обнаружить. Независимое полевое исследование довольно точно предсказало групповой образ, выявленный в ходе интервью, что ясно подчеркнуло роль предметных форм как таковых.

Сама концентрация маршрутов и мест работы способна вызвать однородность группового образа, так как она подставляет взгляду многих одни и те же элементы. Исторические или социальные ассоциации, имеющие источником отнюдь не визуальную информацию, лишь усиливают сходство реакций. Но нет сомнения в том, что форма окружения как таковая сыграла огромную роль в сложении образа. Совпадения описаний, их яркости, совпадения ошибок там, где, казалось бы, долгое знакомство должно было вызвать знание, — все это служит подтверждением, и именно на отношении между образом и предметной формой мы можем сосредоточить внимание.

Четкие различия вообразимости трех городов проявились со всей силой, несмотря на то что все опрошенные несколько корректировали свое отношение к окружению. Некоторые особенности — открытые пространства, зелень, особенно оживленные пути, зрительные контрасты — оказались имеющими особую значимость в оценке городского ландшафта. Данные, полученные путем сопоставления групповых образов и видимой действительности, и осмысление этих данных заполняют почти всю книгу. Анализ этого материала и вызвал идеи вообразимости и типологии элементов, обсуждаемые в гл. III, и позволил их уточнить или разработать.

Бостон

Район Бостона*, избранный для исследования, — это средняя часть полуострова, ограниченная Массачусетс Авеню. Это район нетипичный для американских городов в силу его старости, исторической судьбы и несколько европейского духа. Он включает коммерческое ядро всей агломерации и несколько жилых районов высокой плотности — от трущоб до первоклассных жилых групп. На рис. 1 представлен общий вид района с воздуха, на рис. 2 — его схематическая карта, на рис. 3 — диаграмма, на которую нанесены основные визуальные элементы, выявленные полевым исследованием.

Почти для всех опрошенных Бостон — город четко определенных районов и кривых, запутанных путей. Это грязный город с краснокирпичной застройкой, а его символами служат площадь Бостон Коммон, здание Капитолия штата с его золоченым куполом и вид через Чарлз-ривер со стороны Кембриджа. Большинство добавляет, что это старое, историческое место, полное ветхих зданий, среди ко-

* Бостон — город на северо-востоке США, столица штата Массачусетс, 615 тыс. жителей (1974 г.), с пригородами — 2,9 млн. Основан в 1630 г. В XVIII в. — один из центров борьбы за независимость США. Имеет крупный порт, развитую промышленность. Один из главных центров науки и образования в США. (Прим. науч. ред.)

Рис. 1. Бостон, полуостров, вид с севера

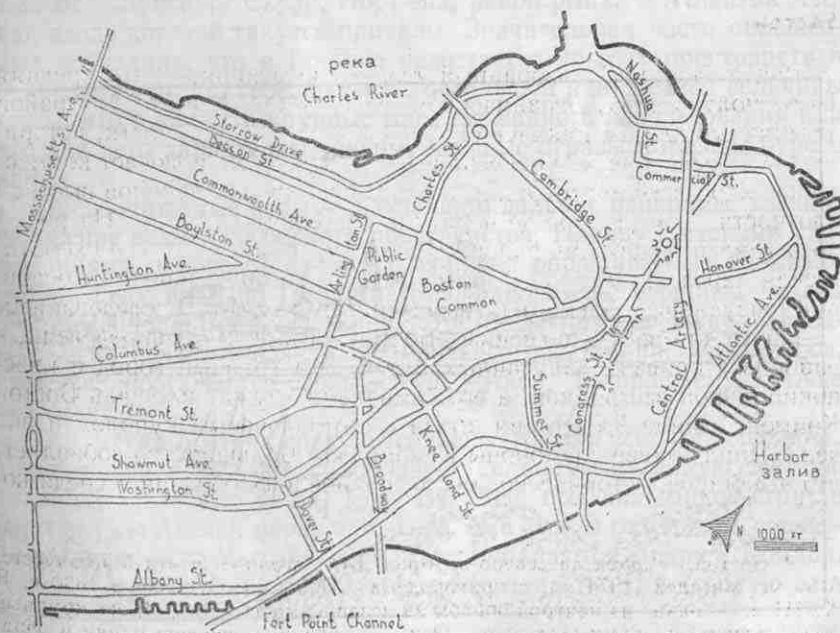
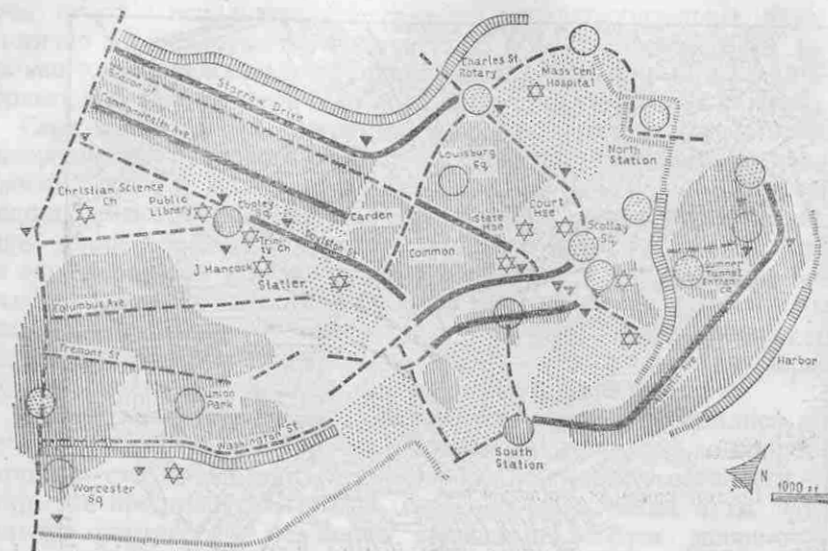

Рис. 2. Бостон, схема планировки

ГЛАВНЫЕ
ЭЛЕМЕНТЫ
ВТОРОСТЕПЕННЫЕ
ЭЛЕМЕНТЫ

путь граница узел район ориентир

Рис. 3. Диаграмма визуальной формы Бостона, полученная в ходе исследований

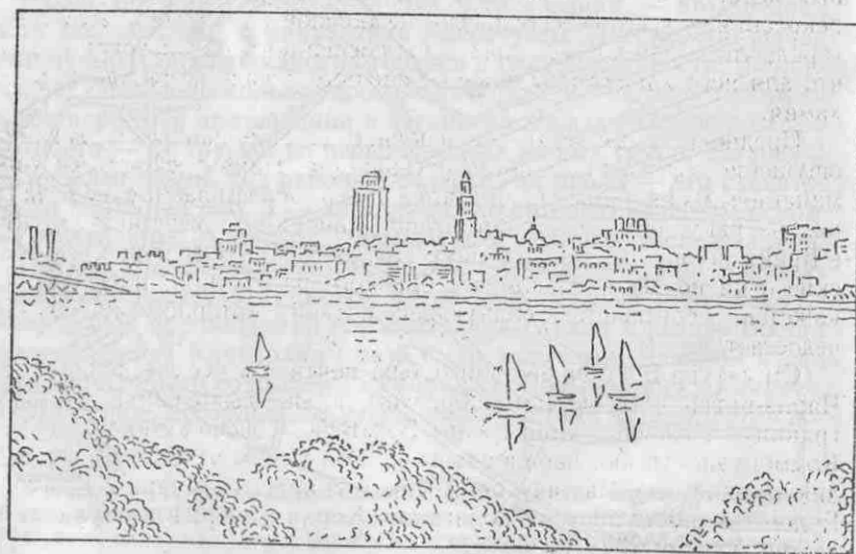

Рис. 4. Вид Бостона с другого берега

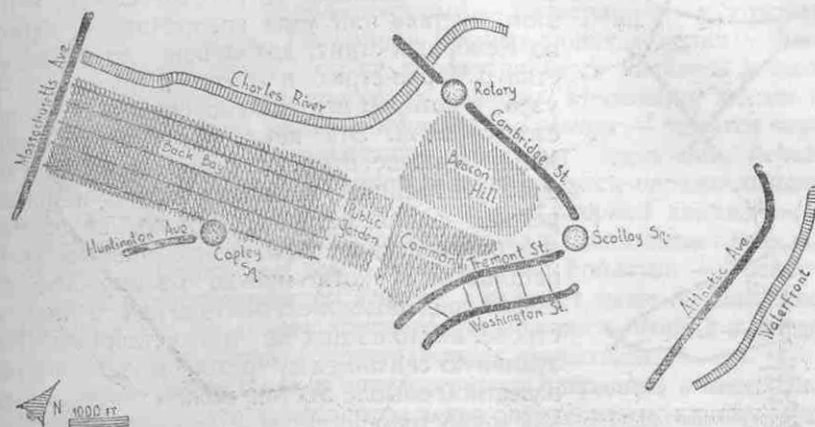

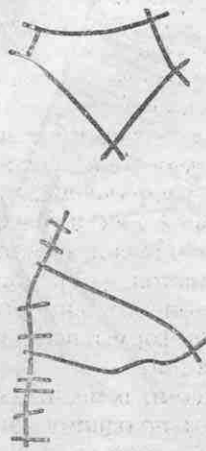
Рис. 5. Бостон, каким его знают все

торых, однако, есть и новые сооружения. Его узкие улицы забиты людьми и машинами, нет автостоянок, широкие главные улицы резко контрастируют с узкими боковыми. Центр города — полуостров. Помимо Коммон, Чарлз-ривер и Капитолия есть еще несколько запоминающихся элементов: Бикон Хилл, Коммонуэлс Авеню, район магазинов и театров по Вашингтон-стрит, Копли Скуэр, Бэк Бей, Луисбург Скуэр, Норт-энд, район рынка и Атлантик Авеню, вдоль которой тянутся причалы. Значительная часть опрошенных добавляла, что в Бостоне не хватает открытых пространств и рекреации, что это своеобразный, небольшой или средней величины город, что в нем есть крупные зоны смешанного использования или что для него характерны эркеры, кованые ограды и фасады бурого камня.

Предпочитаемые виды — в основном дальние панорамы, дающие ощущение воды и свободного пространства. Наряду с частыми упоминаниями панорамы из-за Чарлз-ривер опрашиваемые называли вид на реку вниз по Пинкни-стрит, панораму с вершины холма в Брайтоне, вид Бостона с залива. Другое любимое зрелище — городские огни ночью — издали и с близкого расстояния, когда город, кажется, обогащается волнующей ноткой, которой ему обычно не хватает.

Структура Бостона вразумительна почти для всех опрошенных. Чарлз-ривер с ее мостами образует сильно выявленную, четкую границу, а главные улицы зоны Бэк Бей, особенно Бикон-стрит и Коммонуэлс Авеню, параллельны ей. Эти улицы отходят от перпендикулярной реке Массачусетс Авеню и упираются в парк и Коммон. Рядом с этой группой располагается Копли Скуэр, в которую вливается Хантингтон Авеню.

Вниз от Коммон тянутся параллельные одна другой Тремонт-стрит и Вашингтон-стрит, пересекаемые меньшими улицами. Тре-

монт-стрит доходит до Сколли Скуэр, а от этого сустава или узла поворачивает обратно Кембридж-стрит, доходящая до перекрестка с Чарлз-стрит и круговой развязки — узла, в котором вся система снова связывается с рекой. Эта петля охватывает Бикон Хилл. Дальше от реки появляется другая сильная граница: Атлантик Авеню и набережная залива, которая, однако, не слишком определенным образом связана со всем остальным. И хотя многие из опрошенных имеют представление о Бостоне как о полуострове, никто из них не мог установить визуальную связь между рекой и заливом. В известном смысле Бостон можно представить как «односторонний» город, теряющий ясность очертаний по мере удаления от границы, образованной Чарлз-ривер.

Если наша выборка достаточно представительна, почти любой бостонец может сказать о городе вышеуказанное. И точно так же почти никто не в состоянии описать ряд других вещей — треугольную территорию между Бэк Бей и Саут-энд, «ничью землю» к югу от Норт-стейшн, то, как Бойлстон-стрит вливается в Тремонт-стрит или каков рисунок дорог внутри банковского района.

Один из самых любопытных участков — треугольник между Бэк Бей и Саут-энд — даже не может быть здесь показан: для всех опрошенных, даже для тех, кто здесь родился и вырос, это белое пятно на карте. Хотя в этом крупном районе есть известные детали вроде Хантингтон Авеню и некоторые ориентиры вроде комплекса крупных зданий штаб-квартиры церкви христианской науки, но нет системы, которая бы их объединяла. По всей видимости, и ограничивающий железнодорожный путь, и своего рода сжатие территории вследствие кажущейся параллельности главных улиц Бэк-Бей и Саут-энд приводят к такого рода «исчезновению» района.

Напротив, Коммон для многих оказывается ядром образного представления о городе: Коммон, равно как и Бикон Хилл, Чарлз-ривер и Коммонуэлс Авеню, чаще всего упоминаются как особенно яркие места. Нередко, пересекая город, люди специально сворачивают сюда, словно прикасаясь к опорному пункту. Коммон — большое озелененное открытое пространство, соприкасающееся с наиболее оживленным районом Бостона, вызывающее множество ассоциаций, доступное каждому, — ни с чем нельзя спутать. Коммон расположен так, что открывает границы трех важных зон: Бикон Хилл, Бэк Бей и торгового района даунтауна, поэтому это та клеточка, с которой всякий может начать углубление своего знания окрестностей. Более того, он и сам по себе сложно организован, включая маленькую площадь перед входом в метро, фонтан, Лягушачий пруд, эстраду, кладбище, Лебединый пруд и т. п.

К тому же это открытое пространство имеет весьма своеобразную трудно запоминающуюся форму — пятигранник, у которого главные углы прямые. Поскольку Коммон слишком велик и имеет по краю густую зелень, он не просматривается насквозь и люди нередко путаются при попытке его пересечь. Поскольку же две из ограничивающих его улиц — Бойлстон и Тремонт — тянутся через полгорода, сложности ориентации нарастают. Здесь они пересекаются под прямым углом, однако дальше кажутся параллельными, и обе отходят под прямым углом от общей опорной линии Массачусетс Авеню. Кроме того, главная торговая улица делает нескладный прямой поворот на том же перекрестке Бойлстон — Тремонт, суживается, заворачивается и вновь возникает выше по Бойлстон-стрит. Все это усиливает критическую неясность формы в сердце города, образуя основной порок системы ориентации.

Бостон — город с четко определенными районами, и местонахождение большинства точек центра легко определить по одному лишь общему характеру окружения. В одном из сечений мы сталкиваемся с непрерывной мозаикой различающихся частей в последовательности Бэк Бей — Коммон — Бикон Хилл — торговый район. Однако тематическая живость и разнообразие теснейшим образом связаны с бесформенностью или запутанностью окружения. Если бы районы Бостона имели наряду с определенностью характера еще и структурную ясность, производимое ими впечатление было бы значительно сильнее. В таком соотношении характеристик Бостон резко отличается от многих американских городов, где, напротив, формально упорядоченные зоны почти лишены характерности.

Если районы обладают яркой характерностью, то система путей в Бостоне совершенно запутана. Тем не менее функция связи столь

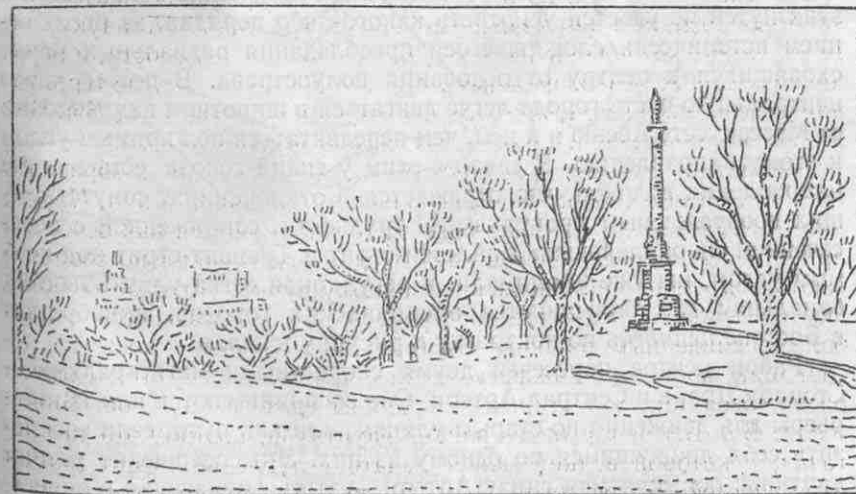

Рис. 6. Бостон. Коммон

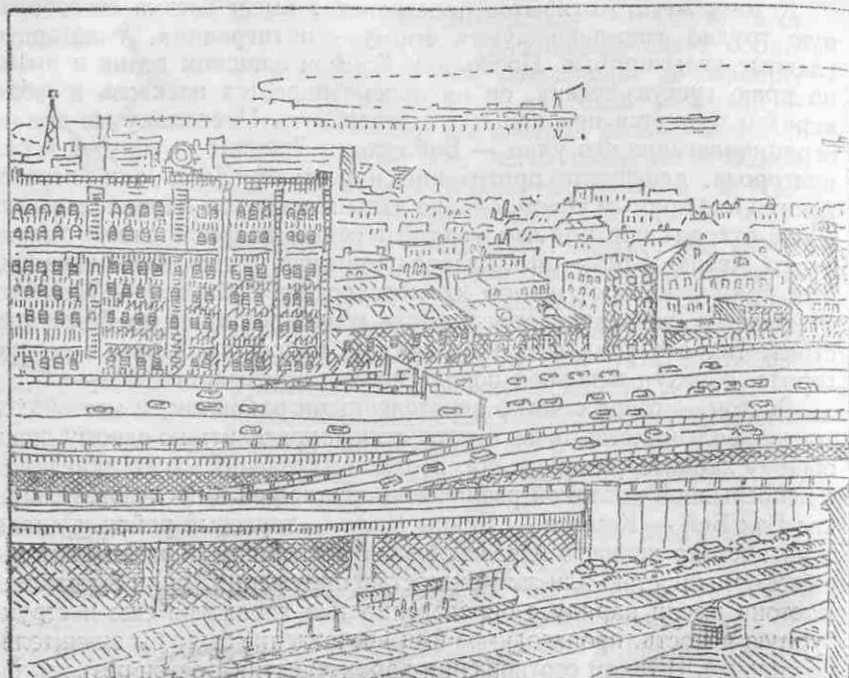

Рис. 7. Магистраль Централ Артери

важна, что пути занимают доминирующую позицию в общем образе — так же, как и в других исследуемых городах. В совокупности этих путей не удастся усмотреть какого-либо порядка, за исключением исторически сложившегося преобладания радиальных улиц, сходящихся к центру от основания полуострова. В целом через центральную часть города легче двигаться в широтном направлении от Массачусетс Авеню и к ней, чем передвигаться под прямым углом к этому направлению. В связи с этим у ткани города есть как бы направления волокон, что отражается в отклонениях, сопутствующих воображаемым прогулкам. О трудности, сопряженной с пересечением «параллельных» Бойлстон-стрит и Тремонт-стрит под прямым углом, мы уже упоминали, и регулярная сетка улиц Бэк Бей, банальная для большинства американских городов, приобретает в Бостоне ценность по контрасту к рисунку в целом.

Район центра пересечен двумя скоростными магистралями — Сторроу Драйв и Централ Артери. Обе воспринимаются или как барьеры для движения по старым улицам, или как пути, если вообразить себя движущимся по одному из них. Это совершенно разные картины: осмысливаемая снизу Артери — это возникающая в определенных местах массивная стена, выкрашенная в зеленый цвет; как путь — это лента, вздымающаяся, спадающая, поворачивающаяся,

усеянная знаками. Любопытно, что обе дороги ощущаются как «внешние» по отношению к городу, едва соотносящиеся с ним, хотя они пронизывают его. При этом Сторроу Драйв четко соотносена с Чарлз-ривер и уже этим вписана в общий рисунок города, тогда как Централ Артери непонятным образом врезается в центр и рвет ориентационную связь с Норт-энд, так как перегораживает Ганновер-стрит.

Некоторым частям системы путей свойственна сильная характерность. Но эта крайне иррегулярная система составлена из отдельных элементов, которые только нанизаны один за другим, если вообще связаны. В этой системе трудно вести автомобиль, ее трудно представить как единое целое, и с ней удастся совладать, лишь внимательно следя за последовательностью развязок. Эти развязки, или узлы, имеют в Бостоне исключительное значение, и нередко маловыразительные районы вроде Парк Скуэр определяют по перекресткам, служащим для них организующими фокусами.

На рис. 8 продемонстрирован способ обобщения при анализе образа Бостона, обобщения, пригодного как первый шаг к подготовке проектной модели. Это графическое сведение воедино основных недостатков образа города: невидности, «плавающих» точек, слабо выраженных границ, отрезанности, провалов последовательности, двусмысленности, размытости, отсутствия характера или узнаваемости. В соединении с выявленностью силы и потенциальных

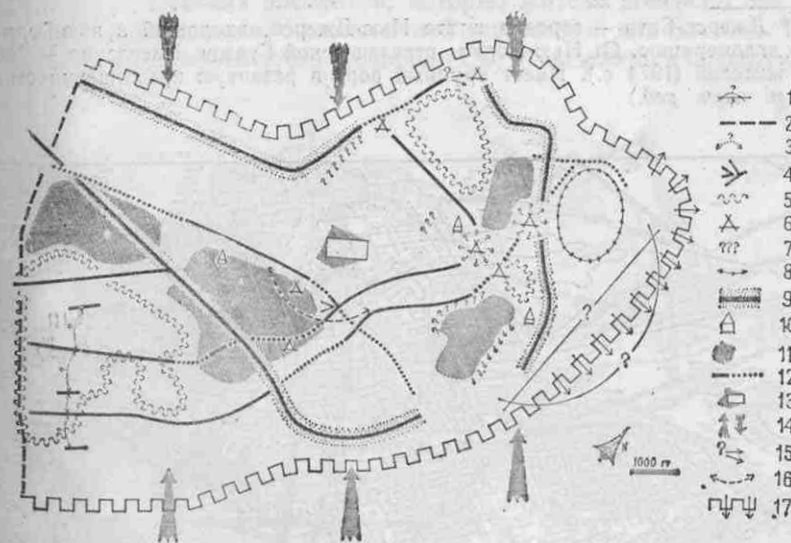

Рис. 8. Трудности формирования образа Бостона

1 — неясность направления; 2 — неформальность пути; 3 — неспособность к различению; 4 — неясность пересечения; 5 — слабость или отсутствие границы; 6 — точки утраты ориентации; 7 — невозможность соотношения; 8 — изолированность; 9 — отгороженный путь; 10 — башня без полошвы; 11 — хаотичность и (или) бесхарактерность района; 12 — разрыв пути; 13 — невидность формы; 14 — утеря ориентации по странам света; 15 — непонятная развилка; 16 — разрыв; 17 — разорванный и «спиритный» берег

Джерси-Сити

* Джерси-Сити — город в штате Нью-Джерси, входящий в нью-йоркскую агломерацию. От Нью-Йорка отделен рекой Гудзон. Население — 248 тыс. жителей (1974 г.). Имеет крупный порт и развитую промышленность. (Прим. науч. ред.)

Рис. 9. Джерен-Сити, вид с юга

Отсутствие характера немедленно обнажается при сопоставлении согласованных элементов, которые жители Джерси-Сити считают опознаваемыми, с аналогичной диаграммой для Бостона. Карта Джерси-Сити почти пуста. Журнал Скуэр выделяется из окружения

Рис. 10. Диаграмма визуальной формы Джерси-Сити, полученная в ходе исследования

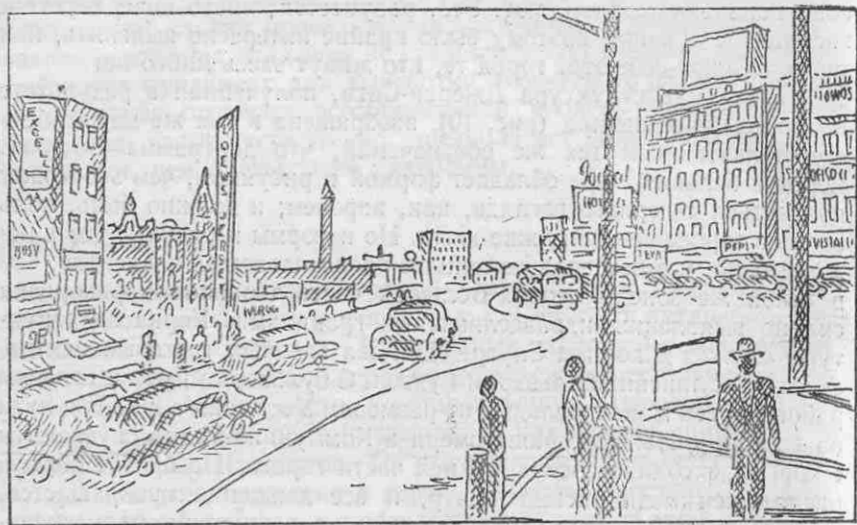

Рис. 11. Джорнал Скуэр

за счет сосредоточенных здесь объектов торговли и развлечений, но беспорядочное движение и пространственный хаос создают здесь чувство беспокойства и невразумительности. Не уступает этой площади и бульвар Гудзон. Затем называют Уэст-сайд-парк — единственный большой парк города, уподобляя его глотку свежего воздуха в восприятии общей ткани. Район Берген выделяется по классовой принадлежности как высший стандарт. Медицинский центр штата Нью-Джерси распознается безошибочно: белое высокое здание на бровке обрыва — гигант, расположившийся совершенно случайно в структуре города.

Из четко опознаваемого мало что еще можно добавить, исключая, разумеется, потрясающее зрелище силуэта Нью-Йорка в отдалении. Некоторые диаграммы дополняют образ города, выделяя особенно настоятельные практические нужды и отвечающие им главные пути, непрерывность которых делает их исключениями в сетке улиц Джерси-Сити. Опознаваемых районов и ориентиров предельно мало, и почти нет общеизвестных центров и узлов. Однако город обозначен несколькими ясными барьерами или разделяющими границами: надземными железными дорогами и автострадами, Палисадами, двумя береговыми линиями.

При изучении материалов интервью и эскизных зарисовок оказалось, что никто из опрошенных не представляет объемлющего образа города, в котором они живут годами. Схемы, как правило, носят фрагментарный характер, полны белых пятен и охватывают в основном небольшую территорию по соседству с домом. Обрыв воспринимается как резко изолирующий элемент, и на схемах или верхняя, или нижняя часть выделена как сильная, запоминающаяся, тогда

как связь между ними обозначена сугубо теоретически. Особенно трудно оказалось упорядочить нижнюю часть. Когда мы просили дать самую общую характеристику города, чаще всего отвечали, что его нет как целого, что нет центра, что это не город, а собранные в кучу поселки. Вопрос «с чем ассоциируются слова «Джерси-Сити»?» оказался очень трудным для жителей этого города в отличие от бостонцев, которые легко отвечают на подобный вопрос. Один за другим опрошиваемые отвечали, что ничего особенного, что город очень трудно представить символически, что он не имеет распознаваемых частей. Одна из женщин сформулировала это следующим образом: «Это одно из самых больших огорчений в связи с Джерси-Сити. Нет ничего такого, ради чего можно было бы приехать, несмотря на расстояние, о чем я могла бы сказать: «Я хочу увидеть это, это так красиво!».

Наиболее частым ответом на вопрос о символе города было вовсе не указание на что-то в городе, а упоминание вида Нью-Йорка за рекой. Один из жителей сказал, что для него символами Джерси-Сити являются силуэт Нью-Йорка по одну сторону и эстакада Пуласки-Скайуэй, обозначающая Ньюарк, — по другую сторону. Другой подчеркивал силу ограничивающих барьеров: чтобы выбраться из Джерси-Сити, нужно или въезжать под Гудзон, или пугаться в развязке Тоннел.

И при этом трудно найти более интересные, более впечатляющие общее расположение и особенности топографии, чем у Джерси-Сити, если бы его можно было построить заново. Но в действительности

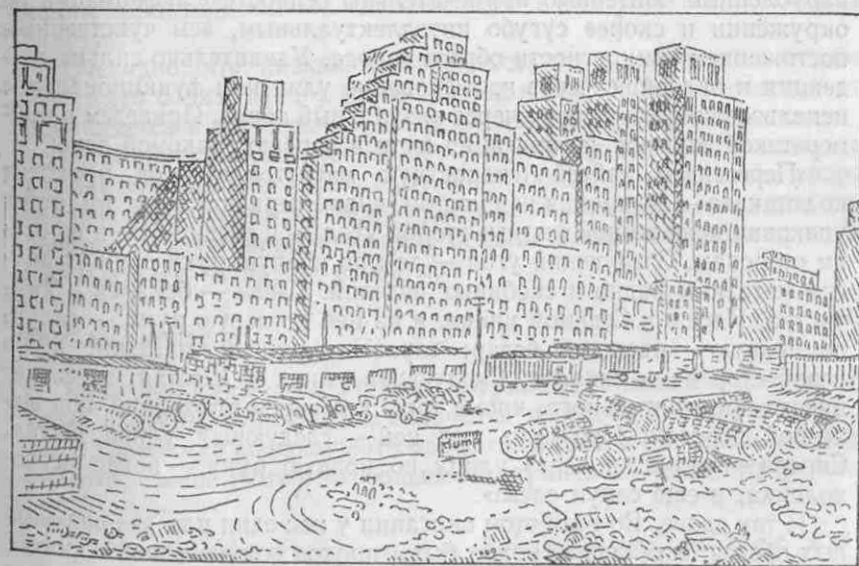

Рис. 12. Нью-Джерси. Медицинский центр

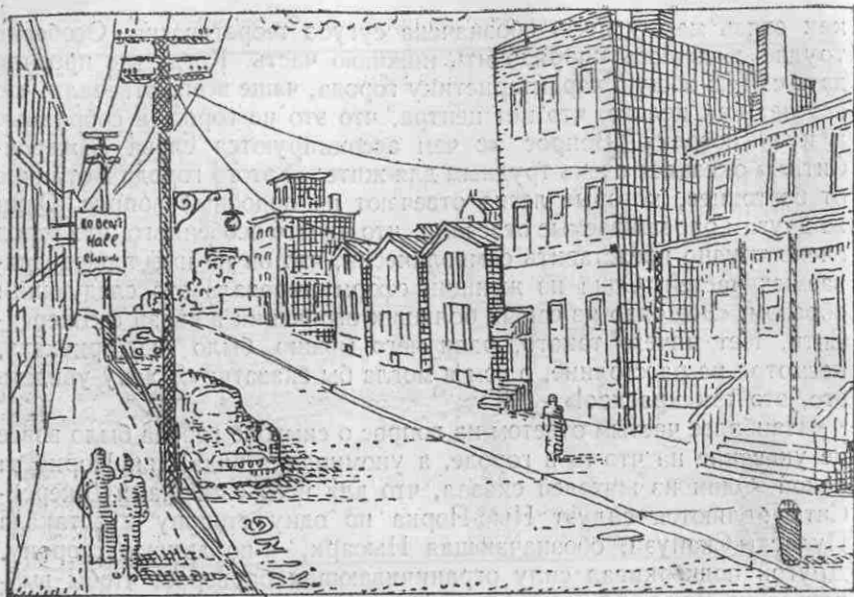

Рис. 13. Улица в Джерси-Сити

общий характер окружения упорно описывался словами «старое», «грязное», «неряшливое». Улицы упорно характеризовались как нарубленные. Интервью примечательны бедностью информации об окружении и скорее сугубо интеллектуальным, чем чувственным постижением конкретности образа города. Удивительно сильна тенденция к описанию через наименование улиц или функциональное использование места, а не через визуальный образ. Приведем в пример такой отрывок из описания пути в хорошо знакомой зоне:

«Пересекаем хайвей (скоростную магистраль) — он проходит по эстакаде — и, пройдя под мостом, видим первую улицу: там отдел упаковки кожаной фирмы; второй угол — с авеню: банки по обеим сторонам. Следующий угол — там по правую руку один за другим магазины радио и скобяных изделий. Слева — бакалея и химчистка. Идешь к Седьмой улице, и на ней по левую руку — салун, по правую — овощной базар; справа — винный магазин, а на левой стороне — бакалея. Следующая улица — Шестая, здесь нет ничего примечательного, кроме того, что вновь проходишь под железной дорогой. Пройдешь под ней — следующая улица Пятая. Справа — салун, и через улицу по правую руку — новая бензоколонка, и еще салун слева».

И так далее. Во всем этом описании у нас один или два визуальных образа: эстакада и, может быть, проход под железной дорогой. Опрошенная особа начинает осознавать окружение, только когда подходит к Гамильтон-парку, и тогда перед ее глазами вдруг возник-

ает огражденная открытая площадка, в центре которой расположены эстрада и скамейки вокруг.

Многие отмечают нераспознаваемость предметного окружения: «Везде примерно то же самое... Все это более или менее банально. Я имею в виду то, что, когда иду вверх или вниз по улицам, это все примерно одно и то же: Ньюарк Авеню, Джексон Авеню, Берген Авеню. Иногда никак не можешь решить, по какой улице идти, по тому что они все примерно одинаковые».

... «Как бы я узнал Фэвью Авеню, подойдя к ней? По доске с названием. Это единственный способ опознать улицу в этом городе. Нет ничего определенного, просто еще один жилой дом на углу, вот и все».

... «Ну, мы в общем-то обычно находим дорогу. Если есть желание, найдется и дорога. Иногда путаешься, можно потерять несколько минут в поисках нужного места, но в конце концов выходишь к цели».

В этом относительно недифференцированном окружении опорой являются не только функции используемых мест, но и степень пользования ими, или даже степень новизны или ветхости сооружений. Уличные знаки, большие рекламы на Джорнал Скуэр и фабрики служат ориентирами. Любое благоустроенное открытое пространство вроде Гемилтон-парка или Ван Ворст-парка и в особенности большого Уэст-сайд-парка твердо хранится в памяти. В двух случаях люди считали ориентирами маленькие треугольники газонов на некоторых перекрестках. То, что перед Медицинским центром есть небольшой зеленый участок, служит не менее важной для его опознания характеристикой, чем массивность его форм или сложность силуэта.

Очевидно, что низкая вообразимость этого окружения отразилась в его образе даже у самых давних жителей Джерси-Сити, и это проявляется в отсутствии удовлетворенности, плохой ориентации и неспособности описать или различить части города. Однако даже этот внешне хаотический строй окружения обладает некоторым упорядочивающим рисунком. Люди ухватывают и разворачивают его, сосредоточивая внимание на мелких деталях и перенося его с предметности облика на другие аспекты.

Лос-Анджелес

Зона Лос-Анджелеса*, сердце крупной агломерации, дает совсем иную картину, существенно отличающуюся и от бостонской. Здесь зона, сравнимая по размерам с рассмотренными в Бостоне или Джерси-Сити, лишь немногим больше центрального делового района.

* Лос-Анджелес — город на юге Тихоокеанского побережья США, в штате Калифорния. Имеет более 3 млн. жителей (1975 г.), с пригородами — более 7 млн. Главный экономический центр Запада США. Основан испанцами в 1781 г., в составе США с 1846 г. (Прим. науч. ред.)

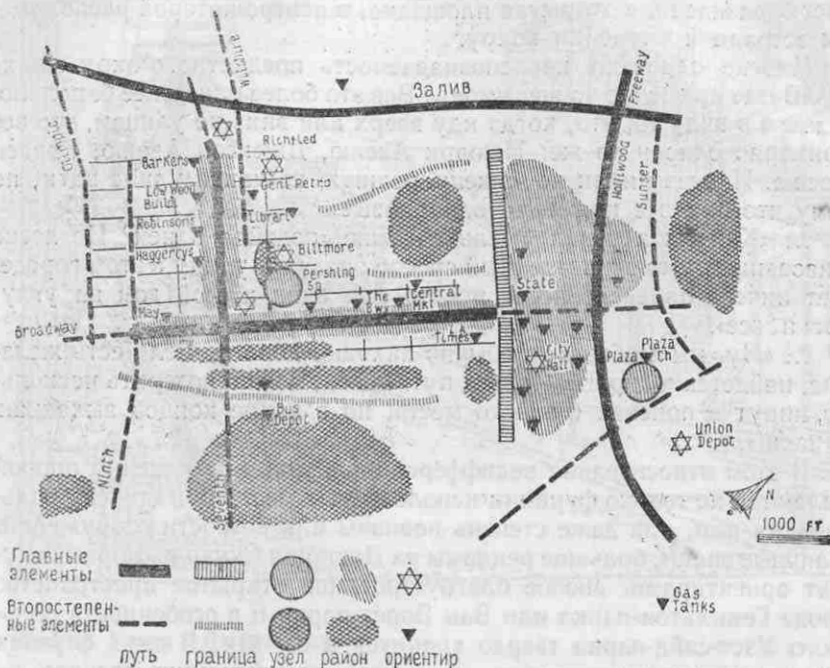

Рис. 14. Диаграмма визуальной формы Лос-Анджелеса, полученная в ходе исследования

1 — путь; 2 — граница; 3 — узел; 4 — район; 5 — ориентир

Опрошенные знают эту зону не потому, что живут здесь, а потому, что работают в одном из ее офисов или магазинов. На рис. 14 воспроизведены результаты полевого исследования.

Как свойственно ядру агломерации, центр Лос-Анджелеса наполнен деятельностью и значениями, насыщен крупными и предположительно опознаваемыми зданиями и имеет ясный рисунок почти регулярной сетки улиц. Однако некоторые дополнительные характеристики делают его образ менее острым, чем в Бостоне. Во-первых, это децентрализованность агломерации, при которой центр лишь из вежливости называют «даунтаун», поскольку есть и несколько других центров, на которые ориентированы жители. В центре идет достаточно интенсивная торговля, но лучшие магазины уже давно не здесь, и многие горожане годами не бывают в даунтауне. Во-вторых, регулярная сетка улиц — всего лишь решетка, в границах которой не всегда удается точно локализовать отдельные элементы. В-третьих, активность центра пространственно расширяется и видоизменяется, что снижает силу ее воздействия на воображение. Частые перестройки не дают образоваться стабильной опознаваемости, формируемой историческим процессом. Сами же элементы городского

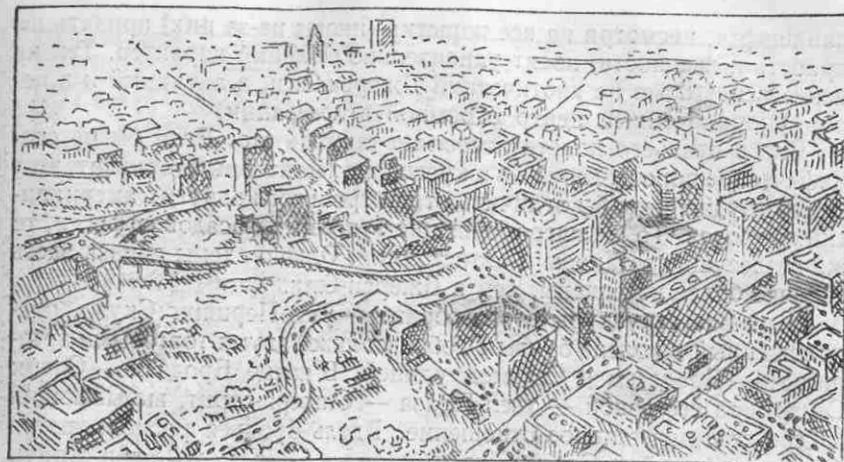

Рис. 15. Лос-Анджелес, вид с запада

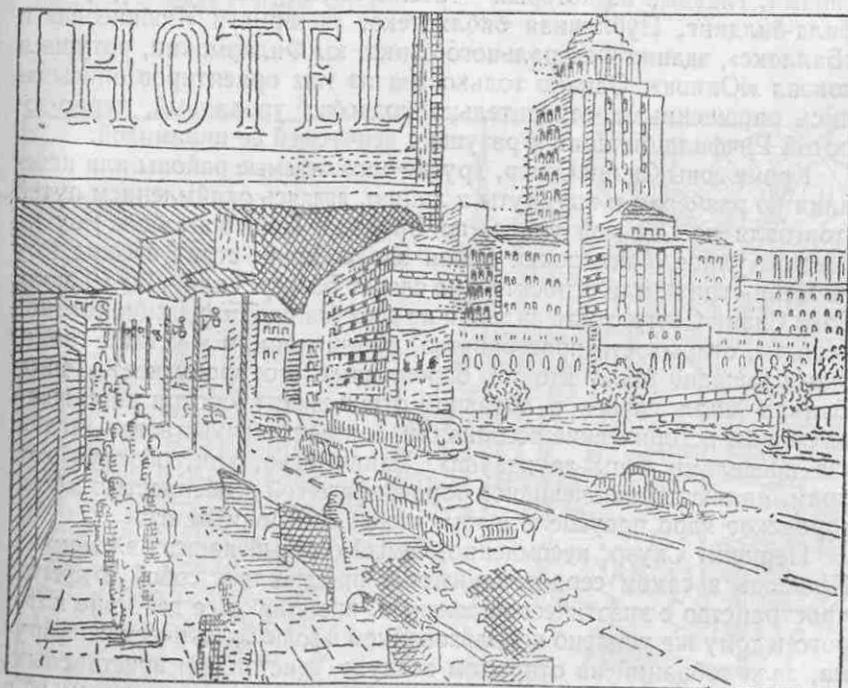

Рис. 16. Административный центр

ландшафта, несмотря на все попытки (иногда из-за них) придать им яркость и пышность, носят удивительно безликий характер. Тем не менее перед нами не хаотический Джерси-Сити, а активный и в целом упорядоченный центр огромной агломерации.

Вид с птичьего полета позволяет ощутить это. Если бы не специфические породы деревьев и кустов, не характерный горизонт, этот центр трудно было бы отличить от центров многих других американских городов. То же нагромождение туповатых фасадов офисов, те же вездесущие эстакады и автостоянки. Однако схемы образа здесь гораздо более насыщены, чем в Джерси-Сити.

В основе структуры этого образа — узел Першинг Скуэр, расположенный в колене буквы Г, образованной двумя торговыми артериями — Бродвеем и Седьмой улицей. В конце Бродвея — Сивик Центр и за его зоной — узел Плаза — Ольвера-стрит, вызывающий к себе сентиментальное отношение. Вдоль Бродвея располагаются банковский район Спринг-стрит и далее Скид Роу (Мейн-стрит). Скоростные автомагистрали, ведущие в Голливуд и Гавань, опознаются как продолжение открытых концов буквы Г. Общий образ характерен пустотой, открывающейся восточнее улиц Мейн и Лос-Анджелес и к югу от Седьмой, если не считать бесконечно повторяющейся сетки улиц. Сама центральная зона находится в вакууме. Эта Г-образная система буквально усеяна запоминающимися ориентирами, главные из которых — отели «Стэтлер» и «Билтмор», Ричфилд-билдинг, Публичная библиотека, универмаги «Робинсонз» и «Баллокс», здание Федерального банка, зал Филармонии, ратуша и вокзал «Юнион». Однако только два из этих ориентиров описывались опрошенными относительно подробно: уродливый, черно-золотой Ричфилд-билдинг и ратуша с венчающей ее пирамидой.

Кроме зоны Сивик Центр, другие опознаваемые районы или невелики по размерам и вытянуты в линию, являясь окаймлением путей (торговля по Седьмой улице, по Бродвею, Транспортный Роу на Шестой улице, банковский район вдоль Спринг-стрит и Скид Роу на Мейн-стрит), или относительно слабы: Банкер Хилл, Литл Токио. Зона Сивик Центр самая сильная из всех благодаря функциональности, открытости пространства, новым зданиям и четким границам площади. Мало кто из опрошенных его пропускает. Район Банкер Хилл слабее в образном отношении, несмотря на связанные с ним исторические ассоциации, и кое-кто почувствовал, что он «за пределами зоны даунтауна». Удивительно, как, обогнув этот холм, являющийся очевидной топографической особенностью места, городское ядро преуспело в том, чтобы «похоронить» его.

Першинг Скуэр, несомненно, самый сильный из всех элементов. Площадь в самом сердце даунтауна представляет собой открытое пространство с экзотической зеленью, впечатляющее действие которого к тому же усилено использованием в роли политического форума, зала собраний на открытом воздухе, пристанища престарелых. Наряду с узлом по Плаза — Ольвера-стрит (с подключением еще одного открытого пространства) Першинг Скуэр — элемент образа,

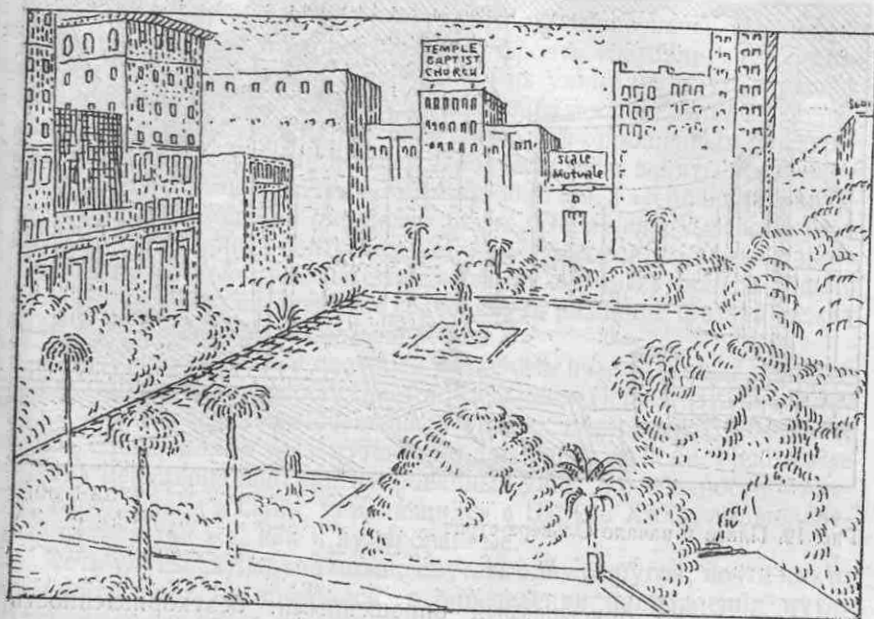

Рис. 17. Площадь Першинг Скуэр

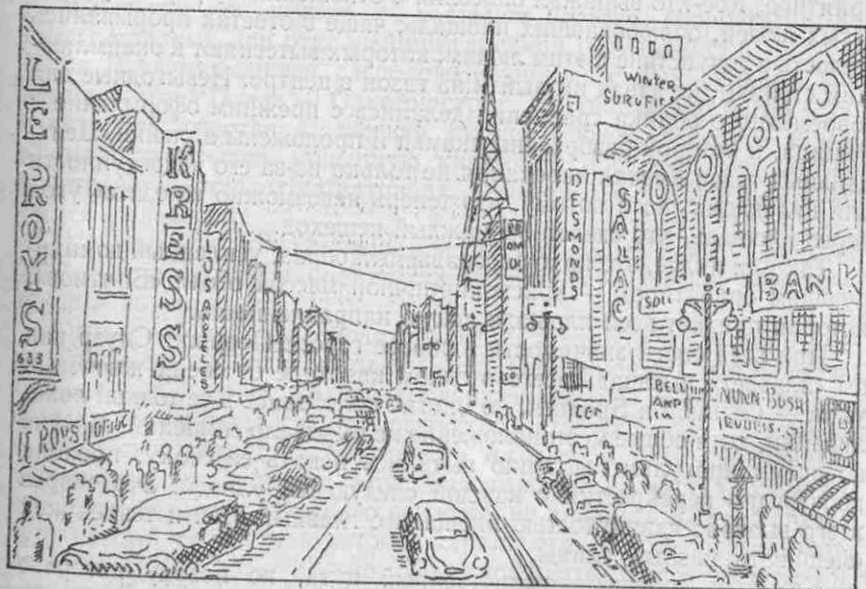

Рис. 18. Лос-Анджелес. Бродвей

Рис. 19. Плаза и начало Олвера-стрит

наиболее четко описываемый опрошенными: безукоризненность газона в центре, его обрамление банановыми пальмами, затем ряд стариков, усевшихся на каменных стенках, оживленные улицы и, наконец, плотные ширмы зданий даунтауна. Однако это место при всей своей примечательности не во всех случаях воспринимается как приятное. Кое-кто выражал опасения в отношении старых и чудаковатых людей, облюбовавших площадь; чаще в ответах прорывались жалость и сочувствие к этим людям, которых вытесняют к окаймляющим стенкам, не давая им выйти на газон в центре. Невыгодные для современного облика сравнения делались с прежним оформлением: рошица, в которой разбросаны скамьи и проложены аллеи. Центральный газон вызвал нарекания не только из-за его недоступности для гуляющих, но и потому, что теперь невозможно «срезать» угол через площадь, что сделал бы каждый пешеход.

Так или иначе, это ярко опознаваемый образ, усиленный доминирующим ориентиром — краснокирпичной массой отеля «Билтмор», которая придает всей площади ясную направленность.

При всей своей значимости в образе города Першинг Скуэр как бы «плавает»: площадь всего в одном квартале от обеих ключевых улиц — Седьмой и Бродвея, но многие колебались в ее точной локализации, хотя общее местоположение не вызывало сомнений. Многие во время прогулки мысленно пытались искать ее сбоку, проходя поочередно перекрестки с каждой следующей улицей. Это скорее всего вызвано сдвинутостью площади с главных осей и тенденцией смешивать разные улицы.

Кажется, Бродвей — единственный путь, по поводу которого никто не делал ошибок. Когда-то главная улица и до сих пор самая

крупная торговая зона в даунтауне, Бродвей обозначен толпами на тротуарах, длиной и непрерывностью фронта торговли, шатровыми покрытиями кинотеатров и движением на улице (на других улицах только автобусы). Хотя Бродвей и признавался центральным стержнем, однако он не служит торговой зоной для опрошенных лиц, принадлежащих к «среднему» классу. Тротуары здесь заняты этническими меньшинствами и людьми с низким доходом, населяющими кварталы, которые кольцом окружают центр. Опрашиваемые воспринимают этот линейный центр как нечто им чуждое и относятся к нему с разной степенью любопытства, желания не иметь ничего общего или опаски. Все они спешили подчеркнуть различие статуса между толпой на Бродвее и на Седьмой улице.

В целом оказывается сложным различить нумерованные поперечные улицы, за исключением Шестой, Седьмой и Первой; это смешение путей было совершенно очевидно в разных интервью. Продольные улицы с названиями тоже путают, но в меньшей степени. Некоторые из этих меридионально ориентированных улиц, в особенности Флауэр, Хоуп, Гранд и Олив, упирающихся в Банкер Хилл, опрашиваемые путали так же, как и нумерованные.

Хотя улицы даунтауна можно спутать одну с другой, почти никто из опрошенных не ошибался в определении направления пути. Дальние ориентиры в просветах улиц вроде отеля «Стэтлер» на Седьмой, Библиотеки на Хоуп-стрит, Банкер Хилл на Гранд-стрит или чередующиеся сгущения толпы на тротуарах, как на Бродвее, оказываются достаточно частыми, чтобы обеспечить ориентацию. По сути дела, несмотря на регулярную сетку улиц центра, все эти улицы зрительно замкнуты — подъемом рельефа, скоростными автомагистралями или отклонениями в самой регулярности.

За Голливуд-фривей расположен один из самых сильных элементов — узел Плаза — Олвера-стрит. Его описывают очень четко и подробно: очертания, деревья, скамьи, людей, черепицу крыши, «булыжную» (теперь мощенную кирпичом) мостовую, компактное пространство, товары на витринах, безошибочно узнаваемый запах свечей и сладостей.

Это место не только очень ясно воспринимается визуально, но оно еще и единственное действительно историческое место — «якорь» во времени.

Однако в той же зоне люди с большим трудом находят дорогу между вокзалом «Юнион» и Сивик Сентр. Они ощущают, что решетчатый рисунок уже не руководит их движением, и не уверены, где знакомые улицы входят в эту аморфную область. Аламеда-стрит предательски сворачивает налево, вместо того чтобы идти параллельно меридиональным улицам: крупномасштабная расчистка зоны учреждений взломала прежнюю решетку, не привнесла на ее место ничего нового, скоростная автомагистраль играет роль разделительного рва. Казалось, можно было услышать вздох облегчения, которым большинство тех, кому нужно было пройти от вокзала «Юнион» до отеля «Стэтлер», встречали Первую улицу.

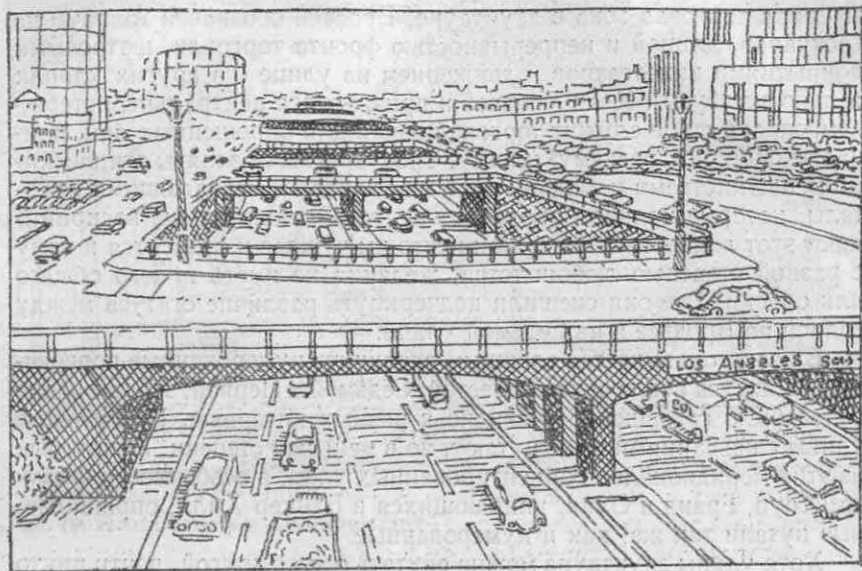

Рис. 20. Лос-Анджелес. Трасса Голивуд Фривей

Когда мы просили описать город как целое или найти для него общий символ, наши собеседники использовали стандартные формулы: «раскинувшийся», «обширный», «бесформенный», «не имеющий центров». Как целое Лос-Анджелес с трудом поддается воображению или концептуальному представлению.

Наиболее обобщенный образ — это нечто развернутое в бесконечность, внутри чего попадаются отдельные приятные формы пространственного окружения, сопутствующего месту проживания, а в конечном итоге — чувство дезориентированности и разочарования. Один из опрошенных определил это следующим образом: «Это как если бы вам пришлось идти в какое-то место очень долго, а когда вы наконец туда попали, обнаруживается, что там в общем-то ничего нет».

Однако есть подтверждения тому, что ориентация в масштабе всего региона не встречает особых трудностей. «Аппарат региональной ориентации» включает океанское побережье, горы и холмы (для горожан с длительным опытом), долину Сан-Фернандо и большие районы нового строительства типа Беверли Хиллз, главную автомагистраль и систему бульваров. Такую же роль играет распределение временных слоев по всей метрополии, обозначенных состоянием, стилистикой, типом сооружений, соответствующих каждому кольцу разрастания.

Однако на ступень ниже этой крупномасштабной шкалы и структура, и опознаваемость резко затруднены. Здесь нет районов среднего масштаба и различные пути смешиваются между собой. Люди

говорили о том, что теряют направление, как только сходят с привычного маршрута, что чувствуют себя полностью зависимыми от уличных знаков и указателей. На микроуровне попадаются «карманы» высокой степени опознаваемости, имеющие значение дачи в горах, дома на пляже, участки, заросшие разнообразными породами деревьев. Но все это не носит универсального характера, и крайне существенное промежуточное звено структуры — вообразимость районов среднего масштаба — обнаруживает свою слабость.

Почти во всех интервью в процессе описания пути из дома на работу наблюдалось последовательное сокращение яркости впечатлений по мере приближения к даунтауну. Вблизи дома — изобилие детальной информации о подъемах, спусках и поворотах, о людях и о зелени: повседневное внимание, интерес и определенное удовольствие от созерцания всего этого очевидны. По мере движения к центру образ становится бледнее, абстрактнее, в нем все меньше отображается непосредственных визуальных впечатлений. Зона даунтауна, как и в Джерси-Сити, это в первую очередь набор названий и магазинных витрин. Без сомнения, это в известной степени следствие напряжения при проезде по главным радиальным магистралям. Однако тот же тип восприятия остается и после выхода из автомобиля. Вероятно, дело и в бедности самого визуального материала, и в нарастающем воздействии смога.

Дымка и смог неоднократно упоминались горожанами как источник постоянных крайне отрицательных ощущений. Они настолько приглушают цвета окружения, что общий колорит характеризуется как беловатый, желтоватый или серый. Некоторые из регулярно по утрам въезжающих в центр говорили, что они определяют силу смога по степени различимости дальних ориентиров — Ричмонд-билдинг или ратуши.

Автомобильное движение и система скоростных автомагистралей — доминирующая тема всех интервью. Это повседневный опыт повседневная битва — иногда возбуждающая, чаще тяжелая, выматывающая силы. Детали маршрутов — это прежде всего упоминания знаков и указателей, перекрестков и трудностей поворота. На скоростных магистралях решения нужно принимать задолго до их осуществления, отсюда постоянные перестроения. Это напоминает проскакивание порогов на лодке: то же возбуждение, та же напряженность, постоянное усилие «не потерять голову». Многие отмечают страх, сопутствующий движению по новому для них маршруту, но часто упоминают пересечения в нескольких уровнях, сложность больших развязок, ощущения падения вниз, крутого поворота, карабкания вверх.

На этих скоростных дорогах люди как-то улавливают общий топографический образ. Одна женщина отметила, что, переваливая через большой холм каждое утро, она фиксирует половину пройденного пути; она могла охарактеризовать форму холма. Другая заметила увеличение масштаба города за счет новых дорог, и это полностью перестроило ее представления о взаимосвязи различных эле-

ментов городского ландшафта. Некоторые отмечали ощущение удовольствия, связанного с обширными панорамами, открывающимися на считанные секунды с приподнятых над землей участков «фривея», ощущение, усиленное по контрасту с монотонным чувством упрятанности в огороженные стенами выемки. С другой стороны, здесь, как и в Бостоне, водители испытывали сложности в попытках локализовать автомагистраль, как-то связать ее с общей структурой города. Чувство моментальной утери ориентации при съезде с эстакады отмечалось всеми.

Другая частная тема — относительный возраст окружения. Может быть, из-за того, что столь значительная часть окружения или нова, или находится в процессе обновления, люди проявляют обостренную, почти патологическую привязанность ко всему, что пережило изменения. Так, маленький узел Плаза — Олвера-стрит или даже пришедшие в упадок отели на Банкер Хилл приковывают к себе внимание многих из опрошенных. Создается впечатление, что здесь еще больше сентиментальная привязанность ко всему старому, чем в консервативном Бостоне.

В Лос-Анджелесе, как и в Джерси-Сити, горожане получают огромное удовольствие от зелени и цветников, которыми славятся многие жилые районы города. Первая часть движения из дома на работу связана с живыми картинами цветов и деревьев; эти детали городского ландшафта успевают с удовольствием отметить даже любители высоких скоростей. Но это никак не относится к непосредственно изучаемой нами зоне. Центр Лос-Анджелеса далек от визуального хаоса Джерси-Сити и имеет достаточное количество ориентиров, роль которых играют отдельные здания. Однако, за исключением слабо различаемой и представимой скорее спекулятивно решетки плана, образ центра не осознается как единое целое.

Как отмечалось, Бродвей или Першинг Скуэр — самые сильные здесь образы — опрошенной группой представителей «среднего» класса воспринимаются чуждыми и даже враждебными. Маленькая заброшенная Плаза и некоторые сгустки торговли или развлечений, отмеченные ориентирами в зоне верхней Седьмой улицы, оказались единственными элементами, вызывающими какую-то привязанность. Один из опрошенных прямо выразил это, заявив, что старая Плаза на одном конце и новый бульвар Уилшир на другом — суть единственные вещи с характером и Лос-Анджелес вполне ими исчерпывается. В целом образу явно не хватает опознаваемой характерности и теплоты значения, которым обладает центр Бостона.

Обобщение

Сравнив три города (если мнение столь малой группы опрошенных что-то значит), мы обнаруживаем, что, как и следовало ожидать, люди приспосабливаются к окружению и организуют структуру и опознаваемость образа из подручного материала. Типы эле-

ментов, служащих основанием формируемого образа, качества, дающие им силу или слабость, во всех трех городах вполне сопоставимы, хотя пропорции между различными типами элементов могут существенно варьироваться. В то же время в столь разнящемся предметном окружении просматриваются четкие различия уровней ориентации и уровней удовлетворенности окружением.

Прежде всего тесты выявили значение простора и широты открывающихся видов. Превалирующая роль Чарлз-ривер как границы Бостона предопределена широтой панорамы, открывающейся при въезде в город с этой стороны; множество элементов города в их визуальной взаимосвязи схватываются здесь взглядом одновременно, и позиция каждого из них в целостной картине проявляется предельно ярко. Сивик Центр в Лос-Анджелесе врезался в память всех опрошенных своей пространственной открытостью, а жители Джерси-Сити в первую очередь упоминают вид, открывающийся перед ними при спуске с Палисадов в сторону силуэта нью-йоркского Манхаттана.

Эмоциональное удовлетворение, связанное с широтой открывающейся панорамы, отмечено во множестве случаев. Можно ли в наших городах превратить «эффект панорамы» в более распространенное, доступное тысячам людей повседневное явление? Панорама иногда лишь обнажает хаос или лишенную характера пустынность, однако организованная панорама явно служит главным источником наслаждения от восприятия города.

Важно, что даже «сырое» бесформенное пространство кажется примечательным, хотя и неприятным. Многие отмечали сносы и котлованы на Дью Скуэр как эффектное зрелище. Без сомнения, это вызвано лишь силой контраста к чрезмерной плотности городского окружения. Когда же пространство обладает формой, как вдоль Чарлз-ривер или на Коммонуэлс Авеню, на Першинг Скуэр, Луисбург Скуэр или до некоторой степени на Копли Скуэр, его воздействие значительно интенсивнее и характерность запоминается. Если бы Сколли Скуэр в Бостоне или Джорнал Скуэр в Джерси-Сити обладали пространственным характером, сопоставимым с их функциональной значимостью, они несомненно могли бы играть роль символических «ключей» в этих городах.

Очень активно отмечались зелень и вода как элементы городского ландшафта. Обитатели Джерси-Сити четко осознают роль нескольких зеленых оазисов внутри городского окружения. Жители Лос-Анджелеса нередко при ответах отвлекались в сторону для подробного описания экзотического разнообразия местной флоры. Некоторые говорили, что по дороге на работу они каждый день делают петлю, удлиняющую путь, чтобы только проехать вдоль какого-нибудь парка, купы деревьев или бассейна.

Лос-Анджелес, в котором нельзя передвигаться без автомобиля, дает наиболее яркие примеры описания системы путей: способа ее собственной организации, взаимосвязей с другими элементами города; пространства, движения, панорам, связанных с самими путя-

ми. Главенствующая роль путей и их ключевое значение для формирования своего рода сети, внутри которой люди воспринимают окружение, широко продемонстрированы и на материале Бостона или Джерси-Сити.

Столь же очевидно ясное соотношение элементов окружения с социально-экономической принадлежностью: стремление держаться подальше от «низшего класса» Бродвея в Лос-Анджелесе, признание района Берген в Джерси-Сити «высшим классом», безошибочное расчленение Бикон Хилла в Бостоне на две обособленные стороны.

Интервью дали еще одну общую закономерность — наличие отношения к тому, как предметное окружение символизирует течение времени. Интервью из Бостона полны ссылок на контраст элементов по их возрасту: «новая» Артери прорезала «старый» район рынка; новая католическая церковь среди старинных зданий по Арч-стрит; старая (невысокая, потемневшая, богато ornamentированная) церковь Троицы на фоне нового (сильного, высокого, яркого) здания Джон Хэнкок Билдинг и т. п. Описания часто строятся так, как если бы они были ответами на вопрос о контрастах на городской «сцене»: пространственные контрасты, контрасты социального статуса, контрастные формы использования, сравнения по возрасту, чистоте или благоустройству. И уже в связи с этим элементы и их свойства отмечаются в категориях их места в системе целого.

В Лос-Анджелесе чувство неустойчивости окружения, отсутствия предметных элементов, связывающих с прошлым, имеет оттенок беспокойства. Многие описания «сцены» города, данные как старыми, так и молодыми постоянными жителями, полны призрачными тенями того, что здесь было раньше. Перемены, особенно те, что были привнесены системой скоростных автомагистралей, оставили шрамы на мысленном образе. Один из опрошенных сказал об этом так: «Среди местных сильны чувства горечи и тоски по минувшему, вызванные столькими переменами или неспособностью переориентироваться достаточно быстро, чтобы успеть за ними». Подобные попытки обобщений проступают со всей очевидностью по мере освоения материала интервью.

Образ города и его элементы

Общественный образ города создается наложением одного на другой множества индивидуальных. Однако не исключена возможность возникновения ряда общественных образов, каждый из которых вырабатывается значительной группой горожан. Такого рода групповые образы совершенно необходимы для того, чтобы индивид мог успешно функционировать в пределах своего окружения, вступая в эффективные контакты с себе подобными. Всякий индивидуальный образ уникален, он охватывает какое-то содержание, которое никогда или почти никогда не передается другим, но при этом он в большей или меньшей степени совпадает с общественным

образом, обладающим в различных типах окружения большей или меньшей обязательностью.

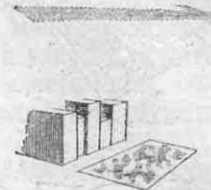
Осуществляемый здесь анализ ограничен только предметными, непосредственно воспринимаемыми объектами. Конечно, на вообразимость окружения влияют и иные факторы — социальное значение территории, ее функции, ее история, даже ее название. Но всего этого мы касаемся в минимальной степени, поскольку наша задача — раскрыть значение формы как таковой. Примем как самоочевидное, что в решении проектных задач форма должна использоваться для усиления значения, а не подавления его.

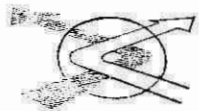
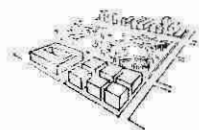
Результаты исследований позволяют выявить содержимое образов города, соотношенное с предметными формами, и для удобства классифицировать последние: пути, границы, районы, узлы и ориентиры. У этих элементов действительно универсальный характер, поскольку они проявляются в множестве типов образа окружения. Дадим им следующие определения.

1. Пути — это коммуникации, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно, периодически или только потенциально. Их роль могут играть улицы, тротуары, автомагистрали, железные дороги, каналы. Для многих это преобладающие элементы в их образе окружения: люди обозревают город, двигаясь по нему, относительно путей организуются все остальные элементы среды.

2. Границы, или края, — это те линейные элементы окружения, которые наблюдатель не использует в качестве путей и не рассматривает их в этом качестве. Это границы между двумя состояниями, линейные разрывы непрерывности: берега, железнодорожные выемки, края жилых районов, стены. Это скорее линии соотношения по горизонтали, чем координирующие оси. Такие границы могут быть легко или трудно преодолимыми барьерами, отгораживающими один район от другого; они могут быть лишь швами, линиями, вдоль которых два района как-то соотношены и связаны между собой. Хотя и не столь сильно, как пути, эти окаймляющие элементы служат для многих существенными организующими признаками, особенно в том случае, если они охватывают определенные зоны подобно водному фронту или стене, очерчивающим город.

3. Районы — это части города, средние по величине и представимые как двухмерная протяженность, в которую наблюдатель мысленно входит «изнутри». Они обладают каким-то общим, распознаваемым характером. Всегда опознаваемые изнутри районы могут служить и в качестве системы отнесения извне, если только их можно рассматривать с внешней позиции. Большинство людей упорядочивают свой город по районам с большей или меньшей четкостью, и вопрос о том, пути или районы являются доминантными элементами, решается индивидуально, что зависит не только от личности, но и от характера каждого города.

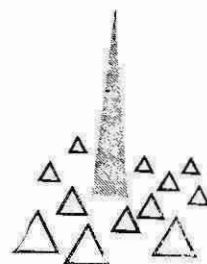
на углу до замкнутой площади. Некоторые из таких мест концентрации являются фокусирующими точками целого района или даже отождествляются с ним, если их воздействие носит центростремительный характер и сами они приобретают символическое значение. Такие узлы можно было бы назвать сердцевинами.

Разумеется, многие узлы заключают в себе и место соединения путей, и место концентрации. Идея узла тесно связана с идеей пути, поскольку такие соединения служат точками совмещения путей, играют роль событий в ходе движения. Она также связана с идеей района, поскольку «сердцевинные» интенсивно фокусируют в себе активность районов, играя для них роль центров тяготения. Во всяком случае, какие-то узловые точки почти непременно присутствуют в образе окружения, а в некоторых случаях они приобретают доминантное значение.

5. Ориентиры — тоже точечные элементы, но наблюдатель не вступает в их пределы, и они остаются внешними по отношению к нему. Обычно это достаточно просто определяемые материальные объекты: здание, знак, фасад, витрина, гора. Использование ориентира означает вычленение одного элемента из множества. Один ориентир — дистанционного типа — воспринимается обычно по разным углам и с различных расстояний, поверх элементов меньших габаритов и служат для ориентации относительно центра или центров. Они могут быть расположены внутри города или на таком удалении, что для практических нужд вполне надежно обозначают направление: отдельно стоящие башни, золоченые купола, крутые холмы. Другие ориентиры — локального типа, видимые только в ограниченных пределах и с определенных подходов. Это бесчислен-

ные знаки, вывески, витрины, деревья, дверные ручки и прочие детали, которые насыщают образ города для большинства наблюдателей. Они часто служат ключами опознавания даже структуры образа, и на них люди полагаются во все большей степени по мере того, как маршрут становится знакомым.

Образ данной предметной действительности может менять позицию в нашей классификации в зависимости от обстоятельств восприя-

тия. Так, скоростная магистраль одновременно играет роль пути для водителя и границы для пешехода; зона центра может трактоваться как район в городе средней величины или как узел, если учесть территориальную агломерацию. Однако нами избраны категории, обладающие стабильностью для данного наблюдателя, действующего в определенной роли.

Конечно, ни один из специально выделенных элементов не существует в действительности изолированно. Районы структурированы узлами, определены с помощью границ, пронизаны путями и усеяны ориентирами. Более того, элементы обычно накладываются один на другой или взаимопроникают. Если анализ начинается с раскладки данных по названным категориям, то он должен завершаться их повторным объединением в целостный образ. Наши исследования дали много информации о визуальном характере элементов различных типов; к сожалению, гораздо меньше удалось узнать о взаимоотношениях элементов или об уровне, качестве и развитии образа.

Пути

Для большинства опрошенных пути являются первостепенными элементами, хотя их значимость широко варьируется в зависимости от степени знания города. Люди, слабо знающие Бостон, явно пытаются осмыслить город в категориях топографин, припоминая крупные районы, обобщенные характеристики и приблизительные взаимосвязи по направлениям. Те, кто знает город лучше, освоили хотя бы отчасти структуру путей. Они осмысливают город в категориях путей и определенности их взаимоотношений. Те же, кто хорошо знает город, в большей степени опираются на местные ориентиры и в меньшей — на районы или пути.

Не следует недооценивать потенциальный драматизм впечатлений и силу опознаваемости, содержащиеся в системе автомагистралей. Одна из жительниц Джерси-Сити, которая едла могла найти что-либо достойное описания в окружающем городском ландшафте, с восхищением принялась описывать тоннель Холланд. Другая подробно выразила свои ощущения: «Пересекаете Болдвин Авеню, и перед вами весь Нью-Йорк. Сначала жуткий уклон (Палисады)... и вот открытая панорама нижней части Джерси-Сити; спускаетесь с холма, и там уже все знакомо: вот тоннель, вот река Гудзон и все прочее... Я всегда смотрю направо, чтобы увидеть — если можно увидеть — статую Свободы... Потом смотрю вверх, чтобы увидеть Эмпайр Стейт Билдинг и понять, какова погода...».

Пути приобретают значимость различными способами. Особую роль играют, естественно, обычные маршруты: главные направления въезда в город, как Бойлстон-стрит, Сторроу Драйв или Тремонт-стрит в Бостоне, бульвар Гудзон в Джерси-Сити или автомагистрали Лос-Анджелеса, становятся ключевыми для формирования образа. Препятствия движению, часто резко осложняющие структуру, в определенных случаях способны ее прояснить, собирая по-

перечное движение в несколько потоков, приобретающих доминантное значение. Так, Бикон Хилл в Бостоне, играя роль гигантской круговой развязки, повышает значение Кембридж-стрит и Чарлз-стрит. Чарлз-ривер, собирая движение на нескольких заметных мостах, каждый из которых отличается формой от других, несомненно, проясняет структуру путей. Точно так же Палисады в Джерси-Сити фокусируют внимание на трех улицах, которые последовательно пересекают их поперек.

Концентрация какой-то особой деятельности, сосредоточение какой-то функции вдоль улицы способны придавать ей выдающийся характер в сознании наблюдателей. Ярким примером служит Вашингтон-стрит в Бостоне: люди упорно ассоциируют ее с магазинами и театрами. Некоторые приписывают эти характеристики даже тем частям Вашингтон-стрит, где нет ничего подобного; многие с удивлением узнают, что Вашингтон-стрит тянется далеко за пределы района зрелищных учреждений. Лос-Анджелес дает много подобных примеров: Бродвей, Спринг-стрит, Скид Роу, Седьмая улица — во всех этих местах сосредоточение функции достаточно заметно, чтобы сформировать «линейный район». Выясняется, что люди весьма чутко реагируют на интенсивность городской активности вдоль дороги и часто просто следуют по фарватеру уличного движения. Лос-анджелесский Бродвей распознается по толпе людей и автомобилям на улице, а бостонская Вашингтон-стрит — по непрерывному потоку пешеходов. Другие формы активности на уровне земли тоже способствуют запоминанию места — строительство у Южного вокзала или суета открытого рынка.

Специфика пространственных характеристик также усиливает образ определенных путей: очень широкие или очень узкие улицы, несомненно, привлекают к себе внимание. Кембридж-стрит, Коммонуэлс Авеню или Атлантик Авеню бostonцы выделяют по значительной ширине, и значение ширины или узости связано с общераспространенной ассоциацией, в соответствии с которой широкие улицы — это главные улицы, а узкие — боковые. Узкая Вашингтон-стрит является исключением из правила, но, поскольку контраст здесь еще усилен (высокие здания и густая толпа делают улицу еще уже) само это перевертывание привычных значений становится опознаваемым признаком. По крайней мере некоторые трудности ориентации в банковском районе Бостона и анонимность «решетки» Лос-Анджелеса вызваны, возможно, отсутствием такого рода пространственных доминант.

Характерные особенности уличного фасада тоже имеют большое значение для опознания пути. Так, Бикон-стрит или Коммонуэлс Авеню различимы в значительной степени по фасадам зданий, выстроившихся вдоль них. Текстура замощения, думается, имеет гораздо меньшее значение, за исключением особых случаев вроде Олвера-стрит в Лос-Анджелесе. Детали озеленения тоже относительно малозначимы, но большая масса зелени, как на Коммонуэлс Авеню, уже способна значительно усилить образ пути.

Уже само приближение к какой-то особенности городского ландшафта также способно придать пути повышенное значение, в этих случаях путь играет и вторичную роль — границы чего-либо. Так, Атлантик Авеню приобретает многое в своем значении за счет положения относительно причалов и залива, а Сторроу Драйв — относительно Чарлз-ривер. Арлингтон-стрит и Тремонт-стрит выделены тем, что одной стороной огибают парк, а Кембридж-стрит обаян ясностью образа тому, что окаймляет Бикон Хилл. Другие особенности, за счет которых некоторые пути выделяются среди других, сводятся к восприятию пути как такового или восприятию с этого пути других частей города.

Сентрал Артери приметна своей визуальной силой, так как пронизывает весь город, будучи поднятой на эстакаду. Мосты через Чарлз-ривер тоже видны с больших расстояний. Но уже автомагистрали Лос-Анджелеса зрительно скрыты на границе даунтауна, так как проходят в выемках или за стенами живой изгороди. Многие автомобилисты описывали даунтаун так, как если бы этих автомагистралей там вовсе не было, хотя и указывали, что их внимание резко обостряется, когда автомагистраль поднимается из выемки и взору открывается панорама.

В отдельных случаях пути выделяются чисто структурно, например Массачусетс Авеню, — то, как она пересекает множество путаных улиц, превращает ее в главный элемент образа Бостона. Большая часть путей в Джерси-Сити имеет именно такой чисто структурный характер.

Там, где главным путям недостает опознаваемости, где их легко путают между собой, неясным оказывается и весь образ города. В Бостоне постоянно путают Тремонт-стрит и Шомут Авеню, а в Лос-Анджелесе — Олив, Хоуп- и Хилл-стрит. Мост Лонгфелло в том же Бостоне часто путают с мостом Чарлз Ривер Дэм, возможно, потому, что по обоим идет транзитное движение и оба заканчиваются кольцевыми развязками. Все это создает вполне реальные трудности в городском уличном движении. Та же картина наблюдается и в Джерси-Сити.

Кроме опознаваемости пути должны иметь и непрерывность; эта очевидная функциональная необходимость постоянно подчеркивалась всеми опрошенными. Основное требование заключается в том, чтобы собственно путь (тротуар или аллея) тянулся беспрепятственно. Пути, отличающиеся всего лишь удовлетворительной степенью непрерывности, определялись в таком окружении, как Джерси-Сити, как надежные. Этими путями, хотя и не без трудностей, охотно пользуются приезжие.

Любопытно, что люди, отталкиваясь от непрерывности самого пути, строили обобщение и считали непрерывно сопутствующими к нему его характеристики, которые в действительности имели локальный характер.

Но значение непрерывности еще шире: когда резко меняется ширина «канала» или когда прерывается пространственная последовательность, людям трудно осознать то, что они продолжают двигаться по тому же пути. Несомненно, что даже названия имеют существенное значение. Так, хотя Бикон-стрит в основном проходит через Бэк Бей, само название привязывает ее к Бикон Хиллу, а непрерывность повторения вывесок «Вашингтон-стрит» позволяет людям понять, как пройти через Саут-энд, даже если они совершенно не знают этого района. Существует известное чувство причастности, связанное с тем, что оказываешься на улице, которая, как следует из ее названия, продолжается до самого центра города, как бы далеко это ни было. Обратный пример — внимание, с которым относятся к совершенно невыразительным участкам бульваров Уилшир и Заходящего солнца в центре Лос-Анджелеса только потому, что дальше от центра эти бульвары обретают несомненную характерность. В то же время путь вдоль берега Бостонского залива, например, выделен многими только из-за того, что его названия постоянно меняются: Козуэй-стрит, Коммершл-стрит, Атлантик Авеню.

Пути характерны не только опознаваемостью и непрерывностью, у них есть и свойство направленности. Это легче всего обеспечивается наличием градиента, регулярного изменения какого-то качества, нарастающего в одном направлении. Наиболее ощутим градиент топографического характера — в Бостоне особенно на Кембридж-стрит, Бикон-стрит и Бикон Хилл. Фиксируется и градиент интенсивности функций, как на подходе к Вашингтон-стрит, или (уже в региональном масштабе) градиент нарастающей давности застройки при движении по автомагистрали к центру Лос-Анджелеса. В сравнительно бесцветном окружении Джерси-Сити дважды отмечалось наличие особого градиента, опирающегося на относительную обветшалость жилых домов.

Протяженная кривая — тоже градиент, так как она характерна постоянным изменением направления движения. Кинестетически это ощущается редко: физическое ощущение движения на повороте отмечалось только в бостонском метрополитене и на некоторых участках автомагистралей Лос-Анджелеса.

Когда в интервью упоминался изгиб улиц, речь, как правило, шла об отношении к визуальным «ключам». Так, поворот Чарлз-стрит у Бикон Хилл ощущался прежде всего по тому, как движение вдоль подступивших вплотную стен зданий усиливает визуальное восприятие изогнутости.

Люди обычно представляют себе исходную точку пути и пункт назначения, предпочитая точно знать, откуда начинается и куда ведет путь. Пути, ясно начинающиеся и ясно заканчивающиеся, легче опознаются, они позволяют связать образ города в единое целое и дают наблюдателю ощущение ясности местонахождения, когда он их пересекает. Одни представляют се-

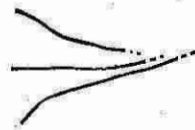

бе назначение пути обобщенно — например, городской район; другие предпочитают указывать определенные места. Один из опрошенных, предъявлявший повышенные требования к распознаваемости городского окружения, отмечал свое беспокойство при виде пучка железнодорожных путей в связи с тем, что он не мог назвать станции назначения идущих по ним поездов.

В Бостоне только у одной Кембридж-стрит ясные завершения: кольцевая развязка у Чарлз-стрит и Сколли Скуэр; у других улиц — только одно: у Коммонуэлс Авеню — Публичный парк, у Федерал-стрит — площадь Почты. Неясное завершение Вашингтон-стрит не дает ей стать сильным элементом городского ландшафта. В Джерси-Сити так и несостоявшееся слияние трех главных улиц, неподалеку одна от другой пересекающих Палисады, и полная невразумительность их завершения создают ощущение путаницы.

Тот же тип различения завершений, что и создаваемый осевыми акцентами, может быть обеспечен самостоятельными элементами, которые видны у конца пути или у его иллюзорного завершения. В Бостоне такую роль играют Коммон неподалеку от завершения Чарлз-стрит или Капитолий штата у Бикон-стрит. Тот же эффект наблюдается на Седьмой улице в Лос-Анджелесе, зрительно замыкаемой отелем «Стэтлер», или на Вашингтон-стрит в Бостоне, где такую же роль играет Зал собраний «Олд Саут». В обоих случаях эффект обеспечивается легким отклонением направления пути, что помещает заметное здание на визуальную ось. Хорошо известные элементы, расположенные на одной из сторон пути, также могут служить указателями направления: Симфони Холл на Массачусетс Авеню или Бостон Коммон, примыкающий к Тремонт-стрит. В Лос-Анджелесе такую же роль играет даже относительно большая концентрация движения пешеходов на западной стороне Бродвея.

Если у пути установлено направление, можно определить свое местонахождение относительно его общей длины, осознать пройденное расстояние или то, которое предстоит пройти. Характеристики, обеспечивающие такое «взвешивание», обычно служат и определению направления, за исключением простого отсчитывания кварталов, которое не указывает направления, но облегчает вычисление расстояний. Многие из опрошенных пользуются этим «ключом», но чаще всего он применяется в регулярной решетке улиц Лос-Анджелеса. «Взвешивание» обычно осуществляется через определение последовательности знакомых ориентиров или узлов на пути. Сильным средством определения направления и взвешивания служит и возможность отметить место, где путь входит в опознаваемый район и затем покидает его. Примерами здесь могут служить в Бостоне Чарлз-стрит, входящая в Бикон Хилл от Коммон, или Саммер-стрит, входящая в район кожевенных и обувных предприятий, в направлении к Южному вокзалу.

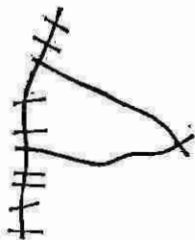

Если у пути есть свойство направленности, мы получаем возможность выяснить меру его «встроенности», т. е. установить соотношение его направления с какой-то объемлющей системой. В Бостоне множество примеров «невстроенности» путей за счет одной и той же причины — незаметного, сбивающего с толку изгиба. Большинство людей не замечают поворота Массачусетс Авеню там, где ее пересекает Фальмут-стрит, и в результате карта Бостона в их представлении приобретает искаженный характер. Они считают Массачусетс Авеню прямой и заключают, что множество улиц, пересекающих ее под прямым углом, параллельны между собой. Трудности с Бойлстон-стрит и Тремонт-стрит порождены тем, что вследствие ряда мелких изменений направления они из почти параллельных становятся почти перпендикулярными одна другой. Атлантик Авеню ускользает от ясного восприятия, так как состоит из двух длинных кривых и еще одного прямого отрезка значительной длины; это путь, полностью меняющий направление, но при этом совершенно прямой на самом характерном своем участке.

В то же время более отчетливые изменения направления могут повышать визуальную ясность, так как сужают пространственный коридор и нередко создают эффективное обрамление для чем-то выделяющихся сооружений. Ганновер-стрит увенчана старой церковью, силуэт которой создает иллюзорное завершение улицы, а поперечные улицы Саут-энда приобрели дополнительную интимность за счет излома перед пересечением основных радиальных улиц. Ощущение пустоты, которую навязывает центру Лос-Анджелеса решетка его улиц, компенсировано изломами осей, закрывающими для наблюдателя вылет улиц наружу.

Второй характерный тип отсутствия привязанности к городу в целом — резкая изоляция пути от окружающих его элементов. Например, в Бостон Коммон люди часто не уверены, каким путем следует воспользоваться, чтобы выйти к определенной цели за пределами Коммон, так как увидеть эту цель невозможно и внутренние улицы Коммон не привязаны к внешним путям. Сентрал Артери —

еще более яркий пример, так как она сильнее обособлена от окружения. Дорога поднята на эстакаду, что не позволяет разглядеть смежные улицы, и дает возможность быстро, безостановочно проскочить весь город, так и не вступив в контакт с ним. Это уже скорее своего рода «автоземля», а не городская улица в нормальном смысле слова. Многие с большим трудом могли соотнести Артери с ее окружением, хотя и знали, что она соединяет Северный и Южный вокзалы. В Лос-Анджелесе автомагистрали тоже не ощущаются как что-то существующее «внутри» города и съезд на боковые ramпы означает внезапную и полную потерю ориентации.

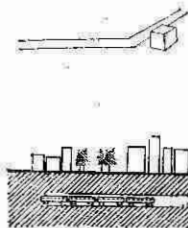
Недавние исследования указывающих знаков на новых автомагистралях показали, как полная обособленность от окружения приводит к тому, что каждое решение о повороте принимается в стрессовом состоянии, без соответствующей подготовки. Даже у опытных водителей обнаружилось удивительное неведение относительно системы автомагистралей и их соединений, и они остро нуждались в общей ориентации в целостном ландшафте.

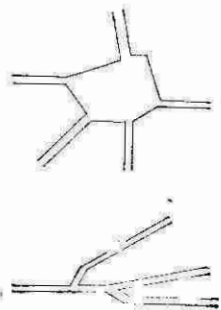
Другие примеры обособления — железные дороги и метрополитен. Заглубленные линии бостонского метро невозможно связать с окружением, за исключением тех пунктов, где они выныривают на поверхность, чтобы пересечь реку. Входы на станции могут играть роль стратегических узлов в городе, но связь между ними осуществляется невидимо. Метро — это совершенно отчужденный «нижний мир», и весьма любопытной представляется проблема его включения в структуру целого.

В Бостоне вода, омывающая полуостров, служит тем базисным элементом ландшафта, к которому могут быть подвязаны все пути: решетка Бэк Бей соотносится с Чарлз-ривер; Атлантик Авеню связана с заливом; Кембридж-стрит выводит от Сколли Скуэр прямо на реку. Бульвар Гудзон в Джерси-Сити, несмотря на частые повороты, всегда сопрягается с длинным полуостровом между Хэкенсэк и Гудзоном. Решетка Лос-Анджелеса обеспечивает естественное взаимоувязывание улиц даунтауна, нарисовать основной рисунок на схеме не представляет труда, даже если одну улицу путают с другой. Однако многие испытывают затруднение в ориентации из-за того, что эта решетка повернута под неопределенным углом как к океанскому берегу, так и к странам света.

Когда перед нами более одного пути, их пересечение приобретает принципиальное значение для принятия решения. Простейшее пересечение под прямым углом осваивается наиболее легко, особенно если его форма выявлена и усилена дополнительными элементами. Как показали интервью, самый известный перекресток в Бостоне — у Коммонуэлс Авеню и Арлингтон-стрит. Это зрительно очевидная Т-образная форма, закрепленная пространственной композицией, озеленением, рядами автомобилей, самой значимостью соединяющихся путей. Перекресток Чарлз-стрит и Бикон-стрит тоже хорошо известен: его абрис подчеркнут сходящимися краями Коммон и Публичного парка. Пересечения некоторых улиц с Массачусетс Авеню также легко читаются и запоминаются, возможно, в связи с тем, что эти прямоугольные соединения ярко контрастируют с основным характером центра.

Для некоторых людей путанные пересечения улиц, идущих под разными углами, являются одной из характернейших особенностей Бостона. Перекресток, имеющий более четырех углов, почти всегда

осложняет ориентацию. Так, опытный диспетчер такси, почти в совершенстве знающий структуру путей города, признался, что перекресток в пять углов у Чёрч Грин на Саммер-стрит — одно из двух мест в городе, которые вызывают у него затруднения. Второе — круговая развязка с множеством улиц, влияющих через краткие интервалы в невнятную по очертаниям кривую.

Но само по себе число сходящихся путей еще не решает дела. И пересечение в пять углов может оказаться ясно читаемым, как на

Копли Скуэр в Бостоне, где композиционно упорядоченное пространство и выделенность самого узла из общего фона позволяют установить угловые отношения между Хантингтон Авеню и Бойлстон-стрит. Напротив, Парк Скуэр — простой перекресток, но отсутствие визуальной формы мешает уразуметь его нехитрую структуру. На многих перекрестках Бостона не только сходится множество путей, но и опознаваемая последовательность пространственного

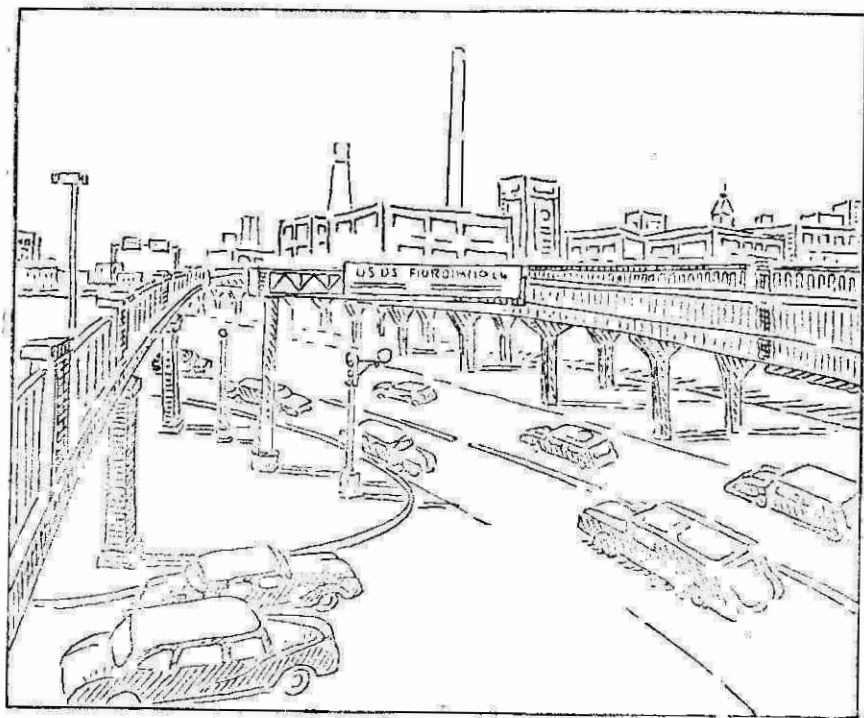

Рис. 21. Бостон. Кольцевая развязка Тоннель Авеню

коридора совершенно утрачивается в столкновении с хаотической пустотой площади.

Возникновение подобных хаотических перекрестков нельзя отнести лишь за счет случайностей исторического формирования. Развязки современных автомагистралей носят еще более запутывающий характер, проявляющийся еще острее, поскольку здесь господствуют высокие скорости. Так, несколько жителей Джерси-Сити не без ужаса говорили о форме кольцевой развязки Тоннель Авеню.

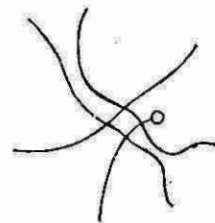
Существенные проблемы восприятия возникают и тогда, когда путь разветвляется под малым углом, образуя два пути, близких по значимости. Примером может служить разветвление Сторроу Драйв на старую Нэшуа-стрит, ведущую к Козуэй — Коммершл — Атлантик, и недавно построенную Централ Артери. Эти пути часто смешивают, что приводит к нарушению единства образа. Никто из опрошенных не мог представить оба пути одновременно: на картах, которые они рисовали, один из этих путей трактовался как продолжение Сторроу Драйв. Аналогичная проблема возникает с осознанием последовательного разветвления слегка расходящихся главных линий системы метрополитена.

И все же до тех пор, пока несколько важных путей сохраняют постоянную соотносительность между собой, их удастся представлять в виде простой структуры независимо от мелких отклонений внутри нее. Уличную сеть Бостона невозможно привести к подобной образной схеме, исключая параллельность Вашингтон-стрит и Тремонт-стрит. Систему автомагистралей в Лос-Анджелесе, систему бульвара Гудзон с тремя пересекающими его путями, триаду бульваров Сайд, Гудзон и Берген с регулярными поперечными связями между ними в Джерси-Сити — все это удастся образно представить как полную структуру.

Для человека, привыкшего двигаться в автомобиле, требования одностороннего движения осложняют образ структуры путей. Своего рода вторая сигнальная система возникает в сознании диспетчера такси именно для того, чтобы совладать со сложностью движения, — для всех прочих Вашингтон-стрит просто не проходит через Док Скуэр, поскольку с обеих сторон путь открыт только в одном направлении.

Большое число путей может восприниматься как целостная сеть, если повторяющиеся отношения между путями относительно регулярны и потому предсказуемы. Удачным примером может служить решетка улиц Лос-Анджелеса: почти каждый мог без труда нанести на карту до двадцати путей, правильно соотносивших между собой. В то же время сама эта регулярность чрезвычайно осложняла для них задачу отличить один путь от другого.

Любопытным примером сети является зона Бэк Бей в Бостоне. Ее регулярность примечательна по контрасту с остальной частью

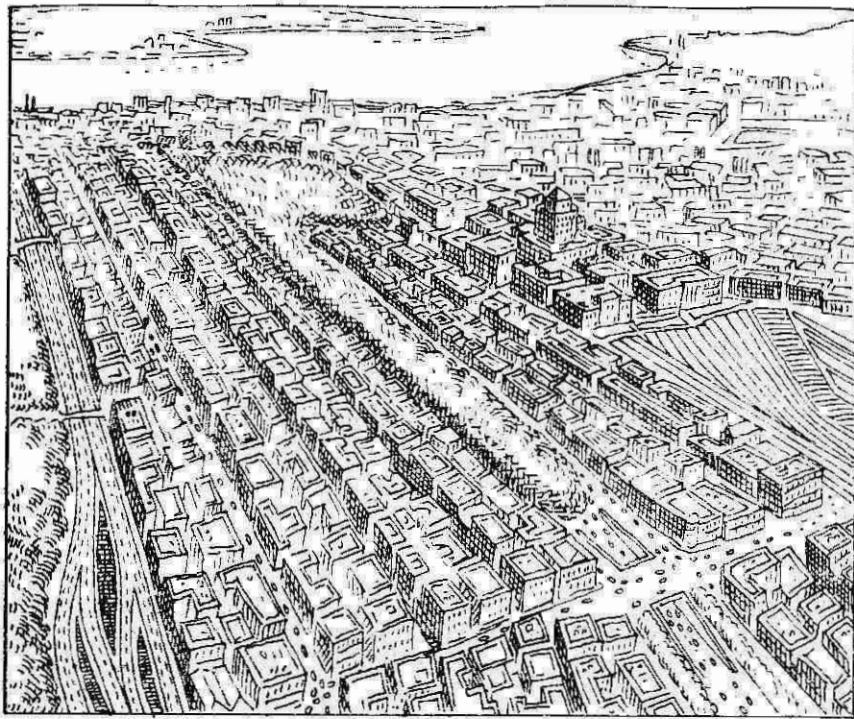

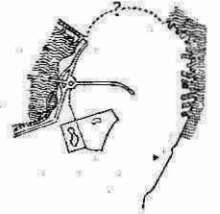
Рис. 22. Бостон. Район Бэк Бей

центра — эффект, который встречается в американских городах очень редко. При этом регулярность не лишена характера. Каждый легко отличал продольные улицы от поперечных, почти как в Мапхаттане. Каждая из продольных улиц обладает индивидуальным обликом — Бикон-стрит, Марлборо-стрит, Коммонвелс Авеню, Нью-бери-стрит; поперечные же улицы служат как средство отсчета расстояний. Отношения ширины улиц, размеров квартала, фасадов домов, систем вывесок, отношения длины и числа двух типов улиц, их функциональной значимости — все способствует усилению этой дифференциации. В наименовании поперечных улиц использован алфавитный порядок как средство определения местонахождения подобно числовому порядку в Лос-Анджелесе. Таким образом, регулярный рисунок приобрел определенную форму и характер.

С другой стороны, Саут-энд, обладающая топологически идентичной формой (длинные параллельные улицы, соединенные короткими) и теоретически воспринимаемая как регулярная решетка, значительно слабее по рисунку. Главные и второстепенные улицы и здесь различаются шириной и типом использования, а некоторые из второстепенных улиц более характерны, чем в зоне Бэк Бей. Но здесь нет индивидуализации главных улиц, Авеню Колумба труд-

но отличить от Тремонт-стрит или от Шомут Авеню, и эта их взаимозаменяемость отражена во многих интервью.

Типичное для людей стремление свести свое окружение к некоторой регулярности касается и Саут-энд. Они пытаются организовать пути в геометрические сети, не обращая внимания на искривления или пересечения не под прямым углом. Люди воспринимают центр Лос-Анджелеса как сеть, игнорируя существенные искажения у восточной границы центра. Иные даже настаивали на том, чтобы свести лабиринт улочек банковского района в Бостоне к рисунку шахматной доски! Внезапный и в особенности маловразумительный переход от одной решетчатой системы к другой решетчатой или какой-то иной резко сбивает с толку. Так, лос-анджелесцы нередко совершенно теряли ориентацию в районе к северу от Первой улицы или к востоку от Сан-Педро.

Границы

Границы — линейные элементы, не воспринимаемые как пути, как правило, это рубеж между площадями двух типов, действующий как соотнесение по горизонтали. Границы сильно проявлены в Бостоне и Джерси-Сити, слабее в Лос-Анджелесе. Более сильными кажутся те границы, которые не только зрительно резко выделены, но и непрерывны и перекрывают движение поперек. Всеми названными качествами обладает, например, Чарлз-ривер в Бостоне.

Мы уже упоминали значение полуостровного положения Бостона. Оно было еще важнее в XVIII в., когда весь город помещался на резко очерченном полуострове. С тех пор береговая линия несколько стерлась или изменилась, но общая картина осталась прежней. По крайней мере одно изменение даже усилило образ: когда-то заболоченные берега Чарлз-ривер преобразованы в четко очерченные набережные. Каждый имеет в памяти широкое открытое пространство, изогнутую линию, окаймляющие автомагистрали, корабли, Эспланаду, Раковину.

Берег по другую сторону полуострова — фронт залива тоже общезнавестен. Его вспоминают подробно в связи с особой оживленностью. Но наличие воды здесь ощущается гораздо слабее, поскольку зеркало залива прикрыто множеством сооружений, и жизнь ушла из старой гавани. Любопытно, что большинство опрошенных были не в состоянии сколько-нибудь ясно соединить образы реки и залива. Возможно, что это происходит из-за того, что вода у оконечности полуострова не видна за железнодорожными депо, частью из-за того, что множество мостов и причалов при соединении Чарлз-ривер и Мистик-ривер с морем, создает впечатление хаоса. Отсутствие путей вдоль берега также способствует нарушению чувства по-

следовательности, непрерывности. В западном направлении мало кто знает о наличии воды в Саут Бей и потому не способен увидеть в этом препятствие для дальнейшего разрастания застройки.

Сентрал Артери недоступна для пешехода, в ряде мест ее нельзя перейти, и пространственно она выделена достаточно сильно. Увидеть ее можно только местами, и этот случай можно определить как фрагментарную границу: в абстрактном представлении она непрерывна, зрительно же обнаруживается только в отдельных точках. Таковы здесь и железнодорожные линии. Артери — словно змея, ползущая по карте города: прижатая по концам и еще в нескольких точках, она вьется из стороны в сторону. Отсутствие связи с городом, ощущаемое при езде по Артери, полностью отражено в неопределенности ее локализации для пешеходов.

Сторроу Драйв, которую автомобилисты ощущают точно так же находящейся «вне» города, воспринимается иначе и ясно указывается на карте благодаря очевидной сопряженности с Чарлз-ривер. Именно река вопреки тому, что она трактуется как главная граница в общем образе Бостона, странным образом оказалась изолированной от расположенного по соседству района Бэк Бей. Люди не могли ответить на вопрос о том, как пройти от одной к другому. Можно лишь предположить, что до того, как Сторроу Драйв отсекла подходы пешком к поперечным улицам Бэк Бей, это взаимоотношение воспринималось иначе.

Точно так же упорно не улавливалась взаимосвязь между Чарлз-ривер и Бикон Хилл. Хотя местоположение холма, казалось бы, объясняет непонятную петлю реки, хотя с холма разворачивается широкая панорама набережной, большинство опрошенных лишь в кольцевой развязке Чарлз-стрит могли усмотреть единственную твердо установленную связь реки и холма. Если бы холм круто поднимался прямо из воды, а не был бы замаскирован широкой набережной, занятой хозяйством, слабо ассоциируемым с Бикон Хилл, если бы он был плотнее связан с системой путей вдоль реки, взаимоотношение носило бы гораздо более ясный характер.

В Джерси-Сити берег тоже сильная граница, но из категории заступающих. Это ничья земля, район за колючей проволокой. Границы — железнодорожные насыпи, уступы, тоннели или границы районов — типичны для здешнего окружения и разрезают его на фрагменты. При этом некоторые из самых неприятных границ вроде берега Хэкенсэк-ривер, где тлеют мусорные отвалы, даже не отпечатываются в сознании.

Следует учитывать разделяющую силу границы. В Бостоне изоляция Норт-энд за счет сооружения Сентрал Артери воспринята и местными жителями, и всеми остальными как ошибка. Если бы, например, оказалось возможно сохранить соединение Ганновер-стрит и Копли Скуэр, результат был бы менее разрушительным. В свое время расширение Кембридж-стрит сыграло такую же роль в разрушении последовательной связи Вест-энд — Бикон Хилл. Широкая «просека» бостонской железной дороги расчленяет город

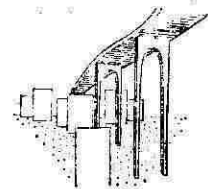
и способствует изоляции «забытого треугольника» между зонами Бэк Бей и Саут-энд.

Если последовательность и различимость принципиально необходимы для существования границы, непреодолимость вовсе не обязательна. Многие границы играют роль скорее связующих швов, чем разъединяющих барьеров. Сентрал Артери полностью расчленяет, изолирует; широкая Кембридж-стрит резко разделяет два района, но устанавливает между ними некоторую видимую взаимосвязь; Бикон-стрит, служа видимой границей Бикон Хилл вдоль Коммон, образует не барьер, а шов, скрепляющий два главных района. Чарлз-стрит у подножия Бикон Хилл и разделяет, и объединяет, сохраняя неопределенность визуального отношения нижнего города и холма. По Чарлз-стрит движутся грузовики, но вдоль нее же расположились местные магазины и места обслуживания. Улицы сводит здешних обитателей друг с другом и вообще функционирует многозначно: линейный узел, граница, путь.

Границы нередко служат одновременно и путями. В таком случае (как, например, на Сентрал Артери) образ движения приобретает доминирующее значение. Тогда элемент обычно описывается как путь, усиленный характеристиками границы.

Фигероа-стрит, Сансет-стрит и в меньшей степени Лос-Анджелес-стрит и Олимпик-стрит, как правило, осознаются как границы делового центра Лос-Анджелеса. Любопытно, что благодаря этому они читаются сильнее, чем автомагистрали Голливуд и Харбор, которые тоже можно трактовать как главные границы, к тому же более существенные как пути и зрительно более внушительные. Тот факт, что Фигероа-стрит и другие хорошо знакомы и осознаются как звенья общей решетки улиц, а опущенные в выемки или прикрытые зелеными изгородями автомагистрали относительно невидимы, приводит к тому, что последние просто исчезли из образа центра. Многие с трудом находят мысленную связь между автомагистралью и всей структурой города. В воображаемой прогулке они даже переходили поперек автомагистрали Голливуд, забывая о ее существовании. Таким образом, скоростной путь совсем не обязательно становится наилучшим способом зрительного ограничения и выделения центрального района.

Скоростные дороги Джерси-Сити или Бостона можно было бы называть границами над головой. Скоростная дорога, идущая над Вашингтон-стрит в Бостоне, видимая снизу, подчеркивает опознаваемость этого пути и закрепляет направление к деловому центру. Там, где она сворачивает в сторону (на Бродвей), путь теряет и направленность, и силу. Когда же несколько таких границ заворачивают и пересекаются над головой, как у Северного вокзала, возникает изрядная путаница. И все же высоко поднятые границы, не являющиеся барьерами в уровне земли, могли бы в будущем стать весьма эффективными элементами системы ориентации в городе.

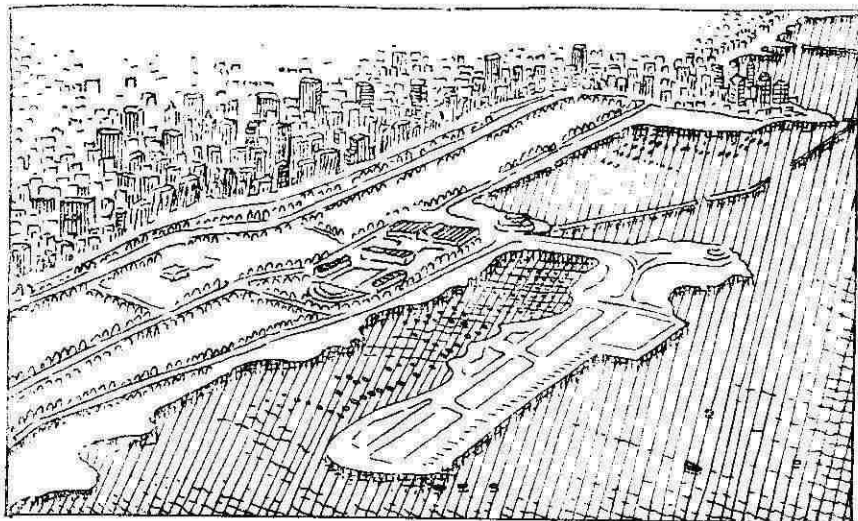

Рис. 23. Чикаго. Застройка вдоль озера Мичиган

Границы подобно путям могут обладать качеством направленности. Берег Чарлз-ривер имеет ясно различные особенности конюв, подчеркнутые Бикон Хилл. Однако у большинства границ этого качества нет.

Трудно представить себе Чикаго без очертаний берега озера Мичиган. Это яркий пример видимой границы, гигантской по масштабу, открывающей взгляду всю метрополию. Огромные здания и маленькие пляжи — все спускается к берегу, который в подавляющей части доступен всем и видим всеми. Контрасты, различие впечатлений по длине этой линии, ее развернутость по горизонтали — все это обладает значительной силой. Эффект умножен сосредоточением путей и видов активности параллельно берегу. Возможно, что масштаб здесь слишком грандиозен, брутален, что местами между городом и водой слишком много открытого пространства, как у «Петли»*, зато береговой фасад Чикаго представляет собой незабываемое зрелище.

Районы

Районы — относительно крупные участки города, обладающие некоторым объединяющим характером, в которые можно мысленно войти. Многие из опрошенных подчеркивали, что в Бостоне запутанность (даже для опытного горожанина) рисунка путей вполне компенсируется числом и примечательностью разных районов. Как за-

* «Петля» (Loop) — деловой центр Чикаго, охваченный трассой городской железной дороги, поднятой на эстакаду. (Прим. науч. ред.)

писал один из них: «Каждая часть Бостона отличается от другой, и вам нетрудно многое рассказать о районе, в котором вы оказались».

В Джерси-Сити тоже есть районы, но это скорее расовые и классовые единицы при слабой визуальной расчлененности. В Лос-Анджелесе, за исключением района Сивик Сентр, нет ярко выраженных районов. В лучшем случае можно выделить линейные, вытянутые вдоль улицы районы Скид Роу или банковский. Многие жители Лос-Анджелеса с некоторой завистью говорили об удовольствии проживать там, где есть сильно выраженные характерные зоны. «Мне нравится Транспортейшн Роу, потому что там все вместе. И всех, кто там работает, отличает что-то общее».

Люди, у которых мы спрашивали, в каком городе, по их мнению, легко ориентироваться, называли несколько городов, среди которых всегда упоминался Нью-Йорк (т. е. Манхаттан). Это объясняется не его решетчатым планом — таковой есть и у Лос-Анджелеса, а тем, что Манхаттан представляет собой ряд весьма характерных районов, размещенных в упорядочивающем каркасе из рек и улиц. Двое лос-анджелесцев даже определили Манхаттан как «маленький» по сравнению с зоной их городского центра. Вероятно, представление о величине по крайней мере частично зависит от того, насколько легко схватывается сознанием общая структура.

В бостонских интервью районы с очевидностью представляют как основные элементы образа города. Так, один из опрошенных на предложение мысленно пройти от Фанейль Холл к Симфони Холл незамедлительно назвал маршрут, ведущий от Норт-энд в Бэк Бей. В других случаях, если даже районы и не служат основным средством ориентации, они играют существенную роль в удовлетворенности от самого проживания в городе. Оpozнание тех или иных районов Бостона зависит от возраста и опыта жизни в городе. Чем больше люди знают город, тем в большей степени, опознавая районы, они доверяют организации меньших элементов окружения и ориентации, отталкивающейся от них. Некоторые из тех, кто особенно хорошо знает город, были уже не в состоянии обобщить восприятие деталей в систему районов: помня о тонких особенностях любой части города, они не формировали их группы по районам.

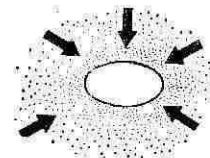
Предметная характеристика определенных районов как некой тематической последовательности может складываться из разнообразия элементов: фактуры, пространства, формы и деталей, знаков и типов зданий, функций и типа активности, характера обитателей, степени ухоженности, особенностей рельефа... В таком плотном застроенном городе как Бостон основным «ключом» для опознания важнейших районов служат характерные для них типы однородности: фасада, материала, лепного декора, орнаментики, цвета, силуэта и в особенности остекления. Типичными примерами могут служить и Бикон Хилл, и Коммонвелс Авеню. «Ключи» имеют не только визуальный характер, не менее важны и звуки. Иногда даже растерянность может играть роль «ключа» — так, одна женщина заметила, что понимает, если она потерялась, значит это Норт-энд.

Как правило, типичные характеристики представляются и опознаются как таковые в составе некоего пучка — тематической единицы. Так, образом Бикон Хилл сцеплены воедино крутые узкие улицы; старые кирпичные блокированные дома интимного масштаба, накладки, ухоженные белые порталы; черные украшения; бульжанные или вымощенные кирпичом тротуары; чувство покоя; пешеходы «высшего класса». Результирующий тематический пучок определяется уже через контраст к остальному городу и опознается немедленно. В иных частях городского центра нет такой тематической цельности, и опрашиваемые нередко объединяли вместе Бэк Бей и Саут-энд, вопреки различиям их использования, статуса и общего рисунка. Возможно, это объясняется известной архитектурной однородностью и некоторой общностью истории обоих районов. Такого рода сходство затуманивает образ города.

Чтобы образ обладал достаточной силой, необходима и некоторая мощность «ключей». Очень часто наличие нескольких ясных признаков недостаточно, чтобы сформировался тематический пучок. В таком случае район опознается лишь теми, кто хорошо знает город. Таков, например, Малый Токио в Лос-Анджелесе — его опознают обитатели, его можно опознать по уличным указателям, но других оснований, чтобы выделить его из общей матричной сетки, нет. Несмотря на ярко выраженную концентрацию этнической группы, что, паверное, известно многим, в общем образе города район занимает весьма незначительное место.

Тем не менее, соотносимость с социальным статусом имеет существенное значение в формировании образа районов. Целая серия интервью на улице выявила слои классовой принадлежности, которую люди ассоциируют с определенными районами. В Джерси-

Сити почти все районы распознаются только по классовому или этническому признаку, что почти неудовимо для того, кто не является местным жителем. И в Джерси-Сити, и в Бостоне заметно особое внимание к районам «высшего класса», в результате чего элементы этих районов приобретают преувеличенное значение. Названия районов также способствуют их опознаваемости даже в тех случаях, когда тематический пучок слишком слаб, чтобы обеспечить яркий контраст с другими частями города. Не меньшую роль могут играть и какие-то традиционные ассоциации.

Если вполне главное требование, и контрастный к остальному городу тематический пучок сформирован, степень внутренней однородности теряет часть своей важности, особенно если выделяющиеся из фона элементы располагаются в предсказуемом порядке. Угловые магазинчики в районе Бикон Хилл создают ясный ритм, который заключается в общий образ, они никоим образом не нарушают некоммерческий характер Бикон Хилл, лишь усложняя его.

У районов могут быть разные границы. Одни четкие, сильные, точные вроде границы Бэк Бей по Чарлз-ривер или у Публичного парка: все опрошенные называли эти границы без колебаний. Другие могут быть мягко очерченными или неопределенными вроде линии раздела между районами офисов и торговли в деловом центре, которую мало кто способен припомнить и точно провести. В восприятии других районов вообще отсутствуют границы, как это происходит с Саут-энд для большинства опрошенных. На рис. 24 отражены эти различия в характере границ и указаны как максимальные пределы, приписываемые разным районам, так и те, относительно которых существует общее согласие.

Такие границы явно играют вторичную роль: они определяют пределы района, могут усилить его опознаваемость, но не образуют его. Границы могут также усиливать тяготение районов к вычленинию из целостности города во вред его упорядоченности. Несколько человек указывали на дезорганизирующее влияние большого количества распознаваемых районов в Бостоне: сильные границы, усложняя переход из района в район, способны усугубить ощущение дезорганизации.

Не столь редок тип района, имеющего сильное ядро, во все стороны от которого интенсивность какой-то темы постепенно снижается. Сильный узел нередко может сформировать своего рода район в объемлющей его однородной зоне за счет силы «излучения» или близости к узловой точке. Это обычно лишь зоны, с которыми соотносят какую-то активность: они лишены ярко выраженных визуальных особенностей, но играют значительную роль в формировании мысленного образа.

Некоторые из хорошо известных районов Бостона в групповом образе оказываются лишены всякой внутренней структурности. Так,

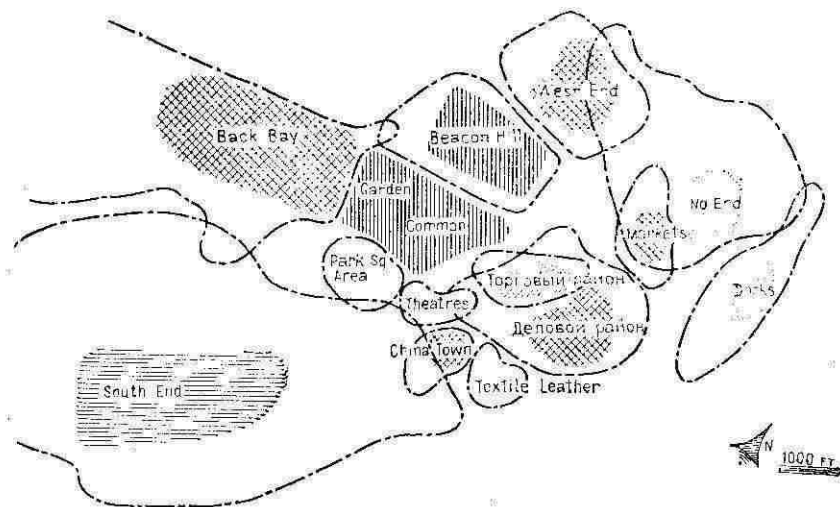

Рис. 24. Бостон. Различия в характере границ районов

многие из тех, кто распознавал Вест-энд и Норт-энд, были не в состоянии представить себе их «интерьер», различить их изнутри. Еще чаще тематически яркие районы вроде зоны рынка кажутся бесформенными как извне, так и изнутри. Район беспорядочно располагается во все стороны, расчленен Централ Артери и стиснут двумя деловыми центрами, конкурирующими между собой: Фанейл Холл и Хэймаркет Скуэр. Пространство Док Скуэр хаотично — связи с другими районами или невразумительны, или перерезаны Артери. Естественно при этом, что район рынка попросту «плавает» в большинстве образных карт. Вместо того, чтобы играть роль мозаичного по характеру соединительного звена в вершине бостонского полуострова (такую роль играет Коммон), район, хотя и отчетливо выделенный, служит лишь бесформенной барьерной зоной. Напротив, Бикон Хилл весьма четко структурирован, имея подрайоны, узел на Лунсбург Скуэр, различные ориентиры и конфигурации путей.

Одни районы интровертны, словно обращены внутрь себя, при слабой выраженности отношений с городом вне их — таковы бостонские Норт-энд или Чайнатаун. Другие экстравертны, раскрыты вовне и связаны с окружающими их элементами. Коммон зримо соприкасается с соседними районами при всей запутанности системы

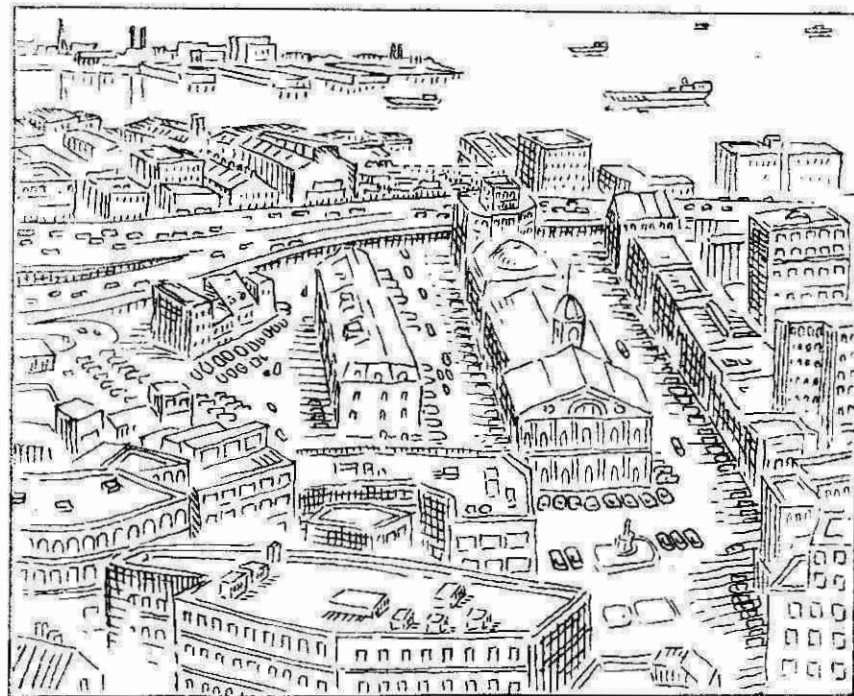

Рис. 25. Бостон. Район рынка

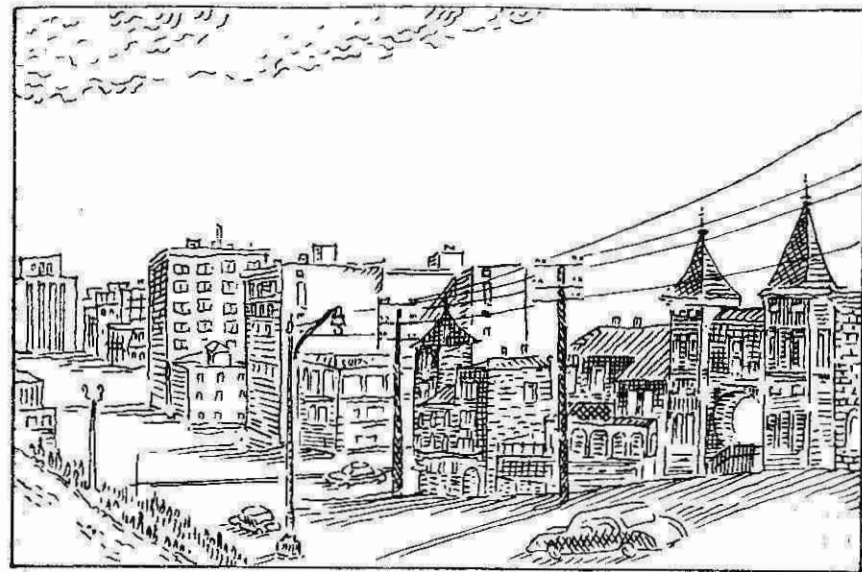

Рис. 26. Бостон. Район Банкер Хилл

путей. С другой стороны, Банкер Хилл в Лос-Анджелесе представляет собой любопытный пример района, обладающего достаточно сильной характерностью, историческими реминисценциями и топографической определенностью и даже большей приближенностью к самому сердцу города, чем Бикон Хилл. И все же город омывает и размывает этот свой элемент, топчет его топографию в столпотворении офисов, взламывает соединения его путей и вполне успешно заставляет его растворяться и даже исчезать из образа Лос-Анджелеса — очевидная потенциальная возможность существенных изменений в городском ландшафте.

Некоторые районы — одиночки, играющие сольную партию в своей зоне. К этому типу относятся практически все районы Джерси-Сити и Лос-Анджелеса, Саут-энд в Бостоне. Другие могут объединяться: Литл Токно и Сивик Центр в Лос-Анджелесе или Вест-энд — Бикон Хилл в Бостоне. В той части центрального Бостона, которая примыкает к Бэк Бей, Коммон и Бикон Хилл, торговый район делового центра, банковский район и район рынка, будучи близко расположены один к другому и достаточно прочно связаны, образуют непрерывную мозаику опознаваемых районов. Куда бы ни направлялся в пределах этой зоны, оказываешься в знакомом месте, притом что контрастность близко расположенных ареалов усиливает тематическую выразительность каждого из них.

Так, характерность Биксн Хилл, например, несомненно обостряется его близостью к Сколли Скуэр и торговой зоне делового центра.

Узлы

Узлы — это те стратегические точки (фокусы), внутрь которых можно войти; как правило, это перекрестки путей или места концентрации каких-то особых свойств. Будучи в воображении лишь компактными точками, в действительности узлы могут быть просторными площадями или протяженными линейными пространствами и даже центральными районами. Если же рассматривать окружение на национальном или глобальном уровне, то и весь город может стать одним из узлов.

Перекресток или другой тип разрыва транспортной коммуникации имеет для горожанина особую значимость. Поскольку в таких местах нужно принять решение о направлении дальнейшего движения, внимание обостряется и элементы окружения воспринимаются с особой остротой. Таким образом, все элементы, расположенные на перекрестках, можно трактовать как выделенные самим своим расположением. Когда бостошцев спрашивали, на какой стадии обычно маршрута они осознают себя внутри делового центра, большинство указывало на места пересадок или остановок транспорта. В ряде случаев это место съезда с магистрали на городскую улицу, в других — первая остановка поезда (Бэк Бей), даже если опрошенный там не выходит. Обитатели Джерси-Сити ощущают, что покинули пределы города, когда проезжают круговую развязку на Тоннель Авеню. В общем переход от одного канала транспортной коммуникации к другому воспринимается как перемещение из одного структурного элемента в другой.

В Бостоне Сколли Скуэр, кольцевая развязка на Чарлз-стрит или Южный вокзал воспринимаются как сильные узлы соединения: каждый из них служит точкой переключения для объезда препятствия, которым является Бикон Хилл. Развязка далека от изящества, но она явственно выражает переходную связь между рекой, мостом Сторроу Драйв, Чарлз-стрит и Кембридж-стрит. К тому же и открытое пространство вдоль реки, и поднятая над землей станция, и поезда, скрывающиеся в откосе холма и вынырывающие из него, и плотный поток грузовиков — все это представляет собой целостную картину. Такие узлы могут играть существенную роль и тогда, когда их предметная форма не поддается классификации, расплывчата, как, например, Джорнал Скуэр в Джерси-Сити.

Станции метро, нанизанные на невидимую систему путей, также служат стратегическими узлами соединения. Некоторые из них оказались столь существенными на карте Бостона, что кое-кто из опрошенных выстраивал весь город вокруг них. При этом большая часть таких ключевых станций твердо ассоциируется с чем-то на поверхности. Сами станции также различаются индивидуальными

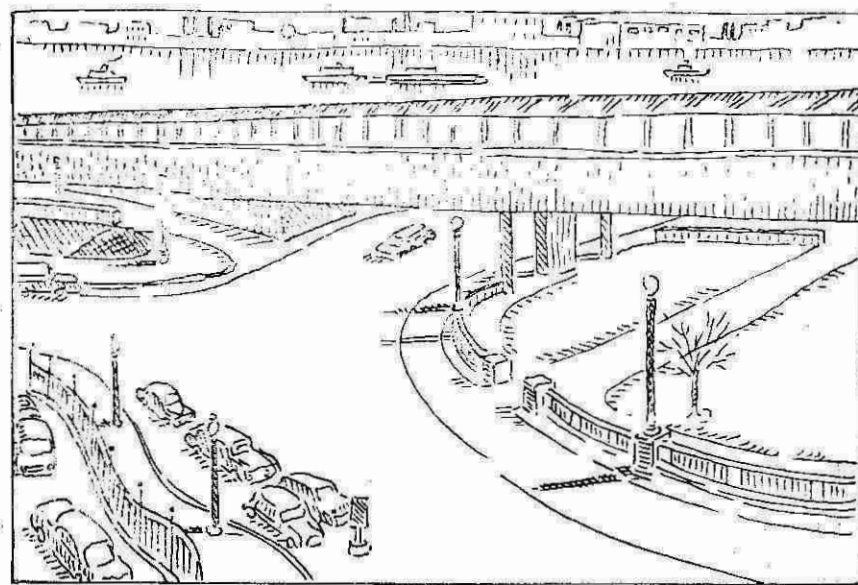

Рис. 27. Развязка на Чарлз-стрит

характеристиками: одни, как «Чарлз-стрит», опознаются легко, другие («Мекэникс») — с трудом. В большинстве случаев их трудно структурно соотносить с рисунком путей на поверхности земли, но некоторые особенно дезориентируют, например, верхняя станция на Вашингтон-стрит, где полностью теряется чувство направления. Детальный анализ вообразимости системы метрополитена и вообще транзитных систем обещает весьма многое.

Хотя важность железнодорожных вокзалов может снижаться, они почти всегда остаются ключевыми узлами города. Южный вокзал Бостона — один из самых мощных узлов на образной карте города, функционально существен для пассажира поезда, метро и для всех движущихся внутри города. К тому же он внушителен зрительно, так как его масса буквально ограничивает открытое пространство Дью Скуэр. То же можно было бы сказать и об аэропортах, если бы они были на изучавшихся нами территориях. Теоретически любой уличный перекресток является узлом, но, как правило, их значение слишком мало, и они представимы всего лишь как случайное пересечение путей — образ не в состоянии удержать слишком много узловых точек.

Другой тип узла — концентрация сюжета — также встречается весьма часто. Перлинг Скуэр в Лос-Анджелесе — яркий пример, самая яркая точка на образной карте города, сильно обрисованная очертаниями пространства, озеленением и типами активности. В Бостоне также найдется ряд примеров, в первую очередь угол

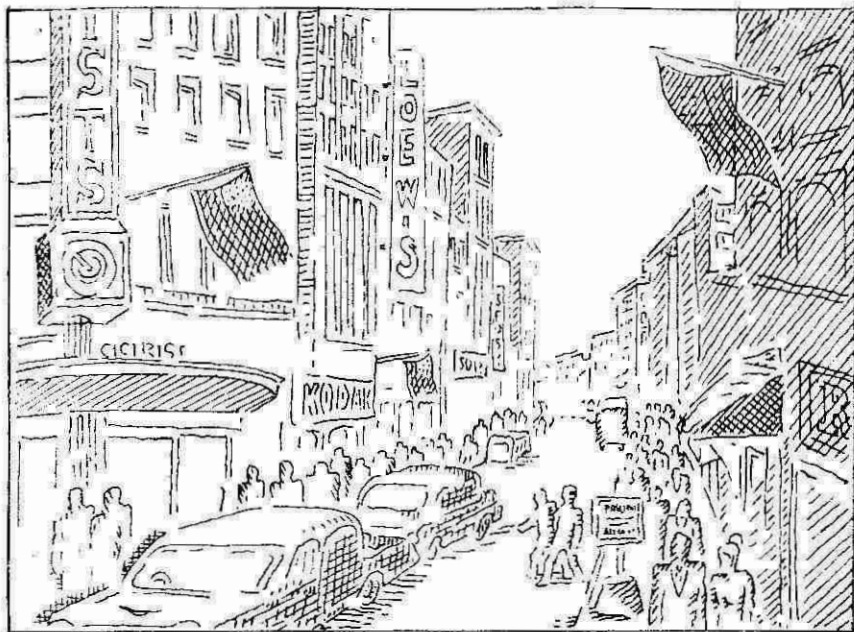

Рис. 28. Бостон. Вашингтон-стрит и Саммер-стрит

Джордан-стрит и Файлин-стрит или Лунсбург Скуэр. Первый служит к тому же связью между Вашингтон-стрит и Саммер-стрит и ассоциируется со станцией метро, но в первую очередь опознается как самый центр центра города. Это «стопроцентно» коммерческий перекресток; такая компактность, как здесь, редко встречается в больших американских городах. Это типичное ядро — фокусирующий пункт и символ целого важного в городе района.

Лунсбург Скуэр — иной пример концентрации сюжета, хорошо известное открытое пространство в спокойной жилой зоне, пропитанное духом «верхнего класса», ограниченное парком, легко распознаваемым по ограде. Это еще более чистый пример концентрации, чем угол Джордан — Файлин, поскольку здесь нет коммуникационного узла, и об этой площади говорят только, что она расположена «где-то внутри» Бикон Хилл, а ее значимость как узла значительно превосходит чисто функциональное значение.

Узлы могут совмещать в себе функции транспортного соединения и концентрации сюжета, как на Джорнал Скуэр в Джерси-Сити, где сосредоточены автобусное и автомобильное движение и активная торговля. Концентрация какого-то сюжета может становиться фокусным пунктом для района, подобного углу Джордан — Файлин и, может быть, Лунсбург Скуэр. Другие узлы не претендуют на роль фокусирующих точек, будучи лишь изолированными концент-

рациями сюжета в пространстве, вроде Ольвера-стрит в Лос-Анджелесе.

Сила и выразительность формы вовсе не являются принципиально необходимыми для опознаваемости узла, подтверждением чему могут служить Джорнал Скуэр и Сколли Скуэр, но там, где пространство ясно оформлено, впечатление, несомненно, сильнее. Узел запоминается сам по себе, и если бы Сколли Скуэр обладала пространственной формой, сопоставимой с ее функциональной значимостью, она безусловно была бы одним из «ключей» Бостона. Однако в нынешней форме она не поддается запоминанию сколько-нибудь упорядоченным образом. Лишь семеро из тридцати опрошенных помнили, что на Сколли Скуэр есть станция метро, по поводу же всего остального не было никакого согласия. Очевидно, площадь вообще не производит визуального воздействия на наблюдателя и характер вливания в нее различных путей, что и придает ей функциональную важность, остается в целом невразумительным.

Напротив, узел вроде Копли Скуэр, несмотря на его меньшую функциональную роль (он удерживает кресток Хантингтон Авеню), представляется чрезвычайно четко и связи различных подводящих путей прочтываются безошибочно. Узел легко опознается прежде всего по индивидуальным характеристикам зданий, фланкирующих площадь: библиотека, церковь Троицы, отель «Копли Плаза», вид на Джон Ханкок Билдинг. Это в большей степени концентрация активности и сосредоточение выделяющихся из общего фона сооружений, чем некое пространственное целое.

У узлов, подобных Копли Скуэр, Лунсбург Скуэр или Ольвера-стрит, очень четкие границы, опознаваемые после того, как вы сле-

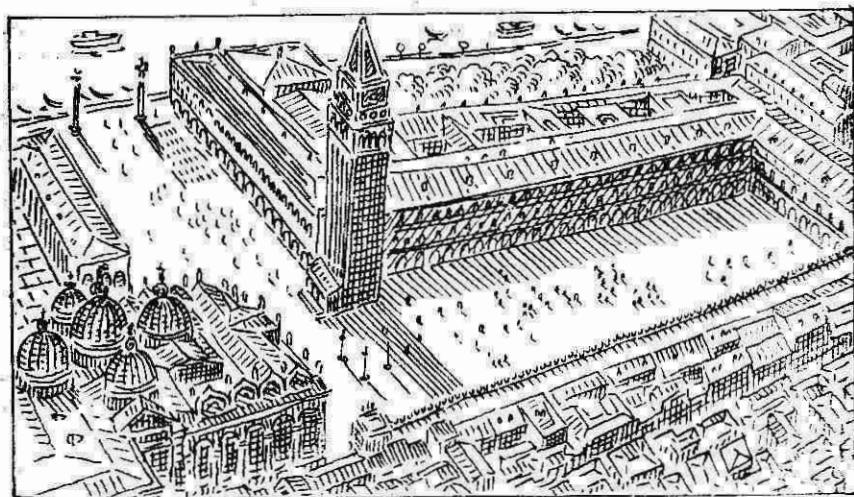

Рис. 29. Венеция. Площадь св. Марка

лаете несколько шагов. Другие, вроде угла Джордан — Файлин, представляют собой лишь точку предельной концентрации како-

го-то сюжета, не имеющего ясно выраженного начала. Но в любом случае наиболее эффективным становится тот узел, который максимально усиливает какую-то характеристику окружения и обладает известной уникальностью облика.

Узлы, как и районы, могут быть интровертными или экстравертными. Интровертна Сколли Скуэр: находясь на ней или рядом с ней, трудно уловить какую-либо направленность вовне. Главными направлениями в ее окрестностях служат «в ней» или «от нее», основное чувство местонахождения при появлении здесь — простое «я здесь». Бостонская Дьюн Скуэр экстравертна: основные направления очевидны, связи с деловым районом, торговым районом и набережной прочитываются ясно. Одному из опрошенных Южный вокзал на Дьюн Скуэр казался огромной стрелой, указывающей в сердце делового района. Кажется, что подход к такому узлу всегда осуществляется с определенной стороны. Такое же свойство направленности есть у Першинг Скуэр (прежде всего из-за наличия отеля «Билтмор»), но в этом случае есть сложности с определением локализации узла в решетке путей.

Большинство этих качеств синтезированы в знаменитом итальянском узле — площади св. Марка в Венеции. Сложно организованная, насыщенная, тонко расчлененная, она резко контрастирует с общим характером города и узкими, изломанными пространственными элементами своего ближайшего окружения. Но она прочно связана с основным элементом города — Большим каналом, и ее форма имеет ясно ориентированный характер, четко обозначающий направления подхода к ней. Внутренне она также расчленена и структурирована: два пространства (Пьяцца и Пьяццетта) и множество ясных ориентиров (Собор, Палаццо Дожей, Кампанилла, Библиотека). Это пространство столь характерно и определено, что множество людей, никогда не бывавших в Венеции, опознают ее по фотографии мгновенно.

Ориентиры

Внешние ориентиры, точки соотнесения представляют собой материальные элементы, широко варьирующиеся по размерности. Те, кто знаком с городом хорошо, явно предпочитают опираться на систему ориентиров, т. е. воспринимать скорее уникальное и специфическое, чем протяженное и обобщающее. Поскольку использование ориентиров предполагает выделение одного элемента из множества окружающих, ключевой предметной характеристикой элементов этого типа являются единичность, наличие какого-то свойства, уникального и запоминающегося в общем контексте. Ориентиры легче опознаются, быстрее осознаются как значимые, если у них ясная форма, если они остро контрастны фону и если пространственная

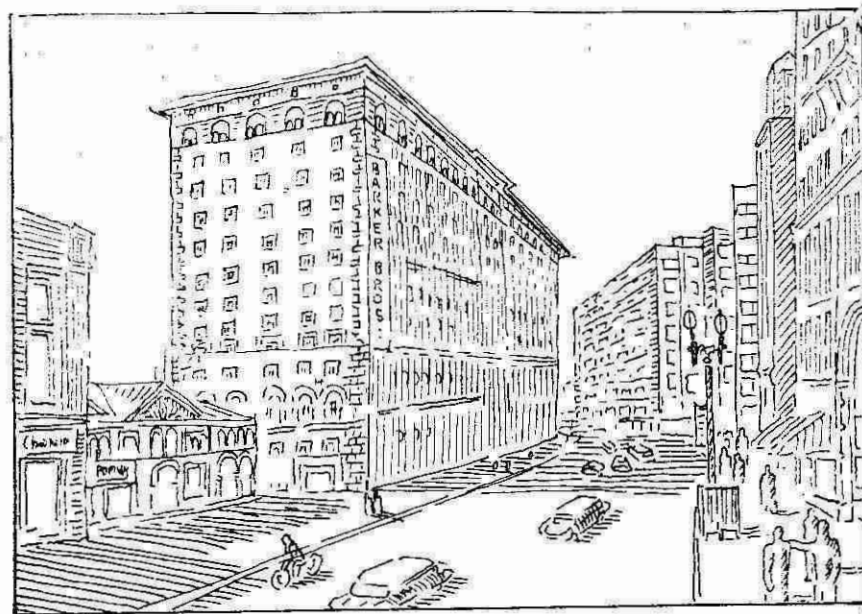

Рис. 30. Лос-Анджелес. «Маленькая седал леди» на Седьмой улице

локализация дает им чем-то выделяющееся положение. Основным фактором является контрастность фигуры и фона. При этом фон, на котором выступает ключевой элемент, отнюдь не обязательно образован только непосредственным окружением: похожий на кузнечика флюгер Фанейл Холл, золотой купол Капитолия штата или пирамидальное завершение лос-анджелесского Сити Холл — ориентиры, для которых фоном служит весь город.

С другой стороны, ориентиры могут быть избраны за их чистоту в грязном городе (здания Крисчен Сайенс в Бостоне) или новизну среди старого окружения (церковь на Арч-стрит). Медицинский центр в Джерси-Сити в равной степени известен и своим крупным размером, и маленьким цветником перед ним. Старый архив в лос-анджелесском Сивик Сентр — узкое грязно-серое сооружение, расположенное под углом к остальным гражданским зданиям и резко отличающееся от них остеклением и декором. Но вопреки незначительной функциональной или символической значимости сооружения этот контраст расположения, возраста и масштабности создает хорошо опознаваемый образ, для одних привлекательный, для других раздражающий.

Выдающиеся в пространстве элементы могут стать ориентирами в двух случаях: или элемент виден с множества направлений (здания Джон Хэнкок Билдинг в Бостоне и Риверфилд-Ойл Билдинг в Лос-Анджелесе), или резко контрастирует с соседствующими эле-

ментами за счет размещения или высоты. В Лос-Анджелесе, на Сельмой улице, угол Флауэр-стрит, стоит серое двухэтажное деревянное здание, отодвинутое метра на три от красной линии. В нем несколько лавочек. Дом привлекает внимание и воображение множества людей, один из которых назвал здание «маленькой седой леди». Пространственный сдвиг и интимный масштаб превращают домик в нечто заметное и привлекательное среди ландшафта по контрасту с серыми громадинами, занимающими весь фронт улицы.

Расположение на перекрестке или месте пересадки усиливает ориентир. Деятельность, сопряженная с каким-то элементом, может превратить его в ориентир. Парадоксальным примером служит Симфонический зал в Лос-Анджелесе. Этот зал — предельная форма отрицания представимости как таковой: человек, попавший сюда впервые, не в состоянии разыскать его в арендованных помещениях бесформенного здания, надпись на котором гласит к тому же «Баттистский храм». Сила этого ориентира вырастает из раздражающего контраста между культурным статусом и ролью невидимки. Укреплению силы ориентира способствуют исторические или иные ассоциативные значения, как это происходит с Фанейл Холл или Капитолием в Бостоне.

Отдаленные ориентиры, обозреваемые с множества углов зрения, как правило, прекрасно известны, но в Бостоне только люди, почти незнакомые с городом, пытаются использовать их для упорядочения образа города или выбора путей для прогулки. Только новичок может ориентироваться по зданиям Джон Хэнкок Билдинг или Таможни.

Как оказалось, лишь немногие могут верно почувствовать, где расположены эти отдаленные ориентиры и как добраться до подножия этих зданий. Большинство отдаленных ориентиров в Бостоне оказываются «безногими» — у них своего рода «плавающее» качество. Джон Хэнкок Билдинг, Таможня и Суд играют в общем силуэте явно доминирующую роль, но местонахождение и распознавание их оснований имеют меньшее значение, чем локализация их венчаний.

Золотой купол бостонского Капитолия кажется одним из нескольких исключений из названного правила «ускользания». Уникальность очертаний и функции, расположение на вершине холма и раскрытость к Коммон, различимость сияющей позолоты купола с больших расстояний — все это делает его ключевым знаком центра Бостона. У него достаточная степень распознаваемости на различных уровнях отношения, а идейная и визуальная значимости совпадают.

Те, кто пользуется отдаленными ориентирами, отталкиваются от них только при общем выяснении направления или, еще чаще, чисто символически. Одни считают, что здание Таможни придает цельность Атлантик Авеню, потому что его можно видеть почти с любой точки на этой улице, для других оно — своего рода камертон банковского района, потому что ритмически появляется в просветах этой зоны.

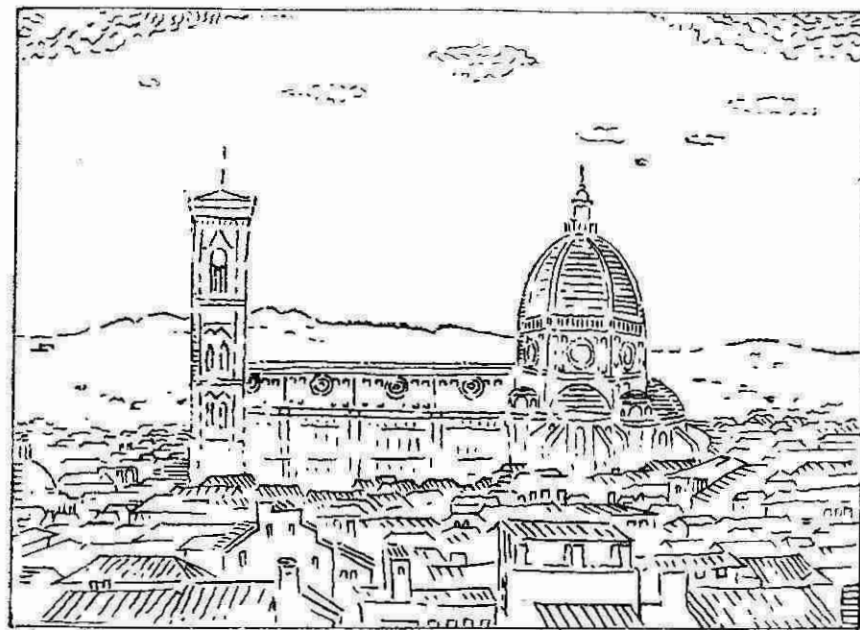

Рис. 31. Флоренция. Собор

Флорентинский собор (Дуомо) — первоклассный пример отдаленного ориентира: видимый вблизи и издалека, ночью и днем, его купол опознается безошибочно; он нерасторжимо связан с историей города; его расположение совпадает с транспортным узлом; купол пространственно взаимосвязан с колокольной таким образом, что наблюдатель легко устанавливает направление даже с большого расстояния. Этот город трудно себе представить без мощной массы Дуомо.

И все же во всех изучавшихся нами городах гораздо интенсивнее используются локальные ориентиры, видимые только с незначительных расстояний. Этот класс охватывает все мыслимые виды объектов. Само количество местных элементов, становящихся ориентирами, зависит в равной степени от их качеств и от степени знакомства наблюдателя с окружением. Те, кто знает город плохо, в кабинетном интервью называли лишь несколько ориентиров, но в процессе контрольной прогулки обнаруживали их гораздо больше. Даже звуки и запахи нередко усиливают роль визуального ориентира.

Ориентиры могут быть изолированными, одиночными элементами, лишенными подкрепления. Но тогда, за исключением очень крупных или очень специфических, они слабы — их нетрудно пропустить и приходится специально разыскивать. Так, одиночный светофор или табличку с названием улицы можно отыскать только при активном сосредоточении внимания. Гораздо чаще локальные ориентиры образуют группы или пучки, в которых каждый элемент уси-

ливаает соседний за счет повторности и распознается в значительной степени в связи с контекстом.

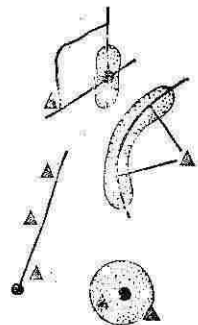
Последовательные серии ориентиров, в которых одна деталь вызывает ожидание следующей, облегчают путешествие по городу. Такие серии непременно включают в себя «запускающие» звенья — обычно там, где следует принятие решения о смене направления движения, и «подтверждающие» звенья, удостоверяющие правильность принятого решения. Дополнительные детали нередко помогают ощутить приближение к месту назначения или промежуточному контрольному пункту. И для эмоционального равновесия, и для практического эффекта необходимо, чтобы такие серии не имели длинных пауз, хотя и возможна концентрация подобных деталей и узлов. Серия облегчает и опознавание, и запоминание; наблюдатель может накапливать обширный запас точечных образов в привычной последовательности, но стоит перевернуть или спутать эту последовательность — и опознаваемость будет резко снижена.

Взаимоотношения элементов

Перечисленные элементы представляют собой не более чем сырой материал для образа окружения в масштабе города. Чтобы получилась удовлетворительная форма, их необходимо связать определенным рисунком. Предыдущее рассуждение касалось групп сходных элементов — сети путей, связки ориентиров, мозаики районов. Следующий логически необходимый шаг — рассмотрение взаимодействия пар несходных элементов.

В таких парах элементы при взаимодействии могут взаимно усиливаться, но могут вступать и в конфликтное отношение и даже мешать восприятию друг друга. Очень крупный ориентир может совершенно подавить и словно выбить из масштаба маленький район у его подножия. Будучи правильно расположен, ориентир способен зафиксировать локализацию и усилить ядро или узел, но, сдвинутый в сторону, он может дезориентировать, подобно тому как это делает Джон Хэнкок Билдинг с Копли Скуэр в Бостоне. Широкая улица, выступая в роли пути и границы, может проникнуть внутрь и раскрыть район вовне, но одновременно она способна и разорвать его. Деталь, служащая ориентиром, может оказаться столь чужеродной характеру района, что разрушит его однородность, или, напротив, может обладать как раз той силой контрастности, которая усилит целостность характера.

Районы, преобладающие над другими элементами за счет своих величин, содержат в себе различные пути, узлы и ориентиры. Эти вторичные элементы не только придают району внутреннюю структурность, но и способны усилить опознаваемость целого, обогащая

и углубляя его характерность. Бикон Хилл удачно иллюстрирует этот эффект усиления. В целом же компоненты структуры и опознаваемости (как части образа, который нас интересует) словно играют в чехарду по мере перемещения наблюдателя с уровня на уровень. Так, опознаваемость окна входит структурным элементом в рисунок окон, который в свою очередь может стать ключом к опознанию здания. Сами здания своим взаимодействием формируют опознаваемое пространство и т. п.

Пути, являющиеся основными элементами в персональных образах и становящиеся главным средством организации на уровне метрополитана или региона, вступают в тонкие отношения с другими элементами. Узлы соединения возникают автоматически на главных перекрестках и у вокзалов, и характер их пространственной формы может существенно усилить эти важные пункты всякого путешествия. Узлы в свою очередь не только усиливаются присутствием ориентира (как на Копли Скуэр), но сами образуют тип расположения, который почти гарантирует сосредоточение внимания на ориентире. В то же время пути приобретают опознаваемость и индивидуальную ритмику не только за счет собственной формы или узлов соединения, но благодаря районам, через которые они проходят, границам, вдоль которых они проведены, и ориентирам, рассредоточенным по длине.

Все эти элементы действуют одновременно в общем контексте. Было бы интересно тщательно исследовать свойства различных пар: ориентир — район, узел — путь и т. п., но для того, чтобы обсуждать целостный рисунок, необходимо продвинуться дальше в изучении проблемы.

Большинство наблюдателей группируют элементы в некие промежуточные объединения, которые можно назвать комплексами. Наблюдатель ощущает комплекс как некоторое целое, части которого взаимозависимы и относительно четко взаимно фиксированы. Так, большинство бостонцев соединяют основные элементы — Бэк Бей, Коммон, Бикон Хилл и центральный торговый район — в единый комплекс. Для других размеры их «местности» гораздо меньше, например только центральный торговый район и ближайшая к нему сторона Коммон. Вне такого комплекса обнаруживаются провалы опознаваемости. Так, большинство бостонцев улавливают лишь очень слабую связь между деловым или банковским районом и центральным торговым районом по Вашингтон-стрит, хотя в действительности они расположены вплотную один к другому. Аналогичная «удаленность» уже упоминалась в отношении загадочной «ямы» между Сколли Скуэр и Док Скуэр, разделенных всего одним кварталом. Психологическая дистанция между двумя «местностями» может оказаться гораздо большей или труднее преодолимой, чем этого следовало бы ожидать, судя по их действительной удаленности друг от друга.

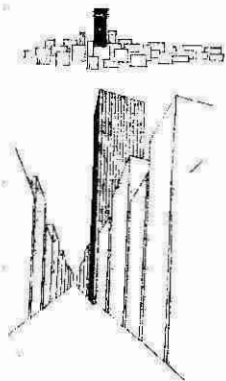
Мы заняты здесь в значительно большей степени путями, чем обобщающим целым, потому что наши исследования находятся в на

чальной стадии и только после успешного различения и понимания путей можно перейти к изучению целостной системы. Есть основания считать, что образ может быть непрерывным полем, где ущерб, нанесенный какому-то одному элементу, немедленно отзываться на всех других. Само лишь опознание объекта зависит от контекста, от его окружения в столь же значительной степени, как и от его собственной формы. Так, одно лишь существенное искажение формы одной крупной системы — излом Коммон — запечатлевается в обобщающем образе Бостона, т. е. распространяется далеко за пределы ее непосредственного окружения. Однако к сожалению, «эффект поля» в рамках нашей работы почти не мог быть затронут.

Зыбкость образа

Практика показывает, что вместо одного всеобъемлющего образа окружения возникают ряды или серии образов, в большей или меньшей степени накладывающихся один на другой и взаимосвязанных. Как правило, они распределяются по уровням в приблизительном соответствии с размерностью территории, так что восприятие наблюдателя с неизбежностью переключается с уровня улицы на уровень микрорайона, города или региона.

В обширной и сложной системе окружения подобное упорядочение по уровням оказывается технической необходимостью, но оно вынуждает наблюдателя затрачивать дополнительный труд на организацию видения, особенно значительный в тех случаях, когда эти уровни плохо связаны. Высокое здание, безошибочно опознаваемое в панораме целого города, трудно опознать, находясь у его подножия. Это означает, что утрачена возможность связать образы, формирующиеся на двух разных уровнях организации. С другой стороны, здание Капитолия на Бикон Хилл словно пронизывает собой ряд уровней образа и именно поэтому занимает стратегическую позицию в организации всего центра.

Образы могут различаться не только по размерности территории, охватываемой ими, но и в зависимости от угла зрения, времени года или суток. Образ Фанейл Холл при восприятии его от рынка должен быть сопоставлен с образом, возникающим при движении по Артери. У ночного образа Вашингтон-стрит должна быть некоторая инвариантная характеристика, позволяющая соотнести его с образом той же улицы в дневное время. Пытаясь установить эту устойчивость вопреки очевидным несовпадениям воспринимаемых образов, многие наблюдатели очищают образ от визуального содержания и оперируют сугубыми абстракциями — «боковая

улица», «ресторан» и т. п., поскольку последние сохраняют тождественность себе в любое время, в любую погоду, при любом способе передвижения наблюдателя.

Наблюдателю приходится также приспосабливать наличный образ к потоку изменений предметной действительности вокруг: Лос-Анджелес прекрасно иллюстрирует прагматические трудности и эмоциональный стресс, возникающий при сопоставлении образа с непрерывными изменениями окружения. Крайне существенно попытаться установить, как можно сохранить преемственность в потоке подобных перемен; ведь если необходимы связи между различными уровнями организации образа, то тем более необходимы связи преемственности, способные устоять в вихре реконструкции. Ясно, что уже сохранение старого дерева, трассировки путей или какой-то местной особенности значительно способствует закреплению таких связей.

Сама последовательность, в которой наносятся на бумагу кроки, эскизные планы, указывает на то, что образ развивается или разрастается несколькими путями. Некоторые из них можно считать выявленными четко:

а) довольно часто образ развивается в связи с привычными маршрутами движения сначала вдоль, а затем в стороны от них. Поэтому и план строится как разветвляющийся рисунок, начинаемый от какой-то исходной точки или от основной линии вроде Массачусетс Авеню;

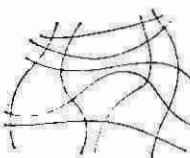
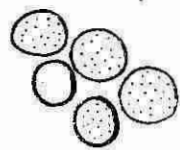
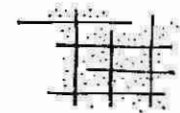
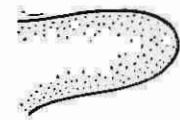
б) построение некоторых планов начиналось с проведения какого-то контура, объемлющей линии вроде полуострова Бостона, а затем рисунок заполнялся внутрь, к центру;

в) другие, особенно в Лос-Анджелесе, были начаты с изображения основной повторяющейся схемы (решетки путей), а затем к ней добавлялись частности;

г) несколько меньшее число планов было начато с изображения нескольких примыкающих или соседствующих один с другим районов, а затем уже наносились связи между ними и их внутреннее наполнение;

д) в нескольких примерах обследований, проведенных в Бостоне, построение плана начиналось от хорошо знакомого «зерна» или плотного ядра, к которому уже пристраивалось все остальное.

Сам образ отнюдь не выглядит как точная модель действительности, уменьшенная в масштабе и последовательно абстрагирован-

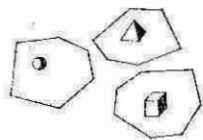

ная. В ходе намеренного упрощения от возникает за счет отбрасывания или добавления новых элементов к действительности, за счет слияния и искажений, упорядочения и связывания отдельных частей. Это вполне удовлетворяло авторов: если бы перестроить нанесенный на бумагу образ «правильным» путем, он утерял бы логику сознательного искажения.

Сколь бы ни был искажен закрепленный на бумаге образ, в нем непременно содержится топологическая инвариантность по отношению к действительности. Карты рисуются как будто на безгранично эластичном листке: направления искажены, расстояния растянуты или сжаты, крупные формы столь не соответствуют своей действительной масштабности, что поначалу их невозможно опознать. Однако последовательность звеньев, как правило, верна, и случаи, когда карта словно разорвана на куски и склеена в ином порядке, чрезвычайно редки: без такой последовательности образ вообще лишился бы всякой ценности.

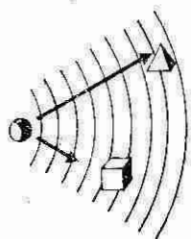
Качество образа

Изучение различных индивидуальных образов, выявленных у опрошенных бostonцев, показало, что образы одного и того же элемента существенно различались у разных наблюдателей по относительной плотности или насыщенности, т. е. степени заполнения деталями. Образ может быть весьма плотен, как на рисунке Ньюбери-стрит, где по длине улицы опознано каждое здание, или весьма разжижен, как на другом рисунке, где Ньюбери-стрит выглядит просто улицей, фланкированной старыми зданиями различного использования.

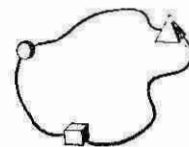

Другое различие следует провести между конкретными, живыми, чувственными образами и образами обобщенными, лишенными чувственного оттенка, абстрагированными. Так, мысленный образ здания может обладать живостью, охватывать форму, цвет, фактуру и детализировку или, напротив, может быть сугубо абстрактным, когда сооружение определяется как «ресторан» или «третий дом от угла».

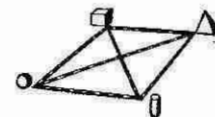
Существенно, что живость образа отнюдь не обязательно сопряжена с плотностью, а абстрагированность — с его ненаполненностью. Образ может быть одновременно и плотным, и абстрактным, как у диспетчера такси, чье знание улиц города включает сопоставление номеров домов и характеристик размещенных в них заведений — квартал за кварталом, но совершенно лишен конкретности в характеристике облика этих зданий.

Образы можно различить и по типу структурированности — по способу, которым их части взаимосвязаны и упорядочены. Здесь можно зафиксировать четыре стадии в зависимости от степени структурной точности:

а) различные элементы существуют свободно и независимо, между ними нет ни связей, ни тем более упорядоченности связей. «Чистых» случаев такого типа обнаружено не было, но в ряде образов проявлялась очевидная расчлененность: множество разрывов и не соотношенных между собой элементов. Здесь осмысленное, целенаправленное перемещение без посторонней помощи оказывалось неосуществимым, если только не прибегать к полному обследованию зоны (что означает построение новой структуры уже на месте);

б) структура выражается через установление позиций: части грубо соотносятся одна с другой в категориях направления и (иногда) сравнительной удаленности, но так и не соединяются. Одна из опрошенных особенно настойчиво соотносила свою позицию с несколькими элементами, не зная, как связать их между собой. Мысленное движение осуществлялось путем поиска во время продвижения в правильно определенном общем направлении с многократными возвращениями для восстановления маршрута и проверки расстояний, чтобы не пропустить пункт назначения;

в) значительно чаще структура имеет гибкий характер: отдельные части связаны между собой, но свободно, будто соединенные эластичными или свободно провисающими веревками. Общая последовательность примечательных мест известна, но создаваемый воображением план может быть и совершенно искаженным, а сам характер этих искажений может меняться от случая к случаю. Стоит процитировать одного из опрошенных: «Я предпочитаю представлять себе несколько главных точек и то, как от одной перейти к другой, и у меня нет охоты беспокоиться обо всем прочем». Наличие гибкой структуры облегчает передвижение, поскольку оно совершается по известным путям с известной последовательностью. Однако перемещение между парными элементами, соединенными не привычным способом или по непривычным путям, оказывается весьма затруднительным;

г) по мере увеличения числа связей структура тяготеет к более жесткой форме: все части оказываются прочно связаны между собой, а сами искажения встраиваются в общий рисунок. Владелец подобного плана способен перемещаться значительно свободнее и может по желанию соединить между собой заданные новые точки. Когда плотность образа достигает определенного предела, образ приобретает свойства целостного поля, в пределах которого взаимодействие может осуществляться по любому направлению и на произвольной дистанции.

Эти особенности структуры могут получить различное применение на том или другом уровне. Так, например, каждый из двух районов города может обладать жесткой внутренней структурой, соединяясь с другим одним узлом или «швом». Но если эта связь развивается во внутренней структуре районов, она остается гибкой. Многие бostonцы замечают именно этот эффект на Сколли Скуэр.

Есть еще один способ выявления целостной структуры. Для одних образ упорядочивается мгновенно — в виде серий, образуемых каким-то целым и его частями при логике построения «от общего к частному». Такого рода упорядоченность приобретает качество статичного плана. Всякое соединение осуществляется посредством восхождения от частности к ближайшему для нее обобщению и уже от него — к другой частности. Так, чтобы пройти от Госпиталя к церкви Олд Норт, необходимо сначала сообразить, что Госпиталь размещается в Саут-энд и что Саут-энд расположен в центре Бостона, затем локализовать Норт-энд и церковь в его пределах.

Подобный тип образа можно назвать иерархическим.

Для других образ формируется более динамично: связи между частями приобретают временный характер (даже в пределах очень короткого отрезка времени) и воспроизводятся как бы с помощью движущейся кинокамеры. Подобный образ теснее связан с опытом действительного движения по городу, и его упорядоченность можно назвать континуальной. Здесь место статичных нерархических рядов занимает разворачивание взаимосвязей как таковых.

Из всего сказанного можно заключить, что наиболее адекватны образы, которые близки к свойствам сильного целостного поля: плотные, жесткие и одновременно живые; образы, в которых используются одновременно все типы элементов, которые могут упорядочиваться или нерархически, или континуально — в зависимости от необходимости. Конечно, несложно обнаружить, что такой образ труднодостижим или вообще недостижим, что существуют индивидуальные или общекультурные типы восприятия, при которых невозможно превзойти некоторые исходные ограничения способности упорядочивать. В связи с этим окружение должно быть или привязано к определенному культурному стереотипу, или, что вероятнее, оформлено одновременно многими способами для того, чтобы оно могло удовлетворять требованиям различных индивидов, существующих в нем.

Мы непрерывно заняты попытками организовать окружение, опознать и структурировать его, и характер окружения в большей или меньшей степени способствует таким попыткам. Реконструкция городов должна, в частности, иметь целью придание им такой формы, которая облегчала бы усилия достижения такой организованности, а не препятствовала бы им.

Форма города

В принципе мы можем сформировать наш новый урбанистический мир как представимые ландшафты: распознаваемые, связанные и ясные. Это требует, однако, и нового отношения со стороны горожанина, и материальной реконструкции окружения для придания ему визуально осмысленной формы, организованной от уровня к уровню во времени и пространстве и действительно пригодной для того, чтобы стать символом городского образа жизни. В этой главе мы попытаемся предложить несколько конструктивных соображений по этому поводу.

Большинство объектов, которые мы привыкли называть красивыми, будь то картина или дерево, — суть монофункциональные предметы, в которых или отпечаток единой воли, или процесс долгой эволюции образуют прочную, очевидную связанность каждой мельчайшей детали с общей структурой. Город — полифункциональная, подвижная организация, вместившая множества функций, осуществляемых множеством участков с различной скоростью. Ни строгая специализация, ни полная запутанность не могут считаться желаемыми, да они и неправдоподобны. Форма города должна быть в какой-то степени нечеткой, пластичной по отношению к потребностям и восприятию горожан.

Однако есть фундаментальные функции, которые безусловно должны быть выражены формой города: система коммуникаций, тип землепользования, основные центры. Эта форма должна воплощать в себе наиболее общие ожидания и представления, чувство общности. И, наконец, если окружение визуально организовано и обладает яркой опознаваемостью, оно позволяет каждому горожанину дополнить его личными значениями, связать с ним личные ассоциации.

Чтобы ограничиться одним примером, сошлемся на Флоренцию — город с мощной индивидуальностью, вызывающей глубокую привязанность у множества людей. Хотя чужаки поначалу воспринимают ее как холодноватую и даже отчужденную, они не могут отрицать специфическую для Флоренции силу воздействия. Вне зависимости от экономических или социальных проблем жить в таком окружении — значит добавить жизненному опыту дополнительную глубину: чувства удовлетворения, меланхолии или причастности.

Конечно, у этого города грандиозное экономическое, культурное и политическое прошлое, и зримые свидетельства этого прошлого составляют значительную часть характерности этого города. Но дело еще и в том, что это отлично обозреваемый город. Лежащий в долине реки Арно между холмами, он расположен так, что холмы и город почти всегда зрительно взаимосвязаны.

С юга открытая местность проникает почти до самого сердца города, образуя яркий контраст, и с террасы на одном из последних крутых холмов открывается вид сверху на городское ядро. С севе-

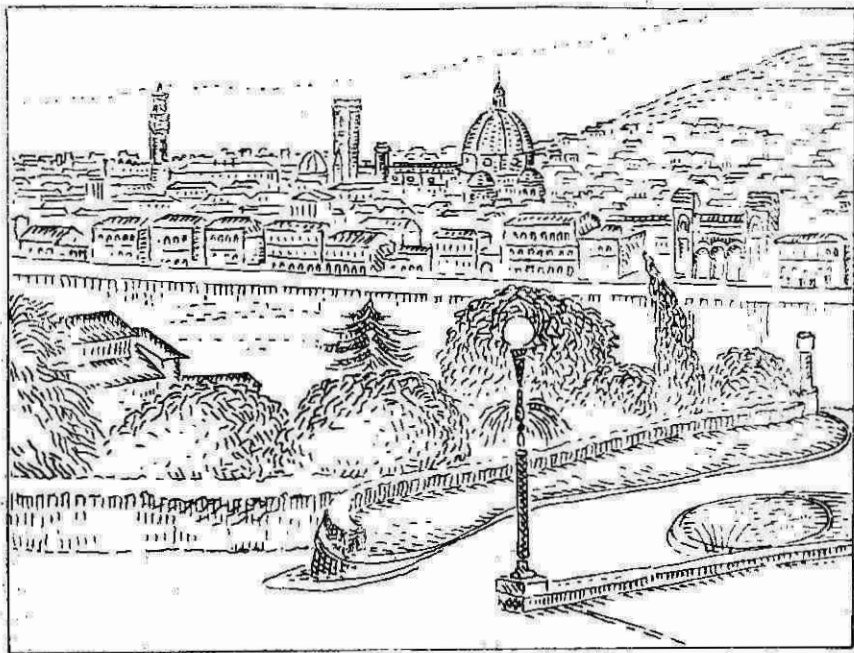

Рис. 32. Флоренция, вид с юга

ра мелкие селения вроде Фьезоле или Сеттиньяно отчетливо выступают на холмах с характерными очертаниями. Над самым центром города поднимается мощный, безошибочно опознаваемый купол собора Дуомо и рядом Кампанилла Джотто — ориентир, видимый из любой части города и на расстоянии многих километров от него.

Центр города обладает характером почти подавляющей силы: щели мощенных камнем улиц; высокие облицованные камнем или оштукатуренные здания желто-серого оттенка со ставнями на окнах, коваными решетками и похожими на пещеры входами, прикрытыми характерными глубокими флорентинскими карнизами. В пределах этой зоны множество сильных узлов, определенность форм которых подчеркнута особенностями использования или типом пользователя. Вся центральная зона усеяна ориентирами, имеющими собственное имя и собственную историю. Река Арно пререзает это целое, соединяя его с окрестным ландшафтом.

С этими ясными и дифференцированными формами люди чувствуют себя связанными крепкими узлами исторического или сугубо личного содержания. Любой из городских видов мгновенно опознается и вызывает поток ассоциаций. Все части сцеплены между собой, и зримое окружение становится интегральной частью жизни флорентийцев. Даже в этом ограниченном смысле представимости город никоим образом не может быть назван совершенным, но су-

ществует простое, само по себе возникающее удовольствие, чувство удовлетворенности, чувство присутствия и «правильности», вызываемое одним лишь видом этого города или возможностью пройтись по его улицам.

Конечно же, Флоренция — необычный город. Даже если не связывать наши рассуждения с США, радующий взгляд город — несомненная редкость. Впечатляющим деревням или отдельным частям городов несть числа, но во всем мире вряд ли больше двадцати — тридцати городов, являющих собой в целом образ непрерывной и яркой силы. И среди них нет ни одного, который охватывал бы территорию более нескольких квадратных километров. Хотя агломерации давно уже не редкость, в мире нет ни одной, которая как целое обладала бы сильным визуальным характером или очевидной структурой. Все знаменитые города в равной степени страдают от процесса совершенно безличного расплывания их периферии.

Резоно в связи с этим задать вопрос: возможна ли вообще агломерация (или хотя бы город), обладающая силой непрерывной представимости, а если возможно, то нужно ли это кому-либо? Поскольку примеров нет, приходится в виде аргументов использовать предположения и экстраполицию опыта прошлого. В прошлом люди неоднократно расширяли масштаб своего восприятия, сталкиваясь с новыми задачами, и нет оснований полагать, что это не может произойти вновь. К тому же есть уже участки автомагистралей, явственно демонстрирующие, что такая крупномасштабная организация принципиально возможна.

Можно также сослаться на примеры сверхкрупных зримых форм, не связанных с городом. Большинство может припомнить какие-то любимые ландшафты, обладающие той степенью расчлененности и структурности, той ясностью формы, какую мы хотели бы воспроизвести в жилой среде. Именно такой характер имеет пейзаж к югу от Флоренции, раскрывающийся с дороги на Поджибонси. Долины, гребни гор и маленькие холмы чрезвычайно разнообразны, но явно образуют единую систему; на севере и востоке Апеннины замыкают горизонт. Земля, охватываемая взором на большое расстояние, расчищена и засажена всевозможными культурами — пшеницей, оливковыми деревьями, виноградом, четко различимыми по цвету и специфической фактуре. Каждая складка рельефа отражена в рисунке полей, плантаций и дорог; вершина каждого холма увенчана селением, церковью или башней, так чтобы каждый мог сказать: «Вот мой город, а это другой». Следуя геологическому строению рельефа, люди достигли здесь тонкого и отчетливо зримого вписывания собственных действий в окружающую среду. Целое образует единый ландшафт, и все же каждую его часть можно легко отделить от соседней.

Сэндвич в штате Нью-Гэмпшир, там, где Белые горы спускаются к истокам рек Мерримак и Пискатаква, можно рассматривать в качестве такого же примера. Стена заросшей лесом горы резко контрастна всхолмленной, полукультивированной стране внизу. К югу

от гор Оссини встречаются последние изолированные группы холмов. Некоторые вершины вроде горы Кокоруа имеют ярко специфическую форму. Самый сильный эффект возникает в «интервалах» — плато у самых подножий гор. Они полностью расчищены и создают такое же странное и сильное ощущение «места», какое возникает во Флоренции.

Гавайи — такой же, хотя и более экзотический, пример: острые силуэты гор, сочный цвет скал и больших утесов, роскошная и чрезвычайно разнообразная зелень, контраст между морем и землей, драматическая неожиданность перемещения с одной стороны острова на другую.

Все это, разумеется, чисто личные примеры, читатель легко может заменить их собственными. Иногда, как на Гавайях, это результат силы природного «события»; чаще, как в Тоскане, это продукт работы человека по приспособлению окружения к своим нуждам, а своей технологии — к геологическому строению окружения. В удачных случаях такое приспособление и связанные с ним модификации окружения осуществляются с осознанием и взаимосвязанности, и сугубой специфичности как природного окружения, так и человеческих нужд.

Как искусственный мир, город должен быть именно таким — создаваемым искусностью человека, формируемым для человеческих нужд. Наша давняя привычка — приспосабливаться к окружению, чувственно упорядочивать или отторгать то, что предоставлено нашему восприятию. Выживание и господство над окружением основаны на этой чувственной приспособляемости, но теперь мы уже в состоянии перейти к следующей ступени взаимодействия: в уже привычном, освоенном мире мы можем начать приспосабливать само окружение к рисунку восприятия и смыслообразования, свойственных человеческому существу.

Проектирование путей

Повысить воображимость городского окружения — значит, поддержать опознаваемость и структурированность. Элементы, которые мы уже рассматривали, — пути, границы, ориентиры, узлы и районы — суть кирпичики, из которых можно соорудить прочные, распознаваемые конструкции в масштабе города. Что же можно извлечь из ранее рассмотренного материала для определения характеристик элементов, из которых можно собрать действительно представимое окружение?

Пути, сеть привычных или только потенциальных линий движения по городскому комплексу — самое мощное средство упорядочения целого. У главных линий должна быть специфика, особенность, отличающая их от соседних каналов движения: концентрация какой-то специфической активности вдоль их «берегов», пространственная характеристика, особая текстура мощения или фасадов, своеобраз-

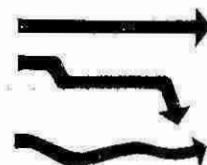
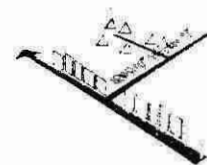
ный рисунок освещения, озеленения, наконец, уникальное сосредоточение запахов или звуков.

Все эти характеристики должны быть приданы пути таким образом, чтобы обеспечить ему непрерывность. Если две или более из названных характеристик настойчиво использованы по всей длине (посадка деревьев на бульваре, единство цвета или текстуры мощения или классицистская упорядоченность фасадов), то путь можно будет представить образно как непрерывный, единый элемент. Регулярность может носить и ритмический характер: повторение раскрытых пространств, монументов или угловых магазинов — сама концентрация на привычном вдоль пути будет способствовать усилению образа непрерывности.

Из сказанного естественно вытекает вопрос о визуальной иерархии улиц и проездов, выстраиваемой аналогично хорошо знакомой функциональной иерархии: чувственное вычленение главных «каналов» и объединение их в роли элементов непрерывных, поддающихся восприятию именно в этом качестве. Так образуется каркас образа города.

Линия движения должна обладать ясной направленностью. Человеческий мозг угнетают как бесконечно следующие один за другим повороты, так и постепенные, неясные искривления пути, которые приводят к существенному сдвигу направления. Непрерывные изломы и изгибы венецианских улочек или улочек на романтических планировках Ольмстеда, равно как и постепенный изгиб Атлантик Авеню в Бостоне, способны дезориентировать всех, кроме наиболее привычных наблюдателей. Очевидно, что ясностью направления обладает прямой путь, но не менее ясны и несколько четко оформленных поворотов, приближающихся к 90°, или множество легких искривлений пути, при которых, однако, не утрачивается главное направление.

Опрос показывает, что наблюдатели склонны приписывать путям необратимую направленность и отождествлять улицу с неким пунктом назначения, к которому она выводит. Улица воспринимается как нечто ведущее к чему-то. Путь должен поддержать эту особенность восприятия наличием сильно выраженных начал и концов и градиента изменения направления, т. е. давать наблюдателю чувство ясной последовательности и различия в движении в противоположных направлениях. Идеальным градиентом такого рода

является склон, так как, давая пояснения спрашивающему, можно воспользоваться опозицией «вверх-вниз» по улице. Есть, однако, и множество других: последовательное сгущение знаков, витрин, людей на тротуарах позволяет заметить подход к торговому узлу; такую же роль может играть цветовой градиент или изменение плотности зелени; сокращение длины кварталов или сжатие пространства может указывать на приближение к центру города. Разумеется, можно пользоваться и асимметричными схемами: трудно двигаться, «чтобы парк все время был по левую руку», или «к золоченому куполу». В тех же целях могут быть использованы указующие стрелы или кодированная покраска плоскостей, ориентированных в необходимую сторону. Все эти средства превращают путь в ясно ориентированный элемент,

позволяющий не ошибиться в направлении, элемент, с которым могут быть соотносимы все остальные.

Если местонахождение на линии распознается и в количественном выражении, то линия не только ориентирована, но и скалирована: уже заурядная маркировка зданий номерами выполняет такую функцию. Гораздо менее абстрактным средством служит такое выделение распознаваемого пункта на линии, при котором другие места могут осознаваться как расположенные «до» или «после» него. Несколько таких контрольных точек резко облегчают определение местонахождения. Такую же роль может играть какое-то качество пути (например, сечение «коридора»), если оно нарастает или убывает скачками и сам переход имеет ясную форму. Тогда можно определить какое-то место как расположенное «как раз перед тем, как улица резко сужается» или «на гребне холма перед самым спуском». Тогда пешеход или пассажир осознает не только, что «я двигаюсь в правильном направлении», но и «я уже почти на месте». Если путешествие содержит серии ясно определенных «событий», возможность достигать и миновать одну промежуточную цель за другой, оно само по себе приобретает значение, превращаясь в некоторое событие.

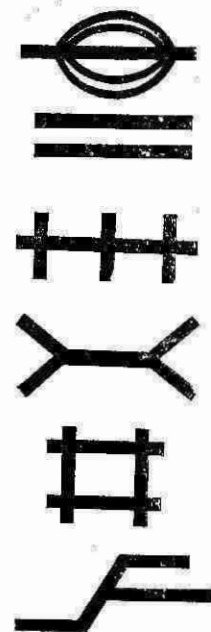
Наблюдатели испытывают (даже по памяти) сильную реакцию на «кинетические» свойства пути, на чувство движения: повороты, подъемы, спуски. Эти свойства тем заметнее, чем с большей скоростью совершается передвижение. Широкая петля на спуске при движении к центру города может отложиться в памяти незабываемым образом. Хотя осязательность и чувство равновесия играют несомненную роль в таком восприятии движения, главным все же оказывается зрение. Объекты вдоль пути могут быть организованы так, чтобы обострить эффект движения под углом или в перспективу,

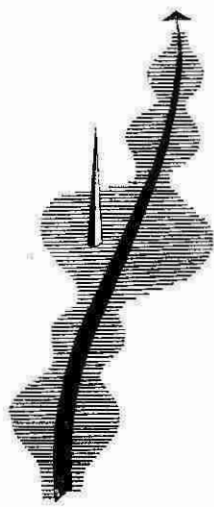
обозначить направление движения далеко вперед. Динамическое оформление линии движения способно придать ей опознаваемость и облегчить формирование образной непрерывности во времени.

Любой вид зрительного подчеркивания самого пути или пункта, к которому он ведет, способствует усилению образа. Такую роль могут играть и большой мост, и осевое строение авеню, и движение в выемке, и, наконец, далекий силуэт цели движения. Само наличие пути может стать очевидным благодаря высоким ориентирам, расположенным вдоль него, или каким-то иным признакам. Жизненно важные линии коммуникации становятся тогда физически ощутимыми и символизируют фундаментальные свойства городского образа жизни. В то же время впечатление от пути значительно обогащается, если путь раскрывает взору путника другие элементы города, если он пронизывает их или «срезает» под углом, если предлагает взгляду знаки и признаки того, что остается справа и слева. Так, формы станции метро, проходящего сквозь торговую зону, могут выявить характер города наверху. Однако путь может быть оформлен и таким образом, что само движение вдруг воспринимается с особой силой: разделительные полосы, ramпы, мостики или спиральные съезды могут войти в технику повышения объема визуального восприятия у путешествующего по городу.

Как правило, город структурирован упорядоченной сетью путей. Перекрестки, точки соединения путей и принятия решений о дальнейшем направлении движения приобретают в рамках этой сети роль стратегических пунктов. Если они порождают отчетливый зрительный образ, если само по себе пересечение способно сформировать живой образ и выразить взаимоотношенность путей, то наблюдатель оказывается в состоянии вполне удовлетворительно воспроизвести его структуру. Отнюдь не только станции метро не дают возможности составить подобный ясный образ: пояснение загадочных пересечений в современной системе путей требует от проектировщика особого внимания.

Как правило, соединение более двух путей весьма трудно мысленно воспроизвести, и потому ясный образ может возникнуть лишь при относительной простоте строения системы путей. При этом речь идет скорее о топологическом, чем геометрическом, понимании простоты: так, нерегулярной формы перекресток с углами, лишь близкими к прямым, предпочтительнее точного «трезубца». Примерами простых структур можно считать параллельные соединения веретенообразных форм, одинарные, двойные и тройные кресты, прямоугольники, сведение вместе нескольких осей.

Пути могут быть представляемы не в виде характерного рисунка каких-то индивидуальных элементов, а в виде сети, содержащей в себе объяснение взаимоотношения всех путей в системе без выделения какого-либо из них. Этому условию отвечает решетка, обладающая постоянством и направлений, и топологических взаимосвязей, и расчленения пространства. Чистая, или идеальная, решетка содержит все три свойства, но одна лишь топологическая инвариантность или неизменность направлений могут оказаться совершенно достаточными. Образ становится резче и четче, если все пути, идущие топологически в одном направлении (ориентация по странам света), зрительно отличаются от других путей, — благодаря этому достигнуто четкое различие на авеню и стрит на Манхаттане. Такую же роль могут играть

цветность, тип озеленения или детализировка оформления. Системы наименования и нумерации, градиенты топографической, пространственной или детализирующей дифференциации внутри решетки могут придавать ей и направленность, и даже чувство точной локализации внутри.

Есть, наконец, способ организации пути или системы путей, который будет приобретать все возрастающее значение в мире дальних расстояний и больших скоростей, — по аналогии с музыкой его можно назвать «мелодическим». «События» вдоль пути и его характеристики — ориентиры, смены пространственной формы, динамические ощущения — все это может быть организовано в виде мелодической линии, воспринимаемой и представимой как целостная форма в существенном промежутке времени. Поскольку это скорее образ всей мелодии, чем серия отдельных точек, такой образ может быть и чрезвычайно емким, и не слишком навязчивым. Форма может здесь соответствовать классической схеме «интродукция — развитие — апогей — завершение», или она может соответствовать более изощренным композиционным схемам, где нет четкости завершения в финале. Подъезд к Сан-Франциско через залив дает некоторое представление о такой мелодической организации, и эта техника обещает широкое поле исследований и проектного эксперимента.

Проектирование других элементов

Границы, подобно путям, нуждаются в определенной непрерывности формы по всей длине. Так, граница делового района, например, может быть задумана весьма интересно, но в действительности ее будет трудно опознать как таковую из-за отсутствия непрерывной формы. Граница получает силу, если ее можно увидеть с некоторого

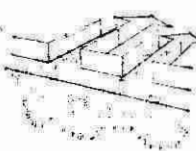
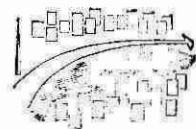
расстояния, если при подходе к ней резко меняется характер зоны или если она отчетливо служит соединением двух взаимно тяготеющих районов. Так, резкое завершение средневекового города у его стены, фронт жилых небоскребов вокруг Центрального парка на Манхаттане или четкость границы воды и земли на морском берегу в равной степени определяют мощное зрительное впечатление. Когда два резко контрастных района подходят близко один к другому и линия раздела между ними хорошо просматривается, то внимание легко концентрируется на ней.

Там, где соприкасающиеся районы не контрастируют между собой, имеет смысл по-разному трактовать среду по обе стороны границы, чтобы дать наблюдателю ощущение «внутри-снаружи». Это может быть достигнуто контрастом материалов застройки, озеленением, сильным изгибом линии. Границу можно оформить и таким образом, чтобы обеспечить ориентацию по всей длине — за счет избранного градиента или за счет повторяющихся опознаваемых точек, или путем придания завершению отчетливо индивидуальной формы. Если граница незамкнута, крайне существенно, чтобы ее концы завершались ясно распознаваемыми «якорями», способными закрепить и выявить линию. Образ морского фронта Бостона, обычно не воспринимаемый в связи с набережной Чарлз-ривер, не имеет «якорей» ни на одном конце и в результате оказывается неопределенным, невнятным элементом в образе всего города.

Граница может стать чем-то большим, чем просто сильный барьер, если через нее осуществимо какое-то чисто визуальное или фактическое проникновение, если она так или иначе сопряжена со структурой районов на известную глубину по обе стороны. Тогда это скорее «шов», чем барьер, линия обмена, вдоль которой прочно соединяются две территории.

Если важная граница приобретает множество зрительных и коммуникационных связей с общей структурой города, она становится той ведущей особенностью, с которой соотносится все остальное. Один из способов повышения различимости границы заключается в увеличении ее доступности или повышении степени ее использования; пример — раскрытие побережья для движения или отдыха. Другим способом может быть сооружение границ высоко над городской, так, чтобы они были видны с больших расстояний.

Ориентир, напротив, характеризуется именно своей единственностью, контрастом к окружению или фону. Башня, поднимающаяся над низкими крышами, цветник на фоне каменной стены, яркий

фасад на унылой улице, разрыв в непрерывном фронте застройки — все они отвечают этому условию, но, конечно же, пространственная выделенность привлекает внимание в наибольшей степени. Соотношение ориентира и его окружения нуждается в особом внимании; знаки следует допускать лишь на предназначенные для них поверхности, на все здания, за исключением одного, должны распространяться требования ограничения высоты и т. п. Конечно же, объект распознается легче, когда он обладает геометрической ясностью обобщенной формы; если к тому же он характеризуется богатством детализировки или фактуры, то у него достаточно силы, чтобы приковать к себе внимание.

Ориентир отнюдь не обязательно должен быть велик по размеру: его роль может исполнять дверная ручка с немалым успехом, чем купол в силуэте города. Принципиальное значение имеет локализация: если ориентир велик или высок, пространственное окружение должно позволять его разглядеть; если он мал, то он должен размещаться в зонах наибольшего внимания — на поверхности под ногами или примерно на уровне глаз. Любой разрыв коммуникации — узел, точка принятия решения — является местом повышенной остроты восприятия. Наши интервью показали, что вполнеординарные здания, расположенные в точках принятия решений, отлично запоминаются, тогда как вполне индивидуализированные сооружения вдоль непрерывного маршрута погружаются в полную неопределенность.

Ориентир обладает достаточной силой, если его видно с большого расстояния и в течение долгого времени, если, опираясь на него, можно установить собственную локализацию. Если же он распознается издали и с короткой дистанции, при быстром движении или медленном, днем и ночью, то он становится постоянным «якорем» в восприятии сложной и непрерывно меняющейся городской среды.

Интенсивность образа возрастает, когда ориентир совмещается с определенным сосредоточением ассоциаций: если здание было сценой исторического события или если ярко окрашенная дверь к тому же ваша, это постоянный ориентир. Даже название места обладает силой, если оно широко известно и общепринято. В самом деле, чтобы наше окружение было еще и смыслодержущим, подобное совмещение ассоциаций и образа воображения совершенно необходимо.

Отдельные ориентиры могут быть недостаточно сильны и требуют для распознавания уси-

ленного внимания. Однако если они группируются, то их взаимоусиление превышает простое суммирование. Опытные наблюдатели способны сформировать групповые ориентиры из самого неблагоприятного материала и полагаться на интегрированный набор знаков, каждый из которых сам по себе слишком слаб, чтобы служить средством опознания. Такого типа «заметки» могут выстраиваться в протяженные последовательности, и тогда весь маршрут становится комфортабельно опознаваемым благодаря знакомой последовательности деталей.

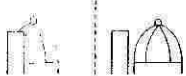
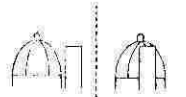
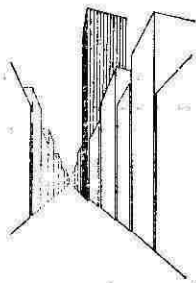
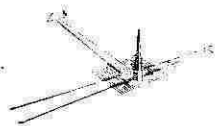
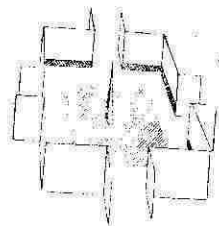
Путаница венецианских улочек начинает преодолеваться после одной-двух прогулок, потому что здесь множество распознаваемых деталей, легко организуемых в определенные последовательности. Несколько реже ориентиры группируются, как бы образуя рисунок, сам по себе обладающий формой и потому способный указать наблюдателю направление, с которого он воспринимается. Именно так ведет себя парный ориентир Флоренции — купол и колокольня.

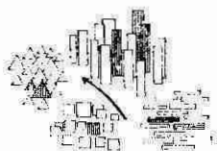
Узлы — концентрические опоры образа наших городов, но в США они редко имеют форму, подтверждающую это суждение, так как выявлены в основном лишь концентрической активностью.

Первое условие такой поддержки восприятия — опознаваемость узла по какому-то специфическому постоянному свойству окружающих стен, мощения, детализировки, освещения, озеленения, рельефа или силуэта. Самая суть этого элемента заключена в том, что это место, которое нельзя спутать ни с каким другим. Конечно, интенсивность использования усиливает эту опознаваемость, а иногда сама создает определенные зримые формы, как, например, на Таймс Скуэр в Нью-Йорке. Но число торговых или транспортных центров, где такая характеристика отсутствует, поистине неизмеримо.

Узел легче распознается, если он имеет четкую, замкнутую границу и не расплывается во все стороны; он ярче запоминается, если включает один-два объекта, фокусирующих на себе внимание. Если к тому же узел обладает связностью пространственной формы, его сила неодолима. Тогда перед нами классическая идея формирования статичных экстерьерных пространств и мы владеем множеством способов придания такому месту выразительности и определенности: системой просветов, наложений, модуляции света, перспектив, ритмизованных поверхностей, закрытости, иерархии детализировки, движения и звуков.

Если разрыв транспортной коммуникации или точка принятия решений могут быть совмещены с узлом, последний привлечет к себе еще большее внимание. Желательно, чтобы подсоединение пути к узлу воспринималось отчетливо и обладало не меньшей выразительностью, чем пересечение путей: путник должен видеть, как и

когда он вступает в пределы узла, где обрывается путь и где он продолжается.

Подобные точки концентрации способны организовывать или упорядочивать значительные по размерам районы. Это может быть градиент активности в направлении узла или пространственная ситуация, при которой узел время от времени открывается взору извне, или наличие сильного ориентира. Именно таким образом Флоренция сфокусирована на собор Дуомо и на Палаццо Веккио, каждый из которых расположен в одном из двух главных узлов города. Узел может восприниматься издали по специфической силе света или напряжению шумов или по отражению какой-то его специфической характеристики в деталях окружающего ландшафта. Так, например, платаны, попадающиеся на глаза в пределах района, могут обозначить приближение к площади, на которой густо высажены именно эти деревья, или булыжное мощение улиц подводит к площади, мощенной таким же образом...

Если узел обладает системой внутренней ориентации — есть «верх» и «низ», «левое» и «правое», «спереди» и «сзади», его легко соотносить с более широкой, объемлющей ориентационной системой. Так, когда хорошо распознаваемые улицы соединяются четким узлом, образуемая связь оказывается прочной и наблюдатель ощущает наличие структуры города и свою в ней локализацию. Он понимает, в каком направлении следует двигаться, чтобы достичь цели, и само это понимание усиливает особенность данного узла как специфического «места».

Серия узлов может быть организована так, чтобы они сформировали целостную структуру. Они могут быть сцеплены один с другим тесным сопоставлением или за счет того, что один просматривается из-за другого подобно частям площади Сан-Марко в Венеции или сочетанию площади Ануцията с Соборной площадью во Флоренции. Узлы могут быть одинаковым образом подсоединены к одним и тем же путям или границе, их может связывать повторяющийся соединительный элемент, или какая-то характеристика может подобно эху передаваться от одного к другому.

Район города в простейшем смысле есть однородная по характеру территория. Эта однородность может выражаться в тождественности пространственного характера, как в узких улочках Бикон Хилл, карабкающихся по склону; в типе застройки, как в Саут-энд, с его сплошными фасадами, смыкающихся один к другому нарядными домами; в характере пейзажа, рельефа или стиля. Это может быть любая то или иная деталь подобно белым верандам старого Балтимора.

Это может быть последовательное применение тех же цвета, фактуры или материала, мощения или детализировки фасадов, озеленения или освещения, силуэта или масштабных характеристик пространства. Чем более подобные однородные характеристики накладываются одна на другую, тем сильнее впечатление монолитного единства всего района. Обнаружено, что сюжетное единство трех-четырех подобных характеристик чрезвычайно способствует утверждению границ района. Большинство нами опрошенных держат в памяти компактную «связку» характеристик: Бикон Хилл — это узкие, идущие в гору улицы, замощенные клинкером, мелкомасштабная застройка блокированными домами и заглубленные в нишах входы. Если несколько связанных характеристик постоянно опознаются в пределах района, все остальное может варьироваться совершенно свободно — единство при этом сохраняется.

Конечно же, там, где опредмеченная однородность совмещена с однородностью использования и статусом, эффект оказывается наибольшим — ошибка исключена. Визуальный характер Бикон Хилл усилен его статусом жилого района «высшего класса», однако в большинстве американских городов такого совпадения нет; характер однородного использования никак не поддержан визуально.

Район закреплен в отношении четкости и замкнутости его границы. Бостонский новый жилой район на Коламбия-пойнт обладает отчетливо островным характером, что, может быть, нежелательно с социальной точки зрения, но резко облегчает восприятие и идентификацию. Любой островок имеет эту особенность, и, если район легко воспринимается как целое (в панораме сверху или благодаря особенностям рельефа), обособленность его предопределена.

Район может обладать внутренней структурностью, иметь подрайоны, различающиеся между собой, но равные в подчинении целому, узлы, рисунок внутренних путей. Так, Бэк Бей структурирован сетью дорог, обозначенных в алфавитном порядке, и на большинстве эскизных планов он воспроизводился опрашиваемыми безошибочно и к тому же несколько преувеличенных размеров. Очевидно, структурированность района способствует живости закрепляемого в памяти образа, тем более что она говорит жителям не просто «вы где-то в Икс», но и «вы в Икс, рядом с Игреком».

Только обладая соответствующей внутренней дифференцированностью, район может воплотить в своей форме связь с остальным городом. Тогда граница становится проницаемой и служит швом, а не барьером, а сам район связывается с другим районом непосредственным сопоставлением, визуальной взаимопроницаемостью, соотносительностью с линией или посредством промежуточного узла, пути или маленького района. Бикон Хилл связан с ядром города через Коммон, и это придает ему значительную долю привлекательности. Подобные связи усиливают характерность каждого района, соединяя в результате значительные городские территории.

Понятно, что нам нужна не просто однородность пространства, а подлинная пространственная система района, структурированная

непрерывность пространственной формы. Элементарными примерами пространственных форм такого типа служат в городе набережные рек. В этом случае район будет отличаться от пространственного узла (типа площади) прежде всего недоступностью для быстрого освоения, и его можно воспринять как унорядоченную игру пространственных состояний лишь в результате довольно продолжительного путешествия. Наверное, у церемониальных дворов Пекина или каналов Амстердама есть именно такое качество — не удивительно, что они рожают образы большой силы.

Качества формы

Поскольку мы обнаруживаем общность сюжетов для всех элементов, «ключи» к проектированию города можно упорядочить еще одним способом — отнесением к обобщенным предметным характеристикам формы, которыми может оперировать проектировщик. Их можно обобщить следующим образом.

1. **Отдельность** или чистота соотношения «фигура — фон» — четкость границы (как при внезапном прекращении развития города); замкнутость (подобно площади); контрасты формы, поверхности, сложности, интимности, величины, использования; пространственной локализации (одиночная башня, пятно пышного декора, сверкающая эмблема и т. п.). Сама контрастность может определяться как в отношении непосредственного окружения, так и по отношению к ожиданиям наблюдателя.

Все эти качества способствуют распознаванию любого элемента, превращая его в нечто выделяющееся, заметное, яркое, опознаваемое. По мере того, как наблюдатели глубже познают свое окружение, их восприятие все меньше зависит от обобщенных пространственных целостностей и в организованности целого все больше обращается к контрастности и индивидуальности, которые оживляют всю «сцену» города.

2. **Простота формы** — чистота и ясность формы в сугубо геометрическом смысле, подобная ясности решетки, прямоугольника, купола.

Формы такого типа легко встраиваются в образ, и наблюдатели склонны сводить сложные картины к простым формам даже в ущерб полноте восприятия. Если даже элемент не может быть обозначен как единое целое, его очертания могут быть топологическим и невыраженным простой формы и потому распознаются вполне удовлетворительно.

3. **Непрерывность** — непрерывность границы или поверхности (как в «канале» улицы, в линии горизонта или в однородной плотности заднего плана); сближенность частей между собой (как в плотной группе зданий); повторность ритмических интервалов (по-

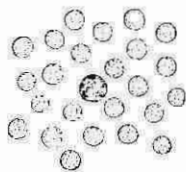
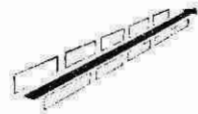
добная повторности угловых зданий); сходство, однородность или гармоническая упорядоченность поверхности, формы или типа использования (однородный строительный материал, повторяющийся рисунок окон-аркеро́в, однородность деятельности на территории рынка, использование общих символов). Эти качества облегчают восприятие сложной пространственной реальности как единого целого или как соразмерности частей в целом. Это качества, предполагающие и обеспечивающие возможность достижения целостности.

4. **Доминанта** — доминирующая позиция одной части по отношению к другим за счет размера, плотности или вызываемой ею заинтересованности. В результате целое воспринимается как система, охватывающая некий основной элемент и связанную с ним группу элементов. Наличие этого качества подобно непрерывности дает возможность осуществить необходимое упрощение образа через отбрасывание второстепенного соподчинения элементов. Предметные свойства словно эмануруют свой образ, распространяясь от центра, если, конечно, их сила превышает порог начальной заметности.

5. **Ясность соединения** — отчетливость или выявленность любых соединений и швов (подобно главным перекресткам или побережью); ясность соотносительности и взаимосвязанности (здания с участком или станции метро с улицей наверху). Соединения обладают стратегическим значением в формировании структуры, и от их восприятия зависит восприятие целого.

6. **Различение направлений** — асимметрия, наличие градиентов или соотносительности вдоль радиуса — одного конца с другим (как при подъеме пути, движении от моря или к центру), одной стороны к другой (подобно застройке, фланкирующей парк), одного направления по странам света к другому (выраженной освещенностью солнцем или шириной авеню, идущих с севера на юг). Все эти качества имеют принципиальное значение для организации структуры крупного масштаба.

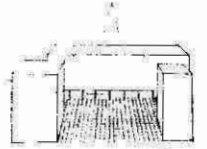
7. **Поле видения** — совокупность качеств, способствующих действительной или символически обозначенной глубине обзора. Это и прозрачность (использование стекла или зданий на столбах), и наложение кулис (когда здания выступают одно из-за другого), и организация панорам или иного строения «кадра», усиливающие глубину обзора (подобно прямым улицам, широким площадкам или об-

зору с верхних точек). Это также специальные элементы, подчеркивающие ясность пространства (фокусирующие точки, указатели расстояний, пронизывающие преграды «стержни»), облегчающие его понимание; углубления или выпуклости (дальний холм или изгиб улицы), подчеркивающие значение удаленных объектов; наконец, намеки на присутствие непосредственно не наблюдаемого элемента (интенсивность, характеризующая район, к которому мы с очевидностью приближаемся, или наличие каких-то знаков, начинающих встречаться еще в пределах другого элемента). Все эти взаимосвязанные качества облегчают освоение крупного и сложного целого за счет усиления эффективности видения, его широты, глубины, силы.

8. **Осознание движения** — качества, которые делают для наблюдателя ощутимым и зрительно, и кинестетически его собственное движение — действительное или потенциальное. Такими качествами обладают все устройства, повышающие ясность восприятия уклонов, изгибов или взаимопересечений; дающие ощущение угла движения и глубины перспективы; поддерживающие непрерывность направления движения или его изменения; делающие видимым расстояния. Поскольку город воспринимается человеком в движении, эти качества имеют фундаментальное значение и широко используются для структурирования и даже распознавания ситуаций, если только они достаточно последовательны для этого (как-то: «налево и потом направо», «у крутого поворота» или «через три квартала по этой улице»). Благодаря этим качествам возможность наблюдателя оценить направление и дистанцию, ощутить форму в движении возрастает и расширяется. В современном городе при росте скоростей движения подобная техника работы с пространством потребует, несомненно, дальнейшего развития.

9. **Временные серии** — последовательности, воспринимаемые во времени, включающие как простые связи (элемент за элементом), где один элемент «подвизан» к предшествующему и последующему (случайная последовательность ориентиров), так и сложные, действительно структурированные во времени и потому мелодические по своей природе. В этом случае интенсивность индивидуальной формы очередного ориентира возрастает вплоть до достижения кульминационного пункта. Простая последовательность широко распространена и характеризует прежде всего привычные, постоянно используемые пути. Мелодический строй встречается гораздо реже, но должен приобрести чрезвычайное значение в больших, динамически развивающихся агломерациях. Здесь возникающий в сознании образ должен соответствовать не столько самим элементам, сколько теме связывающего их рисунка, подобно тому как мы запоминаем мелодию,

а не отдельные ноты. Не исключено, что в сложном окружении мы могли бы даже воспользоваться техникой контрапункта — подвижным рисунком противопоставленных мелодий и ритмов. Но это уже весьма утонченная техника, нуждающаяся в тщательной разработке. Нам нужны здесь свежие идеи как для теории форм, воспринимаемых во времени, так и для создания прототипов, пригодных для того, чтобы в проектной модели представить мелодический строй элементов образа, оформленные последовательности пространства, факторы, движения, света, силуэтов.

10. **Названия и значения** — нематериальные качества, способствующие усилению представимости элемента. Названия весьма важны для ясности опознания, нередко давая прямые ключи к локализации (Северный вокзал, например), а система наименования (вроде алфавитных серий улиц) значительно облегчает структурное упорядочение элементов. Значения и ассоциации — социальные, исторические, функциональные, экономические или сугубо индивидуальные — образуют широкую сферу, лежащую уже за пределами предметных качеств, с которыми мы здесь имеем дело. Однако нужно сознавать, что они, как правило, работают на усиление тех черточек индивидуальности или структурности, которые потенциально содержатся в самой предметной форме.

Конечно же, все перечисленные качества не проявляются изолированно. Там, где наличествует лишь одно качество (скажем, постоянство строительного материала), или там, где качества спорят между собой (две зоны с идентичной застройкой, но разным типом использования), результирующий эффект неизбежно слаб и структурирование или опознание целого нуждается в постоянно возобновляющемся усилении. Несомненно, что известная повторяемость, подчеркнутость и даже избыточность качеств оказываются в равной мере необходимыми; поэтому безошибочно распознаваемым будет такой район, где есть простота обобщающей формы, последовательность применения типа застройки и использования, являющихся специфическими по отношению ко всему городу, четкость границы, ясность соединения с соседним районом и визуальная целостность.

Чувство целого

При обсуждении некой конструкции по типам элементов зачастую игнорируется взаимосвязанность частей в единое целое. Однако только в подобном целом пути могут раскрыть последовательность и характер районов и связать различные узлы; узлы соединят и обозначат пути, границы охватят районы, а ориентиры обозначат центры активности. Только полная оркестровка всех этих звеньев способна связать их в единый, плотный и живой образ и поддерживать его целостность в масштабе агломерации.

Пять элементов — путь, граница, район, узел и ориентир — следует рассматривать как всего лишь удобные эмпирические представления, внутри и вокруг которых можно сгруппировать обшир-

ную информацию. Предел их полезности — служить проектировщику своего рода строительными блоками. Освоив их характеристики, проектировщик может перейти к организации целого, осмысливая его последовательно, так, что любая часть будет восприниматься исключительно в его контексте. Тогда, решая задачу (например выстраивая десяток ориентиров вдоль пути), он придаст каждому из них совершенно иные образные качества, чем в том случае, если бы он расположил его одиноко и заметно в самом центре города.

Необходимо работать с формами таким образом, чтобы многочисленные впечатления от большого города связывались определенной преемственностью: ночью и днем, зимой и летом, издали и вблизи, с неподвижной позиции и в движении. Основные ориентиры, районы, узлы или пути должны быть опознаваемы при любых условиях, сохраняя при этом совершенно конкретный, предметный характер. Это не значит, конечно, что образ должен оставаться постоянным, но если очертания Лунсбург Скуэр под снегом соотносятся с ее обликом в летний день или если купол Капитолия ночью напоминает своим отблеском тот же купол, воспринимаемый днем, то все, что внутренне контрастно в этих обособленных образах, будет еще ярче благодаря устойчивости того, что их объединяет. Тогда можно удерживать в сознании два совершенно разных типа «прочтения» города, охватывая его целиком так, как это неосуществимо никак иначе: можно приблизиться к формированию идеального образа, являющего собой целостное поле.

Сложный современный город, несомненно, нуждается в последовательности и преемственности организации образа, но она же доставляет нам огромное удовлетворение за счет контраста индивидуализированных звеньев. Исследование показывает, что по мере углубления знания окружения существенно возрастает внимание к деталям, к индивидуальному. Живость характера отдельных элементов и точность их настраивания на функциональные и символические различия внутри окружения — необходимое средство обеспечения этого свойства восприятия. Конечно же, контраст повышается, если резко различающиеся элементы помещаются в непосредственном и непосредственно представимом взаимоотношении: тогда обстраиваются индивидуальные особенности каждого элемента.

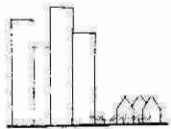
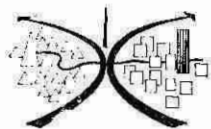
В самом деле, задачей визуальной организации окружения является отнюдь не только облегчение движения по рутинным маршрутам, не только поддержание тех качеств, какими данное окружение уже обладает. Не менее существенна роль этой организации для стимулирования дальнейшего познания, подталкивания к дальнейшему освоению окружения. В сложном организованном обществе необходимо освоить множество взаимосвязей. Если окружение имеет отчетливо види-

мый целостный каркас, обладающий яркими характерными частями, исследование все новых его фрагментов оказывается легче — окружение способствует этому. Так, если стратегические звенья культурной коммуникации (например, музеи, библиотеки или места собраний) предъявлены восприятию ясно и сильно, то и у того, кто обычно пренебрегал бы их наличием, может возникнуть желание зайти.

Топографические характеристики места, первоначальное природное окружение скорее всего утратили часть своего значения в формировании представимого образа. Сама плотность современного крупнейшего города и в особенности размах его технического оснащения все в большей степени искажают этот первичный облик. У современной урбанизированной территории сугубо рукотворные свойства и созданные искусственным путем проблемы, нуждающиеся в решении, которые все интенсивнее перевешивают специфику естественного места. Точнее, однако, будет сказать, что специфика места уже в не меньшей степени является продуктом человеческой деятельности, чем результатом геоморфологического процесса. К тому же по мере разрастания города на первый план выходят уже не мелкие особенности территории, а крупномасштабные, фундаментальные природные факторы. Климат, растительность, топография большого региона, включая горы или холмы и речную сеть, оттесняют сугубо местные особенности на третий план. Уже на этом крупномасштабном уровне топография вновь становится серьезным фактором усиления элементов чисто городского окружения: четкие очертания холмов могут способствовать ясности выделения районов, реки и их поймы превращаются в сильно выявленные границы, а примечательные точки территории способны придать выразительность размещаемым на них узлам. Современные дороги скоростного движения преобразуются в первоклассные видовые «линии», с которых можно охватить всю структуру территории в огромном масштабе.

Город существует не для индивида, а для массы людей, существенно различающихся по классовой принадлежности, занятиям, темпераменту, биографии. Анализ показывает, сколь значительно варьируются способы, которыми различные люди создают образ своего города, на какие элементы они опираются и какие качества формы для них наиболее информативны. Соответственно этому проектировщик обязан формировать такой город, в котором должно быть как можно больше путей, границ, узлов, районов и ориентиров, в котором использованы не одна-две формы, не одно-два их качества, а все. В таком случае различные наблюдатели найдут в нем достаточно материала, чтобы упорядочить его согласно своему собственному мировосприятию: если один опознает улицу по типу мощения, то другой запомнит ее широкую дугу, а третий выстроит основные ориентиры по ее длине.

В чрезмерно специализированных формах скрывается существенная опасность — воспринимаемое окружение должно непременно

обладать известной пластичностью. Если к цели ведет только один путь, если город имеет только несколько фокусирующих пунктов или он образован сверхчеткой системой резко разгороженных районов, то практически невозможно вообразить себе его как-то иначе — он однотемп. При этом такой единственный способ представления может никак не соответствовать ни ожиданиям всех, ни даже желаниям одного, поскольку и они меняются время от времени. Необычная прогулка оказывается затруднительной или даже рискованной, межличностные взаимосвязи свертываются, вся «сцена» становится монотонной или связывающей.

Примером хорошей организации нам кажутся те фрагменты Бостона, где пути, избираемые опрошенными нами людьми, выстраиваются достаточно свободно, — здесь горожанину предлагается свободный выбор из множества возможных путей к цели, причем каждый путь хорошо структурирован и легко распознаваем. Такой же ценностью обладает взаимное наложение нескольких сетей из опознаваемых границ, так что организацию районов каждый может осуществлять по вкусу и в зависимости от персональных потребностей. Организация узлов опознается по центральным фокусирующим точкам, тогда как края, периферия их влияния обладают гибкостью. Уже поэтому у такой организации есть существенные преимущества по сравнению с организацией по границам, так как последняя рушится, если возникает необходимость изменить форму района. Весьма существенно удерживать какие-то крупные формы общего значения: сильные узлы, ключевые пути, однородность характера крупных районов. Но внутри этого крупного каркаса необходимо обеспечить достаточно меру пластичности, богатство потенциальных структур и «ключей», чтобы наблюдатель мог сконструировать собственный образ: понятный, удобный, достаточный и при этом податливый к изменениям в соответствии с изменяющимися потребностями индивида.

В наши дни горожане гораздо чаще, чем в прошлом, меняют место жительства, передвигаясь из района в район, из города в город. Легкая представимость окружения становится необходимым условием того, чтобы на новом месте человек достаточно быстро ощутил себя «дома». Все труднее рассчитывать на то, что есть время для длительного и постепенного освоения, тем более, что само городское окружение меняется чрезвычайно быстро и с развитием функций и изменением техники. Эти изменения весьма болезненны для горожан и явно дезорганизуют образ окружения. Средства проектирования, рассмотренные в этой главе, могут оказаться весьма полезными для поддержания целостности структуры и чувства преемственности в процессе осуществления крупных перемен. Некоторые ориентиры и узлы следует сохранять любой ценой, сюжетное единство в характере района переносить и на новую его застройку, пути спасать или консервировать на известный промежуток времени.

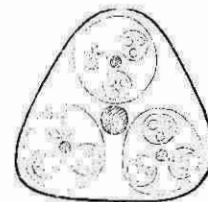
Формы агломерации

Возрастающие размеры агломераций, увеличение скорости, с которой мы пересекаем их территории, порождают множество новых задач для восприятия. Агломерация превратилась в функциональную единицу окружения, среды в целом, и желательно, чтобы обитатели такой единицы могли ее опознавать и структурировать. Новые средства коммуникации, позволившие нам жить и работать в столь обширных целостностях, могут обеспечить и соответствие образа новому опыту.

Представимость агломерации как целого не означает, разумеется, равной интенсивности образа в любой ее точке. И здесь должны быть основные фигуры и их фоны, фокусирующие точки и соединительная ткань, но независимо от ключевой или нейтральной роли любой части она должна быть прежде всего ясно воспринимаемой и четко включенной в целое. Можно попытаться представить, что образ агломерации формируется такими элементами, как скоростные дороги, главные торговые узлы, основные топографические характеристики территории и, быть может, крупные далекие ориентиры. Однако от этого отнюдь не облегчается задача формирования рисунка такой территориальной целостности. Нам хорошо знакомы только две техники такой работы. В первом случае вся агломерация представляется как статическая иерархия: например, район, состоящий из трех подрайонов, каждый из которых включает три субподрайона, и т. д. В другом варианте иерархии любая часть агломерации фокусирована на узел нижнего ранга, подобные узлы в свою очередь являются сателлитами узла второго ранга, а все подобные узлы центрированы на кульминационный пункт — центральный узел или ядро региона.

Вторая техника заключается в использовании одного-двух сверхкрупных элементов в роли доминант, с которыми соотносено произвольное множество меньших: выстраивание поселений вдоль берега моря или формирование линейного города на основном коммуникационном стержне. Окружение может даже быть целиком центрировано на один мощный ориентир вроде горы посредине.

Обе техники, однако, представляются не слишком соответствующими проблеме агломерации. Иерархическая система, являясь соответствующая нашим навыкам к абстрактному мышлению, проявляется в отрицании свободы и сложности взаимосвязей. Любая взаимосвязь приобретает характер круга:

вверх — к общему и обратно — к частному, даже в тех случаях, когда соединяющее целое имеет немного общего с действительным содержанием взаимодействия. Это целостность библиотечной каталожной системы, в которой, как известно, необходимо постоянно пользоваться сложной системой перекрестной регистрации.

В то же время, давая гораздо более непосредственное ощущение связи и непрерывности, полная зависимость от единой доминанты становится все труднее осуществимой по мере увеличения размерности. Доминанта должна быть достаточно сильна, чтобы выполнять свою роль, и должна иметь достаточную «базовую площадь», чтобы подчиненные звенья оказались в относительно тесной соотносительности с ней. Так, например, пужна не просто большая река, но еще и с достаточным числом поворотов и петель, чтобы все элементы поселения оказались вблизи ее течения.

Тем не менее две техники — это то, чем мы реально располагаем, и по крайней мере небесполезно исследовать их способность организовать крупные массивы окружения. Полет на самолете может упростить проблему, поскольку он дает (в перцептуальных терминах) скорее статичное, чем динамичное, восприятие, возможность окинуть агломерацию одним взглядом.

И все же, учитывая наш сегодняшний опыт восприятия крупных урбанизированных территорий, мы все более склоняемся к иному типу организации: последовательности, или «временному рисунку». Это техника, обычная для музыки, драматургии, хореографии и литературы, следовательно, в принципе вполне возможно прочувствовать и исследовать такие формы последовательности событий вдоль линий, какими служат последовательности видимых элементов, раскрывающихся взгляду проезжающего по автомагистрали. При достаточном внимании и выработке надлежащих средств материал этого опыта можно хорошо оформить и наполнить значением.

Нет ничего невозможного и в том, чтобы овладеть обратимостью последовательности. — Большинство путей служит движению в обоих направлениях. Серии элементов должны выстраиваться в том или ином порядке — симметрично относительно центральной точки или более утонченным образом. Однако проблемы городской среды сложны, так как последовательности не только обратимы, но и разрываются во множестве точек. Тщательно построенная мелодия, рывком выходящая от интродукции к апогею, а от него к финалу, может совершенно рухнуть, если ворваться в нее на автомобиле непосредственно в точку кульминации. Следовательно, необходимо искать серии, которые наряду с обратимостью обладали бы и разрывностью, т. е. сохраняли представимость, несмотря на разрывы во многих местах, — подобно роману с продолжением, который публикуется в журнале. Это ведет нас от аналогий с классическими музыкальными формами к другим, где в принципе нет финала, но есть непрерывность и вариации, т. е. к джазовому рисунку.

Все эти соображения относятся только к организации вдоль одной линии движения. Урбанизированный регион может в свою очередь быть организован как сеть подобных серийных последовательностей, с тем чтобы любую предлагаемую форму можно было проверить: любой из главных путей, в любом направлении и при вхождении на него в любой точке должен прочитываться как оформленная последовательность элементов. Это не столь трудно вообразить в случае простейшего рисунка соотносительности путей вроде радиальной сети. Если же сеть распространена во все стороны и пути пересекаются, как в случае решетки, это уже существенно сложнее. Здесь все последовательности считываются в четырех различных направлениях и в весьма упрощенном виде могут быть приравнены к организации «зеленой волны» при движении по всей сети улиц.

В принципе можно вообразить контрапунктную композицию вдоль линии или в переходе от одной линии к другой; тогда одна последовательность элементов, или «мелодия», должна играть одновременно с противонаправленной. Однако такая тонкая техника должна еще подождать момента, когда к ее восприятию будет готова внимательная и понимающая аудитория.

И все же даже динамическая техника, организация сети оформленных серийных последовательностей не представляется идеальной. Среда все еще трактуется здесь скорее как коллекция путей (последовательностей), аранжированных так, чтобы они не мешали друг другу, чем как единое целое. Интуитивно можно представить себе путь создания целостного рисунка, рисунка, который только постепенно воспринимался бы и развивался через освоение последовательности при любой степени их обратимости и прерывистости. Ощущаемый как целое, такой рисунок вовсе не должен иметь унифицированный строй с единым центром или изолирующей границей. Главным качеством должны быть преемственность последовательностей, когда каждая часть вырастает из соседней, чувство глубокой взаимосвязанности на любом уровне и в любом направлении. Здесь могут быть участки, воспринимаемые индивидом как более организованные, но вся агломерация должна обладать последовательным характером, быть мысленно пронизываемой в любом порядке. Однако пока не удастся назвать ни одного удовлетворительного примера реализации этой возможности.

Может быть, такой рисунок целого вообще невозможен. В этом случае ранее рассмотренные техники сохраняют свою роль для организации агломерации через иерархическую систему доминант или через сеть последовательных «мелодий». К счастью, эти технические приемы не требуют для их использования большого умения, чем то, каким уже располагают центры планирования и контроля за развитием агломераций, решая другие задачи. Впрочем, это тоже еще нуждается в проверке.

Любая существующая, функционирующая урбанизированная территория обладает и структурой, и распознаваемостью, даже если они весьма слабо выражены. Джерси-Сити чрезвычайно далек от чистого хаоса, иначе в нем было бы просто невозможно существовать. Почти в любом случае потенциально мощный образ оказывается запрятым внутри существующей ситуации: у того же Джерси-Сити — Палисады, полуостровная форма и связь с Манхэттаном. Поэтому наиболее распространенной задачей является переформирование уже существующего окружения, раскрытие и сохранение потенциально сильных образных черт, разрешение имеющихся трудностей, и прежде всего выявление структуры и распознаваемости, скрытых за беспорядочностью целого.

В некоторых случаях проектировщик сталкивается с задачей создания совершенно нового образа — в тех ситуациях, когда осуществляется тотальная реконструкция. Эта проблема наиболее остра при распространении крупного города в пригородную зону, где обширные территории нового ландшафта нужно еще организовать для восприятия. Природные факторы оказываются уже недостаточными стимулами для формирования структуры из-за масштаба и интенсивности обрушивающегося на них воздействия. При нынешних темпах строительства нет времени для медленного прилаживания новой формы к мелким специфическим деталям ситуации. Соответственно нам гораздо больше, чем раньше, необходимо опираться на осознанное проектирование — программируемую манипуляцию элементами предметного мира во имя целостности чувств. Хотя мы и имеем огромный исторический опыт формирования городов, новые задачи требуют движения в совершенно иных масштабах и времени, и пространства.

Формирование или переформирование окружения должны быть подчинены тому, что следовало бы назвать «образной программой» для города или региона — системе рекомендаций и средств контроля, объемом которых является визуальная форма в масштабе города. Подготовку такой программы следует начинать с анализа существующей формы и общественного образа территории с использованием техники нашего исследования (см. Приложение I). Результатом такого анализа должна быть серия диаграмм и отчетов, показывающих репрезентативные общественные образы, основные проблемы визуальной формы и основные возможности, заложенные в ней, ключевые элементы образа и взаимосвязи между ними с детальным описанием их качеств и возможностей изменения.

Используя этот аналитический материал, но не будучи совершенно связанным им, проектировщик может перейти к разработке «образного плана» в масштабе города с задачей усиления общественного образа. Этот план должен отобразить расположение новых или сохранение старых ориентиров, развитие визуальной иерархии путей, создание или выявление узловых точек. В первую очередь

этот план должен иметь дело с взаимосвязями элементов, с их восприятием в движении — иными словами, с концепцией города как целостной визуальной формы.

Конечно же, существенные изменения предметного окружения не могут опираться только на эту художественную партитуру, за исключением немногих стратегических пунктов. Но наличие визуального плана способно повлиять на форму изменений окружения, которые так или иначе должны быть осуществлены по другим мотивам. Такой план должен встроиться в число форм планирования в регионе, стать частью целостного проектного процесса.

Контроль, необходимый для достижения желаемой формы в масштабе города, должен* варьироваться от общенных рекомендаций по зонам, рекомендательных обзоров и убеждений в адрес частных застройщиков до строгого контроля в ключевых точках и позитивных замыслов таких общественных работ, как строительство скоростных автомагистралей и зданий общественного назначения. Такая техника контроля ничем по сути не отличается от той, что используется в достижении других целей планирования. Пожалуй, труднее добиться общего понимания проблемы и выработать необходимое умение проектировать, чем осуществлять эффективный контроль, и тогда цель уже ясна. Прежде чем установить широкий контроль, необходимо проделать огромную предварительную работу.

Итак, конечной целью плана визуальной организации является не предметная форма как таковая, а качество образа. Поэтому не меньшее значение имеет улучшение этого образа через подготовку наблюдателя, через обучение горожан смотреть на свой город, видеть многообразие его форм и их взаимопереплетение. Извлекая людей на улицу, проводя занятия в школах и вузах, можно преобразовать город в живой музей нашего общества. Искусство проектирования города будет во многом зависеть от информированности и критического чувства городской аудитории; образование и реконструкция предметного окружения представляют собой две стороны единого процесса.

Повышение внимания наблюдателя, обогащение его опыта входят в число ценностей, которые может принести усилие придать городу форму. До некоторой степени справедливо, что сам процесс реконструкции формы города с целью повышения его представимости может способствовать усилению образа даже вне зависимости от того, удачной или не слишком удачной окажется новая предметная форма. Точно таким путем художник-любитель начинает видеть окружающий мир; у новичка-декоратора первый опыт устройства жилища вызывает чувство гордости и способность сравнивать и оценивать других. И хотя процесс может оказаться бесплодным, если не сопровождается его профессиональной оценкой и не контролируется, даже подливая «эстетизация» города может привести к повышению общественной энергии и единства горожан.

* Автор имеет в виду конкретные условия США. (Прим. науч. ред.)

Новая масштабность

В главе 1 мы указали на особую природу процесса восприятия города и заключили, что вследствие этого искусство проектирования города должно существенно отличаться от искусств. Мы определили, что живость и связность образа окружения — это одно из ключевых условий жизни в городе, способной приносить удовлетворение.

Этот образ является продуктом двустороннего процесса, связывающего наблюдателя и объект наблюдения, в котором внешняя, видимая форма имеет первостепенное значение. Мы выявили пять элементов образа города и подробно обсудили их свойства и характер взаимосвязей на основании данных, полученных в результате анализа формы и общественного образа центральных зон трех американских городов. В ходе такого анализа была разработана и опробована техника полевого исследования и рабочего интервьюирования.

Хотя наибольший объем работы был посвящен выявлению опознаваемости и структуры отдельных элементов, рисунку их взаимодействия в малых комплексах, нашей задачей оставался синтез формы города, трактуемого как целостный рисунок. Будущее ставит задачу формирования ясного и вразумительного образа целой агломерации. Если этого удастся достичь, опыт, накопленный в восприятии традиционного города, будет поднят на уровень, соизмеримый с функциональной единицей, свойственной нашему времени. Организация образа в масштабе такой единицы порождает качественно новые задачи проектирования.

Поддающееся воображению городское окружение сверхкрупного масштаба — чрезвычайная редкость, и все же сама пространственная организация жизни, скорости передвижения, темп и масштаб нового строительства делают и возможным, и необходимым формирование такого окружения в ходе осознанной проектной деятельности. Данная работа, пусть в самой элементарной форме, указывает подход к новому виду проектирования: окружение крупного города может приобрести эстетическую форму. Сегодня редко предпринимается попытка создания такой формы — проблема или вообще игнорируется, или сводится к частичному применению архитектурных и градостроительных принципов.

Очевидно, что форма города, или тем более региона, не может выражать какой-то один сверхпорядок, она должна быть сложного рисунка — непрерывной и целостной, подвижной и не лишенной таинственности. Она должна быть достаточно гибкой, чтобы соответствовать навыкам восприятия, свойственным тысячам людей, открытой к изменениям функций и значений, способной удовлетворять вновь возникающие образные ожидания и представления. Эта форма должна подталкивать зрителя к открытию мира вокруг себя.

Несомненно, мы нуждаемся в окружении, не только удовлетворительно организованном, но и обладающем символической окраской и поэтическим содержанием. Оно должно говорить о личности

и об обществе в целом, об исторических традициях и мечтах на будущее, о природном окружении и о сложной функциональной природе мира городов. Но в любом случае формирование чистоты структуры и обеспечение живости опознания являются первой ступенью к сложению устойчивого символического значения. Проявляясь как крепко связанное и чем-то примечательное место, город приобретает характер подосновы для группировки и организации вторичных значений и ассоциаций. Чувство места само по себе способствует любой человеческой деятельности, происходящей в нем, закреплению в человеческой памяти.

Благодаря интенсивности жизни и плотности взаимодействия людей большой город непременно приобретает романтический оттенок, обогащается множеством символических значений. Он и восхищает, и страшит нас, но если его форма будет четкой, если он будет по-настоящему обзрим, страх и беспокойство могут уступить место восхищению богатством и выразительностью этого театра жизни.

В процессе формирования образа обучение видеть будет играть не меньшую роль, чем перестройка того, что открывается взгляду. Это и в самом деле циклический, а в идеале — спиральный процесс: визуальное просвещение толкает горожан к воздействию на видимый мир, а это воздействие в свою очередь позволяет видеть его четче и острее. Развитие искусства проектирования для города тесно сопряжено со сложением внимательной, способной на критику аудитории, и если само искусство и публика будут развиваться вместе, наши города превратятся в источник повседневного удовлетворения для миллионов их обитателей.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Методика

Применяя базисную идею представимости к материалу американского города, мы пользовались двумя основными методами — выборочным интервьюированием горожан с целью выявления собственного им образа окружения и систематическим исследованием образа окружения, формирующегося у подготовленного наблюдателя в процессе полевого обследования. Вопрос о ценности этих техник весьма существен, тем более, что одна из целей нашего исследования заключается в разработке адекватной методики. Внутри этого общего вопроса скрыты два других: а) насколько можно доверять используемой технике, насколько правдив результат ее применения как основание для выводов? б) насколько она целесообразна: обладают ли результирующие выводы ценностью для решений в планировании и проектировании, окупается ли результатом затраченное усилие?

Первичное кабинетное интервью содержало просьбу нарисовать эскизный план города, дать детальное описание нескольких путешествий по городу, перечислить и кратко описать те его части, которые наиболее четко и живо закреплены в памяти. Целями интервью были: во-первых, проверка гипотезы представимости; во-вторых, ориентировочное приближение к знанию общественного образа трех избранных городов (его можно сопоставить с результатами полевого исследования и получить некоторые основания для

предложенный в адрес проектировщиков); в-третьих, разработка кратчайшего способа извлечения общественного образа в любом данном городе. Принимая во внимание перечисленные цели, можно заключить, что методика доказала в целом свою эффективность, хотя и не устраняет сомнений в адекватности общественного образа, получаемого таким способом.

Кабинетное интервью включало следующие вопросы.

1. Что приходит Вам в голову в связи со словом «Бостон»? Как бы Вы описали Бостон в самом широком смысле?

2. Просим Вас нарисовать эскизный план центра Бостона, вниз от Массачусетс Авеню. Сделайте его так, как если бы Вам надо было кратко описать город незнакомцу, охватывая все главные особенности. Не нужно стремиться к тщательности рисунка — достаточно грубого наброска. (Ведущий интервью отмечает последовательность, с которой рисуется план.)

За. Дайте, пожалуйста, полное и подробное описание маршрута, которым Вы обычно двигаетесь от дома к месту работы. Опишите, как Вы двигаетесь по маршруту, опишите в последовательности все, что Вы видите, слышите, обоняете по пути, включите сюда те приметные знаки, которые важны для Вас, а также те ориентиры, которые бы Вы назвали незнакомцу, чтобы он двигался тем же путем. Не имеет значения, если Вы не можете вспомнить названия улиц или других мест. (В ходе описания маршрута ведущий — в случае необходимости — может задавать дополнительные вопросы для уточнения.)

3б. Есть ли у Вас какое-то особое эмоциональное отношение к различным участкам Вашего маршрута? Сколько времени он занимает? Есть ли на нем участки, где Вы не совсем уверены в местонахождении?

(Вопрос 3 затем повторяется для одного или нескольких маршрутов, являющихся стандартными для всех опрошиваемых: «пройдите пешком от Массачусетс Авеню до Южного вокзала» или «проезжайте на машине от Фанейл Холл до Симфони Холл».)

4. Какие элементы центра Бостона кажутся Вам самыми выдающимися? Неважно, большие они или маленькие, — назовите те, которые Вам легче всего опознать и запомнить. (После каждого из двух-трех элементов, названных в ответе на вопрос 4, интервьюер переходит к вопросу 5.)

5а. Не опишите ли Вы...? Если бы Вас привезли туда с завязанными глазами, что помогло бы Вам установить Ваше местонахождение после снятия повязки?

5б. Испытываете ли Вы какие-то особые чувства, связанные с...?

5в. Не могли бы Вы показать на нарисованной Вами схеме, где находится...? (В соответствующих случаях: «Где это кончается?»)

6. Не покажите ли Вы на плане направление на север?

7. Интервью окончено, но было бы замечательно, если бы Вы уделили мне еще несколько минут для разговора. (Остальные вопросы задаются в свободной форме.)

а) Как Вы думаете, что мы пытаемся здесь выяснить?

б) Насколько людям важны ориентация в городе и возможность распознать его элементы?

в) Испытываете ли Вы удовлетворение от того, что знаете, где находитесь и куда двигаетесь, и беспокойство, если Вы этого не знаете?

г) Насколько, по Вашему мнению, в Бостоне легко найти дорогу или опознать свое местонахождение?

д) В каких из Вам известных городов легко ориентироваться? Почему? Это длительное интервью, обычно продолжавшееся около полутора часов, однако опрошиваемые, как правило, участвовали в нем с большим интересом и нередко с немалой эмоциональностью. Все записывалось на магнитофон с последующей расшифровкой — процедура, необходимая для фиксации всех деталей, включая выявление пауз или оттенков интонации.

В Бостоне 16 человек из опрошенных были заинтересованы принять участие в следующем туре. Сначала им предлагались фотографии Бостона, в совокупности отображающие весь район систематизированным образом, но передаваемые к осмотру в случайном порядке. В папку фотографий были

включены фотографии других городов. Сначала мы просили каждого по своему классифицировать их по группам, а затем опознать максимальное число изображений и объяснить, по каким ключевым признакам они это делают. Затем опознанные фотографии собирались вместе, и опрошенный должен был разложить их на большом столе так, как если бы выкладывал их на большой план города.

Наконец, тех же добровольцев выводили на место для совершения одного из ранее описанных ими маршрутов: от Госпиталя Массачусетс до Южного вокзала. Их по очереди сопровождал интервьюер с портативным магнитофоном. Опрошиваемый должен был вести своего спутника, объяснять, почему избран тот или иной путь, указывать то, что он видит по дороге, называть места, где он чувствует себя уверенно или теряет эту уверенность.

Для частичной проверки опроса малой выборки горожан мы провели исследование ответов на просьбу указать дорогу, которые давали пешеходы на тротуарах. Мы выбрали шесть целей: Коммонвелс Авеню, угол Саммер-стрит и Вашингтон-стрит, Сколли Скуэр, Джон Хэнкок Билдинг, Лунсбург Скуэр и Публичный парк. Мы также выбрали пять стандартных точек отсчета: главный вход в Госпиталь Массачусетс, церковь Олд Норт в Норт-энд, угол Колумбус Авеню и Уоррен-стрит, Южный вокзал и Арлингтон-Скуэр. В каждой точке отсчета интервьюер спрашивал дорогу к каждой из целей, выбирая четыре-пять случайных прохожих. Он задавал три вопроса: «Как мне попасть к...?», «А как я узнаю, что попал туда?» и «Сколько времени туда добираться?».

В сравнении с этими субъективными отображениями города такие данные, как фотографии с воздуха, планы и диаграммы плотности, использования или типа застройки воспринимаются как подлинно «объективные» описания предметной формы города. Оставив в стороне вопрос об их объективности, следует заметить, что все это не отвечает поставленной задаче, будучи одновременно и слишком поверхностным, и недостаточно обобщенным. Разнообразие факторов, подлежащих потенциальной оценке, практически бесконечно, и мы убедились в том, что оптимальным сопоставительным материалом к материалу опросов является запись тоже субъективного отчета, но составленного уже систематически, внимательным наблюдателем, пользующимся рабочими понятиями, уже доказавшими свою полезность в ходе ранее проведенных интервью. Поскольку очевидно, что все опрошенные соотносили себя с одной и той же предметной действительностью, мы решили, что наилучший путь выявления этой действительности — вовсе не использование каких-то количественных «факторных» методик, а восприятие и оценка, даваемые несколькими подготовленными наблюдателями. Они обладали достаточным навыком внимательно воспринимать окружение и обращали внимание прежде всего на наиболее значительные элементы.

Итак, полевое исследование свелось к систематическому осмотру района тренированным наблюдателем, движущимся пешком и предварительно ознакомленным с концепцией представимости города. Он составлял план-схему зоны, указывая наличие, различимость и взаимосвязи ориентиров, узлов, путей, границ и районов, отмечая попутно относительную силу образа, порождаемого каждым элементом. За «ковровым» обследованием было проведено несколько «проблематизированных» путешествий по всей зоне с целью проверки того, насколько удалось выявить структуру целого. Наблюдатель классифицировал элементы по группам значительности и последовательно задавал себе контрольные вопросы: почему у того или иного элемента сильная или слабая опознаваемость и почему та или иная взаимосвязь кажется ясной или запутанной?

То, что изображается на плане, представляет собой, разумеется, абстракцию — не предметную действительность, а обобщение впечатлений, которые вызываются у наблюдателя, настроенного определенным образом формами действительности. Такое картирование осуществлялось, естественно, независимо от анализа интервью и требовало от трех до четырех человеко-дней для территории принятого размера. Описание в Приложении II иллюстрирует характер детализации, используемой в подобном полевом исследовании.

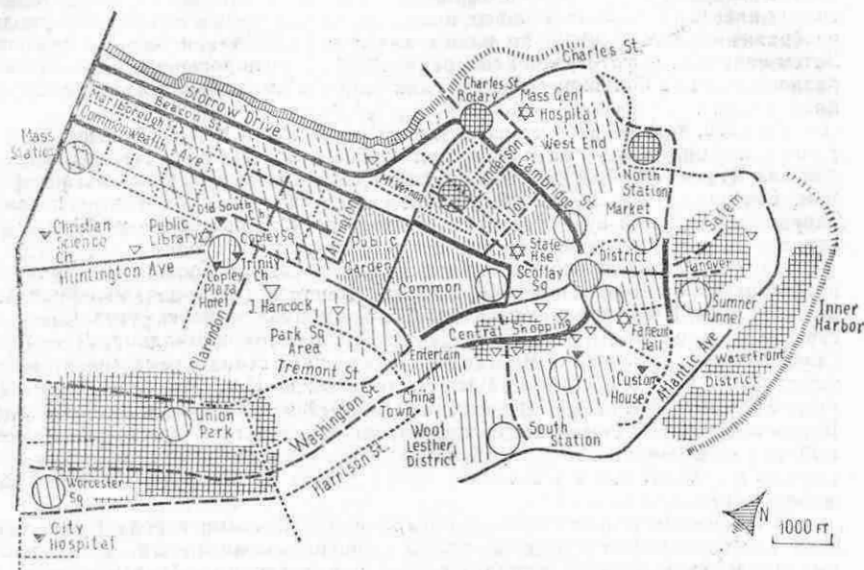

Рис. 33. Образ Бостона, выявленный в устных интервью

В ходе первого обследования была разработана первичная концепция типологии элементов, их группировки и признаков четкой опознаваемости. Эти же гипотезы проверялись в ходе параллельных интервью. Вторая задача заключалась в том, чтобы разработать технику визуального анализа города, которая позволила бы предсказывать вероятный общественный образ данного города. В решении обеих задач методика в целом доказала свою эффективность, хотя может быть излишне много внимания уделяет отдельным элементам при недостаточном внимании к их соединению в сложное визуальное целое.

На рис. 33—46 показаны образы трех городов, извлеченные из совокупности устных интервью и эскизных карт, с одной стороны, и наших полевых исследований — с другой. Для сравнимости в каждой группе схем использованы тот же масштаб и та же система обозначений.

Рассматривая взаимоотношения между данными, полученными независимо в ходе интервью и полевых исследований, мы можем предложить несколько обобщений. Полевое обследование в Бостоне и Лос-Анджелесе позволило сделать на удивление точные предсказания относительно характера общественного образа, выявляемого на материале интервью. В слабо дифференцированном Джерси-Сити полевой анализ позволил на две трети предсказать характер образа, выявленного интервью, но и здесь лишь незначительное число существенных элементов не совпадало в том и другом. Во всех случаях наблюдается высокая острота согласованности между относительной оцен-

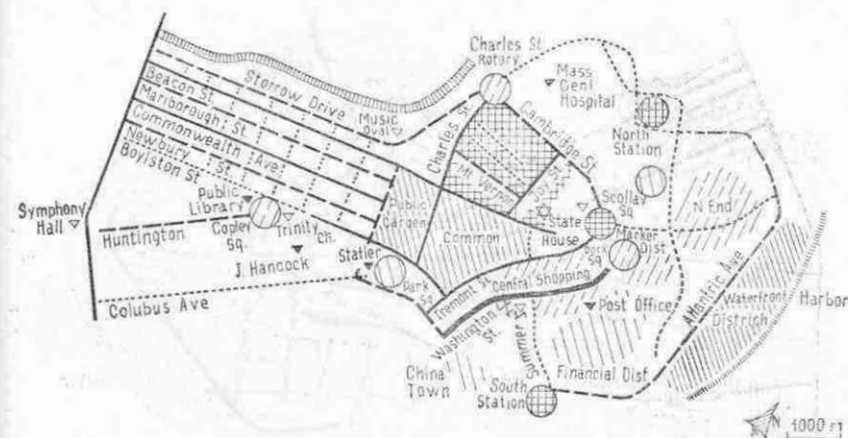

Рис. 34. Образ Бостона, выявленный по эскизным картам

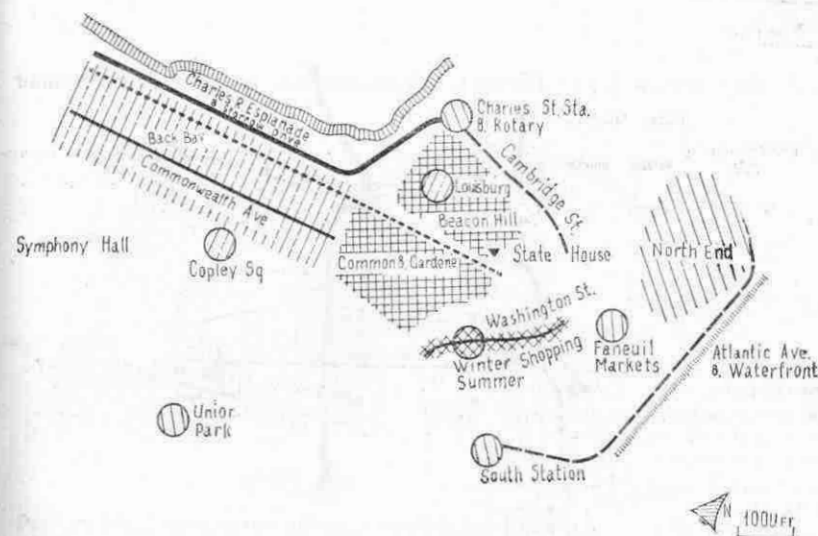

Рис. 35. Распознаваемые элементы в Бостоне

кой элементов. Полевой анализ, осуществляемый в движении пешком, имел два недостатка: тенденцию игнорировать второстепенные элементы, существенные при движении в автомобиле; тенденцию пропускать второстепенные характеристики районов, как оказалось, весьма существенные для горожан, так как они четко отражают социальный статус. В связи с этим можно утверждать, что наша методика полевого исследования, дополненная обследованием из автомобиля, позволяет в целом весьма удовлетворительно предсказать вероятный совокупный образ, за исключением «невидимых» признаков социальной престижности и некоторых деталей, фиксирующих на себе внимание в слаборазличимом окружении.

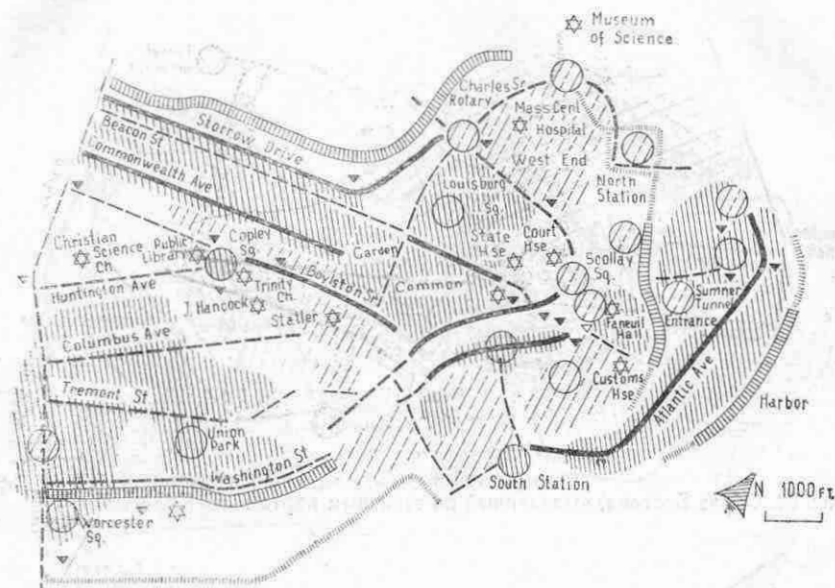

Рис. 36. Визуальная форма Бостона, полученная при полевом обследовании

Рис. 37. Образ Джерси-Сити, выявленный в устных интервью

Хотя в ряде случаев эскизный план, выполненный кем-то из опрошенных, слабо соотносится с его ответами на вопросы интервьюера, между совокупностью интервью и совокупностью схем просматривается вполне удовлетворительная корреляция, и случаев, когда ключевые элементы оказывались бы только в одной группе источников, крайне мало. В то же время нельзя не заметить, что у планов меньшая «разрешающая способность»: те элементы, которые с меньшей частотой появляются в интервью, имеют мало шансов появиться на схемах. В целом элементы изображаются в меньшем количестве, чем они упоминаются устно, причем этот факт проявился наиболее сильно в случае Джерси-Сити. К тому же в эскизных планах яснее изображаются пути, но в них часто опускаются элементы, которые трудно нарисовать

Рис. 38. Образ Джерси-Сити, выявленный по эскизным картам

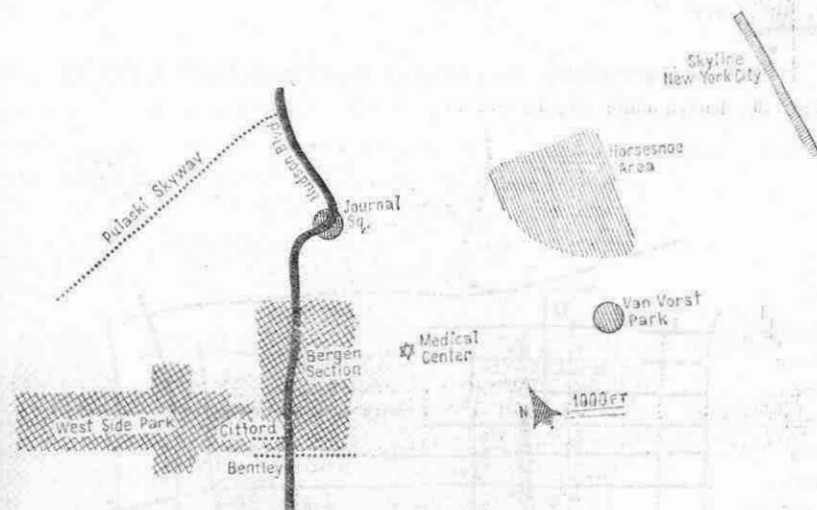

Рис. 39. Распознаваемые элементы в Джерси-Сити

или локализовать, вроде «лишенных основания» ориентиров или усложненного рисунка уличной сети. Однако все эти дефекты не столь значительны и легко поддаются корректировке, и распознавание элементов осуществляется как устно, так и в рисунке примерно с равной эффективностью.

Большое расхождение между двумя источниками обнаруживается в отношении установления связей между элементами и их общей организацией. Наиболее существенные соединения отражены на схемах, но значительная их часть исчезает из них. Вполне возможно, что сложности самого процесса изображения, в котором все было бы взаимосвязано одновременно, приводят к тому, что схемы излишне искажены и фрагментированы. В связи с этим их нельзя считать адекватным отображением действительного знания структуры взаимосвязей.

Рис. 40. Визуальная форма Джерси-Сити, полученная при полевом обследовании

Рис. 42. Образ Лос-Анджелеса, выявленный по эскизным картам

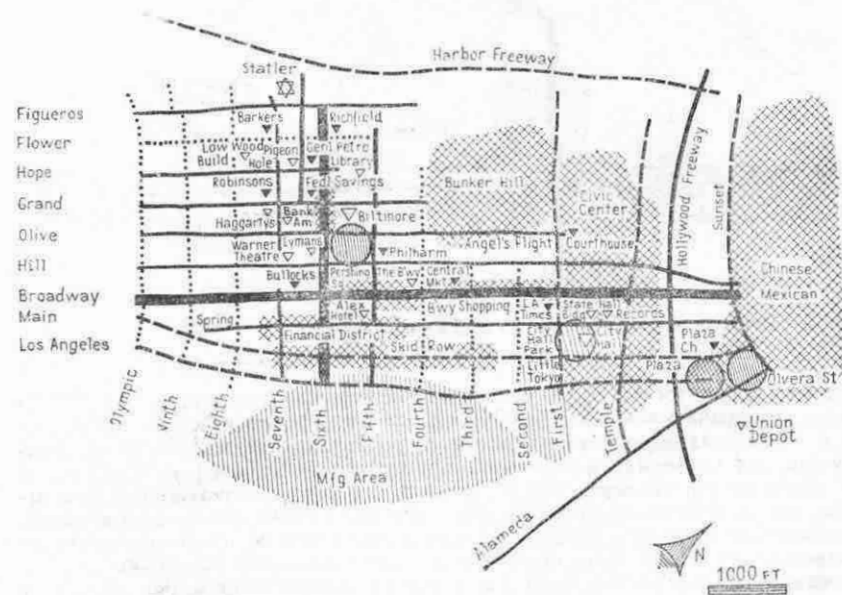

Рис. 41. Образ Лос-Анджелеса, выявленный в устных интервью

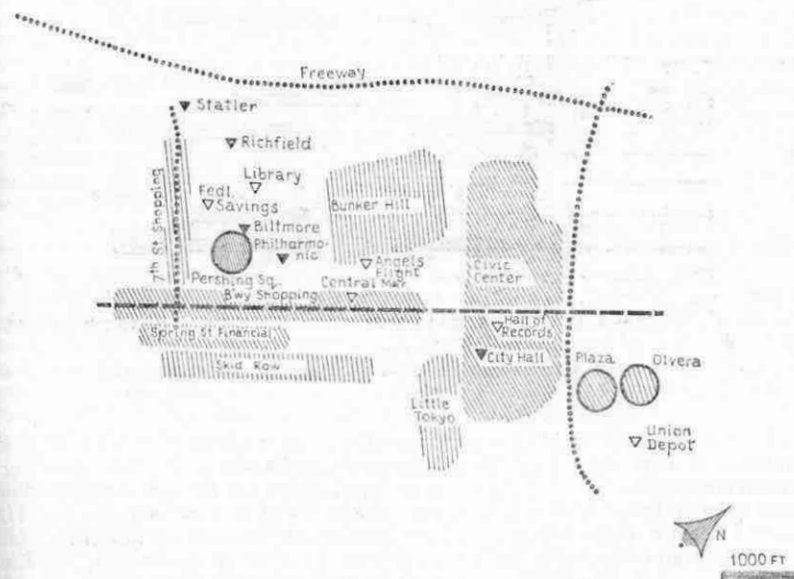

Рис. 43. Распознаваемые элементы в Лос-Анджелесе

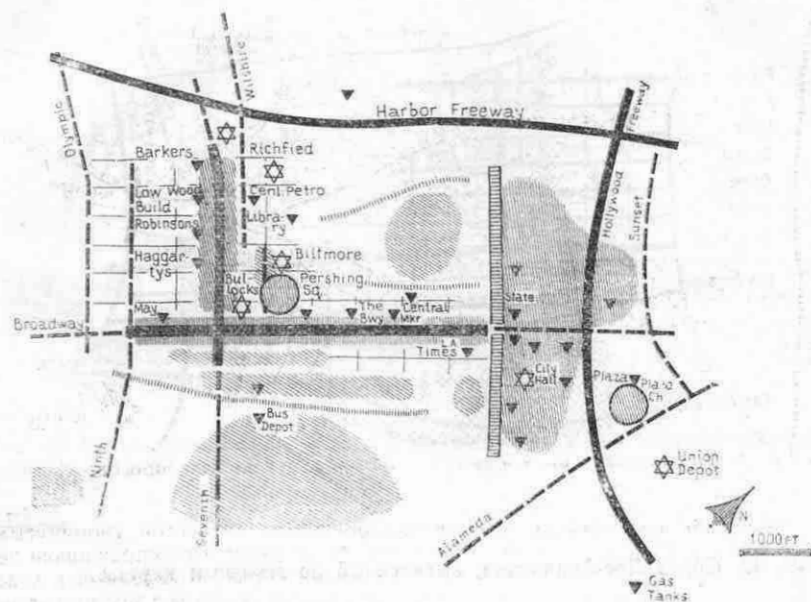

Рис. 44. Визуальная форма Лос-Анджелеса, полученная при полевом обследовании.

Рис. 45. Корреляция между интервью, эскизными картами и полевым исследованием

1 — число совпадающих элементов; 2 — число несовпадающих элементов; 3 — среднее положение между 1 и 2

Тест на опознание фотографий хорошо подтверждается материалом, выявляемым в ходе интервью. Так, Коммуналс Авеню и Чарлз-ривер легко распознавались более чем 90% опрошенных; столь же быстро и безошибочно опознавались Тремонт-стрит, Коммон, Бикон Хилл и Кембридж-стрит. Прочие фотографии тоже подтверждали выявленный рисунок восприятия вплоть до концентрации полной нераспознаваемости Саут-энд, основания Джон Ханкок Билдинг, зоны Вест-энд — Северный вокзал, второстепенных улиц Норт-энд.

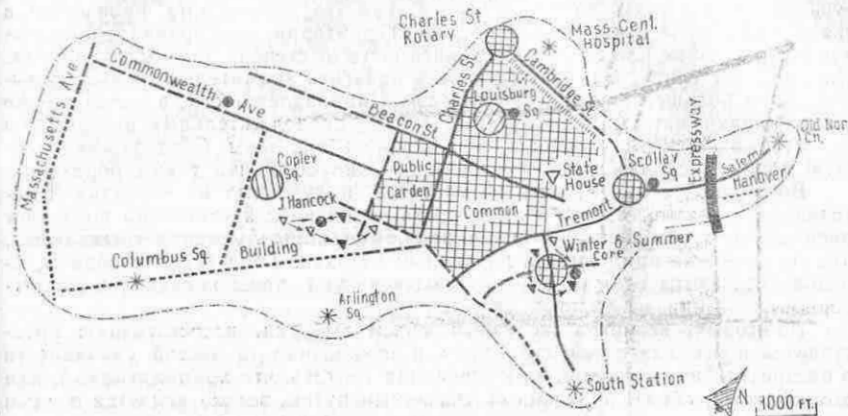

Рис. 46. Образ Бостона, выявленный по материалу уличных опросов

На рис. 46 представлено графическое совмещение элементов, упомянутых 160-ю прохожими, которых мы останавливали на улице и расспрашивали по схеме, описанной выше. И вновь компилятивный образ, выявленный в ходе этих поспешных опросов, отражает высокую степень сходства с другими агрегированными сведениями. Главным отличием является первостепенное значение, приписываемое путям, ведущим от той точки, где заданы вопросы. Следует помнить при этом, что «задействованная» здесь зона включала комбинацию возможных путей между точками отправления и целями (на рисунке обозначенная штрих-пунктиром) и пустое пространство вокруг не имеет никакого значения.

Если использованные методики действительно дают весьма близкие результаты, то к самой выборке опрошенных можно предъявить две претензии. Во-первых, выборки слишком малы: 30 человек в Бостоне и по 15 в Джерси-Сити и Лос-Анджелесе. Такой объем опроса не позволяет делать далеко идущие обобщения и утверждать, что выявлен «истинный» общественный образ того или иного города. Малое число опрошенных было необходимо, если учесть широту списка вопросов и время, необходимое для громоздкой техники анализа, подвергнувшейся экспериментальному опробованию. Нет сомнения, что необходимо повторное, контрольное обследование с использованием более точной и более экономной методики.

Во-вторых, недостаточная представительность выборки. Она удовлетворительна по отражению возрастной характеристики (все — взрослые люди) и сбалансирована по числу мужчин и женщин, но абсолютно не представительна в отношении классовой принадлежности и занятий: поскольку на ранней стадии исследования требовались люди, способные на грамотное самовыражение, то почти все опрошенные — люди «среднего класса», с высшим образованием, служащие высокого ранга. В связи с этим результаты не могут быть неискаженными, и потому необходимо контрольное обследование не только большего числа, но и выборки, пропорционально представляющей все слои населения города.

К сожалению, у нас не было также подлинной случайности в распределении мест жительства и мест работы, хотя мы и стремились максимально ослабить этот недостаток. Так, например, в Бостоне, в полном соответствии с классовой принадлежностью опрошиваемых, среди них почти не было живущих в Норт-энд и Вест-энд. Группировка неизбежна и реалистична, когда речь идет о месте работы, но ее необходимо компенсировать по разбросу мест проживания. Однако имеющиеся у нас данные пока не дают оснований

считать, что случайность распределения мест проживания способна столь же существенно повлиять на образ целого, как это, несомненно, произойдет в связи с классовой представительностью Территории, как правило, представляемой как сильные или слабые вне зависимости от степени знакомства с ними. Интервью на улице, в которых удалось охватить значительно большую выборку при большей случайности классовой принадлежности, в целом все же подтверждают материал, полученный в ходе продолжительных интервью, в той мере, в какой в них представлен общий абрис зоны. Следовательно, общую оценку использованной методики можно обобщить таким образом.

Во-первых, совместимость результатов, полученных из нескольких источников, показывает, что используемая методика действительно позволяет проникнуть в обобщенный образ города, имеющийся у конкретных людей, что эта методика применима к различным городам. Тот факт, что образы городов отличаются один от другого, подтверждает предположение о существенном значении визуальной формы.

Во-вторых, несмотря на малый объем выборки, недостаточную представительность классовой структуры и отклонения от чистой случайности в распределении по городу, есть основания считать, что компилятивный, или композитный, образ, полученный указанным путем, все же является первым приближением к познанию действительного общественного образа города. Тем не менее необходима контрольная проверка с откорректированным объемом и представительностью выборки.

Поскольку выборка столь мала, мы не пытались ее внутренне расчленивать и исследовать обособленно образы, характерные для групп, выделяемых по признаку возраста, пола, занятия и т. п. Выборка анализировалась как целое, и сведения об опрошенных не принимались во внимание, за исключением того, что мы фиксировали общую типичность целого. Нет сомнения в том, что исследование групповых различий обещает много интересного.

Таким образом, в настоящее время наше исследование, безусловно, показало наличие содержательного образа, используемого для описания или припоминания города вне непосредственного контакта со средой. Этот образ может, разумеется, существенно отличаться от того, каким люди пользуются непосредственно в среде. Единственная проверка соответствия между двумя образами сводилась к контрольным маршрутам, предпринятым некоторыми из опрошенных, и уличным опросам. Последние в целом подтверждают полученные результаты, хотя следует принять во внимание ограниченность охвата и сугубо вербальный их характер. Данные полевого обследования все же не однозначны: хотя общая структура выглядит идентичной, надо учесть, что нередко опрошенные двигались несколько иными маршрутами, чем те, что были ими указаны в ходе интервью. На пути проявилось значительно большее число ориентиров, но, к сожалению, сделанные на ходу магнитофонные записи по техническим причинам оказались недостаточно полны и не всегда их качество удовлетворительно. Похоже, что между образом, который формируется ретроспективно для передачи его другому лицу, и образом, задействованным на месте, когда нет необходимости в его вербальной передаче, есть существенные различия. Однако отнюдь не исключено, что между ними существует определенная ступень перехода, по крайней мере полученный нами материал с несомненностью указывает на наличие корреляции между действиями и транслируемым образом и выявляет значительную эмоциональную окраску последнего.

Выявленные в абстракции элементы (узел, район, ориентир, граница, путь) получили в ходе исследования явное эмпирическое подтверждение с незначительными преобразованиями. Разумеется, речь идет не о том, что эти понятия имеют определенное существование подобно Платоновым телам, а о том, что с помощью этих понятий удается адекватно охватить данные исследования — без искусственной «подгонки» и с несомненной пользой. Так, в чисто количественном выражении пути оказываются доминантным элементом, и для всех трех городов мы получили примерно равное процентное отношение между различными типами элементов. Единственное исключение — осязанный перенос внимания с путей и границ на ориентиры, отмеченный в

Лос-Анджелесе. Это некоторая неожиданность, особенно если учесть «автомобильный» характер города: вполне возможно, что источник такого сдвига — отсутствие внутренних различий в решетчатой сети улиц.

Наконец, следует отметить, что если данные об отдельных элементах и об их типологии можно считать вполне удовлетворительными, то необходимой информации о взаимосвязи элементов, рисунке их группировок, о последовательных сериях и целостных комплексах мы практически не получили. Подход к исследованию этих ключевых аспектов образа города требует разработки более совершенной методики.

Методика в основании проектного процесса

Наверное, лучший способ обобщить критический анализ нашей методики — это предложить технику анализа образа, построенную так, чтобы преодолеть многие из названных выше недостатков, и разработанную так, чтобы она могла служить основанием проектирования визуальной формы произвольно заданного города.

Работу следует начать с двух обследований. Первое — обобщенное полевого обследования, осуществляемое двумя-тремя подготовленными наблюдателями, систематически передвигающимися по городу пешком и на транспорте, днем и ночью, с дополнением «коврового» обследования несколькими «проблемными маршрутами», описанными выше. Результатом этой работы должны быть карта полевого анализа и краткий отчет, выявляющий как целое, так и части, указывающий на сильные и слабые стороны ситуации.

Второе — параллельный опрос крупной выборки горожан, сбалансированной с общей характеристикой населения города. Участники группы (одновременно или в несколько приемов) должны выполнить следующие задания:

а) нарисовать эскизный план обследуемой территории, указав на нем наиболее важные и интересные характеристики места, так, чтобы человек, не знающий города, мог передвигаться с его помощью без особых трудов;

б) сделать подробный рисунок маршрута и «событий» в ходе одного или двух воображаемых путешествий по городу, избравших так, чтобы выявить длину и ширину обследуемой зоны;

в) составить список тех частей города, которые осознаются как наиболее отчетливые (интервьюирующий должен объяснить значение слов «часть» и «отчетливый»);

г) письменно ответить на несколько вопросов типа «где расположено...?». Результаты опроса должны быть подвергнуты анализу с целью выявления частоты упоминания элементов и их взаимосвязей, последовательности построения рисунка, живости восприятия наиболее значимых элементов, чувства структурности целого, совокупного образа.

Затем следует сопоставить результаты полевого обследования и интервью для выявления соотносительности общественного образа и визуальной формы, для осуществления обобщенного анализа визуальной силы и слабостей всей территории, нахождения критических точек, последовательности или схем, достойных дальнейшего изучения.

Только после этого можно начать обследование второго уровня, концентрирующегося на выявленных критических звеньях. Перейдя к опросу малой выборки горожан, следует провести индивидуальные интервью с целью локализации избранных критических звеньев, обработки их в ходе воображаемых прогулок, их описания, примерного изображения, обозначения эмоционального отношения к ним. Нескольким из опрошенных следует также предложить отправиться на место, совершить несколько коротких прогулок, связанных с этими местами, описать и обсудить их на месте. Наконец, необходимо опросить случайных прохожих в разных точках города относительно того же самого критического звена.

После анализа результатов обследования второго уровня, в котором должны выявиться объем и характер проблем, следует осуществить повтор-

ное интенсивное обследование тех же элементов. В ходе этого обследования нужно произвести детальное изучение опознаваемости и структуры в различных условиях наблюдения (освещение, расстояние до объекта, типы активности, в движении и т. п.), опираясь при этом на результаты, полученные в ходе интервью, но никоим образом не ограничиваясь ими (детальные исследования элементов Бостона в Приложении II могут, наверное, служить здесь образцами).

Наконец, весь этот материал должен быть обобщен в виде серии карт и отчетов, совокупность которых покажет основу общественного образа территории, важнейшие проблемы визуальной формы, критические элементы и взаимосвязи между ними с указанием их детальных характеристик и заложенных в них потенциальных возможностей. Программа и проект будущей визуальной формы района, зоны или региона могут и должны опираться на такой совокупный результат, подвергающийся постоянной корректировке и обновлению.

Направления дальнейших исследований

Следующий шаг исследований — использование методики для опроса представительной выборки горожан. Выводы, опирающиеся на исследование, приобретут большую достоверность, а его технику можно будет существенно усовершенствовать. Очевидно также, что наше понимание проблемы значительно возрастет, если сравнительному обследованию будет подвергнуто большее число типов окружения, чем три города, с которыми мы работали. Очень новые и очень старые, компактные и расплывшиеся, хаотические и сверхупорядоченные — различные города должны порождать значительно различающиеся образы. Чем общественный образ деревни отличается от образа Манхэттана? Что легче поддается представлению: город у озера или город, вытянувшийся вдоль железной дороги? Ответы на подобные вопросы породят массу материала, повествующего о действительном воздействии на людей предметной формы, материала, на основе которого мог бы работать проектировщик.

Не менее любопытно применить ту же технику к окружению иной масштабности: к ландшафту или, напротив, к отдельному зданию; к системе коммуникаций или региону. С практической точки зрения наиболее существенно использовать аналогичную технику в анализе агломерации, которая в настоящее время совершенно не поддается осознанию.

Не меньшее значение имеют различия между самими наблюдателями. По мере того, как градостроительство приобретает все более международный характер и проектировщики все чаще планируют жизнь людей в других странах, становится все более необходимо удостовериться в том, например, что прием, найденный в Америке, не является производным от сугубо местной культуры. Как индус или итальянец видит свой город?

Подобные различия характерны, однако, и для работы проектировщика и в пределах собственной страны. И проектировщик, и исследователь могут оказаться в плену сугубо регионального образа мысли или (особенно в Америке) образа мыслей, характерного для его классовой принадлежности. Коль скоро города служат разным группам людей важно понять, как эти разные группы представляют свое окружение.

Было бы интересно понять, насколько выявленные типы построения образа (статичные иерархические схемы наряду с разворачиванием динамических последовательностей; конкретное, чувственное наряду с абстрагированным) являются постоянными, не поддающимися передаче другим, а насколько они — результат воспитания или воздействия среды: Как эти типы взаимосвязаны и может ли динамическая схема образа быть подвергнута структурированию? Наконец, необходимо исследовать, как соотносятся между собой образ, хранящийся в памяти и передаваемый другим, и образ, действительно вовлеченный в поведение на месте.

Все эти вопросы имеют не только теоретическое значение. Города — естественная среда обитания различных групп, и только с пониманием дифферен-

цированности групповых и индивидуальных образов, с пониманием их взаимосвязей могут появиться проектирование и возможность создания окружения, удовлетворяющего всех. Пока такого знания нет, проектировщик должен по крайней мере опираться на общественный образ, служащий своего рода общим знаменателем, и стараться ввести в окружение как можно больше разнообразного «строительного материала» для образа.

Наше исследование посвящено образу, существующему в данный момент. Мы гораздо полнее поймем его, если узнаем, как он развивается; как формируется образ города у того, кто появился в нем впервые; как разворачивается образ окружения у растущего ребенка; какие формы наиболее способствуют развитию образа; как можно передать образ или как учить этому. Ясно лишь, что у города должна быть и очевидная структура, которую можно «схватить» сразу, и потенциальная структура, позволяющая каждому постепенно сооружать все более сложную и вразумительную картину единого целого.

Постоянный процесс реконструкции городов порождает смежную проблему — приспособление образа к внешним изменениям. Чем в большей степени наша среда обитания становится подвижной и неустойчивой, тем важнее знать, как удержать преемственность образа в балагане перемен. Каким путем образ вообще приспособляется к изменениям и каковы границы, в пределах которых такое приспособление еще возможно? В каких случаях действительность игнорируется или ее восприятие искажается ради сохранения мысленной картины? Когда образ полностью разрушается и какова цена этому? Как можно избежать такого разлома за счет обеспечения определенной преемственности и как помочь формированию нового образа, если разрушение прежнего уже произошло? Создание открытого к изменениям образа окружения, образа, обладающего и жесткостью, и эластичностью по отношению к неизбежным переменам, представляет собой совершенно особую проблему.

Все это подтверждает еще раз, что образ — результат не только воздействия внешних характеристик окружения, но и продукт мышления самого наблюдателя. Именно поэтому воспринимаемое качество окружения можно повышать и через воспитание, и весьма полезным было бы исследовать, с помощью каких средств можно учить людей легко ориентироваться в окружающем их мире: музеи, лекции, прогулки, школьные уроки и т. п. Сюда же относятся использование знакомых средств: планов, уличных знаков, диаграмм, справочных устройств. Казалось бы, запутанный и беспорядочный предметный мир можно сделать в значительной степени понятным за счет создания знакомых средств, проясняющих связь между множеством звеньев в технике, которая действительно способствует развитию образа. Примером такого устройства может служить диаграмма Лондонского метрополитена, бросающаяся в глаза на каждой станции.

И все же наиболее существенное направление перспективных исследований — это отсутствие понимания образа города как целостного поля, понимания взаимосвязи элементов, рисунков и последовательных серий. Восприятие города разворачивается во времени и направлено на объект сверхкрупного масштаба. Если уж окружение должно восприниматься как органическое целое, то прояснение отдельных частей в их непосредственном контексте — это только первый шаг. Необходимо найти пути к пониманию целого и его регулированию или уж по меньшей мере — к освоению проблем последовательности и разворачивающегося рисунка.

Думается, что некоторые из упомянутых исследований поддаются количественным методам ..., но скорее всего самая суть работы, во всяком случае в ближайшее время, исключает их и в качестве главного направления сохранится изучение схем связей и последовательностей. Техника представления и изображения сложных, растянутых во времени схем связей — казалось бы, сугубо технический вопрос, но решение его чрезвычайно трудно и имеет фундаментальное значение. Прежде чем такую схему удастся понять и тем более прежде чем придется работать с ней, необходимо еще найти способ, каким можно передать ее сущность, не прибегая к прямому повторению в натуре. Это тупик, из которого нужно найти выход.

Поскольку наша первоначальная заинтересованность в проблеме происходит из задач работы с предметным окружением, пробное использование изложенных идей в решении практических проектных задач — одно из ключевых направлений дальнейших исследований. Необходимо еще раскрыть проектный потенциал представимости города и проверить справедливость утверждения, что он может служить основой проектно-планировочной работы с городом.

В настоящее время основными направлениями будущих исследований представляются следующие: применение концепции к масштабу метрополии; ее расширение за счет охвата дифференциации между различными группами наблюдателей; развитие образа и его приспособление к внешним изменениям; образ города как целостный, растянутый во времени рисунок и, наконец, проектный потенциал концепции представимости.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Два примера анализа

Для иллюстрации детального визуального анализа элементов городского окружения в рамках полевого обследования и демонстрации сопоставления его результатов с результатами опросов опишем два примыкающих одно к другому места: отлично опознаваемый район Бикон Хилл и вызывающий затруднения узел Сколли Скуэр у его подножия. На рис. 47 и 48 показаны общая локализация этих звеньев на плане центра Бостона и их отношение к Вест-энд, торговой зоне делового центра и Чарлз-ривер.

Бикон Хилл. Один из последних уцелевших холмов города, Бикон Хилл расположен между коммерческим центром и рекой, препятствуя движению машин в меридиональном направлении, и отлично виден с различных точек. Подробный план указывают рисунок улиц и плотность застройки; для американского города это место уникально — отлично сохранившаяся реликвия начала XIX столетия, все еще живая и интенсивно используемая. Это спокойная и уютная жилая зона «высшего класса» в непосредственной близости к самому сердцу метрополии. Во всех интервью Бикон Хилл отражен с соответственной яркостью образа.

Бикон Хилл ощущается как нечто совершенно определенное, нередко прочитывается как символ Бостона и часто воспринимается как бы с определенной дистанции. Известно, что он расположен в центре города, вплотную к деловому центру, резко отграничен Бикон-стрит, вдоль нее соприкасаясь с Коммон. Соответственно Кембридж-стрит отделяет его от Вест-энд, и для большинства опрошенных Бикон Хилл кончается у Чарлз-стрит, хотя некоторые не без колебаний добавляли и нижнюю часть. Почти все осознают его тесную связь с рекой. Четвертая граница остается неопределенной и проводится обычно по Джой-стрит или Бодуэн-стрит, но это вообще путаная территория, которая «каким-то образом» спускается к Сколли Скуэр.

Внутри район осознается как расчлененный на две обособленные части — «заднюю» и «переднюю» стороны, статусно и визуально разделенные по Миртл-стрит. Уличная сеть представляется как строго параллельная, «аккуратная» или прямая, но при этом связанная как-то неудачно, так что пройти насквозь сложно. Передняя сторона представляется состоящей из нескольких параллельных улиц (чаще других называется Маунт-Вернон-стрит) с Луисбург Скуэр на одном конце и Капитолий на другом. Задняя сторона спускается к Кембридж-стрит. Джой-стрит получала высокую оценку в роли сквозной связи. Бикон-стрит и Чарлз-стрит ощущаются как части целого, Кембридж-стрит так не воспринимается.

Более половины опрошенных выразили свое представление об элементах образа Холма следующим путем (грубо соответствует порядку перечисления): крутой холм; узкие темные улицы; Капитолий штата; Луисбург

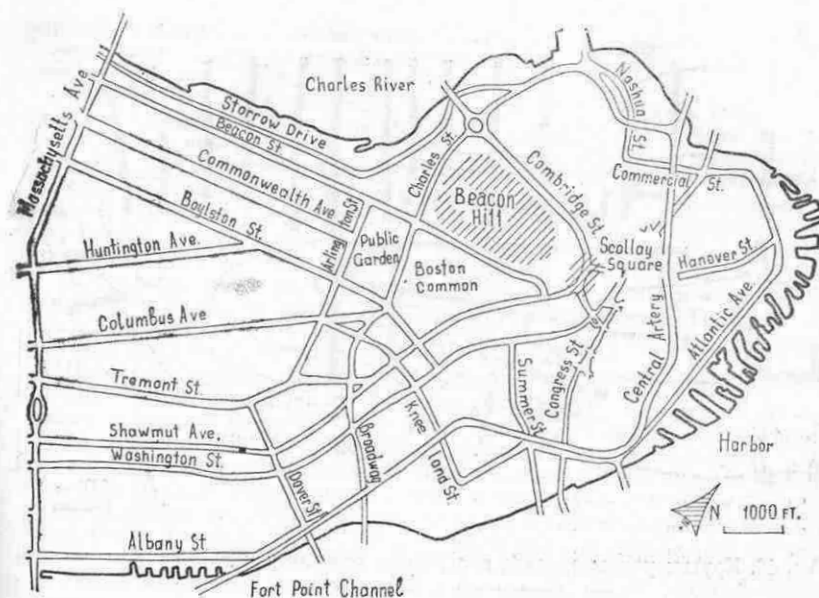

Рис. 47. Размещение Бикон Хилл и Сколли Скуэр на полуострове Бостона

Рис. 48. Бикон Хилл, улицы и здания

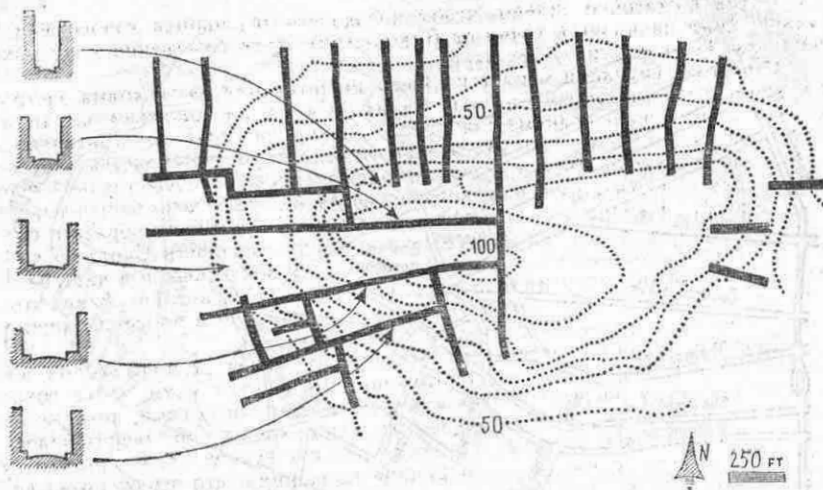

Рис. 49. Крутые улицы, рельеф, поперечные сечения улиц

Скуэр и парк; деревья; красивые старые дома; красный кирпич; заглубленные в ниши входы.

Часто упоминались также мощенные кирпичом тротуары; булыжник мостовых; виды на реку; жилой район; грязь и мусор; выраженность статуса; угловые магазины на задней стороне; тупики или «изогнутые» улочки; ограда и статуи на Лунсбург Скуэр; разные формы крыш; вывески на Чарлз-стрит; золоченый купол Капитолия; красные окна; несколько многоквартирных домов, контрастирующих с целым.

По меньшей мере трое добавили следующее: автомобили на улице; эркерные окна; кованое железо; дома плотно прижаты один к другому; старинные фонари; «европейский» дух; Чарлз-ривер; вид на Госпиталь Массачусетс; дети играют на задней стороне; черные ставни; антикварные магазины на Чарлз-стрит; трех- и четырехэтажные дома.

Вопросы, заданные в спешке и суете улицы, дали на удивление богатые комментарии. В основном они заключались в том, что это холм и на него можно подняться вверх по улицам или по лестницам. Он обозначен зданием Капитолия, у которого золоченый купол и широкие лестницы. Он примыкает к Коммон, ограничен Бикон-стрит, внутри есть площадь Лунсбург Скуэр, на которой сквер и ограда.

Несколько человек добавили: там есть деревья, там живут люди из высшего общества; это рядом со Сколли Скуэр; внутри улицы Джой-, Гроув-и Чарлз-стрит. Все эти примечания в свойственной им сокращенной форме повторяют результаты длительных интервью.

Присмотримся к действительности, способствующей возникновению перечисленных характеристик образа Холма. Район действительно совпадает почти точно с высоким холмом, самые крутые стороны которого спускаются к Чарлз-стрит и Кембридж-стрит. Склон на самом деле несколько продолжается за Кембридж-стрит в глубь Вест-энд, но точка перегиба склона уже остается позади, и эта точка явно имеет большое визуальное значение. Граница склона точно совпадает с Чарлз-стрит, что и создает сложности с включением нижней части в образ. С двух других сторон границы, однако, залежи на склоне: Бикон-стрит частично идет по нему, а Коммон в основном расположен на продолжении того же склона. Однако изменение пространства и

характера достаточно сильно, чтобы преодолеть эти пороки топографии, и Бикон Хилл начинается точно от Бикон-стрит, хотя собственно холм начинается у Тремонт-стрит.

С востока ситуация меняется. Здесь значительная часть холма застроена коммерческими учреждениями, Сколли Скуэр расположена на холме, а Скул-стрит круто поднимается вверх. Топографическая действительность искажена, но здесь нет ни значительного открытого пространства, которое позволило бы разобраться в происшедшем, ни какой-то существенной перемены характерности окружения, которая могла бы «перебить» непрерывность типа рельефа. Именно это, вероятно, приводит к невятности образа с этого края, равно как и к пространственной неуравновешенности Сколли Скуэр.

В пределах холма уклон ощутим всегда — и зрительно, и в категориях физических ощущений усилия и поддержания равновесия. Тот факт, что с передней и задней сторон холма улицы идут в основном в противоположных направлениях, подчеркивает различие этих двух зон.

Пространственные качества застройки с передней стороны холма воспринимаются безошибочно. Это протяженные коридоры улиц, везде сохраняющие камерный масштаб. Очень часто это трехэтажные дома, которые выглядят как односемейные. Жилые дома, доходные дома и учреждения нелегко распознать в рядовой застройке. В этих пределах единой характерности существуют, однако, значительные вариации пропорций, что отражено на диаграмме разрезов (рис. 49). Особенно значительна перемена на Маунт-Вернон-стрит, выше Лунсбург Скуэр, где длинный ряд «высоких» зданий вытянулся на втором плане вдоль северной стороны, что дало место маленьким садикам впереди. Эта перемена очень заметна и воспринимается с удовольствием, не нарушая при этом единство целого.

Характер пространства заметно меняется на задней стороне холма: здания четырех-, шестизэтажные, что с очевидностью указывает на их многоквартирный характер. Пространственный коридор принимает вид щели. Поскольку холм спускается здесь на север, солнца на улицах гораздо меньше. Иные пропорции пространства, свет, характер склона и сопутствующее отличие проявляются как главные характеристики этой зоны.

На рис. 50 и 51 показано местоположение иных сюжетных элементов, влияющих на опознаваемость образа, и снова следует подчеркнуть, что все это характеристики главным образом передней стороны холма. Распределение покрытых кирпичом тротуаров, угловых магазинов, заглубленных подъездов, кованого декоративного железа, деревьев и даже черных ставен — все это закрепляет уникальность передней стороны и ее отличие от задней. Концентрация, повторяемость названных сюжетов и общий уровень ухоженности (полированная бронза, чистые мостовые, аккуратные окна) способствуют усилению образа за счет его несомненной живости.

Эркерные окна встречаются нечасто, за исключением нижнего отрезка Пинкни-стрит, тогда как красные оконные рамы, как правило, ассоциирующиеся с Холмом, в действительности и вовсе редки. То же относится и к булыжному замощению, которое можно увидеть только на Лунсбург Скуэр (две узкие и короткие полоски) и по мрачной Экорн-стрит. Кирпич в застройке почти повсеместен, и хотя в пределах Бостона это никак не может служить чем-то выделяющимся, на Холме он создает подлинную однородность цвета и фактуры. Старые уличные фонари действительно возникают перед глазами повсюду.

Визуально воспринимаемые подрайоны Холма четко ограничены характеристиками пространства, градиентом, типом использования, озеленением, замощением, а также применением таких деталей, как подъезды, двери, ставни, поковки. Обычно все эти особенности соединяются и усиливают характерность места. Так, передняя сторона — это зона крутого уклона к Чарлз-стрит; камерных пропорций улочек-коридоров; декоративных и прекрасно ухоженных зданий, выражающих принадлежность обитателей к «высшему классу»; солнечного света, деревьев и цветов на улице, кирпичных тротуаров и черных ставен, заглубленных в ниши входов. Это еще и зона горничных, шоферов, подтянутых старушек, изящных автомобилей у тротуаров. Задняя

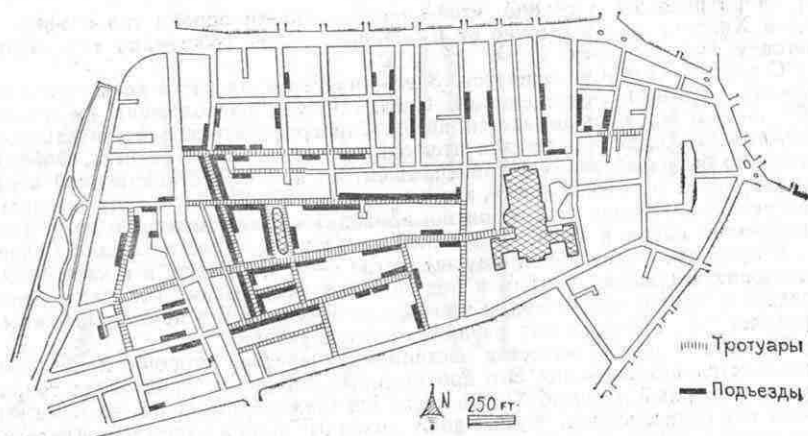

Рис. 50. Подъезды и тротуары

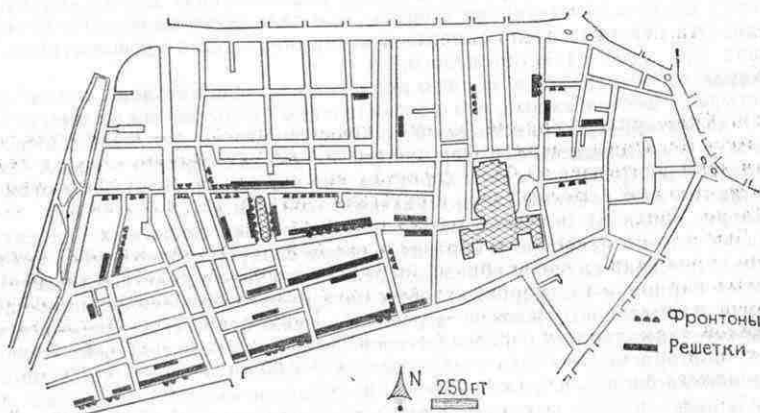

Рис. 51. Фронтоны и решетки

сторона спускается к Кембридж-стрит; здесь затемненные щелеобразные пространства улиц, фланкированные лишенными декора и не слишком ухоженными многоквартирными зданиями, улицы грязны, дети играют прямо на тротуаре. Среди кирпичных зданий кое-где встречаются каменные. Деревья видны чаще во дворах, чем на улице.

Нижний Бикон Хилл, между Чарлз-стрит и Чарлз-ривер, имеет много общих характеристик с передней стороной — зелень, кирпич стен и тротуаров, входы в нишах, кованое железо ..., но отсутствие ярко выраженного уклона и наличие барьера в виде Чарлз-стрит в классификационном смысле отбрасывают его в «вакуум». К тому же Чарлз-стрит сама по себе является подрайоном: торговая улица, которой придан особый характер дорогие и антикварные вещи, заполняющие ее магазины, — товары, покупаемые людьми с Холма.

Официальная зона, обозначенная массивом Капитолия штата, качественно отличается по характеру использования, масштабности пространства и активностью на улице. Здесь есть переходная зона, где еще встречаются мотивы

Рис. 52. Бикон Хилл. Тематический блок

Бикон Хилл: уклон, кирпич, эркеры, кованое железо. Но это отрезанная зона, здесь магазины и церкви перемежаются с жилыми домами, а мера ухоженности явно указывает на более низкий социальный статус по сравнению с передней стороной. Вследствие отсутствия четкой ограниченности затруднительно представить форму Холма с этой стороны.

Любопытно отметить эффект наличия или отсутствия каналов коммуникации, препятствия движению от передней стороны к задней и тот факт, что нормальный подход к ним осуществляется с разных направлений, превращая стороны во взаимноизолированные. Здание Капитолия отсекает Бодуэн-стрит от жилой зоны, если не считать беспорядочного прохода под арку с востока. Сложности спуска к Сколли Сквер еще значительнее, в результате чего площадь «плавает» по отношению к Холму.

В то же время проходные (сквозные) улицы — Маунт-Вернон, Джой, Бодуэн и Чарлз — приобретают явно дополнительную значимость. Хотя все эти улицы в топологическом смысле регулярны, хотя их названия постоянны по всей длине, зрительно они расчленены изломами, что усиливает чувство камерности, компактности и упрощает опознание примыкающей к ним зоны. Джой-, Бодуэн- и Пинкни-стрит блокированы перегибом по вертикали, а Маунт-Вернон, Седр- и Чарлз-стрит — мягкими изгибами по горизонтали. Все остальные улочки заканчиваются тупиками, так что ни в одной точке район не просматривается насквозь.

Однако с холма открывается несколько прелестных видов, особенно на реку — вниз по улицам Чеснат, Маунт-Вернон, Пинкни, Мертл и Ривер, за счет их уклона к реке и «анфиладной» позиции Холма по отношению к ней. От Маунт-Вернон-стрит вниз по Уолнат-стрит на мгновение открывается Коммон. Все спускающиеся на север «задние» улицы открывают вид на Вест-энд и за него, но вид крыш мало примечателен, и монотонность нарушена лишь зданием первого госпиталя Балфинч (вниз по Андерсон-стрит, являющейся единственной связью «фронт-тыл» между Седр-стрит и Джой-стрит). При подъеме по Пинкни-стрит возникает странное зрелище обезглавленной башни таможни, тогда как при подъеме по Чеснат-стрит открывается прекрасный вид на золотой купол Капитолия.

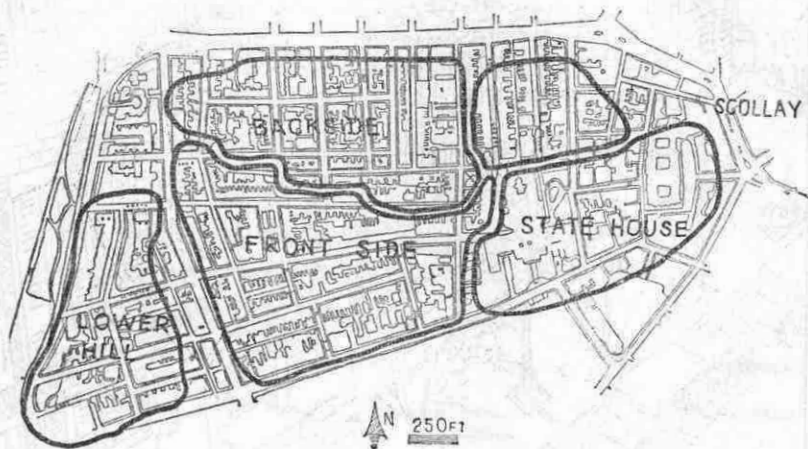

Рис. 53. Подрайоны Бикон Хилл

Капитолий штата, разумеется, — ориентир номер один на Холме. Форма и назначение, расположение у самой вершины с раскрытием в сторону Коммон делают его «ключом» к центру Бостона. Другое характерное место — Луисбург Скуэр — небольшой узел в жилой зоне внизу склона передней стороны. Площадь никак не выявлена для восприятия извне, не «привязана» ни к вершине, ни к подошве холма, вообще не «завязана» каким бы то ни было способом. Соответственно она никоим образом не служит ориентиром — ее представляют «где-то внутри» Холма, что не мешает считать Луисбург Скуэр его своеобразным конспективным выражением. Здесь сосредоточены и выявлены в наиболее чистой форме все темы фасадов. К тому же площадь — оформленное пространство, контрастное по отношению к характеру всей зоны и одновременно выражающее его дух. Здесь находятся всеми упоминаемые фрагменты бульварной мостовой и огражденный сквер с множеством статуй. Сквер привлекает внимание и роскошной сочной растительностью, и не написанным, но подразумеваемым запретом «по траве не ходить!». Любопытно, что, хотя боковое расположение площади и затрудняет любую попытку ее точной локализации в общей структуре, тем не менее это не нарушает визуальную стабильность образа и ее самой, и непосредственного окружения.

Внутри общей структуры есть еще несколько второстепенных ориентиров: церковь Универсалистов на Маунт-Вернон-стрит (выходящая и на Чарлз-стрит), заметная благодаря положению на плане и шпилю; юридическая школа Саффолк — напротив Капитолия на Дин-стрит (ее масса закрепляет характер и границу официальной зоны); Фармацевтический колледж Новой Англии, несколько нарушающий жилой характер Маунт-Вернон-стрит. Наконец, это Институт Карнеги (угол Пинкни-стрит и Андерсон-стрит), также нарушающий однообразие фасадов жилых домов и отмечающий точку выхода за заднюю сторону. В пределах Холма очень мало функциональных точек, не относящихся к жилью, да и те на удивление удачно растворяются в общем фоне. С Холма мало видно внешних ориентиров, так что его внутренняя структура замкнута на себя самое.

Мы уже обсуждали связь Холма и Вест-энд через резко обозначенную границу, равно как и неопределенность выхода к Сколли Скуэр. Всем очевидно, что Холм граничит с Коммон, но прямая связь между ними довольно слаба. Свободный проход от одного к другому блокирован везде, кроме Чарлз-, Джой- и Уолнат-стрит, и с Холма не видны массы деревьев. Таким образом

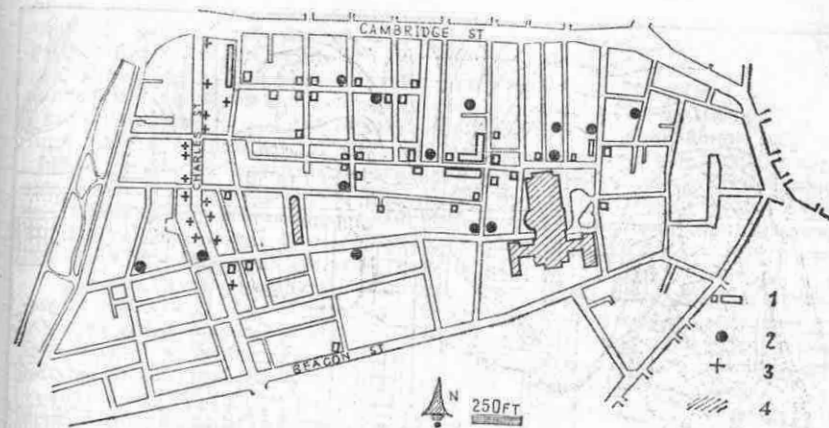

Рис. 54. Ориентиры и использование

1 — коммерческое использование (без Чарлз-стрит и Бикон-стрит); 2 — учреждения; 3 — антиквариаты; 4 — капитолий и Луисбург Скуэр

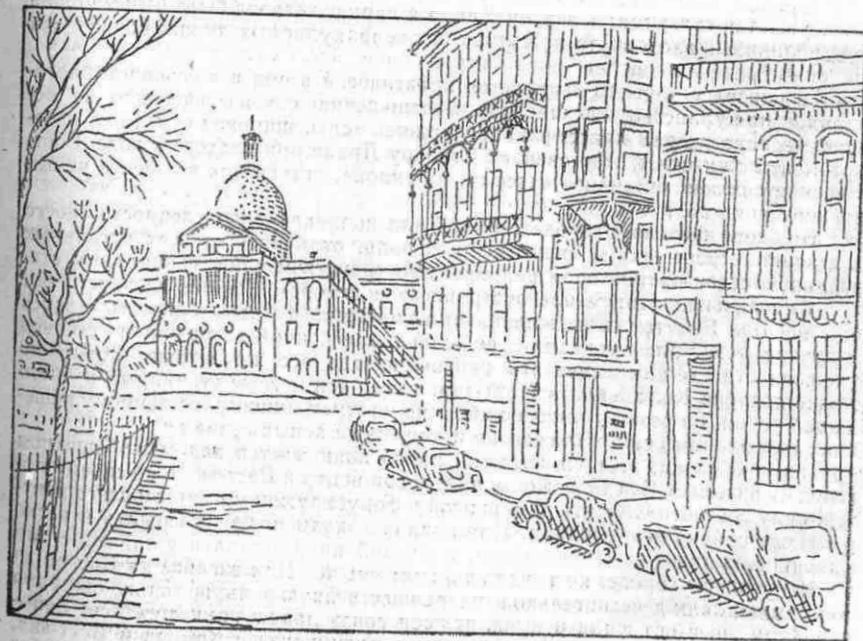

Рис. 55. Капитолий штата

Рис. 56. Лунсбург Скуэр

не ощущается связанность зелени Холма и парка, которая была бы возможна при наличии проходов или просветов, перпендикулярных линии, образуемой Бикон-стрит.

Некая связь с рекой ощущается практически всеми и в основном благодаря видам с улиц, идущих широтно, но конкретная связь совершенно не ясна из-за неуверенной классификации нижней зоны, широкой отмели за набережной, сложности с пересечением Сторроу Драйв при подходе к воде. Соотношение с рекой, очевидное наверху, на склоне, становится все менее ясным по мере подхода к ней.

В общем контексте города Бикон Хилл вопреки малочисленности своего населения играет весьма существенную роль, отличаясь от всех остальных районов Бостона характером рельефа, пространством улиц, социальным статусом, зеленью, уровнем благоустройства и декором. Район, казалось бы, подобен Бэк Бей: там та же зелень, тот же материал фасадов, близость статуса и другие подобные ассоциации, но иной рельеф, иной декор, иная степень ухоженности. Тем не менее эти районы иногда все же путают. Возможно также подобие Копс Хилл в Норт-энд: тоже холм, тоже старинный и чисто жилой район, но резко отличающийся по статусу, пространственному решению, декору, имеющий мало зелени и лишенный ясных границ.

Таким образом, этот уникальный район поднимается над самым центром города, связывает Бэк Бей, Коммон, деловой центр и Вест-энд и по своему потенциалу способен служить доминантой и фокусирующим пунктом всего центрального района агломерации. Потенциально холм может объяснить и четко фиксировать поворот Чарлз-ривер, имеющий принципиальное значение для всей структуры города, но трудно запоминаемый. При взгляде на Бостон из Кембриджа холм действительно играет существенную роль, не только оживляя панораму, но и объясняя и выявляя последовательность ее частей: Бэк Бей — Бикон Хилл — Вест-энд. Однако, за исключением еще Коммон и Вест-энд, холм не виден как целое с других точек города из-за плавности подъема и зрительных барьеров. В то же время, будучи препятствием для коммуникации,

он направляет потоки движения вокруг своего основания и уже тем сосредоточивает внимание на окружающих его путях и узлах: Чарлз-стрит, Кембридж-стрит, Сколли Скуэр.

Таким образом, Холм — прямое подтверждение роли физических характеристик района для формирования общественного образа, хорошо иллюстрирующее психологический эффект распределения путей, склонов, камерных пространств, границ и концентрации деталей. В то же время Холм не вполне соответствует своей роли потенциальной доминанты из-за внутреннего расчленения, неясности связей с Чарлз-ривер, Коммон и Сколли Скуэр, а также из-за невозможности использовать его выдающуюся зрительную позицию в городе, особенно в панорамных видах на центр. Однако сила и чувство удовлетворения, сопряженные с этим образом, опознаются безошибочно.

Сколли Скуэр — совсем иной пример: структурно важный узел, который, тем не менее, трудно познать и трудно описать. Местоположение этой площади на карте Бостона и ее роль стратегически важного узла коммуникации можно обнаружить на рис. 47. Рис. 57 дает более детализированную схему площади, раскрывающую ее основные предметные характеристики.

Общественный образ Сколли Скуэр — важный узел для путей, огибающих Бикон Хилл и связывающих центр с Норт-энд. На площадь выходят Кембридж-стрит, Тремонт-стрит, Корт-стрит, еще ряд улиц, ведущих к Док Скуэр, Фанейл Холл, Хэймаркет Скуэр и Норт-энд. Ранее прямой выход к Норт-энд обеспечивался Ганновер-стрит, но теперь она перегорожена, что вызывает ряд новых проблем. Нередко опрашиваемые протягивали Сколли Скуэр так, что она включала Бодуэн Скуэр. Все знали, что Кембридж-стрит ясно вливается в Сколли Скуэр, и изгиб улицы помнился как очевидный. Все знали, что Тремонт-стрит вливается сюда же, но место стыка вызывало неуверенность и не могло быть достаточно четко определено. Многие считали, что Вашингтон-стрит тоже выходит на площадь, а смещение Тремонт-стрит, Корт-стрит и якобы присутствующих Вашингтон-стрит или Сейт-стрит почти повсеместно. За исключением перекрытой Ганновер-стрит, не удавалось различить улицы, ведущие к Док Скуэр, Норт-энду и Хэймаркет Скуэр, их постоянно путали одну с другой. Помнили лишь, что все они спускаются вниз, загибаясь. Более существенными оказались отношения уровней: Бикон Хилл наверху, Сколли Скуэр как наклонная площадка, Кембридж-стрит и Тремонт-стрит обходят холм, а остальные улицы идут куда-то вниз.

Площадь бесформенна, ее трудно представить зрительно — «всего лишь очередной перекресток», однако Бодуэн Скуэр как дальний конец, как правило, каким-то образом отделили от остального. Главная характеристика — вход на станцию метро в центре. Более половины опрошенных соглашались в следующем: сюда входит Кембридж-стрит, при этом сужаясь и загибаясь; площадь расположена на склоне, и улицы или спускаются, или поднимаются к ней.

Более четверти добавляли:

Рис. 57. Сколли Скуэр, улицы и застройка

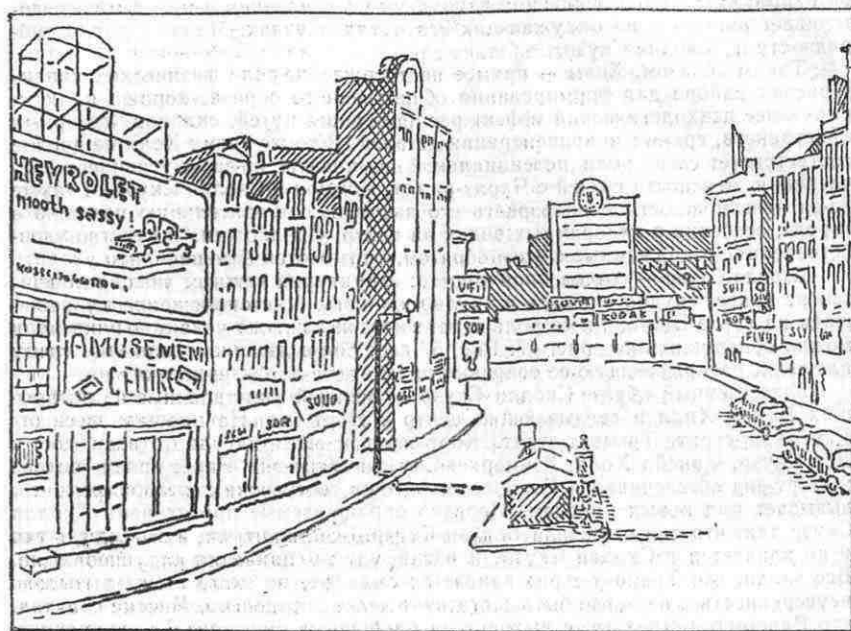

Рис. 58. Сколли Скуэр, вид с юга

ли: сюда входит Тремонт-стрит; посреди площади есть вход в метро; сюда входит Ганновер-стрит; отсюда выходит Корт-стрит и сворачивает вниз по холму (может, это Стейт-стрит?).

Только трое могли добавить:

улицы спускаются отсюда к Док Скуэр и Фанейл Холл; здесь много баров; площадь непонятным образом связана с Вашингтон-стрит.

Распросы на улице позволяют выявить только две постоянно повторяемые детали: площадь находится на линии метро; в нее вливается Тремонт-стрит.

Лишь несколько из опрошенных на улице могли добавить: сюда выходит Кембридж-стрит; сюда выходит Вашингтон-стрит (что не соответствует действительности); в центре есть островок станции метро; улицы спускаются к площади или поднимаются от нее; улицы от Норт-энд направляются к площади, проходя мимо Артери или под ней; кинотеатры; «Бостонская площадь» — просто перекресток; «большая» площадь, «обширное место»; с одного конца гараж.

Очевидно, сколь скупы эти комментарии по сравнению с теми, что относились к Бикон Хилл, — названы лишь пути, да и те описываются абстрактно и часто путано. Однако при всей неприглядности визуального образа Сколли Скуэр играет ключевую роль в Бостоне.

В плане Сколли Скуэр — вполне упорядоченное пространство: собственно площадь (от Сэдбери-стрит до Корт-стрит) — длинный прямоугольник, в который через неравные промежутки входят небольшие улицы. При взгляде на план кажется, что система путей достаточно осмысленна: простой стержень с тремя отростками с одной стороны и двумя — с другой. Тем не менее при переходе к трем измерениям от этого порядка остается немного: ломаные, зубчатые силуэты по обе стороны площади и транспортные потоки «рвут» пространство, а разъезженная во всех направлениях поверхность покрытия тоже носит раздражающий характер. Если здесь и есть что-то минимально

стабильное, так это большой рекламный щит, который смотрит на площадь с угла Сэдбери- и Кембридж-стрит: яркий предмет во всей своей безвкусице, твердо обозначающий завершение пространства площади.

Форма путей запутанна, поскольку один из основных «рукавов» движения — Сэдбери-стрит — имеет облик второстепенной улицы, а многие выходы других улиц вообще трудно заметить. Ощущение расположенности на уклоне господствует во всей зоне площади и на подходах к ней, и, разрушая уравновешенность пространства, оно в то же время оказывается ключом к уяснению соотносительности площади с районами, невидимыми с нее.

Пространство «перетекает» к северо-востоку по широкой Кембридж-стрит к Бодуэн Скуэр, которая и является перекрестком в собственном смысле слова на изгибе Кембридж-стрит. Пространство между Бодуэн Скуэр и Сколли Скуэр абсолютно бесформенно и неупорядоченно до такой степени, что уловить направление можно, только опираясь на линии, образуемые потоками движения машин, которое и составляет здесь основную характеристику зоны. Площадь постоянно заполнена автомобилями, их плотные потоки играют роль основных путей вне всякой зависимости от прочих визуальных характеристик.

На самой площади нет почти ничего, что придавало бы ее облику минимальную однородность. Здания — всех форм и размеров, построенные из разного материала и в разное время, объединенные лишь господствующим здесь оттенком обветшалости. Однако характер использования первых этажей достаточно однороден — по обе стороны площади тянется непрерывная полоса баров, дешевых ресторанчиков, кинотеатров, мастерских мелкого ремонта, магазинов подержанных вещей и т. п.

Всем этим функциям вторят и детали оформления витрин, и вывески, и тип толпы, в которой бродяги, пьяницы и матросы в увольнении нарушают однообразие обычного для делового центра людое. Ночью Сколли Скуэр гораздо сильнее выделена в массе центрального Бостона: яркость освещения, активность, толпа на тротуарах образуют резкий контраст темным и спокойным городам.

Таким образом, зрительные впечатления от Сколли Скуэр суть пространственная бесформенность, интенсивное движение транспорта, уклоны к ней и от нее, однородность обветшалости, специфических функций и характерных обитателей. Большинство этих черт не настолько необычно в городе, чтобы площадь стала безошибочно опознаваемым местом. Обветшалость и заполнение теми же видами использования характерны и для многих мест на периферии делового центра, а специфическая комбинация «населения» и функций повторяется, и в еще более яркой форме, на Вашингтон-стрит — между Довер-стрит и Бродвеем. Пространственный хаос на многоугольных перекрестках — частое явление в Бостоне, и не составляет труда найти другие подобные примеры. Протяженный прямоугольник плана Сколли Скуэр — единственный в своем роде, но зрительно эта особенность отнюдь не очевидна. Расположение на уклоне и структурная связь с Бостоном в целом служат, несомненно, главными опознаваемыми характеристиками этого узла.

Поскольку главная роль Сколли Скуэр — соединение многих путей, важно увидеть ее не статически, а в динамике: как она раскрывается при подходе к ней и выходе из нее. Поход по Тремонт-стрит, которая как бы ныряет в пространство площади, раскрывает узел как понижение масс застройки, ясно обозначающее конец центрального делового района. Первое, что открывается взгляду, — это несколько старых кирпичных зданий и вывеска на углу Корнхилл, а затем пространство разворачивается глубоко влево. Сильное впечатление производит плотная масса машин.

Вашингтон-стрит ведет к Док Скуэр и Корт-стрит, которая служит связью с площадью Сколли и выглядит как второстепенная, ничем не выделяющаяся улочка, хотя ее угол и отмечен зданием старого Капитолия штата. Сама Корт-стрит подкрадывается к Сколли Скуэр весьма уклончивым образом.

Кембридж-стрит сначала весьма уверенно идет на юго-восток по направлению к крупному и заметному при всей его близости зданию Телефон-билдинг на Бодуэн Скуэр. Однако здесь путь отклоняется вправо в пространственный хаос, где всякое чувство цели или направления безнадежно теряется.

Только при следующем правом повороте, у Сэдбери-стрит, раскрывается характерная картина баров, высоких оффисов на заднем плане и станции метро в центре.

Нижние улицы — Сэдбери, Ганновер, Брэтл и Корн-хилл — поднимаются по склону по мере приближения к площади. На любой из них возникает некоторое предчувствие раскрытия пространства впереди. Однако в целом площадь гораздо менее ощущается заранее, чем, например, здание суда на Пембертон Скуэр, вздымающееся над линией горизонта. Сколли Скуэр воспринимается как тупик или поворот улицы. Поворот Корнхилл-стрит влево и вверх сам по себе оставляет приятное впечатление (так он и был спроектирован), но место ее вхождения в площадь лишено всякого интереса. С верхней стороны, от Пембертон Скуэр или Говард-стрит, площадь также неразличима. Таким образом, только Кембридж-стрит (если считать второстепенной невнятность при Бодуэн-стрит) образует подход к площади, обладающий хоть какими-то качествами опознаваемости.

Выход на Кембридж-стрит тоже относительно ясен, но когда-то весьма важную Ганновер-стрит теперь можно отличить от остальных лишь по несколько большей ширине. Сэдбери-стрит, несущая существенную транспортную нагрузку, и по габариту, и по характеру тротуаров выглядит как второстепенная улица. При взгляде с севера въезд на первостепенную по важности Тремонт-стрит почти неразличим, так как осуществляется под крутым углом. Многие из опрошенных с большим трудом находили этот выход, но если уж он был обнаружен, то направление Тремонт-стрит становилось совершенно ясным за счет последовательного считывания «ключей» в виде театра Бикон Хилл, Паркер-хауз, Кингз Чепел, Тремонт Темпл, кладбища, Коммон.

Пространство площади явственно «стекает» по холму и слегка налево по Корт-стрит; к местонахождению Вашингтон-стрит нет никакого «ключа», и замечаются только здание старого Капитолия и общая неупорядоченность пространства. Соотнесенность Сколли Скуэр и Вашингтон-стрит совершенно невнятна в обоих направлениях.

Еще более дезориентирует то, что Корт-стрит и Корнхилл выходят на площадь почти рядом, тогда как всего в квартале отсюда они подходят к целям, которые чисто психологически кажутся столь же удаленными одна от другой, как Стейт-стрит и Док Скуэр. И снова мы приходим к заключению, что при движении вовне только путь по Кембридж-стрит ясно опознаваем, хотя, казалось бы, затруднение при входе на Тремонт-стрит длится столь недолго.

Площадь имеет некоторую связь с внешним окружением помимо уклона и путей — по панорамам вовне. Это Телефон-билдинг на Бодуэн Скуэр и суд на Пембертон Скуэр (почти неразличимый по архитектурному решению, за исключением высоты), легко опознаваемая башня Таможни, различимая на юго-востоке как нижнее завершение Стейт-стрит и выход к набережной. Наиболее выразительна масса оффисов, образующая силуэт к югу, отмечающая район Почтовой площади и лишний раз указывающая на периферийную позицию Сколли Скуэр по отношению к ядру делового центра.

В отличие от Бикон Хилл или Коммонуэлс Авеню Сколли Скуэр практически невидима извне вплоть до момента непосредственного выхода на нее.

Внутри на площади мало что поддается различению. Основной ориентир — вход в метро и стэнд, торчащий из маленького овала в самой гуще движения. К тому же его влияние сведено к минимуму наличием похожей конструкции на аналогичном овале непосредственно позади. Это второй спуск под землю, используемый, однако, только как выход; рядом нет почти ничего, даже газетного стэнда, в связи с чем это место кажется «мертвым». Вход в метро, который, по всеобщему представлению, размещается «в центре» Сколли Скуэр, на самом деле находится почти на самом конце площади. Другая заметная деталь на площади — табачный магазин на углу Пембертон- и Тремонт-стрит, с яркими буквами над ним, расположенный у подножия голой стены Саффолк-банк и остро контрастный с ней.

В пределах площади мало и «ключей» к выбору направления, кроме общего ощущения изогнутости и осевого построения главных линий движе-

Рис. 59. Сколли Скуэр, визуальные элементы

1 — пешеходная зона, ориентированная на оффисы и торговый центр; 2 — ощущение плотного транспортного потока; 3 — ощущение крутого склона; 4 — витрины; бары, рестораны, клубы, аркады; 5 — ощущение массы здания делового центра

ния. Нет и сколько-нибудь ощутимого градиента в виде пространства или группировки сооружений. Силуэт высоких зданий при взгляде на юг и информационный щит на севере служат главными определителями направления для всей зоны.

В то же время существенные указатели направления заключены в многообразии функций и типов активности. Густота толпы пешеходов и поворот транспорта плотнее с южной стороны, где разместились характерные для делового центра формы обслуживания: аптеки, рестораны, табачные лавки. Здесь поток пешеходов в основном образован служащими и покупателями. Магазины удешевленных товаров в основном концентрируются с восточной стороны площади, тогда как ночлежки и дешевые отели разместились на западе, распространяясь до периферии транзитной зоны под Бикон Хилл. Здесь пешеходы — те, кого обычно отождествляют со Сколли Скуэр. Группа букинистических магазинов на Корнхилл-стрит образует еще один «ключ» к внутреннему строению площади. Северный конец площади переходит в зону многоэтажных складских помещений. Таким образом, при всей рудиментарности своей предметной формы Сколли Скуэр все же обладает внутренней дифференцированностью и структурирована уклоном, линиями движения и рисунком типов использования.

Иными словами, площадь лишена визуальной опознаваемости, которая соответствовала бы ее функциональной значимости. Необходимо осознать прямоугольность ее пространства как потенциальную форму, паукообразный рисунок путей, террасирование склона холма. Чтобы соединение существующих путей могло выполнять свою структурную роль, оно должно быть очевидным образом объяснено, сделано понятным при движении внутрь и наружу. Потенциально площадь может играть вдвойне сильную роль как визуальный центр бостонского полуострова, средоточие ряда районов: Бикон Хилл, Вест-энд, Норт-энд, зоны рынка, банковского района, центрального торгового района. Площадь может служить узлом для столь существенных путей, как Тремонт-, Кембридж-, Корт-Стейт- и Сэдбери-стрит, центральным звеном в триаде узловых по значению террас — Пембертон, Сколли и Док Скуэр. Сколли Скуэр — это не только местонахождение для функций, которые вызывают чувство неуютности у «порядочных» людей, это еще и утерянная городом возможность визуальной организации.

II. Образ времени

Присутствие прошлого

Во всем мире, и прежде всего в экономически развитых странах, фрагменты устаревшего предметного окружения любовно сохраняются или реставрируются; они — реликвии прошедшего времени. Это обходится весьма дорого не только потому, что требует прямой затраты значительных сумм, но и в связи с тем, что сохранение фрагментов создает огромные трудности для нового строительства. Так, при строительстве новой библиотеки педагогический факультет Гарварда был вынужден затратить полмиллиона долларов только для того, чтобы передвинуть на сотню метров пару маленьких старинных домов.

Поскольку разные группы весьма по-разному ценят памятники прошлого, вокруг вопроса о спасении здания или группы зданий всегда разыгрываются яростные баталлии. Из-за массивности и неподвижности архитектурных объектов и в связи с силой привязанности, которую они вызывают, их сохранение весьма затруднительно. Однако по мере роста благосостояния общества и ускорения перемен в окружении возражения против утраты исторического окружения становятся сегодня все более решительными.

Охрана окружения — во всяком случае в качестве широкой и связной концепции — достаточно новое явление. Средневековые строители сносили старое здание без всяких угрызений совести, несмотря на то что в их время «исторических» сооружений было куда меньше, чем сейчас. В описях Тюдоровского времени движимое и недвижимое имущество с пометкой «старое» помещалось всегда в самом низу списка, что подчеркивало его малую ценность. Сама идея сохранения впервые появилась в Западной Европе около 1500 г., приняв форму эзотеричного увлечения древними сооружениями, столь сильного, что оно приводило к возведению искусственных руин. К XVIII в. пристрастие к архитектуре прошлого превратилось в общеобязательную моду для высших классов, а к XIX в. оно стало неременной частью интеллектуального багажа любого путешествующего из средних сословий. В том же столетии сначала в США и чуть позднее в Европе возникают организованные движения в защиту памятников истории для общественной пользы.

В Соединенных Штатах первые усилия такого типа были вызваны желанием сохранить конкретные сооружения, в первую очередь дома, связанные с героями национальной истории. Национальная солидарность, национальная гордость служили главным мотивом сохранения. Обращение к истории во имя достижения единства перед общими задачами в моменты тревог и раскола — общая тенденция, ее наиболее недавним выражением стал воинствующий интерес к истории черного населения Америки.

Несколько позже возникновение патриотических сюжетов тенденции смешалась с восторгом перед руинами в рамках традиции романтизма, и тогда реставрация и реконструкция стали ведущим принципом всего движения. Связь с установленным историческим фактом и качества сохранившегося здания и сегодня остаются главным критерием принятия решения об охране сооружения. Чисто научные мотивы археологов и коммерческие аргументы туристского эффекта в будущем добавились еще позже. Пожалуй, позднее всего, но крайней мере в США, значительная часть населения ощутила, что сохранение само по себе имеет моральное значение и что окружение, наполненное следами прошлого, рождает места, в которых приятнее жить. Патриотические соображения и литературная традиция особо выделили некоторые классические периоды, следы которых рассматриваются как заслуживающие сохранения в первую очередь. Это позднее колониальное время и годы революции в Новой Англии, краткий эпизод проникновения пионеров в леса внутренних зон страны, дни «старого доброго Юга», период разведки и освоения скотоводами Великих Равнин (минувший столь быстро), шахтерская эпоха в горах Запада, время испанских колоний на юго-западе и, разумеется, неопределенное прошлое рассеянных по континенту «не знающих времени» индейцев. Все это естественно, так как охрана памятников есть и по сей день дело прежде всего среднего и высшего классов, и потому история, заключенная в музей, выбирается и интерпретируется теми, кто дает деньги.

Богатое историческими памятниками окружение формируется обычно по следующей схеме. Некогда процветавшие города испытали внезапный экономический упадок и долго пребывали в состоянии застоя, однако оставались населены и по крайней мере частично поддерживались в порядке. Многие из очаровательных сегодня городков и ферм Новой Англии были весьма состоятельны в начале XIX в., но к концу века они превратились в источник национальной испансии на Запад. За периодом упадка должен следовать период обогащения (за счет собственных ресурсов или средств приезжих наемников), который позволил бы выдержать расходы по охране наследия.

Та же схема просматривается не только в городках и фермерских районах, переживших упадок и новый подъем, но и в центральных частях больших городов — эти части города переживали застой в то время, как урбанизированный район в целом продолжал развиваться. Бэк Бей в Бостоне — один из характерных примеров. Естественное старение разрушительно для необжитого окружения, однако активное развитие среды в последовательной смене поколений действует гораздо интенсивнее, и поскольку все сохраняемое оказывается самым дорогим, самым внушительным или наиболее характерным символом для одного из классических периодов, то оно, как правило, весьма ограничено в размерах. Оно представляет непрерывность времени сугубо спазматическим образом, рывками и, поскольку составлено зданиями, которые процветающие классы возводили во времена

своего процветания (недолгие, как правило, времена), дает совершенно искаженный образ прошлого. Памятники, вернее — останки такого рода, способствуют усилению ошибочного взгляда на историю, согласно которому она есть серия ярких достижений, разделенных долгими и пустыми паузами.

Тактика сохранения

Есть несколько путей обработки ценного фрагмента исторического окружения. Все, что уцелело, может быть спасено от разрушения просто переносом из угрожаемой зоны. Уцелевшее может быть восстановлено путем ремонта и некоторого приведения в порядок. Или это уцелевшее может быть реконструировано в виде тщательной копии «первоначального» состояния. Последнее делается с использованием материалов, извлеченных из руин и заново обработанных, из новых материалов, изображающих собой старые, или даже неприкрыто новых материалов. Иными словами, патину времени можно или поддерживать, или имитировать, или уstraивать. Там, где мы встречаем откровенную полную реконструкцию с использованием нового материала, на новом месте, создание впечатления новостройки может быть сознательно поставленной целью, достижение которой иногда требует даже соответствующих деталей мебелировки и иной раз костюмированных актеров. Такая реконструкция обычно шокирует современные вкусы (греческие храмы в свое время были кричаще раскрашены), тем более, что после дополнительных исследований она может показаться просто смешной. Но она же может стать мощным средством оживления прошедшего для массовой аудитории.

Официальная классификация, проводимая обществами охраны памятников, обычно рассматривает ряд ступеней — от минимального до максимального вмешательства: от сохранения через консервацию и реставрацию к реконструкции и перемещению на новое место вплоть до создания полного новодела. Но за этой простой схемой скрыто немало тонкостей, непременно вызывающих дискуссии. В самом деле, что, например, предпринять с позднейшими дополнениями к первоначальной структуре памятника? Так как в действительности исторические памятники пережили ряд существенных изменений, в них по-разному жили их сменявшие друг друга обитатели, а представлять древние сооружения принято так, как если бы они строились сразу как потенциально вечные, то дискуссии могут быть и горячими, и схоластическими одновременно. Это тем более так из-за того, что наши взгляды на саму историю постоянно меняются. Палатка Роберта Скотта в Антарктиде, не используемая со времени его трагической экспедиции 60 лет назад, существует в целостности в полярной стуже: бумаги, пища, оборудование — все так же, как и было. Результирующий эффект чрезвычайно силен, так как соответствует нашим стремлениям остановить минувшее, но восстановить обстоятельства, способные породить такой эффект, по меньшей мере было бы затруднительно.

Нередко древнее сооружение реконструируется через регулярные интервалы, причем сохраняются не столько материалы, сколько сама форма. Контур Белой Лошади близ Уффингтона все еще виден на холме вопреки ее 2000-летию возрасту, потому что его ежегодно обновляют «чисткой». Храм в Исэ, полностью выстраиваемый заново на новом месте каждые 20 лет, сохраняет наиболее примитивную форму сооружения во всей Японии. Подобная периодическая реконструкция — уже в силу того, что она не сводится к разовому усилию, — позволяет избежать ряда трудностей, о которых мы здесь рассуждаем.

Согласно иной доктрине, необходимо сохранять или реставрировать одну лишь внешнюю оболочку, приспособлявая к современным целям любые перестройки в интерьере. Тем самым «наружное» есть общественно значимая ценность, памятник, и подлежит охране, тогда как «внутреннее» носит частный характер, подвижно и свободно. С этой доктриной соединена антипатия к неиспользуемому, или «музейному», окружению. Но и в этом случае приходится принимать трудные решения: дихотомия интерьер — экстерьер — это, конечно же, удобная форма различения, но какие модификации следует на самом деле считать допустимыми? При реконструкции блокированных домов Нэша вокруг Риджент-парка в Лондоне с целью приспособления их к нуждам современных офисов фасады были перестроены в соответствии с первоначальным их обликом и к тому же была подделана часть прежнего убранства интерьеров, чтобы поддержать характер внешнего вида. Какие виды современной деятельности могут быть оставлены в охраняемой среде? До какой степени современные удобства (сколь бы ни были они деликатно встроены) нарушают чувство исторической подлинности? Так, в колониальном Вильямсбурге керамика ванных комнат воспринимается как шок. А что делать в тех случаях, когда интерьер и экстерьер почти невозможно разорвать, как это свойственно крупным общественным зданиям или культивированным ландшафтам?

Строгая консервация — наиболее пессимистическая доктрина, согласно которой любая реконструкция ошибочна и фальшива и, следовательно, время трактуется как процесс обидного, но неуклонного распада. Мы можем защищать только то, что еще существует, с помощью средств, преимущественно пассивных, но включающих перенос в специально защищенное место (тогда, скажем, потерянная способна погубить весь концентрированный трудом поколений объект). Объект консервации можно сделать более пригодным для обозрения публики, но процесс деградации тем самым лишь замедляется, но не прекращается.

Существует также чисто интеллектуальная точка зрения, согласно которой главная цель — как можно больше и точнее узнать прошлое. При этом сохранение, использование или экспонирование отходит, безусловно, на второй план. Тогда вполне оправданно вскрыть руины и закопать их снова после осмотра, чтобы они нетронутыми сохранились для последующих поколений ученых.

Определение смысла консервации столб же раздражает, как и доктрина в целом. Какие фрагменты окружения мы должны пытаться сохранять или реконструировать и каковы гарантии исторической оценки? Что мы хотим: найти свидетельства изменения климата или любое выражение традиций, или мы все же оцениваем прошлое, отбирая более значительное, и откладываем в сторону все, что сочтем наилучшим? Должно ли сохранять предметы потому, что они связаны с важными историческими персонажами или событиями? Потому что предметы уникальны или почти уникальны или, напротив, потому, что они наиболее типичны для своего времени? В связи с их ролью коллективного символа? Из-за их качеств, существенных для настоящего? В связи с их особой полезностью в роли источников знания о прошлом? Или можно попросту (как мы чаще всего и делаем) предоставить случаю осуществить за нас выбор и сохранить для следующего века все то, что смогло уцелеть от прошедшего?

Все эти вопросы возникают вследствие неясности отношения к минувшему, невидности бесконечного процесса изменения окружения и отсутствия договоренности относительно целей сохранения. Память не в состоянии удерживать все; будь иначе, обилие сведений просто затопило бы нас. Память — это результат процесса отбора и такой группировки отобранного, что оно оказывается под рукой в нужных ситуациях. В ней должны также существовать и какие-то случайные залежи, позволяющие нам обнаруживать неожиданные взаимосвязи. Однако подобная безмятежная ясность возможна только в том случае, если припоминание есть в сущности выхватывание того, что исполнено смысла.

Любой предмет, любое событие, любой персонаж — «исторические». Пытаться сохранить прошлое целиком равносильно отказу от жизни, и мы отбрасываем предметные свидетельства прошлого точно так же, как вообще забываем. Для того, кто поглощен действием или пониманием настоящего, прошлое несущественно, если описание настоящего способно дать ему лучший или более сжатый анализ ситуации, на основании которого он может строить свои действия. События прошедшего нередко существенны и ценны для рассмотрения возможностей настоящего, через них можно усмотреть причины или возможные результаты. В других случаях эти события могут дать нам чувство пропорции, облегчающее тяжесть современных трудностей. Но подобные причины и возможности нужно еще создать и выбрать из мусорной кучи истории. И впрямь могут быть старые кривды и минувшие страсти, от которых настоящему лучше держаться подальше.

«Человек, — сказал Ницше, — должен иметь силу порвать с прошлым». «История — кошмар, из которого я стараюсь вырваться», — восклицает Стефан Дедалус в «Улиссе». Совсем порое окружение часто рассматривалось как побег из прошлого, даже если обнаруживаемая в новом свобода оказывалась меньше ожидавшейся. Сейчас мы предпочитаем отбирать и тем самым создавать свое прошлое, превращая его в часть живого настоящего.

Пути избавления

Итак, необходим некий путь избавления от устаревших предметов. Согласно статистическому обзору 1936 г., большая часть зданий Лондона, за исключением немногих признанно «исторических», в среднем через 30 лет обновлялась и в среднем через 60 лет забрасывалась. В центрах американских городов темп замещения значительно выше, поскольку в густонаселенных городах, где и потребности, и возможности непрерывно изменяются, естественный процесс устаревания и забрасывания как средство избавления от нежелательного окружения недостаточен. При необходимости какого-то крупного изменения избавление от прошлого маленькими фрагментами тоже оказывается неэффективным, поскольку в таком случае пришлось бы приспособливать новое строительство к неподходящему фону. К тому же процесс забрасывания домов обычно развивается медленно и весьма тягостен для тех, кто все еще в них остается.

Если нам и удастся в наиболее активных центральных зонах городов, где новая деятельность дает средства для сносов по частям, или в рыхлых окраинах, где снос дешев, избавляться от устаревшего окружения порциями, то по крайней мере в американских городах эффект не слишком привлекателен. Это справедливо для всех ситуаций, когда предполагается осуществить нечто большее, чем просто постепенное совершенствование условий для меняющейся деятельности. Под флагом сохранения старины мы спасли от сноса множество изолированных зданий сомнительной значимости и низкого качества. Они выпадают из контекста окружения, и невозможно поддерживать нужный тип их использования, чтобы передать им заложенный в них смысл. В то же время в процессе обновления города мы выпалываем значительные территории активно используемого окружения со значительными социально-психологическими потерями только для того, чтобы заменить их новыми районами застройки, лишенными множества качеств, которыми обладали старые. Испытывая боль от процесса выдиранья с корнем и пеньем при взгляде на античеловеческие качества многих новых районов, многие из нас считают, что пора оставить в покое старые территории, отведя для роста «пустые» окраины. Но обитаемые территории обречены на перемены в любом случае, хотя окружение и адаптируется достаточно быстро к новым экономическим и социальным потребностям.

Меньше ограничения

Все проектировщики знают, что при наличии каких-то ограничений или обязательств работать легче, чем в случаях, когда ситуация совершенно «открыта». Здание в холмистом пейзаже, дом в плотной застройке или интерьер в старом здании создать легче, и решения кажутся интереснее и удачнее, чем их аналоги на ровном участке,

в чистом поле и в новом сооружении. Четко определенные характеристики места ограничивают диапазон возможных решений и уже тем облегчают муки проектного поиска. К тому же случайности фона как-то сами рождают решения, отличающиеся богатством формы и контрастов. Разумеется, это справедливо только для тех случаев, когда фиксированные характеристики места обладают какой-то ценностью и не полностью препятствуют вносимым в него переменам. Так, несомненно любопытно перепроектировать здание склада под жилые квартиры, но не в тех же случаях, когда в массивных стенах нет окон или когда потолок очень низок, а помещение неисправимо сыро. Ограничения, не имеющие материальной выраженности, могут порождать аналогичный эффект. Так, какие-то уникальные учреждения, ценности или рисунок поведения специфической группы потребителей способны служить источником яркой характеристики будущего проектного решения.

Точно таким же образом у старых поселений, переживших процесс медленного развития, есть несомненные преимущества перед совершенно новыми. Старые города всегда богаче и цельнее, возможность выбора, обслуживание, наличие пристрастий здесь лучше отвечают многообразию ожиданий и представлений различных групп горожан. Люди протестуют против насильного перемещения из таких старых поселений, и на раннем этапе существования нового поселения, куда их перемещают, весьма часто проявляются признаки социального беспокойства. Нередко новые жилые дома удачнее входят с существующую ткань старого поселения, чем образуют новую при воздвижении в чистом поле, если можно строить, не разрушая социальную среду и не теряя связи с сетью обслуживания.

Известно, что сами проектировщики предпочитают обычно жить в старых домах в старых районах, если только они не предпочитают испытать на себе результаты собственного проектирования. Однако когда они живут в старых домах, то отнюдь не ограничиваются их сохранением: они видоизменяют их, ломая и достраивая, чтобы придать новую жизнь сохраняемым элементам. Долговечность и мимолетность только выигрывают от соседства: «в бутылки из тыквы, передававшейся из рук в руки триста лет, цветов, что завяли к утру». Старинное окружение располагает к драматическому усилению свойств и потому становится богаче, чем было. Это не сохранение, не простое добавление, а особый вид совместного использования старого и нового.

Люди стараются удержать отнюдь не все старые вещи, а только знакомую систему связей, исключением являются те вещи, которые несут на себе персональность связи, — семейные реликвии. Одна из проблем крупных районов в новых пригородах заключается в том, как удержать какую-то преемственность образа и ассоциаций, несмотря на предметное и социальное смещение, которому подвергаются их новые обитатели. Поскольку образы и ассоциации обнаруживают свою необходимость и первичным, и вновь прибывающим жителям, история иммигрантов должна быть вплетена в новое окруже-

ние. Когда американские семьи переселяются в новый город, многие тратят невероятные усилия на то, чтобы найти дом, как-то напоминающий дом детства, так же как шведские иммигранты в США везде искали «шведский» пейзаж, чтобы осесть именно там, а английские колонисты строили для себя «английские» города. И именно поэтому бывший житель Калькутты, только что переехавший в Лондон, испытывает шок от ностальгической знакомости здешней «сцены». Он видит везде все то — почтовые ящики, перила, детали декора, что британские архитекторы в свое время пересадили на новое место, чтобы облегчить собственную ностальгию.

Есть, как представляется, некая оптимальная мера присутствия следов прежнего развития в меняющемся окружении. Она связана с наличием в этом окружении недорогих и уже обесценившихся элементов или с богатым выбором форм обслуживания, которое предлагается окружением; с чувством приятной привичности, питающимся этим окружением или, как это ни парадоксально, именно тем, как оно ограничивает и тем самым упрощает выбор. Однако если сохранить слишком мало означает потерять ориентацию и многого лишиться, то сохранять слишком много — дорого и неудобно. Окружение, которое лишено способности к изменению, само призывает на свою голову разрушение. Мы предпочитаем такой мир, который можно последовательно приспособлять к себе на фоне ценных реликвий прошлого, мир, в котором рядом со следами истории можно было бы сделать и собственную отметинку.

Корни во времени

Окружение подсказывает нам, как действовать без необходимости осознанного выбора: в церкви мы исполнены благоговения, на пляже — расслаблены. Большую часть времени мы разыгрываем рисунки поведения, твердо ассоциирующиеся с каким-то опознаваемым типом окружения. Оно может подсказывать поведение самой формой: так, у лестницы именно такая форма, которая указывает на хождение вниз и вверх. Но окружение может делать то же за счет ожиданий, ассоциируемых с такой формой; так, до недавнего времени взрослым было непристойно сидеть на ступеньках. Когда место меняется резко, как при миграции, люди перестают знать, «как вести себя». Им нужно затратить определенные усилия для того, чтобы избрать новую форму поведения, выработать коллективное соглашение по этому поводу. Полная социальная преемственность, несомненно, нуждается в том, чтобы вновь и вновь восстанавливать постоянный рисунок поведения в унаследованном окружении; Клод Леви-Строс объяснил, что миссионеры привели к слому культуры племени бороро, заставив жителей отказаться от традиционной круглой планировки селений.

Многие места символического и исторического значения в ткани города посещаются самими горожанами весьма редко, сколько бы ни стремились к ним толпы туристов. Но угроза разрушения таких

мест вызывает сильное сопротивление даже у тех, кто их никогда не видел и, может быть, никогда и не увидит. Существование этих непосещаемых и известных понаслышке мест равносильно чувству преемственности и безопасности. Коль скоро часть прошлого сохранена как нечто хорошее, есть надежда, что и будущее сохранит настоящее. Поэтому, наверное, после катастрофы восстановление символического центра общественной жизни становится делом первоочередной важности: собор св. Павла в сгоревшем Лондоне или Старе-Место в разрушенной Варшаве. Символическое окружение способствует созданию чувства устойчивости: учреждения, будущее которых под вопросом, торжественно отмечают свою древность; короли прокламируют древность своей линии наследования не менее, чем свою силу. Цыгане в Англии известны как увлеченные коллекционеры фарфора и семейных фотографий.

Есть резкие различия между группами с хранимым прошлым, в котором они чувствуют себя надежно укорененными, и группами, живущими в изолированном от прошлого настоящем.

«Все эти О'Коннеллы, О'Конноры, О'Каллаганы, О'Доноги образовали единство с самим ландшафтом... Поддерживать семейные имена, связанные с одним из этих кланов, значило держать перед внутренним взором определенные места — холмы, реки и равнины, а припоминать названия мест в иных районах значило вспомнить древние племена и их памятные деяния. Как это отличалось от новых плантаторов вокруг! Для них вся гэльская основа мифов, литературы и истории просто не существовала... Пейзаж, на который они глядели, был камнями, скалами, деревьями и ничем более» (Дэннелз Коркери, «Скрытая от глаз Ирландия»).

Большая часть американцев живет в подержанных домах, но это не ими построенные дома. И тогда они едут в Европу, чтобы почувствовать себя дома «во времени». Их мобильность, отсутствие привязанности к месту весьма помогли освоению континента, как сейчас те же качества способствуют освоению Сьюдад Гайаны — нового города в джунглях Венесуэлы. Но в роли туристов, ищущих культурные корни, американцы неизбежно вторгаются в существующий окультуренный ландшафт и способствуют его разрушению.

Оседлый европеец у Нишше говорит, глядя на свой город: «Здесь можно жить... и жить дальше; мы — крепкий люд, и нас не выдернешь из грядки ночью». Гарвей Кокс рассказывал о женщине из чешского городка Лидице, полностью разрушенного и запаханного нацистами; она призналась, что, несмотря на утрату мужа и разъединенность с детьми, самый большой шок она пережила, когда, поднявшись на холм перед Лидице, не обнаружила ничего, даже руин. Исаак Денизен описывает насильственное перемещение масаев в восточной Африке:

«Масаи, которых перевели из их древней страны к северу от железной дороги в нынешний резерват, взяли с собой названия холмов, равнин и рек и наделяли ими холмы, равнины и реки в новой стране. Масаи несли с собой обрезанные корни как лекарство».

По той же причине Северная Америка усеея названиями чуть ли не всех мест Европы.

Вполне естественно, одно и то же место может порождать крайне разные формы исторического интереса. Интересы бедных обитателей исторической зоны, находящейся «в упадке», прямо противоположны желаниям состоятельных групп, которые в ней не живут, но воспринимают ее очарование и связь с прошлым собственных предков. Состоятельные аутсайдеры могут проявить желание занять и отреставрировать эти места. Сохранение старины в таком случае становится предложением для «перемещения несчастных», а в действительности приманкой для возвращения в город среднего класса. Реставрация несправедлива, если сегодняшние обитатели не могут остаться в обновленных зданиях. Если такая возможность есть, то реставрация становится нужным делом, поскольку нынешние обитатели смогут видеть разные ценности и разную историю в старинных домах.

Однако те, кто временно теряет корни и вновь обретает их, — совсем иные люди по сравнению с теми, кто активно воюет с прошлым, освобождаясь от него. Последние прекрасно осознают, что они отбрасывают. Знаки недавнего прошлого уничтожаются, чтобы расчистить почву для нового. Парижская Коммуна снесла Вандомскую колонну как символ монархии. Историк промышленности Каннет Хадзон повествует о промышленнике, который, заняв командную позицию в семейном предприятии, прежде всего демонтировал двигатель, имевший историческую ценность, чтобы продемонстрировать высвобождение из-под отцовской воли. Председатель лизовой компании уничтожил коллекцию старинного оборудования, потому что она, дескать, могла способствовать «старомодным взглядам» служащих. Высокий, суровый дорический портал перед входом в старый вокзал «Юстон» в Лондоне был убран со своего места перед бесхарактерной современной постройкой вовсе не по какой-либо осмысленной технической причине, а только потому, что он отражал старость железной дороги. Сохранение признается, когда оно относится к тому прошлому, которое есть давнее прошлое, но вчерашнее рассматривается как нечто, заслуживающее только слома. Так, глава фирмы, ставшей пионером в производстве изделий из пластика, пишет в письме: «Я должен подчеркнуть, что ни одно из зданий не имеет того, что могло бы быть охарактеризовано как представляющее исторический интерес; фактически нет ничего, что было бы построено до 1923 года».

Далекое прошлое кажется совсем иным, так как не угрожает настоящему. Фирма «Эллайд Айронфаундерс» любовно отреставрировала первый завод Абраама Дерби в Коулбрукдейле. Но этому заводу было 250 лет, и реконструкция стала элементом юбилейных празднеств. Став «историческим», завод уже не казался «отсталым» или «старомодным». Прошлое, если это далекое прошлое, может даже специально культивироваться как объяснение и оправдание настоящего, как это было, когда Французская революция использовала символы классики.

Может быть, следовало бы перед лицом такого избирательного умиления далеким прошлым подумать о создании «общественного чердака», куда бы отбиралось устаревшее оборудование — двигатели, машины, инструменты, мебель, старое платье, все что угодно: ведь то, что однажды годилось только для помойки, потом начинают разыскивать. «Чердак» пришлось бы постоянно упорядочивать и чистить.

Наверное, можно использовать окружение для того, чтобы оно учило переменам, тому, что мир непрестанно уходит от своего недавнего прошлого; тому, какие перемены были полезны, а какие нет; как перемены могут быть поддержаны извне и как они могут произойти в будущем.

Сохранение прошлого может быть средством обучения для будущего, ведь и люди меняют себя тем, что учатся в настоящее время тому, что должно им пригодиться лишь позже. Если новые формы обучения и мобильность высокой степени действительно будут важными особенностями жизни будущих поколений, то нам нужно зафиксировать для них изменения среды обучения и свидетельства социальных разрывов, которые уже были преодолены раньше. Если общественная собственность или повышенное чувство социальной ответственности — то, что мы желаем иметь в будущем, нам следует сохранить свидетельства о том общественном, что существовало когда-то. Мы должны сберечь весь объем народной медицины, технологий, соответствующих более примитивным возможностям, информацию о способах выживания во враждебном окружении. Точно так же, как мы сохраняем разнообразие растений как материал для генетического обновления, чтобы избежать опасности падения урожая, резонно сохранять мастерство и способы решения проблем, принадлежащие прошлому, чтобы подготовленными встретить потребности неопределенного будущего.

Руины

Есть некая горечь в мимолетности, в исчезновении старого. Старые игрушки, сделанные для короткого употребления и связанные с преходящим периодом жизни, становятся более мощными эмоциональными символами, чем серьезные неподвижные монументы. В Японии существует очевидное эстетическое предпочтение тому, что гибнет и проходит.

Руины, словно возвращающиеся обратно в землю, ценятся повсеместно за эмоциональные оттенки, порождаемые их видом. Руины грабят, в них живут, на них пишут свои имена. Накопленные литературные ассоциации придают переживанию глубину, сами названия мест становятся острием, на которое нанизываются слои комментариев, как в китайской культуре. Но в самой основе эмоционального удовлетворения лежит обостренное чувство течения времени.

Ученая реставрация снимает основное чувство нестойкости останков прошлого. Чтобы руинированное окружение доставляло

удовольствие, необходима некая бездеятельность, размягченная примирность с временем, эстетическая способность находить драматические преимущества в разрушенном. Покрываясь все новыми шрамами прошлого, ландшафт набирает эмоциональную глубину, тем более, что многие материалы и формы стареют красиво, обретая привлекательную патину, обогащенную фактуру, интересный абрис. Однако другие хороши, только когда они чисты и новы, а старея, покрываются пятнами и теряют форму.

Архивы и археология

Научное понимание прошлого предполагает археологическое исследование, целью которого является анализ, и потому, хотя отдельные фрагменты могут быть оставлены неприкосновенными для дальнейшего изучения, оригинал, как правило, уничтожается в процессе работы. Работа археологов может предшествовать новому строительству и иногда даже облегчаться за его счет. Всякое обжитое место содержит не только остатки прежних зданий, но и массу меток, отпечатков, следов, фундаменты, фрагменты, поздние добавления, несущий некие значения мусор. Большая часть информации скрыта в контексте, в том, как остатки соотносятся между собой и с общим строением места.

Археологические данные представляют собой невозобновляемый источник, далеко не полностью преобразуемый в словесную и графическую запись. Часть той цены, которую мы платим при всяком обновлении окружения, — это потеря потенциальной информации о прошлом. Эта цена может быть несколько уменьшена за счет тщательности поиска и во всяком случае должна вводиться в смету при любом решении о строительстве.

Потеря информации, естественно, возрастает с увеличением масштабов строительства, поскольку современная технология дает возможность осуществлять крупные изменения земной поверхности как для сельскохозяйственных, так и для градостроительных надобностей. Повышение благосостояния умножает пристрастия к антиквариату и порождает оживленный рынок старинных изделий. Ценные участки радикально изменяются, все, что годится для продажи, выщипывается из контекста, а сам контекст уничтожается. Спасение потенциальной информации требует систематических исследований, предшествующих строительной программе, безусловного сохранения особо ценных участков и даже обучения любителей технике раскопок и регистрации.

Исследования недавнего прошлого и повседневная действительность должны идти рука об руку в программе охраны прошлого, и подъем «индустриальной археологии» может служить здесь примером. К несчастью, массовый и научный интересы редко совпадают. Множество людей питает пристрастие к старым автомобилям и поездам, ювелирным украшениям и дворцам. Но куда меньше тех, кто способен оценить черепки или старый раствор, в который они

вкраплены, хотя эти последние могут оказаться куда значительно для понимания прошлого. Наши предпочтения явно управляют выбором. Так, старинные мосты ассоциируются со смелостью и элегантностью мысли, они выражают нашу борьбу с силой тяжести. Вне зависимости от того, во что обошлась их постройка, они использовались всеми и были полезны всем. Старые же фабрики, грузно стоящие на земле, были местами грохота, мучений и тяжелого труда. Они зримо напоминают о том, какой ценой страна добилась своего богатства, и о том, кто за это расплачивался, поэтому стоит ли удивляться, что весьма немногие способны протестовать против утраты старинного фабричного здания.

Коль скоро мы никак не можем точно знать, что окажется наиболее ценным для будущего, на нас тяготеет обязанность сохранить характерные свидетельства всякого существенного периода, т. е. создать своего рода архив окружения. Но если архив собирать всерьез, то немедленно возникают знакомые проблемы литературных архивов. Как отбирать материал? Как и когда «выпалывать» лишнее? Как все это хранить? Как проводить каталогизацию и как располагать все, чтобы были возможны пользование и возвращение на место? И во сколько все это обойдется? Стоимость консервации или реставрации может оказаться существенно больше стоимости сооружения первоначального объекта. Мы имеем дело с сооружениями или целыми кварталами, занимающими значительное пространство, которое нельзя оставлять пустым... В результате проблемы архива стремительно усложняются. В связи с этим критерии консервации должны быть достаточно жесткими: поскольку сохранение целостного окружения гораздо дороже, чем сохранение отдельных объектов или тем более их отображений, нужны весьма серьезные мотивы в пользу первого.

Решение подобной дилеммы требует во всяком случае создания системы учета, которая предупреждала бы нас о необходимости спасения какого-то типа окружения в связи с тем, что сохранившиеся приметы этого типа встречаются все реже. И уж по крайней мере должна проводиться систематическая фиксация типического в предметном окружении и связанных с ним формах поведения — в текстах, диаграммах, на фотографиях, пока они еще существуют. Недавнее широкое соревнование фотографов Парижа породило фиксацию на пленке облика всего города, расчлененного на квадраты 250 × 250 м. Превосходный архив для будущего, особенно если его постоянно восполнять и если внимание к поведению людей будет не меньшим, чем внимание к предметам!

Возможно также, что необходимо утвердить обязательную процедуру предупреждения заинтересованных общественных и частных агентств о намерении осуществить снос и тем самым о типе окружения, предназначенного к изменению. Так уже делается в нескольких особо выделенных кварталах Нью-Йорка. Этот подход настолько же прогрессивнее нынешних лицензий на снос, насколько современная лицензия на строительство (спецификация будущего сооружения,

типов функций, размещения, внешнего облика и вспомогательных служб) выгодно отличается от старых правил. Лицензии на снос дают в таком случае возможность — хотя и не столь уж часто — выкупить участок для его сохранения, но в любом случае они позволяют провести предварительную инвентаризацию и фотосъемку или предложить контрпроект с вариантом реконструкции прежнего окружения. Необходимы, таким образом, агентства, занимающиеся фиксацией, инвентаризацией и в случае необходимости спасением представительных (относительно типа) фрагментов окружения.

Подобного подхода, осуществленного в полном объеме, еще не было. Комиссия по достопримечательностям Нью-Йорка, — наверное, наиболее развитое агентство сохранения памятников старины в США, но и оно лишь на пути к выработке и осуществлению целостной политики охраны среды. В списке комиссии сейчас 320 примечательных мест и 14 районов, содержащих 5000 зданий под контролем. Комиссия имеет право раз в три года определять достопримечательные места и охранные районы. Внешние формы места или здания, внесенного в свод, не могут быть изменены без разрешения комиссии, а снос возможен только спустя год. За это время комиссия может найти покупателя или арендатора, которые согласятся оставить внешний облик в нетронутом виде. Понятно, что административные тяготы комиссии весьма тяжелы.

В то же время следует заметить, что решение о внесении здания или участка в список комиссии опирается прежде всего на их архитектурные качества и уже в меньшей степени — на историческую ценность. Комиссия в большей степени озабочена сохранением и развитием того, что обладает ценностью в сегодняшнем окружении, чем восстановлением прошлого. Комиссия ищет поддержки на местах: естественно, действует более успешно в жилых районах среднего класса, обладающих хорошей соседской организованностью. Здесь легче модифицировать строительные правила и правила зонирования. В особых случаях или предлагать более крупномасштабные изменения там, где можно воспользоваться неотвратимо надвигающимся новым строительством.

Сохранению подлежат не только сооружения, но и виды деятельности. Так, удалось предотвратить потерю уникального района театров путем побуждения строительства новых. Здесь оправдали себя новые средства контроля вроде субсидий на строительство в данной зоне, облегчения условий постановки, соглашений между владельцами или передачи строительных прав. Управление, финансирование и маркетинг, связанные с историческими сооружениями, изучаются не менее тщательно, чем их техническое состояние. Ведется поиск новых функций для старых зданий.

Связь с прошлым

То, что мы называем период, лишенный письменных документов, «аисторическим», не более чем отражение господства письменности нашей цивилизации. Нет лучшего пути узнать о прошлом, чем

оказаться окруженным зданиями и инструментами, оборудованием и обстановкой, принадлежащими этому прошлому, и вести себя так, как если бы мы оказались перенесенными в глубину прошлого. Чтобы создать достоверную иллюзию такого рода, необходимо собрать вместе сооружения и их обстановку или подделать их, наполнив затем сцену живыми актерами.

В 42 из 50 штатов США насчитывается сегодня 125 деревень — музеев народной архитектуры и пешеходных маршрутов по городам. В каждом воспроизведен какой-то определенный период со всем комплексом зданий и обстановки и нередко с разыгрывающими свои роли обитателями. Подобные реконструкции пользуются огромной популярностью, но все они страдают известной ограниченностью или из-за высокой стоимости, или из-за недостатка информации или нехватки старинного оборудования. К тому же тщательность их организации сомнительна в свете новых исторических изысканий. Здесь немало и других специфических проблем.

Укоренившиеся сегодня мифы заставляют приукрашивать прошлое, забыв, скажем, о жесткости границ между условиями или о тотальной изоляции военного форта. Как убедить, например, детей играть в игры прошлого, отказавшись от привычных? Кто захочет демонстрировать нежеланное или даже постыдное прошлое? Так, жители очаровательного, но очень отсталого Стеншё, превращенного в субсидируемую правительством шведскую историческую территорию, вскоре пожелали пользоваться всеми современными удобствами, а когда им было в этом отказано, попросту выехали в другие места. Нельзя избежать того, что реконструированное окружение существует сегодня, а не в том историческом времени, которое оно имитирует, и заполняется сегодняшними туристами.

Сегодня правилом является пассивное восприятие: посетители дивятся и переходят дальше. Подобные предприятия стали бы куда эффективнее, если бы зрителей побуждали быть актерами, предоставив им для использования заурядное оборудование прошлого. Только тогда они смогли бы хоть как-то проникнуться толликой чувства жизни в реальном прошлом. Если бы посетителям дать возможность прожить неделю подобно тому, как жили люди того времени, и испытать часть удовольствий и неприятностей, из которых складывалась тогдашняя жизнь, проникновение было бы куда более сильным. Недавно группа студентов провела пять дней в однокомнатной хижине на реконструированной плантации Плимут в Массачусетсе. Они носили тяжелую одежду пилигримов, если их грубую пищу, которую готовили на костре, таскали воду и сушили, чистили кастрюли песком, читали и шили при свете лучины. Эта неделя оказалась нелегкой и полезной, хотя при этом не было ни угрозы голода, ни страха перед болезнями или нападением индейцев.

Разумеется, подобные «постановки» должны иллюстрировать не один только «великие» моменты исторического периода, но весь его культурный объем. Воссозданное прошлое должно опираться на знания и ценности настоящего: ведь нам нужно, чтобы воссозданное

менялось по мере того, как меняются наличное знание и сегодняшнее понимание ценностей, по мере того, как все время заново пишется история. Одна из опасностей, заключенных в сохранении окружения, лежит в самой мощи, с которой оно способно законсервировать некий образ прошлого, образ, который со временем может оказаться неверным или мифическим. Сохранение не сводится к простому спасению старых вещей от уничтожения, это еще и обеспечение ответного отклика на эти вещи, а этот отклик можно точно передать, модифицировать или утратить. Отклик способен даже пережить сами вещи.

Было бы разумно столкнуться с противоречивыми картинами прошлого, зависящими от противоречивых взглядов на это прошлое. Тогда, например, различные музеи среды могли бы предъявлять свои интерпретации Гражданской войны или, скажем, представления о жизни в Бостоне в 50-е годы XIX в. с позиции янки и ирландцев. Тогда посетитель смог бы увидеть покорение Запада глазами индейцев и глазами белых пионеров. Лишь тогда студент мог бы так же перейти от одной реконструкции к другой, как он переходит от одного текста к другому.

Сохранение среды всегда имело под собой не только педагогические и эстетические, но и политические мотивы: группы, обладающие властью, сохраняют яркие символы собственного престижа, тогда как остальным приходится удовлетворяться чем-то более скромным. Но в принципе различные интерпретации могут быть открыто предъявлены в реконструкциях прошлого.

Весь город может играть роль средства обучения; ту роль, которую берут на себя обычно экскурсии или разбросанные памятные таблички. То, что «Уильям Блейк жил здесь», еще ничего не значит, если видимое сооружение не отразилось как-то на том, что Блейк делал, или не выразило его личность, или хотя бы его локализация не играла какой-то значимой роли в жизни Блейка. Город может раскрыть огромный объем информации, поскольку рисунок размещенных в нем следов прошлого представляет собой хотя и хаотичную, но зато гигантскую «картотеку». Знаки, маршруты, экскурсии под руководством гида могут извлечь скрытую историю сложнейшей территории, мало затрагиваемую ее современными функциями, порожденными иной раз значительной реконструкцией предметного окружения. Так, можно продемонстрировать, как, пользуясь водным путем от Вестминстера до Тауэра, короли объезжали грозивший бунтами лондонский Сити, как бежали обитатели буржуазных кварталов перед надвигавшимися мастерами. Подобным образом можно построить множество «иллюстрированных прогулок», делая видимыми сущностные следы прошлого — встроенные в позднейшие сооружения, подземные и даже подводные. Наконец, прошлое можно демонстрировать в непосредственной соотносительности с настоящим: старинное платье в магазине одежды, древние технологические приемы — на заводе, прежний облик участка — на самом участке. Во всяком случае, очевидно, что средства, которые следует затратить на тран-

сложению прошлого в настоящее, должны по крайней мере не уступать средствам, затрачиваемым на само его сохранение.

В течение столетий образ предметного окружения использовался в роли «булавки», на которую нанизываются сведения для запоминания — от мнемонической системы Симонида с Кеоса в 500 г. до н. э. до воображаемых прогулок С. В. Шерешевского в наш век. В XVI в. Камилло действительно построил в Венеции мемориальный театр, деревянную конструкцию, в которой места, проходы между рядами, росписи имели единственную функцию — символизировать знания человека о Вселенной. Мартин Паули недавно предложил «временной дом» — семейный жилой блок, который автоматически записывал бы и по сигналу воспроизводил все звуки домашней жизни. Мысль о том, что семейная жизнь оказалась бы объектом постоянного наблюдения и записи, жутковата, однако вполне разумно представить себе, что существующие остатки старого города, в соединении с печатным словом, кино- и магнитозаписью, могут сознательно использоваться для обучения тому, что может оказаться полезным для будущего. Могут ли немые статуи иметь аккомпанемент в виде поясняющих текстов или фотографий, получаемых по требованию? Во всяком случае Томмазо Кампанелла предлагал покрыть стены Утопии иллюстрациями, связанными с историей и естествознанием. Таким же образом соборы наглядно представляли верующим догматы церкви.

Даже и сейчас окружение взаимодействует с другими мнемоническими инструментами — с книгами, устными текстами, фильмом. Так, для американца, впервые оказавшегося в Лондоне, названия улиц и многих мест хорошо знакомы, если он вырос на английских детских книгах. В противном случае искусственное окружение может полностью утратить связь со своим прежним значением, и для жителя средневекового городка, занявшего брошенный дворец Диоклетиана в Сплато (сегодняшний Сплит), тот должен был восприниматься так же, как природное ландшафтное образование, которое надо приспособить.

Более того, с определенными местами могут быть связаны совершенно фальшивые значения: так, туристы с удовольствием выслушивают колоритную фантазию гидов по поводу всего, что попадает на глаза. Так, сыны Манхэттана (штат Канзас) повествуют теперь свои истории перед статуей «народного героя» Джонни Коу, наспех изобретенного отцами города к столетнему юбилею и столь же быстро забытого.

Сегодняшние ценности

Каковы проблемы сохранения в обширных урбанизированных регионах? Ведь здесь наша цель — сохранить сегодняшние ценности и поддержать чувство преемственности, имея в виду, что разные вещи ценны нам своей актуальной значимостью, а вовсе не каким-то мистическим чувством преходящего времени. Мы склонны сохранять

старые здания только в том случае, если не можем использовать то же место с меньшими затратами (принимая во внимание то, что использование материала при новом строительстве по сравнению с реконструкцией — источник дополнительных расходов) или не можем уже воспроизвести некоторые ценные черты архитектурных форм или оборудования. Достаточно часто старое окружение стоит того, чтобы его сохранять, потому, что вложенные в него затраты полностью амортизированы, или потому, что оно было построено за счет квалифицированного, но дешевого труда или из материалов, которые сегодня недоступны, или оно создавалось в соответствии с самыми высокими стандартами для богачей, впоследствии покинувших его. Более того, это окружение может быть особо ценным художественным произведением, которое трудно имитировать, или частью целой сети обслуживания и социальных связей, которую было бы нелегко воссоздать. Рациональный учет существующих ценностей нельзя искажать догматической верой в абсолютную ценность всего старого: самые знаменитые художники яростно протестовали в свое время против сооружения Эйфелевой башни. Культуры, породившие прекрасное окружение, опирались на уверенность в своей способности творить новое, и сегодня у многих творцов можно заметить неприязнь к идее всеохранения, включая даже сохранение их собственных работ.

Если старое окружение лучше нового (иногда это так, иногда нет), мы должны изучить его и обнаружить те качества превосходства, которые можно получить заново и в новом. Действительно, старые здания, даже лишённые примечательности, нередко обладают преимуществами по сравнению с новыми наряду с недостатками (низкий уровень удобств, ненадежная конструкция, путанный план, высокая стоимость содержания). У старых зданий обычно более богатая форма, в которой отпечатались нужды поколений, хорошая сбалансированность между формой и использованием, изобилие дополнительных пространств, более интимный масштаб, зрелая трактовка фактуры и детализировки. Многие из этих качеств вполне поддаются воспроизведению в новых сооружениях за счет дополнительных затрат и внимания к проектированию. При перестройке старых районов прежде всего важно установить современную ценность существующих сооружений и стремиться к тому, чтобы в проектах нового строительства доказуемо проступало то же или даже более высокое качество.

Сегодняшние ценности имеют особое значение для той специфической группы людей, которая может стать необходимой политической основой для какой бы то ни было реставрационной работы. При этом те районы, где нет преемственности жилья, например коммерческие районы XIX в., спасти, разумеется, труднее всего. Для этого необходимо создать общерегиональную или туристическую основу, или градостроитель должен суметь убедить других в современной ценности района или, что еще труднее, в том, что он будет оценен следующими поколениями.

Если сегодняшняя ценность не очевидна, необходим весьма кропотливый анализ для того, чтобы разобраться в подлежащих оценке качествах. Так, кому и какие ценности могут быть видны в трущобном окружении, структура которого способна не только поддерживать, но и усугублять вполне определенный образ жизни? Напротив, в ансамблях Бата анализ ландшафта может выявить те характеристики пространства, масштабы и фактуры фасадов, которые — если использовать их в новых сооружениях — могли бы сделать возможным обновление целых частей города, служащих фоном более примечательным постройкам. К тому же это удалось бы сделать без имитации старины и без существенных потерь качества. Следует заметить, что качества исторических зон не столько не поддаются переносу, сколько это просто очень редко пытаются сделать.

Там, где старые сооружения не могут служить сегодняшним нуждам, за исключением тех случаев, когда они обладают значительной эстетической или дидактической ценностью, их можно снести, оставив при этом некоторые фрагменты для обогащения новых зданий. Следует не столько хранить верность старой форме, сколько стремиться использовать остатки старого для усиления сложности и значимости сегодняшней «сцены». Контраст старого и нового, аккумуляция наиболее значимых элементов, остающихся от ушедших исторических этапов, способны со временем создать ландшафт, с глубиной которого не мог бы конкурировать ни один из этих этапов в отдельности, даже если речь идет только о фрагментарных напоминаниях, хотя такой временной глубинности ландшафта можно достичь лишь в некоторых частях города. Чисто художественная цель при этом — повысить контрастность и сложность окружения, чтобы сделать видимым сам процесс его изменений. Достижение этой цели требует столь же творческого процесса, как и процесс нового проектирования.

Мы стремимся к такому месту, которое, не будучи только лишь отпечатком остановившегося прошлого, кажется открытым вперед во времени.

Иначе обстоит дело с нашими пригородами или новыми городами, они и выглядят так, будто вчера начаты и вчера же полностью закончены, и нет щелочки, через которую можно было бы заглянуть вперед или назад.

Присутствие времени можно обнаружить даже в самых заурядных зонах, там, где очень мало достойного для сохранения. Везде, даже на тех участках, которые должны быть полностью очищены для нового строительства, можно найти и сохранить какие-то следы среды, простирающиеся по меньшей мере к первым воспоминаниям еще живущего поколения, т. е. лет на шестьдесят. Поскольку поколения наслаиваются одно на другое бесконечно, а текущие нужды требуют постоянных разрушений, сохранение полного контекста в принципе невозможно. Но мы можем обратиться к сбережению каких-то символов, фрагментов снесенного окружения, включая их в новый контекст для новых поколений.

Сохраняемые элементы могут быть любимы, но только не совсем случайными или тривиальными, поскольку чистая случайность выбора могла бы создать представление о прошлом как о совершенном хаосе. Там, где это возможно, лучше всего сохранить нечто, способное указать на характер бытовавшей здесь среды, на ее масштаб, пространство, пути, озеленение. Там, где это неосуществимо, желательно искать предметы с высоким символическим значением или предметы, непосредственно связываемые с действиями людей, память о которых жива, будь то кресты, скамьи или ступени лестницы. Но сохраняемое должно опираться на то, что пользователи хотели бы помнить или как-то связать с собственным существованием. Таким образом, проектировщик еще должен узнать, что жители помнят и что они хотят помнить. Поскольку новое градоформирующее действие почти всегда в той или иной степени ограничено уже существовавшим планировочным рисунком, необходимо сделать видимым это влияние прошлого, обозначить историю окружения в нем самом. Этот рисунок можно вплести в новое проектное решение с ничтожным усилием по сравнению с обычно понимаемым сохранением территории. Тогда он может стать элементом привычной заботы о характере района.

Личная причастность

В чувствах, сопровождающих повседневную жизнь, памятники истории занимают крайне скромное место. Гораздо более сильные эмоции связаны с нашей собственной жизнью, с жизнями членов семьи и друзей, поскольку их мы знаем персонально. Поэтому наиболее существенным напоминанием о прошлом служит то, что непосредственно связано с нашим детством, с жизнью родителей и, может быть, дедов. Памятные предметы ассоциируются с памятными событиями этих жизней: рождения, смерти, свадьбы, расставания, окончания чего-то. Жить в том самом окружении, которое выплывает из самых дальних уголков памяти, — это удовлетворение, которого сегодня не знает большинство американцев. Преемственность рода не имеет опоры в преемственности места. Нас еще может интересовать улица, на которой отец жил мальчиком: это помогает понять его и усиливает чувство связи с ним. Но дед или прадед, которых мы никогда не видели, — это уже далекое прошлое, а их дома — «исторические».

Большая часть из того, что сохраняется как памятники классического прошлого, задевает людей лишь на минуту, на периферии внимания, удаленной от жизненно важных переживаний. Это и древнее, и безличное. То, что продолжается в сегодняшний день, эмоционально существеннее, чем отдаленное время, хотя далекое прошлое может казаться благороднее, таинственнее или загадочнее. Есть и пространственная аналогия: чувство привязанности к месту, где мы что-то собой представляем, важнее, чем позиция в масштабе

нации. В этом именно смысле мы подсознательно стремимся к сохранению ближайшего и «среднего» прошлого — прошлого, с которым ощущаем реальную связь.

Именно знаки недавнего прошлого мы соединяем с собственной непрерывностью живого существа:

«По земле, с которой были сняты все следы прошлого, он брел как потерянный... «Но когда же все это исчезло?» Было страшно обнаружить, что и место может так измениться... Люди не так уж менялись, — думал он, — они только ветшали. Они совсем не были похожи на это место, которое не только изменилось до неузнаваемости, но и набрало энергии в процессе перемен. И, столкнувшись с силой этого контраста, он не мог оторваться от мысли: «А что со мной? Чем я стану в конце концов?» (Напуми Сосеки. Трава у обочины, 1969).

Человеческое окружение легко фиксирует недавние события, что позволяет людям отмечать собственный жизненный путь. Эта черта кажется человеческой не только для обитателя, но и для постороннего наблюдателя, который ощущает теплоту окружения и через него устанавливает символические связи с обитателями. Но должны быть и средства стирания таких отметин по мере того, как они удаляются во времени или теряют связь с сегодняшними людьми. Это опять забывание. Есть особая прелесть в рассматривании полузабытого, полустертого пространства или в прослеживании различных слоев последовательной обживаемости, все более неразличимых по мере погружения в глубь времени; прелесть отыскания нескольких осколков, происхождение которых давно забыто и не совсем понятно, значение которых прячется за их формой. Нам ведь вовсе не хочется сохранять свое детство нетронутым со всеми его персонажами, обстоятельствами и переживаниями. Нам хочется упростить и упорядочить его, выделить в нем важные моменты, пропустить его скучные длинноты, почувствовать таинственность его начала, смягчить болезненность некоторых переживаний — иными словами, превратить его в драматичный рассказ.

Личная причастность легче всего достигается отпечатком личности на окружении, а выработка обычая символически связывает окружение с персональным опытом. Стадии роста отмечаются отметинами на косяке, сравнением отпечатка следа или ладони. Портреты и фотографии громоздятся одни над другими, чтобы дать место изобразительной генеалогии. Мы привыкли отмечать смерть камнем, но можно ли также отмечать рождение? Можно посадить дерево к общественной роше, дерево, которое со временем вырастает в общую массу. Воспоминания могут относиться к семейству или индивиду, или возрастной группе, например школьному классу. Камни и деревья можно перевозить с собой при перемещении, чтобы сделать персональную отметину на новом ландшафте, установить с ним личную связь. Неплохо было бы, если бы старожилы записывали свои воспоминания о месте и эту память можно было бы сделать доступной в местной библиотеке или центре информации.

Вполне возможно сооружение временных памятников недавним событиям, которые заменялись бы позже постоянными, если событие сохраняется в памяти. Сейчас же наши города молчат о людях, которые нам небезразличны, зато они усеяны статуями генералов и политиков, о которых никто не помнит. Когда у 370 ливерпульцев спросили о мемориальных скульптурах в их городе, четверть из них вообще не могла припомнить изрядное сосредоточение памятников перед Сент-Джордж-холл, а остальные путали, кому эти памятники поставлены, хотя многие помнили каменных львов. Половина жителей не помнила фигуры над входом в тоннель Мерсей, под которым ежедневно проезжают 22 тыс. автомобилей.

Конечно же, ландшафт должен нести на себе отпечатки событий человеческой истории и ассоциироваться с живущими людьми, но эти отпечатки и ассоциации должны ослабевать и забываться в полном соответствии с памятью поколений. Так, старики в резервации Ислета пересказывают древние истории, но не желают их записывать: «Если эти истории не будут больше рассказываться, значит, в них уже не будет нужды». Именно такое отношение я счел бы разумным в отношении истории окружения. Когда речь идет о научном исследовании, нужны раскопки, записи и научное хранение. Когда же речь идет об обучении, я предложил бы ничем не ограниченный театрализованный тип воспроизведения. Для усиления сегодняшних ценностей и чувства потока времен я бы применял «временной клад» — творческое соединение разрушения и добавления, а в тех случаях, где в игру входят персональные отношения, я считаю естественным сохранение отпечатков столь же избирательно и нестойко, как это делает сама память. Чтобы эффективно сохранять, мы должны знать, зачем и для кого сберегается прошлое. Творческое опровержение переменами и активное использование остатков прошлого в целях настоящего и будущего предпочтительнее затаенному горю и почтению перед святой святых — прошлым. Прошлое следует выбирать и менять, его следует творить в настоящем, чтобы облегчить сооружение будущего.

Ныне живое

Начинать с темы сохранения исторической среды стало традицией. Кажется самоочевидным, что серьезные работы по тематике должны заниматься или сохранением прошлого, или контролем над будущим, но это неверно. Мы сохраняем современные знаки прошлого и регулируем настоящее, чтобы осуществить свои представления о будущем. Наши образы прошлого и будущего — это сегодняшние образы, непрерывно воссоздаваемые заново. Стержнем нашего чувства времени является чувство настоящего «сейчас». Пространственное окружение способно усиливать и очеловечивать внешний образ времени, и я утверждаю, что это одна из его важнейших функций, чаще всего полностью игнорируемая.

Есть два рода проявлений течения времени. Один — это ритмическое повторение — пульс, дыхание, сон и пробуждение, голод, циклы Солнца и Луны, времена года, волны, приливы, часы. Другой — прогрессирующее и необратимое изменение — прорастание и увядание. Люди предпринимали магические попытки трактовать второй феномен как космический вариант первого, уверяли себя в том, что и необратимое изменение циклично, пытались вообразить, что поступательное течение времени есть на самом деле серия вечных повторений, где каждая фаза отрицания вырастает из предыдущей. Это согревает душу надеждой, что упадок и исчезновение — одна видимость, что за ними следует воскресение. Но все, что нам дорого, не возвращается, и независимо от наших желаний нам не уйти от осознания того, что все проходит.

Мы понимаем, что наше «внутреннее» время отличается от внешнего. Социальное время, которым координируются действия множества людей, может отнюдь не соответствовать органическому, или биологическому, времени. Точное, абстрактное время науки и производства, вне всякого сомнения, имеет мало общего с внутренним опытом времени. Люди, зажатые между циклом и потоком, между субъективным и объективным временем, пытаются подавить или то, или другое. Они или очень точно и детально расписывают распорядок бытия, или отгораживаются от объективного времени, упорно путая часы, спасаясь дезорганизацией, впадая в оцепенение, предаваясь развлечениям, чтобы забыть о времени или «убить» его.

Люди всегда придавали значение определению времени, притом, что они могли вовсе не заботиться ни о далеком прошлом, ни о столь же далеком будущем. Они по чистой необходимости поглощены заботой о практическом определении момента времени в координации объединенных усилий. Но помимо этого они пытаются как-то привести в соответствие восприятие внутреннего и внешнего времени, ощущая и полноту жизни, и тревогу перед смертью. Если такова цель, то окружение должно быть ориентировано и на нее, оно — тоже своего рода часы, по которым мы определяем действительное время — персональное время.

Счет времени

В развитых странах большинство взрослых имеет часы. Мы зависим от них, и это привносит в нашу жизнь массу беспокойства. Мы едим, спим и работаем по указанию часов, подавляя внутренние сигналы протеста. Если время, т. е. расписание, меняется, мы изо всех сил тянемся за ним. Вопрос о времени — самый характерный из уличных вопросов, ибо в расписанном обществе объективное время представляет собой ключевую информацию. Перемещения в современных городах измеряются затратами времени и сопровождаются непременными расчетами, насколько рано или поздно можно оказаться в конце маршрута. Город оказывается посредником — субстанцией, сквозь которую мы передвигаемся, затрачивая время,

поэтому отказ носить часы или вписываться в нормальное расписание оказывается одним из путей объявления независимости относительно усредненного рисунка общественного поведения.

Счет времени — несложная техническая задача, но, к несчастью, часы представляют собой довольно нескладное устройство с точки зрения восприятия. Часы впервые распространились в XIII столетии, когда их задачей было отбивать время очередного богослужения. Циферблат, способный переводить время в пространственное перемещение, появился позже, и эта форма была продиктована конструкцией, а вовсе не принципом считывания. Два (иногда три) наложенных один на другой диска давали возможность сопоставлять цифры при их угловом смещении вдоль неподвижного тонкого кольца с нанесенными метками. Но и сейчас ни минуты, ни часы не соответствуют ни нашим биоритмам, ни солнцу.

Другой пример: сигнал светофора, также измеряющего время, всегда зрительная неожиданность — не заполненное смыслом ожидание, сосредоточенное на внимании к смене сигнала. Да и другие сигналы времени из числа обычно употребляемых толком не приспособлены к человеческому восприятию. Электрические звонки управляют жизнью школ и заводов точно так же, как удары колокола, упорядочивавшие жизнь монастыря. Эти звуковые сигналы неожиданны и резки: слышащие должны на них реагировать, не будучи никак предупреждены заранее. Однако как особое событие пушечный выстрел в полдень или вечерний перезвон колоколов приятны как простое напоминание о времени, если только они не зовут нас к немедленному действию. Множество случайных звуков тоже повествуют о времени: нарастание и сокращение транспортных шумов, пение птиц на восходе солнца, шум идущего согласно расписанию поезда.

Иногда наблюдателю необходимо точное считывание времени: электронные часы показывают точное время, но не дают ощущения структуры и движения времени. Куда лучше видеть, как медленно подтягивается шар на шпиле Гринвичской обсерватории и обрывается вниз в полдень, давая точный отсчет времени кораблям на реке.

Нередко мы ищем каких-то ненавязчивых сигналов в окружении, которое принимает опознаваемый вид в определенный момент (полдень, часы закрытия магазинов), предварительно дав нам предупреждение о предстоящей трансформации и отражая общий ход времени за счет постепенной перемены общего фона. Струйка песка в колбе песочных часов — устройство, дающее предельно живое ощущение времени, хотя и краткого действия. Солнце соответствует той же программе при восходе и закате, но угол стояния для большинства горожан есть сугубая тайна. Солнечные часы проясняют тайнство положения солнца на небосклоне и (если они крупного размера) производят сильное впечатление. Луна в этом отношении еще живее, так как ее форма меняется в каждой следующей ночи, но ее цикл имеет для нас второстепенное значение, а позиция над горизонтом требует для расшифровки уже умелого наблюдателя.

Нам хотелось бы иметь такие сигналы времени, чтобы, давая необходимую для социальной координации информацию, они соответствовали и естественным природным циклам, и нашему чувству времени и были приспособлены к нашим способностям воспринимать. Любопытно представить себе часы, которые шли бы пятиминутными рывками, или такие, где стрелка быстро двигалась бы сквозь час, замедляясь перед скачком от одного часа к другому, или часы, градуированные с большим приближением к нашему естественному циклу сосредоточения и расслабления внимания, чем часовые интервалы. Правда, совсем по иным мотивам промышленники XIX в. иногда пользовались часами, которые шли быстрее во время обеденного перерыва. Можно сконструировать и другие сигналы времени: стрелки, ползущие по линейной шкале, формы, меняющие ориентацию и как-то видоизменяющиеся в ключевые моменты дня, источники света,двигающиеся подобно солнцу... Нам все еще удивительно нравятся сказочные механические устройства больших часов позднего средневековья или ароматические палочки в японских храмах, издающие другой запах при смене периода дня. Итак, если четкое предъявление объективного времени есть требование современности, то приспособление этих сигналов к нашим ритмам и чувствам есть требование более общечеловеческого содержания.

Проводя большую часть жизни в интерьере, мы лишились многих природных «ключей» к ходу дня и времен года. Офисы и промышленные здания, всякие длинные коридоры и метрополитен — все это вневременное окружение, подобное пещере или морскому дну. Свет, микроклимат, зримая форма — все здесь остается неизменным и без тех колебаний снаружи, которые корректируют наши ритмы. Наш отсчет времени в этом окружении дает перебои. Выходя «наружу», мы нередко испытываем шок, погружаясь в полдневную духоту или в темноту вечера. Отрезая нас от природных индикаторов времени, технический прогресс может помочь нам прибегнуть к хитроумным симулирующим устройствам. Конечно же, имитация окна с написанным за ним пейзажем, занавесками и вечно желтым светом может только угнетать. Радио- или телевизионная трансляция внешних условий уже несколько лучше. Свет, тепло, звук или даже поверхность, визуально преобразующаяся в соответствии с дневным циклом, могут стать приемлемыми знаками времени. Встречаясь в коридорах и холлах, эти устройства приняли бы на себя роль «внешнего мира» в этих искусственных мирах. Там, где отсеченность от нормального ритма носит продолжительный характер, такие искусственные устройства можно бы даже иногда использовать для модификации времени, изменений цикла и темпа.

Конечно, более удовлетворительны такие аранжировки, которые усиливают или дополняют натуральные индикаторы времени: поверхности, которые ловят свет и меняются в зависимости от положения солнца, растения, преобразующиеся от одного времени года к другому. Свет или температура могут дополнять естественные перемены или контрастировать с ними: островок тепла в морозный день, крас-

поватые огни, усиливающие закат, уличные фонари, тускнеющие в ходе ночи... Одна из главных ценностей городского парка или сквера в том и заключается, что его растения и газоны ловят смену времен года. Листья шелестят, снежный покров приглушает звуки... Но природные «ключи» нередко ускользают от нас: серые тучи закрывают солнце, или английская весна может оказаться слишком «неторопливой» для тех, кто привык к более резкой смене сезонов. К тому же среди «ключей» не только природные — большие города имеют собственную ритмику звука, света и наблюдаемой активности, которая раскрывает смену сезонов столь же живо, как и движение солнца. Эти «ключи» тоже следует усилить и придать им зримую четкость.

Считывание времени дня или года — только часть необходимой нам информации. Мы стремимся скоординировать нашу деятельность с поведением других, и объективное время — лишь средство этой координации. Зная о том, открыт ли сейчас магазин или сколько еще он будет открыт, прежде чем мы встретимся с кем-то, зная, когда отходит поезд, мы получаем именно то, что нам нужно. Мы пользуемся печатными расписаниями и записными книжками и сверяем их с показанием часов, но только зримые «ключи» убеждают нас по-настоящему: в самом ли деле поезд стоит у перрона? выходят ли уже из театра? стоит ли его автомобиль снаружи? виден ли уже автобус? Удовлетворительная среда не только предъявляет время дня живым и человеческим образом, но и при необходимости дает точный ответ о времени. Она раскрывает еще и расписание общественно доступного поведения: открытие магазинов и ресторанов, наличие поездов и тубулки в аудиториях, стремительность часа пик.

Еще в большей степени, чем настоящего момента, мы жаждем предсказаний о ближайшем будущем: когда закроется этот ресторан? скоро ли придет поезд? будет ли место на стоянке? Опытные наблюдатели используют весьма тонкие индикаторы для получения такого рода информации или опираются на долгий опыт, или вынуждены доверять четким объявлениям. Мы приучили себя к нервному ожиданию и вновь повторяющимся вопросам, так как информации нужно получать снова и снова. Окружение, которое раскрывало бы искомые факты ясно и на расстоянии, стало бы гораздо более уютным. Разве на автобусных остановках не могли бы мы получать информацию о том, в скольких минутах отсюда находится автобус, а по дорожным знакам узнавать часы заторов на этот день?

Разные наблюдатели и в различных ситуациях по-разному нуждаются в информации о времени: одни остро, другие относительно. Так, туристы или недавно приехавшие испытывают острую потребность в том, что местным жителям может казаться очевидным. Нужно исследовать, что людям требуется знать о расписании городских событий, как они пользуются восприятием времени в обыденной жизни. По-настоящему нам необходима пространственно-временная модель города, которая охватила бы как кратковременные колебания (вроде расписания событий или загрузки транспортной сис-

темы), так и долговременные изменения — прошлое, настоящее и ближайшее будущее городского населения, жилого фонда. И вдобавок нужна информация о пространственном местонахождении видов активности, видов обслуживания и т. п. Такое хранилище пространственно-временной информации могло бы выдавать справки по запросам в виде карт и макетов, диапозитивов и кинофильмов, графиков или кодированной информации для ЭВМ. Такая модель нужна школьникам и туристам, исследователям и официальным агентствам, людям, разыскивающим дом, коммерческий участок, работу, развлечения, медицинскую помощь или социальную службу. Фактически я предлагаю «штабную комнату», предназначенную для мирных целей, — это старая идея Патрика Геддаса в новой форме. Скромный временный прототип такого устройства уже был с огромным успехом испытан в Бостоне.

Распределение времени

До недавнего времени проектирование среды было сосредоточено на стабильных устройствах: земле, дорогах, зданиях. Но человеческая деятельность, протекающая среди этих устройств, имеет равную, если не большую по сравнению с ними, значимость в определении качества места. На основании этого умозаключения проектирование предметов было расширено и охватило проектирование форм поведения и вещей в пространстве, став пространственным проектированием. Но если в игру включается поведение, то проектирование должно иметь дело не только с пространственным, но и с временным рисунком, превращаясь в искусство управления меняющейся формой предметов и устойчивыми рисунками поведения людей во времени и пространстве одновременно. Деятельность меняется и развивается относительно неизменных пространственных «контейнеров». Форма последних никак поэтому не может «следовать функции», если только использование пространства не приведено к какой-то однозначной и неизменной форме поведения. Соответственно распределение пространств сообразно специфическим функциям (что, кажется, остается господствующей тенденцией) в социальном смысле приводит к разобщению и практически, как правило, малоэффективно. Распределение действия во времени влияет на функционирование места и его стиль не менее, чем размещение этого действия.

В целом распределение во времени осуществляется все еще от случая к случаю. Планы и проектные предложения редко указывают на желаемое или ожидаемое распределение времени, за исключением указания пика транспортной нагрузки в каналах коммуникаций. Расписание деятельности управляется лишь навыком. В принципе им можно манипулировать гораздо свободнее, чем размещением деятельности, но на практике оно еще менее поддается рациональному контролю. Каждый индивид, хотя и обладает некоторым полем маневра, включен в рисунок зацепленных одно за другое общепринятых расписаний — часы на еду, работу, дорогу, развлечения,

сон. Множество проблем переуплотненности или чрезмерной разреженности возникает не столько потому, что многие стремятся к одному и тому же, сколько в связи с тем, что они хотят этого в одно и то же время.

Распределение времени только тогда становится проблемой, когда мы обнаруживаем, что имеем некоторое поле выбора возможностей. Досуг стал доступен многим, соответственно навыки организации времени стали и более очевидны, и менее строги. Став более ценным, время в большей степени поддается перераспределению, но искусству выбора и использования времени еще надо учиться. Начнем с очевидного: проектирование среды должно по крайней мере точно учитывать, когда какие-то вещи могут скорее всего происходить, чтобы пространственное распределение услуг могло быть оценено и выявлено верно. Таким образом, явно необходим общепринятый способ репрезентации и количественного выражения хода событий в деятельности и поведении, чтобы предлагаемая модель окружения могла быть рассмотрена и оценена как пространственно-временное целое.

В отдельных случаях мы можем нуждаться в управлении или регулировании расписания фаз деятельности в качестве элемента проектного решения. Критические точки — это начала и концы однородных потоков, группировок, рисунков поведения, и нам нужен критерий определения того, чем один рисунок лучше другого.

Наиболее характерный случай регулирования во времени — это разработка сетевого графика строительного процесса с целью избежания заторов, координирования взаимодополнительных операций, рационального использования ресурсов и достижения общей плавности событий. Но мы точно так же рассчитываем использование дефицитного пространства (например, концертного зала) или устанавливаем последовательность действия социальных служб (например, транзитного движения) и таким образом воздействуем на распределение во времени множества других действий, вторичных по отношению к принятому решению. Мы можем устанавливать временные границы для определенных видов поведения, определяя, в частности, время закрытия в системе обслуживания. Мы можем пытаться более равномерно распределять нагрузки, снижая цены или подключая дополнительные приманки в дополнительное время, или вводя колебательный ритм функционирования привлекательных мест. С другой стороны, в случае специализированной деятельности мы стремимся сконцентрировать ее нагрузку в какое-то определенное время, чтобы вызвать достаточный спрос (ярмарочные дни, например). Некое агентство может фиксировать наилучшее время особых событий: празднеств, митингов, торжеств. И можно представить, что некое учреждение или общественная организация могли бы инициировать новые временные системы, начав осуществление неких услуг или деятельности в необычный час.

Некоторые мотивы вмешательства в распределение времени или хотя бы учета его хорошо известны. Мы стремимся добиться соответ-

ствия нагрузки и предназначенной для нее емкости. Мы пытаемся свести во времени виды деятельности, которые могут рассматриваться как взаимодополняющие, и, напротив, разделить те, что мешают один другому, — как в случаях, когда мы отводим грузовому движению ночные часы. Мы располагаем действия в нужной последовательности, чтобы никто не терял времени на поиск соответствующего сигнала, — именно этим заняты в большинстве своем исследователи временных графиков. В других случаях мы ищем такую комбинацию, при которой каждое действие было бы обеспечено достаточным временем, чтобы каждому отводилось наиболее удобное время, чтобы взаимоувязанный «пакет» действий в сумме не потребовал времени больше, чем имеется в наличии. Разумеется, это — неустанное разрешение противоречий между конкурирующими требованиями.

Все названные мотивы координации действий, приспособления нагрузок и распределения по временным отрезкам имеют, разумеется, соответствия в манипулировании пространственным рисунком. Изучая внутренние ритмы организма, мы сможем обнаружить, что для лучшей адаптации потребуются перегруппировка установленных обычаев расписаний труда, отдыха, учебы, путешествий и иных форм деятельности, на которые должно ориентироваться временное и пространственное проектирование среды. Не исключено, что нам даже понадобится изменить некоторые искусственно установленные порции времени — часы или недели. Конечно, многое из этого — дело будущего, о котором мы лишь надеемся узнать больше, однако есть и такие функции, которые уже сегодня созрели для модификаций во времени. Это расписание занятий и перерывов в школах и использование скользящих графиков в промышленности и делопроизводстве. Модификации во времени почти всегда требуют пространственных изменений хотя бы в расположении комнат отдыха.

В дополнение к адаптации времени к биоритмам мы можем вмешиваться в распределение времени, чтобы повысить меру разнообразия и выбора, обеспечивающих индивиду возможность «упаковать» свой день в соответствии с привычками или ситуацией. Основные общественные службы и услуги можно сделать более доступными и во времени, и в пространстве, в связи с чем желательно уменьшить характер ограничений для временной локализации той или иной деятельности. Нет необходимости закрывать магазины по воскресеньям или пабы после полудня — просто коренящиеся в далекой истории рисунки распределения времени пережили свои функции подобно аппендиксу. По крайней мере резонно попытаться расслабить узы привычки и тирании плотного взаимодействия форм поведения. Так, большинство школ все еще настаивает на том, чтобы один и тот же материал все изучали в том же темпе и в течение того же периода времени. Лишь немногие школы продемонстрировали необходимость этого абсолютизма. Теперь работа в некоторых офисах может производиться в «нерабочее» время, и то одно, то дру-

гое учреждение разрешает своим работникам индивидуально устанавливать часы работы. Таким образом, одна из привилегий, которыми издавна пользовались художники и независимые ремесленники, может быть распространена и на крупные коммерческие фирмы.

Расписание поведения во все времена четко выражало стиль группы или индивида. Есть «жаворонки» и «совы», люди, засиживающиеся над поздним совместным ужином, и те, кто питается в одиночку, едва почувствовав голод. Одни легко оперируют своим днем, координируя свои действия с другими только при необходимости, другие в вечной спешке сковывают себя твердой схемой и все же без конца опаздывают.

Вопрос не только в том, как люди сейчас организуют свое время, но и в том, как они предпочли бы его организовать, как они реагировали бы на новую неизданную организацию времени. Школы уже экспериментируют с гибкими программами, в которых ученик работает над решением задач сообразно содержанию самой работы, а не в зависимости от жестких членений времени. В принципе каждому должны быть даны возможность и соответствующие знания, чтобы создавать собственный порядок во времени, их следует стимулировать к познанию временного ритма собственного организма и поиску такого рисунка поведения во времени, который соответствовал бы этому ритму.

Повышение возможности выбора распорядка времени само по себе ценно, но недостаточно. Хорошей схемой можно было бы назвать только такую, в которой есть и стабильность, и гармоничность, которая признается и другими и соответствует как внутреннему ритму организма, так и внешним ритмам социальных требований. Создать ее случайным образом невозможно. В идеале, наверное, в границах крупномасштабной социальной координации, схемы распределения времени могут появиться в результате проб и ошибок, совершаемых малыми группами, находящимися в сходных обстоятельствах и придерживающимися одинаковых принципов. Чутье к временному построению действия с изяществом и умением можно воспитывать, во всяком случае можно продемонстрировать нечто большее, чем только расширение выбора.

Упаковка времени

Можно попытаться представить себе мир, в котором внешнее время ритмически соответствовало бы субъективному, как это и происходит в мечтах, воспоминаниях и сновидениях, где события свободно ускоряются и замедляются. Мгновения наслаждения могли бы растягиваться, моменты страдания сжиматься, сон укорачиваться, а бодрствование удлиняться. Но в таком мире вся социальная координация распалась бы в одно мгновение и человек лишился бы индикаторов времени, за исключением тех, которые отражают лишь его собственные чувства. Исследования, осуществленные в пещерах и в Антарктиде, уже продемонстрировали нестабильность, деформиро-

ванность и трудность пребывания в окружении, полностью лишенном внешнего времени. Милая фантазия оборачивается кошмаром. Мы действительно манипулируем временем, погружаясь в мечтания, но внешний социальный мир требует того, чтобы к нему постоянно прислушивались, и уже потому нуждается в стабильной структуре времени. Более того, именно наше общество является интенсивно программируемым, и потому часы столь вездесущи и нередко даже минимальные промежутки времени фиксируются со всей тщательностью.

Можно представить себе несколько измерений, по которым могла бы варьироваться структура времени:

- а) «зерно», или размер и точность, отрезков, на которые делится время;
- б) периодичность, или продолжительность, времени, в пределах которого происходят события;
- в) амплитуда, или размер, колебания в пределах цикла;
- г) темп, или скорость, с которой происходят события;
- д) синхронизация, или степень, с которой циклы и необратимые изменения совпадают по фазе — начинаются и завершаются вместе;
- е) регулярность, или степень, с которой предшествовавшие характеристики сохраняются тождественными;
- ж) ориентация, или степень, с которой внимание сосредоточено на прошлом, настоящем или будущем.

Мы привыкли к тому, чтобы представлять себе все эти меры плотно связанными вместе. Мы считаем «естественной» и, может быть, приятной, но неизбежной следующую комбинацию: тонкозернистое, с коротким периодом, с большой амплитудой, быстрое, синхронизированное, регулярное, ориентированное на ближайшее будущее. Тем не менее иные комбинации не только возможны, но и обладают преимуществами. Так, например, крупнозернистая, но синхронизированная структура может быть практичной. Но, может быть, разнообразие структур времени могло бы более соответствовать индивидуальным потребностям и характеристикам различных форм поведения?

Соответствие 24-часовому циклу, твердо встроенному в природу и нашей планеты, и наших организмов, затрудняет манипулирование темпом изменений. Любая местная группа, имеющая темп изменений, который воспринимался бы как заметно ускоренный или замедленный по отношению к окружению, оказалась бы изолированной или подавленной. Более чем сомнительно, что нам удалось бы манипулировать темпом изменений в социальной системе сколько-нибудь продолжительно, да и не настолько мы еще мудры, чтобы определять оптимальные темпы. «Замедленные» зоны могут существовать ограниченный период времени, являясь подходящим убежищем для тех, кого ошеломляет нормальный темп перемен. Некоторые религиозные общины, старые жилые районы или «отсталые районы» обладают именно такими характеристиками. Они очаровательны, если только членство или обитание в них оказывается добровольным

(часто это не так) и если всегда остается возможность «включиться» в норму.

Как одно из возможных решений некоторые зоны могут быть систематически отстающими — меняющимися в том же ритме, что и все окружение, но принимающими перемены только после какого-то промежутка запаздывания. Так, широкое распространение автомобиля с опозданием на 20 лет и к тому же в несколько модифицированных формах, подсказанных опытом, было бы весьма мудрой политикой. Результатом такого относительного отставания был бы более спокойный шаг и соответственно возможность избежать тех перемен, которые оказались нежелательными. Темп мог бы замедляться и за счет сдерживания скорости передачи информации, вроде задержки ежедневной газеты еженедельником или телефона почтой.

Прямо противоположная возможность — это регион, ориентированный на будущее, вечно экспериментирующий с предполагаемыми изменениями до того момента, как они приобретут всеобщий характер, ускоряющий темп перемен за счет испытания все новых вещей или рисунков поведения и отбрасывания всего того, что не подтвердит свою ценность. Соответственно и темп информации резко повышается. Мир моды, мир столичной элиты имеет нечто от этой схемы.

Естественно, что обе названные схемы были бы совершенно искусственны и могли бы поддерживаться дорогой ценой. Впрочем, они все равно не смогли бы удержаться в чистой форме: «отсталая зона» не могла бы, например, воздержаться от использования нового средства против раковых заболеваний. Однако в границах разумного, если бы участники эксперимента осуществили свободный выбор и были согласны на издержки, некоторые манипуляции временем могли бы казаться полезными.

Необходимо и специфическое окружение для тех, кто по своему темпераменту относится к категории ориентированных на настоящее. Это микромиры, для которых характерны прямые решения, частые праздники и другие события, подвижность, короткая подготовка и быстрая реализация, возможность быстрого узнавания, спонтанность собраний, опрокидывания структуры времени, случайные встречи и возможности, неопределенность социальной организации. Здесь будет меньше накапливаться или запоминаться, но привлекательность свободного, иррегулярного группового времени может доставлять особенное удовольствие. Существует безусловное преимущество в тесных, но ограниченных во времени возможностей в отношениях — недаром случайному попутчику так легко рассказать свою жизнь. Ни обязательность, ни интимность не зависят все-таки от длительности связи.

Именно этим характеризуются курорты, «забегаловки» или «сообщества на один момент» — места, так сказать, чистого существования. Но вне кратковременности эти особенности должны быть поддержаны каким-то движением к новой, по-своему стабильной схеме отношений, каким-то поощрением к расширению переживаемого на-

стоящего, к его связи с прошлым и будущим. Все это ярко представлено в экспериментировании со стилем жизни современной молодежи*. «Выпасть» — значит бежать от жестких распорядков городской жизни, «повернуться» — значит искать вневременности (иллюзорной) и глубокого погружения в ритмику сиюминутного.

Возможно, что некоторые эксперименты по изменению периодичности или циклов времени можно осуществить. Ни по биологическим, ни по климатическим причинам мы не можем освободиться от суточного и годового ритмов, но более медленное или быстрое, но согласованное циклическое строение внутри этих ритмов вполне возможно. Так, есть доказательства естественного 90-минутного ритма пробуждения и поддержания внимания. С другой стороны, сугубо искусствен ритм недели, опирающийся на когда-то реальный религиозный и экономический базис, давно утерявший всякий смысл. В других культурах бытовали совершенно иные схемы. Римляне отсчитывали дни назад от ид и нон месяцев, к которым, казалось, устремлялось само время. Этот тип отсчета включал более длительные последовательности, чем в нашей системе, и они яснее были сфокусированы на некоторых ключевых пунктах. Племя лувале в Замбии использует подвижный 11-дневный период: сегодня плюс четыре дня назад и шесть вперед.

В одних сферах поведения нужна мелкая и деликатная упаковка времени, в других она может быть грубой и неоформленной, ведь исторически совсем недавно время отсчитывалось только при огрублении до часа. Мы и сами часто пользуемся огрублением такого рода в общественной жизни. В самом деле, разные виды деятельности организуются в такие периоды, в которых время построено по-разному и различно ценится. В групповых спортивных играх есть и 20-минутный период в хоккее, и 15-минутный в футболе**, 12-минутный период в баскетболе, и отсутствие фиксированной длины периода в бейсболе. И темп целого, и внутренняя цикличность, и варьированность интенсивности происходящего — все это меняется в зависимости от конкретного типа игры. К тому же между временными пакетами есть нейтральные зоны — маленькие перерывы, в пределах которых можно наслаждаться потреблением времени без боязни «потерять» его. Мне нужен этот пример, чтобы лишний раз агитировать за более свободное дробление времени, высвеченное моментами четкого и точного расчленения.

Наиболее распространенный стресс связан, однако, с самой синхронизацией в процессе координирования нашего времени с чужим. Морис О'Салливан, описывая свое детство на островке близ Ирландии, рассказывает о первом путешествии в Дублин и об ужасе, в ко-

* Завершенная к 1972 г. книга Линча отражает американскую действительность конца 60-х годов с обилием экспериментальных коммун «хиппи», «индипи» и т. п. в рамках апогея так называемой контркультуры. (Прим. ред.)

** Имеется в виду американская разновидность футбола. (Прим. ред.)

торый привела его точность движения поездов. Синхронизация на родном острове была огрубленной и весьма несложной, управляющейся только сменой освещения в течение дня и осуществляющейся за счет терпеливого ожидания.

Синхронизация часто тяготеет над нами. Совместное действие доставляет удовольствие в танце, в церемониях, в музыке, в ритмизированном физическом труде. Но когда действие затягивается и не поддерживается прямым ритмом, заданным наблюдением за другими, действующими согласованно, навязывание внешнего времени угнетает. Еда, отдых, подъем в одно и то же время могут не соответствовать ни нашим общим, ни сиюминутным предпочтениям. Но ведь даже наш отдых, как правило, темпирован, и одно из главных удовольствий в затянувшейся за полночь встрече или при раннем вставании заключено в чувстве бегства из диктата времени. Одно из важнейших преимуществ жизни, посвященной индивидуальному творчеству, заключено в том, что она идет по «свободному» расписанию. И все же вся социальная координация зависит от четкой синхронизации, и без наличия определенного графика индивидуальное поведение тоже теряет ориентацию.

В больших городах объем наличных услуг и служб настолько велик, что в них возникает некоторая дифференциация расписаний и даже возможность круглосуточного функционирования, опирающегося на статистические правила распределения нагрузки. Таким образом, в любом отрезке предпочитаемого времени существует достаточная большая группа, с которой можно синхронизировать собственное поведение. При этом всеобщая выгода заключена в выравнивании «пиковых» нагрузок и большей эффективности функционирования. Градостроители часто предлагают локализованные зоны круглосуточной среды, постоянной деятельности, но это не столь существенно в сравнении с возможностью видеть, что некая деятельность постоянно где-то доступна. Тогда «совы» и «жаворонки» прекрасно смогут сосуществовать и каждый при желании может скользить в другую схему организации времени.

Средневековый город был этому полной противоположностью: во Флоренции твердо считалось, что ночью на улице могут находиться только преступники, и поэтому все ночные пешеходы задерживались стражей. В наше время уменьшение безопасности на улице вновь стало ограничивать свободу во времени. Люди чувствуют себя спокойно лишь в обычные часы, в присутствии других людей.

Попытки formalизовать многоуровневое расписание не были слишком успешны. В первые годы Советской власти в СССР была введена скользящая пятидневная неделя во имя более эффективного использования ресурсов, но вскоре от нее отказались. Целью была большая свобода во времени, а большая производительность; люди оказались вовлечены в недельные циклы, которые не сходились по часам, не будучи при этом качественно различными. При этом приходилось испытывать все неудобства отсутствия синхронизации с другими. В США некоторое расшатывание между временем работы и

бытия происходит периодически, когда люди приспособляются к сезонным перегрузкам, но попытки ввести скользящие часы работы встречают сопротивление. В то же время ночные смены, равно как и специальные ночные или праздничные услуги, приобрели широкое распространение.

Ни синхронизацию, ни параллельные расписания нельзя вводить без острой необходимости. Там, где синхронизация действительно нужна, ее следует поддержать какими-то поддающимися восприятию «ключами», вызывающими чувство общности задачи. Так, когда необходимо объединенное усилие, чтобы поднять тяжесть, ритмическая песня ставит четкий акцент. Тип синхронизации, необходимый в индустриальном производстве, ни в коем случае не может быть перенесен в другие области. Абсолютная координация вполне достижима за счет устанавливаемых по соглашению моментов, в которые все участники рабочего процесса собираются вместе, тогда как все оставшиеся часы планируются индивидуальным образом. Дело в том, что западное общество проявило гораздо большую ригористичность по отношению ко времени, чем это действительно необходимо. Оно некритическим образом перенесло регламентацию производственного конвейера на совершенно другие сферы жизни. Но даже и в производстве есть основания надеяться на наступление момента, когда машины будут столь тщательно синхронизированы между собой, что человек обретет значительно большую свободу.

Празднование времени

Мы стремимся вовсе не к простой организации времени — мы хотим переживать его. Конечно, в некоторых звеньях жизни, там, где необходимо скоординировать деятельность множества сотрудников или поведение множества незнакомцев, всегда требуется соотнесение с абстрактным временем. Подумать только: программисты компьютеров именуют эту научную абстракцию «действительным временем»! Во всех прочих ситуациях нам нужнее более содержательные указания на ход времени: цепочки значительных событий или моментов, в которые мы живем в полном смысле слова, разделенных фоновыми периодами неопределенной длительности и замедленного темпа.

От примечательных событий мы получаем то же удовлетворение, что и от примечательных мест. Если важные часы ощутимо, чувственно примечательны, мы можем, исходя из них, сориентироваться во времени. Места и события могут быть оформлены так, чтобы усиливать ощущение настоящего — или за счет их собственного характера, или благодаря их способности усилить восприятие действия, что и происходит во время демонстраций, в лекционном зале или на рыночной площади. Приобретение местом определенного облика в определенные дни — характерный пример такого воздействия. Приятной традицией XIX в. были устройство меняющихся от сезона к сезону цветочных куртин или клумб, организация целых садов,

в которых различные цветы открывались и закрывались через регулярные интервалы в течение дня. Цветы были идеальными естественными часами. Старые праздники сохраняют такой же особый привкус естественности, хотя свойственные им схемы поведения были некогда гораздо ярче — полуфабрикаты из супермаркета более не отражают смену времен года.

Особая организация могла бы поддержать празднования, происходящие и сейчас в наших городах, вырастающие из подлинных несчастий и радостей нашего времени: парады в конце недели на Кингз Роуд или на Бульваре заходящего солнца, выдающиеся концерты или спортивные события, каникулярные перерывы учебного года, политические демонстрации, годовщины войн, летние праздники. События, значимые для ограниченных групп, тоже могут находить выражение на улице, включая особые игры и угощение, соответствующие костюмы. Нам явно нужно увеличивать плотность особых событий, а не уменьшать ее, как это происходит сейчас. Отнюдь не только ностальгия по детству заставляет нас считать его богаче в этом отношении.

Иногда мы испытываем полную погруженность в сиюминутное ощущение, что так легко происходит в музицировании, в танце, в занятии спортом, в любом занятии, захватывающем все наше существо. То же чувство порождается творческой работой или глубоким переживанием воспринимаемого. На секунду мы освобождаемся от сожалений о прошлом и забот о будущем, восприятие и реакция полностью сосредоточены. Окружение может способствовать такого рода погруженности, не только устраняя все отвлекающее, но и живя, пробуждая нашу восприимчивость.

Мы не без удовольствия вспоминаем внезапность вечера, следующего за долгим летним днем и подготавливающего наступление ночи. Есть особая значительность в моментах перехода одного в другое, подобная удовольствию от задержки в дверях при переходе из одного пространства в другое. Приход весны на среднем западе, заходы солнца, увядание листьев в Новой Англии, первый густой снег — все это усиливает ощущение поступи времени. Подобно тому, как архитектор специально подчеркивает и украшает переходы между пространствами, так и все окружение должно быть расчленено драматическими интервалами, за которыми следуют долгие паузы, а не оставаться неизменным или послушно следующим ходу часов. Могут возникнуть новые ритуалы времени: празднование солнцестояния, театрализация переезда из одного жилища в другое, обозначение рождения и смерти. Начала и концы должны быть тем, что мы вспоминаем, чтобы ощутить течение событий. Тогда год мог бы превратиться в последовательный ряд определенных периодов и моментов на фоне нейтрального времени. Стандартный час и стандартная неделя были крупным культурным достижением. Но не можем ли мы теперь создать более человеческий календарь?

Во времена Ренессанса проектирование карнавалов, процессий и зрелищ было важнейшей задачей, а британская корона имела соб-

ственный департамент увеселений, нанимавший первоклассных проектировщиков и тративший изрядные суммы. Маски* Елизаветинских дней и всего времени Стюартов вплоть до Кромвеля были сложнейшим делом, «картинами, полными света и движения». Двигались и раскрывались тучи, за которыми слой за слоем громоздились сложные декорации и мощные машины. Эффектность зрелища возрастала по мере деградации монархии, в чем можно усмотреть своего рода пророчество.

Современные художники (и то же в период политических столкновений) столь же интересуются выявлением настоящей минуты. Они увлечены импровизацией, соучастием аудитории, импровизационной музыкой, хэппенингом, саморазрушающейся скульптурой, светомызыкой, приводимой в действие компьютером. Архитекторы начинают все более увлекаться временными сооружениями. Протестуя против груза итальянского прошлого, Сант-Элиа провозглашал: «Мы обогатили свое восприятие вкусом к легкости, эфемерности, скорости... Наши здания будут менее долговечны, чем мы сами. Каждому поколению придется возводить свои города». Сегодня можно купить бумажное подвенечное платье и сделать потом из него кухонные занавески.

Фейерверки выражают то же очарование момента. В Валенсии так называемые фалла — крупные и сложные скульптуры из дерева и папье-маше на актуальные сюжеты — устанавливаются весной на углах улиц и сжигаются в карнавальную ночь. Традиция создана средневековыми столярами, изготовлявшими грубые светильники, чтобы работать в зимние вечера, и радостно сжигавшими их с приходом весеннего света.

Есть нечто будоражащее в нестабильности. Молодые хотят ощущать себя живущими сейчас. Они сооружают скульптуры из всякого лома на отметах залива Сан-Франциско, а на склоне железнодорожной насыпи в Лондоне однажды появилась выложенная из белых камешков надпись: «Существует ли жизнь, пока не наступает смерть?».

Осознанное проектирование особых событий вновь возникает на наших глазах — летние фестивали, демонстрации. Мы давно привыкли к таким мастерам церемоний, как поставщики и коммивояжеры, похоронных дел мастера и распорядители банкетов, режиссеры, но церемонии, которыми они управляют, рутинны и используют стандартный тип окружения и постоянный реквизит. Дизайнер события, напротив, озабочен созданием сценария случайностей, проектированием окружения, аранжировкой деталей, усилением возможностей развития самих действий. Он должен быть компетентным в использовании подходящих средств: танца, актерской игры,

* Маски — специальный жанр, в котором музыкально-поэтическое представление соединялось с весьма разработанной сценической техникой. Крупнейшим мастером сценографии масок был архитектор Иниго Джонс. (Прим. пер.)

пения, кулинарии, кино, аранжировок типа «звук и свет», графики, сценографии, игр, литературных импровизаций, музыки, ритуалов, спорта. Он должен обладать тренированным умением строить во времени, организовывать средства пробуждения соучастия, включенности, умением пробуждать и усиливать спонтанность окружения. Если в его участии и есть некоторая опасность утраты спонтанности, то он обладает и немалыми возможностями ее обогащения, ибо в сложно организованном обществе для спонтанности осталось слишком немного места. В самом деле, даже и те, кто ведут себя будто бы спонтанно, в значительной степени следуют ритуальным моделям такого поведения, поэтому проектная модель может скорее вызвать действительную самопроизвольность, чем пригасить ее. Кстати, создание временного окружения должно включать и его демонтаж, возможно, ритуализованное уничтожение, ибо каким же изношенным и нелепым оно выглядит на следующее утро!

Время от времени нам нужно переживать общее, живое настоящее, расширенное за счет групповых ожиданий и групповой памяти. Дизайн среды может лишь усилить и поддержать то, что как возможность зависит от общих устремлений и общей истории. Если формы стандартны, если они не меняются, мы испытываем досадное чувство «дежа вю» — уже виденного и мир лишь возвращается на круги своя. Однако столкновение с навязчивой новизной еще более разочаровывает. Это уже эффект «жаме вю» — не видно ничего, что было когда-либо нами видно раньше, утрачены все связи, и настоящее опасным образом сжимается. Как мы еще увидим, и прошлое, и будущее могут «заимствоваться» для расширения объема настоящего и точно так же, как мы «заимствуем» внешнее пространство, чтобы расширить ограниченное по объему место.

Характерные для той или иной группы временные территории могут закрепляться таким же образом, как утверждаются территории в пространстве. Форма может, поддерживая деятельность, драматизировать ее. Мы в состоянии соотносить наше время с временем других людей и иных живых существ. Окружение может дать нам возможность осознать себя живущими в общем настоящем, где мы ощущаем течение событий, с которым связываем свои страхи и надежды.

Мы действуем в настоящем, переустраивая окружение для будущего. Мы вспоминаем сейчас и учимся тоже сейчас, т. е. преобразуем самих себя, чтобы более эффективно действовать в будущем. Окружение, способное повысить интенсивность воспоминаний и обучения, — это связь сиюминутного с широчайшим диапазоном времени. Жить — значит быть пробужденным в настоящем с чувством безопасности, рожденным фактом продолжения того, что было, с чувством настороженности по отношению к врывающемуся в наш мир новому. Мы чувствуем ритмику своего «я», ощущая ее элементом мирового ритма. Только там, где локальное время, данное место и наше собственное существо опираются на чувство безопасности, мы действительно готовы встретить вызов будущего с его сложностью.

Сохраненное будущее

Завершенный промышленный город Мидлсбро был построен с ошеломляющей скоростью в 40-е годы прошлого века для обеспечения рабочей силой новых фабрик, одна за другой возникавших вдоль канала. Дома и заводы строились мгновенно, тогда как учреждения, система обслуживания и другие удобства появлялись позже. На 50-летнем юбилее города один, оратор заявил, что основатели города все свое доверие обратили к будущему:

«Паровая машина не имела прецедентов, у локомотива не было предков, телеграф не опирался на наследие прошлого... Я не могу удержаться от симпатии к крику тоски... по поводу исчезнувшего и невозможного прошлого. Но факты свидетельствуют против него».

Люди весьма различно заглядывают в будущее: одним достаточно заглядывать в завтра или только в следующие полчаса, другие целиком поглощены событиями, которые последуют лишь через поколение. Будущее может трактоваться как нечто, нам не подвластное, нечто такое, что можно исследовать с трудом, но и с надеждой, нечто мчащееся на нас. Будущее может быть реалистическим ожиданием, привязанным к настоящему и прошлому опыту, или несвязной фантазией, преисполненной жадностью и страхом. Оно может быть чем-то, от чего следовало бы уклониться, или землей обетованной; трудное будущее или усиливает сложности настоящего, или от него отворачиваются ради немедленных целей. Интенсивность переживания настоящего или утомленность от настоящего могут препятствовать формированию образа будущего в сознании. В свою очередь чрезмерная озабоченность будущим способна мешать полноте восприятия настоящего. В зависимости от этих взглядов сами будущие события развертываются тем или иным образом.

Идея будущего испытывает мощное давление прошлого опыта: и у детей, и у взрослых ожидания ближайшего будущего достаточно реалистичны, тогда как долговременные прогнозы далеки от реализма. Однако принципиальное различие между возрастными группами раскрывается в прогнозировании среднего уровня, времени, на которое события настоящего имеют некоторое влияние, но события которого и не неизбежны, и непредсказуемы точно. Взрослея, человек приобретает все более полный опыт прошлого и расширяет границы реалистичности предвидения среднего масштаба, более четко различая предвидение от желания. Там, где прошлый опыт носит стабильный и упорядоченный характер, служивший опорой прогрессивным изменениям с предсказуемыми результатами, представление о будущем приобретает большую глубину. Там же, где прошлое оказывается хаотичным или застывшим, представление о будущем тоже будет расчлененным и несобраным. В то же время, если будущее кажется непостижимым или тусклым, прошлое, как правило, тоже оказывается необъяснимым или пустым: оба образа сосуществуют вместе, надежда соседствует с истерикой.

Соотнесенность прошлого и будущего не удивительна, поскольку то и другое — идеи настоящего, сооружаемые аналогичным образом из современных сведений и оценок. Однако хотя и прошлое, и будущее в сознании одинаково реальны и обладают параллельностью структуры, они резко различаются характером материала, идущего на их сооружение. Прошлое строится из богатства опыта, постоянно поставляемого сознанию учреждениями, материальной средой, текстами. Идея будущего организуется из более тонкой субстанции — оно не только объективно неопределенно (впрочем, любой историк подтвердит то же самое относительно прошлого), но и субъективно воспринимается как нечто более разреженное и бедное. Когда людей просят напрячь воображение и досказать историю, предположительно случившуюся в прошлом, история обычно обретает насыщенное интересное завершение. Когда та же задача ставится относительно истории, которая может произойти в будущем, добавочные завершения оказываются очень схематичными. Любая попытка повысить реалистичность и углубить идею будущего наталкивается на необходимость борьбы с этой асимметричностью.

Возможность создания мысленного образа будущего заключена в способности воображать отдаленные следствия нынешних действий, создавать новые комбинации действия и его последствий, соединять сегодняшние чувства и оценки с этими последствиями, подавлять или ослаблять те субъективно сегодняшние стимулы и мотивировки, которые могли бы отвлечь наше внимание от будущих событий. Известно, что лоботомия мозга снимает внутреннее напряжение и предотвращает неконтролируемое поведение, но она же ликвидирует и способность предвидения: будущее может быть понято, если оно предъявлено, но оно полностью отсечено от эмоций. Напряжение внимания и действие колеблются под влиянием непосредственных стимулов.

Коль скоро образ будущего зависит от нашей способности осознать и связывать между собой следствия настоящего, он тем самым зависит и от наших наиболее общих представлений: силы ощущения себя и своего прошлого, настоящего и будущего; веры в то, что жизнь в известных пределах поддается личному контролю; прагматического понимания того, что ценность действия в настоящем зависит от реалистически оцениваемых последствий в будущем. Таким образом, будущее может меняться — по глубине, мере относительности, эмоциональной окраске — соответственно нашему представлению о нынешних обстоятельствах, нашему образу прошлого и наиболее общим интеллектуальным возможностям.

Мы стремимся усилить глубину и реалистичность образа будущего, и прежде всего «среднего» будущего, во имя повышения эффективности действий в настоящем, усиления чувства «я» в его соотнесенности с окружающим миром. Ближайшее будущее для любой сложной системы относительно жестко детерминировано инерцией ее динамического состояния в настоящем. Но за пределами этого ближайшего будущего мы уже можем планомерно воздействовать на

собственную деятельность, опираясь на предсказуемые следствия вмешательства в ход дел в их нынешнем состоянии. При еще большем удалении в будущее следствия настоящего и любых его коррективов в настоящем и будущем вновь теряют определенность и какое бы то ни было прямое управление оказывается невозможным.

Точность предвидения не столь существенна по сравнению с состоянием повышенной ответственности, способностью перестраивать образ будущего по мере изменений в настоящем, умением воображать и «пробовать на вкус» новые варианты будущего. Конечно, мы предпочитаем оптимистический взгляд на грядущие события, однако это зависит от реалистического понимания обстоятельств. К счастью, сами обстоятельства в известной степени зависят от нашего отношения: верящий в свою способность изменять ход вещей скорее может повлиять на них. Но там, где будущие обстоятельства не слишком оптимистичны с реалистической точки зрения, мы способны выбросить их из головы только в том случае, если действительно ничего не можем сделать.

Границы будущего

Астрономические события увлекательны сами по себе, но они никоим образом не могут быть указателем для выбора поведения: неразумно преувеличивать пределы образа будущего — мы не в состоянии заботиться о чем-то сверхотдаленном. Вечность столь же крепко запирает нас в себе, как и настоящее. Соответственно глубину проникновения в будущее (и в представимое прошлое) следует увеличивать только до той степени, какой достигают наши способности помнить, предвидеть и контролировать, сохраняя способность отдаваться настоящему и удерживая интеллектуальное и эмоциональное единство целостного образа времени. Можно создать нечто такое, что будет существовать и тысячу лет, но никто не сумеет сказать, кто будет здесь жить через сотню лет. Поэтому достаточно и того, чтобы создать место, пригодное для досуга и наслаждения, как гласит старинный комментарий к проектированию китайского сада. С другой стороны, строители средневековых соборов Европы, уверенные в правильности своего образа будущего и в сверхважности того, что они делали, нередко разрабатывали строительную программу на тысячу лет вперед. Хотя и рывками, и с остановками, работа действительно велась по плану в течение ряда столетий. Таким образом, рациональность действия прямо зависит от глубины периода, на который распространяются предвидение и планирование. То, что было бы глупостью на короткий срок, может оборачиваться мудростью на долгий, и наоборот. Чисто абстрактным путем невозможно найти основания для того, чтобы предпочесть одно безумие другому.

Оптимальное проникновение в будущее будет, таким образом, меняться сообразно изменению внешних обстоятельств и в зависимости от того, как мы сами меняемся, развивая способность устанавливать интеллектуальные и эмоциональные связи. Со временем мы можем

научиться очеловечивать долгие периоды времени так же, как мы постепенно очеловечиваем все более обширные территории. В самом деле, коль скоро у нас есть теперь возможность за недолгое время уничтожить человеческую жизнь на земле, мы должны особенно настоятельно обращать внимание и заботу на пределы этого пространства и времени. Новые технические возможности убивать, загрязнять или осуществлять генетические изменения заставляют нас пересмотреть пределы нашего образа будущего. Но его расширение не безгранично. Мы должны стремиться к установлению непрерывающего соответствия между обстоятельствами, силой и способностью воображения.

Работа во имя рационально представляемой награды в будущем хоть и эффективна, но не доставляет того же удовлетворения, что работа в настоящем сама по себе. Делать стулья приятнее, чем представлять, как в них можно будет сидеть. Именно стимул удовлетворения в настоящем побуждает нас делать более удобные стулья и делать это все лучше. Учеба ради удовольствия узнавания представляет собой гораздо более мощную мотивировку, чем учеба ради получения места или степени.

Поэтому, чтобы быть эффективным, процесс сохранения земли ради будущих поколений должен доставлять удовлетворение в настоящий момент, подобно тому как нам доставляют радость сегодня наши дети и внуки.

Там, где следствия в будущем постоянны, желателен перенос акцента с них на содержание процесса в настоящем. Для привыкания к удовлетворению настоящим нужны время и усилие, и не меньшее усилие потребуется для нарушения процесса, если следствия в будущем превратятся в нежелательные. Если следствия неопределенны, подобное привыкание неразумно. Известно, какое удовольствие доставляет профессиональным градостроителям составление сложных планов для достижения отдаленных целей. Однако этот самоудовлетворяющий процесс может либо вовсе не привести к рациональному результату, либо запутать процесс принятия решений на короткую перспективу. Если работа в настоящем должна включать и немедленное удовлетворение, и отдаленное символическое, и то и другое должны быть логически совместимы и связаны эмоционально. Только если связь процесса и результата остается нерасторжимой, мы можем примирить удовлетворение в настоящем и заботу о будущем.

Мы нередко предпринимали попытки повысить охват и устойчивость образа времени, ловя будущее в ловушку — строя вечные пирамиды или толкуя догматы о пришествии мессии. Догмат, сколько бы ни был далек от реальности, легко может быть организован так, что его истинность не поддается проверке. Сколь бы ни была хаотична действительность, идея спасения кажется способной привести этот хаос к удовлетворительному завершению. Но концепции спасения ведут к иррациональным действиям, и когда концепции увядают, верующий остается в полной растерянности.

Апокалипсические картины будущего — другой вариант ослабления психического напряжения: когда ожидался конец света в 1000 году, при подготовке к нему делалось немало странного. Много позже члены религиозной секты, построившей знаменитый Олд Говард-театр в Бостоне, доверчиво сидели в нем долгие дни в ожидании ангелов, которые так и не явились. Явился лишь новый владелец участка, выхвативший театр из их рук. Похожее апокалипсическое настроение распространено и в наши дни, и скорее всего оно завершится аналогичным образом.

Построение сильного образа контролируемого «среднего» будущего, реалистически сопряженного с действиями в настоящем, вовсе не сковывает фантазию. Фантазии о будущем — если только они воспринимаются именно как фантазирование — дают сами по себе чувство удовлетворения. Более того, продукты фантазии — один из путей исследования альтернатив, содержащихся в будущем, поиска новых вариантов действия. Любое открытое общество находит в себе какие-то средства производства и распространения подобных мечтаний.

Пространственное окружение как знак будущего

Пространственное окружение вовсе не должно быть непременно подчинено планам устрашающе отдаленного будущего. Гораздо рациональнее контролировать настоящее, действовать для ближайшего будущего и держать далекое будущее открытым, исследуя новые возможности и поддерживая способность реагировать на перемены. Среда может служить учебным пособием для поддержания подобного умонастроения, системой «ключей» к расширенному образу будущего. Сама среда способна частично компенсировать асимметричность материала, из которого творятся образы прошлого и будущего.

Мы, например, уже в состоянии ясным и открытым образом сообщать о будущих событиях, которые уже предсказуемы или контролируются. Многие изменения окружения уже происходят, но еще невидимы, хотя уже четко детерминированы и почти необратимы. Так, новая дорога может уже быть проложена на карте; и вот-вот начнется процесс возведения сооружения; выбрано место под будущий парк. Если бы эти проекты были оглашены в том самом окружении, где они станут реальностью, у людей возникло бы более ясное чувство ближайшего будущего, которое в противном случае обрушивается на них пугающе непредсказуемым. Если же мы предпочтем отклонение или изменение предстоящих событий, их предвидение дает нам шанс подготовиться к оппозиции. Образная символизация перемен непосредственно на месте — наиболее эффективный путь сообщения о них. Здесь уже упоминалось о возможности создания временной модели города.

Наглядные, относительно недорогие предзнаменования будущих действий могут быть расставлены так же, как предварительно

рассаживаются деревья на открытом участке, предназначенном к будущей застройке. Подобные «мгновенные» или «знаковые» изменения весьма удобны для выражения или стимулирования надвигающихся или только желаемых перемен фундаментального характера. Так, расчистки или пересадки в парке могут служить первым конкретным шагом широкой реконструкции. Любые «ключи» к будущему, являющиеся реальными вещами или знаками, с очевидностью выражающими реальные вещи, гораздо эффективнее вербальных сообщений. Так, разметка улиц на пепелище Лондона была когда-то реальным знаком начала его восстановления.

Желательно, конечно, избежать ошибок прямо противоположного свойства: заявить как безусловный факт нечто, остающееся лишь благим пожеланием: «На этом участке будет сооружено...» — утверждает доска, заросшая травой. «Вкладывание средств в угледобычу — гарантированное будущее», — гласит ободранный щит перед заброшенной шахтой в южном Ланкашире. На невыполненных обещаниях и пожеланиях, предъявленных в виде свершенного факта, вырастают лишь недоверие и пессимизм, поэтому объявления должны быть адресованы результатам ближайшего будущего, опирающимся на принятые решения и способность их выполнить, либо же в их характере по крайней мере должно прослеживаться различие между желанием и решением.

Но надежда всегда была двигателем общественного действия. Если ожидания всегда были бы скромными и достоверными, неоткуда было бы взяться стимулу создать что-то крупное: если вообще не обещать, совместное действие, рассчитанное на достижение результата, вообще оказалось бы невозможным. Ничего не обещать — это всего лишь безопасно, не более. Те, кто планируют далеко вперед, или те, кто выступают двигателями революций, сознательно пробуждают надежды, выполнить которые нелегко. При этом они рассчитывают на то, что угроза срыва или неудачи, возникающая тогда, когда уже множество людей глубоко заинтересованы в успехе, пробудит героические усилия, необходимые для достижения успеха. Это всегда рискованно, и оценка всех «за» и «против» требует высокой ответственности: правильная оценка включает надежды и ожидания, достижение которых в настоящий момент оказывается за пределами возможного, однако они выражают реалистическое взвешивание вероятности, которое должно быть открыто признано в случае ошибки в расчетах.

Общий процесс изменений тоже может отпечатываться на окружении. Мы в состоянии определить вероятную границу разрастания пригородов в ближайшем будущем, показать вероятную в будущем степень загрязненности среды или нагрузки транспортной сети. Долговременные прогнозы такого типа чрезвычайно ненадежны, однако их подготовка на ближайшее будущее не вызывает особых затруднений. При этом все оценки и расчеты, связанные с неизбежным ростом города, должны быть общественной собственностью: любое место следует рассматривать в прямой связи не только с его

недавним прошлым, но и с близким будущим. Необходимо добиться того, чтобы каждое место воспринималось как развивающееся, обогащенное прогнозами и целевыми установками.

Сложные, рассчитанные на долгую перспективу действия должны планироваться таким образом, чтобы каждая последующая стадия зримо, наглядно вела к следующей за ней; таковы, скажем, развитие в постоянном направлении или дополнение пространственных модулей, которое благодаря упорядоченности процесса оказывается легко предсказываемым. Эрик Свенсон, изучая реакцию жителей на реконструкцию Бостона, установил, что те изменения, которые в процессе осуществления получают образно конкретную, вразумительную форму, принимаются с меньшей растерянностью и неприязнью, чем те, которые трудно понять. При этом эффект сохраняется и в тех ситуациях, когда изменения первого рода более стремительны и более разрушительны для окружения, чем вторые.

Тот факт, что сообщение о будущем должно носить характер диалога между всеми, кто делает на него ставку, существенно усложняет предпосылки такого сообщения. Все пользователи должны иметь возможность выразить свои намерения и ожидания относительно судьбы данного места. Здесь будут и контрпланы, и чрезвычайно зауженные трактовки: жители могут выразить свои надежды на образ жизни в новом районе или указать, где, с их точки зрения, должна пройти дорога, а транзитные пассажиры — указать места для будущих остановок. Техника организации подобного диалога фактически еще совсем не разработана, и он легко может превратиться в полное замешательство, перерасти в апатию или, напротив, в открытую баталию. Могут выявиться конфликтные позиции, что всегда мало приятно, и все же конфликт лучше, чем скрытое недовольство.

Все, что находится за пределами ближайшего будущего, очень неопределенно. Отсюда неуверенность наших прогнозов, сомнения относительно выбора или открытые конфликты. Будет ли это расти тем или иным путем? Строить эту или ту школу? Местные жители могут хотеть построить дорогу в одном месте, а администрация штата — в другом. Невозможно проиллюстрировать все возможности изменений, заключенные в окружении. И все же мы должны в дополнении к безусловным переменам ближайшего будущего сообщить через ландшафт как таковой главные альтернативы для будущего средней удаленности, следствия, скрытые в наших намерениях относительно окружения. Как иначе мог бы гражданин принять участие в решении вопросов, которые непосредственно его касаются, научиться создавать реалистический образ будущего?

Сообщение о будущем общей для всех среды требует большего, чем раздача всем по карандашу или уговаривание тех, от кого зависят перемены, быть искренними. Информацию о будущем нужно активно выискивать, упорядочивать и представлять на рассмотрение. Нам необходимо создать агентства, которые подобно газетам были бы заинтересованы в передаче информации и в наличии клиентуры,

которая требует информации и поддерживает ее. Поскольку лишь немногие крупномасштабные альтернативы для будущего могут быть очевидным образом представлены на месте, необходимо еще принять решения относительно выбора: что считать ключевым, какие альтернативы наиболее вероятны. Отбор сообщений есть политический акт, и потому естественно, что любые четко очерченные альтернативы окажутся под контролем основных заинтересованных сил общества. Но этот контроль ни в коем случае не может препятствовать людям выражать их собственные мелкомасштабные надежды и представления: в каком окружении лучше жить их детям, к какому типу школы они стремятся, как перестроить церковь и т. п. Подобно отметинам персональной истории, это и означает очеловечивание ландшафта.

Предвидение

Сложная методика, используемая в целях прогнозирования и оценки будущего, создала разрыв между планирующим и планируемым. Община, сталкиваясь со сложным профессиональным расчетом, согласно которому будущее развитие потребует столько-то полос шоссейной дороги, не имеет средств оспорить это предсказание. В силу своей сложности, отчужденности и завершенной формы прогноз приобретает могущественный авторитет. Однако все еще не ясно, станет ли новая техника обработки данных в конце концов опорой централизации или децентрализации информации. Сами по себе ЭВМ могут стать новым оружием в руках планирующей элиты или средством передачи информации тому, кто в ней заинтересован.

Так или иначе, но долговременное планирование (и всякий «футуризм») стали анафемой для всех, кому дорого демократическое соучастие. Изменение по малым частям, сосредоточенное на небольшом поселении и ближайшем будущем, предпочтительно в тех случаях, когда альтернативой оказывается долговременное крупномасштабное планирование, осуществляемое неподконтрольными центральными агентствами. К несчастью, многие наши трудности действительно требуют для их преодоления крупномасштабного и долговременного действия. Очевидно, что ключевым вопросом оказывается распределение контроля и понимания, а не само по себе сокращение глубины и размаха планирования. Панацеей здесь становится демистификация (иногда развенчание) сложной техники прогнозирования и предоставление ее местным группам для подготовки и разработки альтернативных прогнозов.

Прогнозирование и футурология нередко рассматриваются как путь уменьшения неопределенности относительно будущего, предсказания того, что «на самом деле произойдет». Некоторые прогнозы оказываются на удивление точны. Чаще они не попадают в цель или попадают рядом только потому, что прицел был небрежен. Однажды я сделал прогноз демографического свойства, который потом почти точно подтвердился, но — как выяснилось еще поз-

же — лишь потому, что был произведен на основании весьма неточных исходных данных. Предсказание Уэллса относительно урбанизированных районов 2000 г. было видением грядущего метрополиса, поразительно верным в некоторых чертах, проявившихся впоследствии, но это лишь форма, напроць лишенная содержания. В этом видении нет места ни одной из наших социальных проблем, ничему, что составляет сегодняшнее понимание городского образа жизни. Это типичная смесь предсказаний и пожеланий, характеризующаяся обычной бесплотностью воображенного будущего.

Учитывая, что в крупных социальных и средовых системах желания и идеи масс людей являются главной движущей силой, разумнее по-иному трактовать утилитарную функцию прогнозирования — как способ рассматривания новых возможностей, получения новой информации и даже выработки новых ценностей. Даже фальшивое будущее (несмотря на связанные с ним опасности), как и фальшивая история, обладает психологической ценностью, по крайней мере заставляя нас ощущать себя в паутине времени и помогая пояснить глубоко запрятанные предчувствия относительно будущих возможностей.

Теория решений рассматривает мир как нечто принципиально закрытое, постоянное и предсказуемое. Ее моделью является игра, у которой есть фиксированные правила и результат всегда конечен. Согласно такой модели, единственным источником проблем являются несовершенство знания о возможных результатах или ценностях и ограниченная способность рассматривать все множество альтернатив. Альтернативы создаются за рамками игры, и хорошее решение — такое, которое одновременно «правильно» и достигаемо с минимальной затратой времени и усилий.

Но в действительности мы живем в более непостоянном мире. Индивидуальные решения непредсказуемы, поскольку они опираются на самостоятельно возникающие стимулы — воображенные новые системы действий и результатов. Для больших систем и на короткий срок прогнозирование действительно возможно, поскольку действия, по крайней мере частью, сугубо механичны, а для того, чтобы индивидуальные творческие решения могли повлиять на целое сколько-нибудь ощутимым образом, необходимо время. Но пределы такого будущего очень близки. Представление о будущем есть акт создания в настоящем, а вовсе не трансплантация в настоящее событий, которые как бы уже существуют «там, в будущем». Стремление к замкнутому, безусловному — сугубо человеческая черта, но точно тем же является и радость творчества, т.е. порыв из замкнутого и безусловного.

Сохранение

Итак, рациональные методики оценки будущих выгод и потерь могут быть действительными на короткий промежуток времени, когда все вероятности можно перечислить, а альтернатив не столь

много, чтобы это мешало эффективному выбору. Для долгих промежутков приходится изыскивать другие образы будущего. Одна из возможных стратегий — установление этического или эстетического базиса, на основании которого можно было бы установить приемлемые сегодня затраты для сохранения будущего, даже если мы и не в состоянии скалькулировать сегодняшнюю ценность этого будущего. Здесь мы прямо сталкиваемся со знаменитым суждением Бойля Роша: «Почему мы должны делать что бы то ни было во имя будущего? Что будущее когда-либо для нас сделало?» [45]. (Это тот самый могучий ум, который породил аргумент: «Безусловно, было бы лучше, мистер Спикер, пожертвовать не только частью, но, если необходимо, даже всей нашей конституцией, чтобы сохранить оставшееся!»).

Сохранение как систематическое устремление общества имеет относительно небольшую давность на Западе. Средневековые законы о лесах в Европе — единственное исключение, да и там, кажется, основной целью была защита королевской охоты и привилегий лордов на владение продуктами лесов. Эти законы объявляли охрану путем исключения: некогда треть Англии была королевским владением, и, как вы помните, с этими законами боролся Робин Гуд. Однако то самое монопольное владение, что некогда казалось средством охраны земли, стало позже двигателем ускоренной эксплуатации: когда короли нуждались в наличных деньгах, валились деревья.

Китай имеет гораздо более давнюю традицию сохранения: храмовые участки и территория императорских гробниц были святыщами, где кощунство растений или животных считалось преступлением. В обязанность чиновников, надзиравших за лесами и водами, входил контроль посевов и урожая в императорских владениях. Регулировалась вырубка леса, запрещалось устраивать запруды для отлова рыбы, были установлены охотничьи сезоны, сохранялись отдели раковин-жемчужниц, запрещались разведение костров и вырубка деревьев вдоль русла горных потоков. Один из императоров даже запретил убивать лошадей, коров, мулов, собак и цыплят. При всей религиозной мотивированности подобные эдикты преследовали менее святые цели — охраны царских охотничьих угодий или гарантии будущих урожаев для царских хранилищ. Сейчас Северный Китай практически лишен лесов, земля подверглась опустошительной эрозии, а дикие виды животных уничтожены.

Мы — свидетели полного переворота отношений во всей западной культуре: страх в связи с тем, что бесконтрольная природа одолеет человека и уничтожит плоды его рук, уступает место обратному страху. Зоопарки, ради которых когда-то опустошался животный мир для создания спектакля, теперь оказываются местами сохранения видов животных, которые в других местах обречены на исчезновение.

Сохранение — это такое хозяйствование в настоящем, благодаря которому ресурсы, важные в непредсказуемо далеком будущем,

послужат гарантией против деградации непрерывно используемых видов, поскольку число вариаций имеет пределы. Мы можем пытаться предотвратить эрозию почвы, необратимое загрязнение вод и атмосферы, нивелирование какой-то особой ценности ландшафта, деградацию генетического фонда человечества, исчезновение видов, утрату знаний или произведений искусства. Критерием для включения в этот список является уверенность в том, что любой из подобных ресурсов скорее всего останется значимым для будущих поколений, что при разумном использовании они не исчезнут. В подобных случаях даже очень высокая стоимость сохранения совершенно оправдана, хотя мы и не в состоянии предвидеть далекое будущее с необходимой точностью и уже потому не можем подсчитать сегодняшнюю ценность акта охраны.

Есть и другие важные ресурсы, исчезающие по мере использования: минералы, источники энергии. Если только мы не убеждены, что они имеются в невообразимых количествах (как, например, кремний), мы должны умерить их использование сегодня во имя того, чтобы продолжить их доступность в будущем. Это может привести нас к дополнительному налогообложению или подъему цен, чтобы вызвать сокращенное потребление или перестройку производства на малогабаритные и прочные вещи. Однако вопрос о том, как, до какой степени умерять сегодняшнее пользование, остается загадкой. Возможно, достаточно удостовериться в том, что ресурсов хватит на одно-два поколения, решив, что за это время можно найти какой-нибудь полезный заменитель. Возможно, надо стремиться к максимальной локализации опустошений, что предполагает создание поселений, которые вновь используют отходы, ограничивают потребление, нуждаются в незначительном импорте материалов и энергии и потому не устраивают опустошительных набегов на ресурсы удаленных мест. Иными словами, речь идет о поселениях, в которых единственное, что имелось бы в изобилии, — это информация, которая не истощается от употребления.

Некоторые ресурсы уничтожаются в процессе использования, но могут возобновляться до тех пор, пока не произойдет необратимой реакции: таковы деревья, если вырубка не приводит к потере почвы, вода, если загрязнение не превзошло критической точки. Основа для принятия решений вновь проясняется. Безусловный приоритет принадлежит предотвращению необратимых изменений, следующая позиция — обеспечение обновляемых ресурсов для поколений «среднего» будущего.

Столь же очевидно, что уже по одним лишь этическим соображениям мы не можем продолжать накапливать на складах вероятную катастрофу в будущем. Что делать с 27 тыс. тонн нервнопаралитического газа, достаточными, чтобы убить все население Земли сто раз подряд? (Это к тому же «лишний» газ. А сколько его еще считается «полезным» и сосредоточено в боеголовках ракет или минах?) Поскольку химическая дезактивация дорогостояща, упаковывать газ в контейнеры и помещать их в шахты или на морское дно куда

дешевле, однако, хотя контейнеры и сохраняются немалое время, они не вечны.

Все это, однако, юридически очевидные вопросы охраны среды. Другие вопросы сложнее, и их труднее защищать в той же рубрике охраны. Х. М. Рауп, сжато описывая историю усилий по охране лесов, заметил, что лесничества постоянно запаздывают в своей деятельности, поскольку строят экономические расчеты, исходя из долговременных образов будущего, сопрягая их с задачей сохранения ресурсов. Высаживают и выхаживают лес, будучи твердо уверены в грядущих прибылях, после чего обнаруживается, что на зрелый лес нет спроса: технология использования дерева меняется в несколько раз быстрее, чем растут деревья. Если бы будущие доходы от продажи дерева вычислялись из первоначальной калькуляции, за этим мог бы последовать совершенно иной характер использования земли.

Сохранение как идея легко превращается в консерватизм, сохранение статус-кво: сегодняшний ландшафт, потому что мы к нему привыкли, нынешние обычаи, нынешнее экологическое состояние. Однако все это суть результаты длительных перемен в прошлом, и все еще будет меняться. Живые изгороди Англии, столь яростно защищаемые от вторжения механизированного сельского хозяйства, сами являются продуктом перемен XVIII в., нанесших колоссальный социальный урон*. Ландшафт Кубы или Китая преобразуется сейчас в широчайших масштабах, что происходило в США всего лишь сто лет назад. К худшему ли эти перемены? Чарующий ландшафт Норфолк Бродс — это всего лишь земли, заброшенные средневековыми рудознателями после истощения. Мы можем, разумеется, испытывать сомнения перед изменением нынешних форм по эстетическим или психологическим причинам или в связи с немедленными социальными потерями, но мы не можем поднимать знамя сохранения, за исключением тех случаев, когда резонно ожидать необратимых перемен и в особенности утраты навсегда какой-то ценности, которая может надолго оказаться полезной в будущем.

До недавнего времени консервация была ценностью исключительно для высшего и среднего слоев у нас в стране. Достаточно часто этой идеей прикрывались для защиты привилегий: не пускать крестьян в лес, туристов — на частные пляжи, небогатых — в пригороды. Столкновение между сохранением и социальной революцией всегда неизбежно — английская промышленная революция почти уничтожила леса Англии и покрыла ее землю сажей. Стремление населения Земли к достижению американского стандарта материального достатка может привести к грандиозному истощению энергии и материалов, к катастрофическому загрязнению среды в ходе ее растущей эксплуатации. Однако попытки установить международный контроль над загрязнением воспринимаются в развивающихся

* Линч имеет в виду известный процесс огораживания и сгона мелких арендаторов с земли в связи с бурным развитием овцеводства. (Прим. пер.)

странах как желание приостановить необходимое для них развитие — не без некоторых оснований. В США многие меры по охране среды, которые очевидным образом уменьшают доход или препятствуют повышению заработка, встречают решительное сопротивление. Как вообще осуществить необходимые социальные изменения, минуя состояние катастрофы? Срезовые ограничения, пригодные для богатых стран, не могут распространяться на другие без одновременного распространения тех же возможностей. Промышленное развитие Запада — довольно жалкая по содержанию модель, но поворот к чему-то другому требует глубоких структурных перемен в развитых странах.

Экологические принципы часто упоминаются как адекватные основы для принятия решений относительно окружения. Конечно, знание о разветвленных взаимосвязях между живыми организмами, между ними и средой их обитания играет роль в оценке дальних последствий какого-либо действия. По крайней мере это знание даст нам способность ощущать неожиданные реакции любого элемента системы в целом, которые могут сопутствовать отдельно взятому действию. Однако экологическое знание не совсем пригодно в качестве основания этической системы: эталон зрелой экологической системы — разнородной и стабильной системы, способной производить максимум биомассы или максимум энергообмена, — как-то не соответствует ни одной концепции человеческого рая. Такая система может с необходимостью иметь в числе своих элементов комаров, груды гниющей зелени, неприятный микроклимат и весьма ограниченное производство пригодной для человека пищи. Более того, мы не можем принять идеи стабильности, равновесия — наш мир должен меняться.

В конечном счете сугубо этическая точка зрения действительно видит человека как часть природы, и роль его в сосуществовании с другими видами, в заботе о них, в помощи им и всей экологической системе должна меняться и развиваться в некотором избранном направлении. Проблема в том, что основа для выбора и для сосуществования весьма далека от ясности. Для настоящего приходится ограничиться сохранением, ориентированным на человека, т. е. охраной ресурсов для человеческих нужд и заботой о том, чтобы не дать свершиться необратимому. Но это никоим образом не означает необходимости сохранять мир таким, какой он есть, хотя вполне возможно, что забота об окружении может способствовать смягчению завихрений при социальных переменных, действуя подобно маховику и тормозу при рискованном предприятии. Какой бы ни стала, наконец, наша этика, ясно, что принципы сохранения не могут выводиться лишь из физической природы универсума, происходя также из человеческих ценностей и надежд. И достаточно взгляда на ситуацию среды в развитых странах, чтобы убедиться в том, что те социальные перемены, которых мы действительно хотим, отнюдь не должны повлечь за собой распространение по всему свету североамериканских ценностей и стандартов.

Приспособляемость

Приспособляемость окружения — другая возможность оставить будущее открытым. Часто предшествующее развитие становится препятствием к достижению состояния, которое мы желаем иметь позже. Действительно, прежняя организация пространства, как правило, оказывается подверженной изменениям в будущем, однако слишком жесткая предварительная организация делает позднейшие изменения очень дорогостоящими или искажает их нежелательным образом. Выстроенная для функций капиталистического общества Гавана трудно поддается адаптации к задачам социализма. Лондон после пожара расширил улицы, ведущие от Темзы, чтобы немедленно убедиться в том, что товары все более подвозятся фургонами и все менее баржами. В результате транспорт захлебнулся в нерасширенных улицах, которые шли от ворот, ведущих в глубь страны. Хотя и отрекаясь от этого позже, главный герой «Семискатного дома»* обрушивается на идеал устойчивости [59]:

«Я верю, что мы доживем до такого дня, когда никто не станет строить дома для вечности... Нерезонно заказывать столь прочный костюм в расчете на то, что правнуки будут обладать точно такой же фигурой... Я сомневаюсь и в необходимости строить хотя бы одно общественное сооружение в столь устойчивом материале... Лучше, чтобы они раз в двадцать лет или около того приходили в такой упадок, который пробуждал бы у людей желание реформировать учреждения, символизируемые этими сооружениями».

Если мы в состоянии точно предвидеть грядущую перемену, то подготовка к ней в настоящем — чисто техническая задача, не более сложная, чем разработка операции развития как таковой. Предположим, однако, что мы хотим сократить число затруднений в будущем, не зная детально, в чем они будут заключаться. В строгом смысле такая обобщающая приспособляемость недостижима, поскольку ее нельзя ни оценить, ни испытать. Но опосредованно, исходя из предположения, что будущие перемены должны быть более или менее подобны происходившим в прошлом, мы можем выяснить, какие условия позволяли изменениям осуществиться более спокойно и плавно. Нередко это были ситуации, в которых изначально существовали избыточные возможности: свободное пространство, чрезмерно большой диаметр труб или массивные фундаменты. Водохранилище Куоббин в центре Массачусетса оценивалось в свое время как чрезмерное «до идиотизма» — в результате в течение долгих десятилетий Бостон был одной из немногих в Америке метрополий, не знающих проблем водоснабжения. Нью-Хейвен разрастался, заполняя первоначально неплотные кварталы. И хотя избыточные емкости означают дополнительные затраты в настоящем, нередко

* В русск. пер. 1852 г. «Дом с семи шпилями». Роман амер. писателя Натаниела Готорна (1804—1864), одно время увлекавшегося идеями Фурье и вступившего в фурьеристскую общину «Брук-Фарм». (Прим. пер.)

время доказывает, что эти затраты ничтожны по сравнению с достигнутой приспособляемостью, особенно если последняя обеспечена за счет низкой плотности и избыточного пространства.

Интенсивные транспортные коммуникации, дающие возможность быстрого перемещения людей, грузов, отходов и идей, — второе средство достижения приспособляемости или гибкости. В отличие от избыточного пространства расширенные коммуникационные возможности не требуют времени, чтобы обнаружить свою полезность, давая выгоды немедленно. Крупные города чрезвычайно эластичны как раз благодаря богатой коммуникационной сети, и именно легкость связей Лондона со страной и морем дала ему возможность столь быстро восстановиться после великого пожара.

В виде третьей возможности мы пространственно разделяем элементы, которые, вероятно, изменятся, от тех, которые скорее всего не будут изменяться. Так, несущие колонны широко расставляются в протяженном здании и отделены от ограждающих стен. Точно так же относительно постоянные жилые районы обособлены от коммерческих участков в городе, испытывающих перемены. Эффективность этого средства зависит, однако, от нашей способности отличить изменяемый элемент от неизменяемого. Те проекты идеального города, где во имя гибкости предлагаются мегаструктуры транспортных каналов, по которым могут ввозиться или вывозиться строительные элементы или архитектурные ячейки, демонстрируют, что их авторы забыли о том, что именно транспорт — одна из наиболее быстро меняющихся отраслей городской техники. Вполне возможно, что заурядные дороги могут использоваться еще очень долго, но этого же нельзя сказать с полной уверенностью о специфических видах путей: проектировщики могут ошибиться в разделении и соединении элементов. Скорее уж именно жилой район может рассчитывать на долгую и полезную жизнь. Иная возможность различать относительно подвижное и относительно стабильное заключается в том, чтобы как можно больше проектировать в виде автономных элементов, как это происходит при использовании отдельно стоящих объемов. Иначе говоря, элементы, применяемые в обычном жилищном строительстве с этой точки зрения желательно делать предельно независимыми один от другого. Именно по этой причине односемейные дома легче поддаются перестройке и перепланировке, чем многоквартирные.

«Растущие формы» — это уже четвертая стратегия: пространство для развития оставлено на концах, сторонах или в секторах. Для этой же цели могут быть использованы временные или мобильные элементы, наращиваемые или модульные структуры, наконец, не до конца специализированные формы или пространства. Временные элементы, однако, пригодны только в тех случаях, когда кратковременность жизни конструкции безусловна и когда, очевидно, дешевле строить временное, — иными словами, когда палатка может справиться с ролью дворца или дома. Гораздо чаще оказывается, что приемлемое временное сооружение или окружение в целом нем-

ногим дешевле стационарной альтернативы. Модульные и мобильные структуры пригодны там, где, по нашему твердому убеждению, сам модуль или модульный блок окажутся постоянно эффективными. Неспециализированную или универсальную форму весьма трудно определить, хотя вполне возможно подсчитать сложность трансформации различных форм (размеров помещений, пролетов, планировок) для переменных функций или найти в истории те прежние архитектурные формы, которые оказывались наиболее приспособляемыми во времени. Так, изучая историю британских больниц, Питер Коуэн обнаружил, что помещения площадью 12—15 кв. м были особенно легко приспособляемыми к множеству функций. Меньшие комнаты явно сопротивлялись переадаптации, за исключением немногих функций, а при увеличении помещений объем вариаций использования повышался крайне незначительно.

Очень гибкое, чрезмерно податливое окружение может приносить с собой как психологические, так и экономические потери: нечеткость и неизбежная нейтральность форм способна отрицательно влиять на поведение и размывать образ окружения. Для преодоления этого нужно или предпринимать специальные проектные меры, или обучать людей тому, как чувствовать себя комфортно в гибком окружении. Постоянные символические акценты — церковь, скала, старое дерево — помогают «держат» меняющуюся все время сцену. Зримая преемственность по отношению к близкому и потому относительно надежному будущему тоже способна привносить в подвижное окружение чувство стабильности, и к тому же люди до известной степени могут обучиться получать удовлетворение от раскрывающихся возможностей и неожиданности.

Обеспечение материальной гибкости, при всей ее желательности, все же остается довольно затруднительным. Возможно, что не менее эффективным оказались совершенствование техники сносов и перестройки. И уж во всяком случае столь же важно, если не важнее, улучшить технику контроля и принятия решений, на основе которых перестраивается окружение. Сокращение разрыва во времени между импульсом и реакцией, быстрые и эффективные коррективы, гибкий учет непредвиденных обстоятельств, децентрализация принятия решений между точками наилучшей информированности, экспериментирование и разработка альтернатив — все это может дать для приспособляемости гораздо больше, чем любые первоначальные физические характеристики адаптируемых вещей (хотя последними нельзя, разумеется, пренебрегать). Но если мы обсуждаем стратегию перепланировок, это означает, что мы вновь вернулись к интеллектуальным стереотипам восприятия перемен.

Так, можно обеспечить регенерацию конструкций и использования нашего сооружения, спроектировав его так, чтобы его можно было легко сломать или перестроить, или создав специальный фонд для освобождения участка и его экологической стабилизации как определенной части амортизационных расходов. Мы уже пришли к подобной технике как средству преодоления особенно чудо-

вищих примеров деградации среды вроде разработок ископаемых открытым способом. В Великобритании каждая тонна железной руды облагается налогом, который идет в фонд восстановления поверхности после окончания выработки. Этот прием можно использовать гораздо шире, однако создание подобного фонда требует относительно достоверной оценки затрат на будущее восстановление.

При рассмотрении проблемы отходов первое, что приходит в голову, — промышленные свалки и заброшенные дома в городах. Однако истощенные сельскохозяйственные земли и бывшие поля сражений встречаются еще чаще. Одно из главных несчастий, связанных с войнами и с приготовлениями к ним, заключается в огромных масштабах разрушения земель. Война уничтожает леса, оставляет в земле яды и взрывчатые вещества, лишает ее плодородного слоя массивными бомбардировками с земли и воздуха, маневрами танков и рытвем укреплений. Огромная территория, находящаяся в руках военного ведомства США (20 млн. акров, 1% территории нации или почти 10% территории урбанизированных зон агломераций), эквивалентна небольшой стране — это целая Португалия потерянной земли. В Великобритании Министерству обороны приходится в пять раз больше земли, чем та, что официально считается опустошенной рудными выработками и промышленностью.

Устарелое окружение подобно брошенным или разбитым автомобилям является особым видом загрязнения, той ценой, которую должны заплатить скорее нынешние пользователи, чем их позднейшие наследники. Должны быть найдены пути расчистки и восстановления участков после их использования, поскольку интенсивное использование чаще всего переходит в форму мелкомасштабного контроля. Один из путей — это периодическая национализация территорий, уже созревших для нового использования подобно зонам роста пригородов в США. Такую же роль могут сыграть долговременные арендные договоры, используемые для возвращения права собственности муниципалитету или передаче его крупному предприятию, обладающему достаточным капиталом и готовому вложить его в радикальное обновление территории. Возможно также, по крайней мере на определенных территориях, сохранение вечной собственности на землю в руках общественных институтов, которые пожизненно передавали бы ее в использование индивиду, оплачивающему ежегодный налог или ренту, с тем чтобы после его смерти и земля, и постройки на ней возвращались в общественную собственность. Во всяком случае нам необходимо самоограничивающее во времени окружение, так же как публичные учреждения с ограниченным временем существования.

Полезная гибкость — это не вечная и совершенно нейтральная пластичность, а скорее постоянная способность реагировать на перемены, чтобы эффективно достигать сменяющие одна другую цели. Такую гибкость следовало бы измерять, сопоставляя стоимость переадаптации существующих элементов окружения к вероятным

формам будущего использования и стоимость обеспечения этих будущих форм на совершенно пустом месте. Разумеется, такой индекс будет постоянно меняться по мере движения цен и изменения функций, но при этом обеспечивать сопоставимость для любого конкретного момента. Так мы смогли создать дополнительный количественный критерий экономической оценки территорий.

И достижение приспособляемости, и сохранение нуждаются в психологической поддержке не менее, чем в этическом обновлении. Неопределенность грядущих перемен будет до тех пор лугать нас, пока мы не научимся воспринимать их как нечто естественное и даже удобное. Устремленность в будущее и чувство преемственности — две стороны одной необходимости: если мы не находим связей с давно ушедшим прошлым, то их нечего и искать в некотором отдаленном будущем, представляющем собой некую вечную цель, которую невозможно достичь. И преемственность, и надежды на будущее необходимо искать в настоящем, в процессе становления и в направлении этого становления — ориентированное стремление, обновляющееся вновь и вновь.

Прототипы

Мы можем отзывать на будущее, не только сохраняя для него какие-то вещи и вырабатывая в себе приспособляемость к нему, но и за счет его создания. Хотя мы и привыкли составлять планы на будущее, они, как правило, представляют собой всего лишь смесь более или менее случайных предсказаний и попыток приспособиться к ним или сводятся лишь к организации некоторого нового пространства для привычных сюжетов. Мы редко исследуем возможности, являющиеся новыми в полном смысле слова, если только это не происходит чисто случайно, под давлением каких-то особых обстоятельств или в проектировании мелочей для продажи.

Утопические картины будущего страдают от многих несоответствий, обнаруживая свою неадекватность хотя бы в своем тощем, статичном единообразии. Весьма быстро обнаруживается, что жить в них было бы малопривлекательно. Посмотрите, например, на видения Данте. Ад и прошлое имеют все преимущества естественного. У типичных утопий отсутствуют очевидные связи с настоящим. Ценности, которые в них представлены, чрезвычайно ограничены — это надежды одной маленькой группы, опрокинутые на весь мир. Эти утопии не сыграли заметной роли в истории, но нас продолжает притягивать потенциальная направляющая функция этих снов о будущем. Утопические идеи и эксперименты вновь живы сегодня, но независимо от содержания и они должны бы быть сложнее, живее, более наполненными сутью жизни, уже известной людям, чтобы овладеть нашим воображением. Для этого они должны вырастать из сегодняшнего дня и быть подвижными.

Возможно ли предпринять более реалистическое исследование «среднего» будущего и могут ли существовать учреждения, которые

специализировались бы на создании, испытании и распространении альтернативных форм образа жизни? Генераторы прототипов такого рода сугубо проблематичны, и можно их выдумать или нет, но нам действительно нужны какие-то формы перспективного проектирования или изобретения будущего — открытая лаборатория по исследованию новых форм бытия. Поиск и оценка — положительные формы сохранения будущего открытым, подобно тому как образ настоящего как ориентированного стремления есть положительный подход к этому будущему. Взаимодополняясь, они уравнивают «негативные» инструменты движения: сохранение и удержание гибкости окружения; «объективный» расчет затрат и выгод на долгую перспективу. По мере того, как будут обнаруживаться желаемые возможности будущего и прослеживаться их связи с настоящим, мы или узнаем, что надо делать сейчас, или по меньшей мере что не надо делать, чтобы желательные возможные изменения не оказались вычеркнуты из будущего. С технической точки зрения это более прямой тип анализа, чем тот, что представлен сохранением общей приспособляемости.

Нежелательное будущее

Стремясь приоткрыть будущее, мы вовсе не должны стремиться держать его широко открытым, способным превратиться в нечто совершенно иное, хотя и представимое. Это не только было бы нелепо, но и теоретически трудно осуществимо — психологический стресс от столь неопределенного будущего был бы невыносим для многих, если не большинства. Наша цель более скромна: во-первых, обеспечить выживание (сохранение жизни, преемственность) в приемлемых условиях; во-вторых, сохранить несколько ясных и желанных альтернатив в качестве открытого впереди выбора. Никто не в состоянии осуществить выбор среди бесчисленных возможностей, немногие могут работать с большим числом возможностей. Люди просто прочно привязываются к определенному стилю жизни и со страстным убеждением отстаивают все формы связанного с ним поведения. Принимая тем самым одно генеральное решение, они оказываются в состоянии избежать пугающего множества вариантов в меньших вещах. Естественно, что мы предпочитаем свести возможность выбора к нескольким существенным альтернативам, каждая из которых обладает ясностью привлекающих сторон. Именно это заставляет нас осмысливать действительное содержание относительной привлекательности, т. е. определять, в каком направлении движущимся хотели бы мы видеть будущее, не будучи в состоянии ни предсказывать, ни контролировать темп перемен, не зная деталей и не завися от какого-то неотвратимого конечного срока. В общих словах, мы представляем как желательное все то, что ведет к развитию человека, открытое, справедливое, воодушевленное и т. п.

Поскольку неопределенность, необходимость выбора среди многообразия — вещи беспокоящие, определенность будущего иногда навязывается произвольно. Это делают через оглашение или законодательным путем, и само окружение может быть стабилизирующим. Так, новая транзитная линия привязывается к центру поселения, а новый парк «навсегда естествен» и т. п. Такие решения относительно окружения сознательно закрывают будущее вместо того, чтобы открывать его. Замкнутость может оказываться желательной, когда возникает задача сохранить ограниченные ресурсы, или устранить угрозу, или внести неопределенность и множественность к представимому объему, или, наконец, — парадоксально, но сохранить возможность выбора (сохраняя, например, некоторую степень разнообразия окружения). В самом деле, когда мы достигнем стабильности населения и соответственно стабильного распределения возрастных групп, мы сможем воспринять соответствующее изменение психологического климата. Несомненно, что в этом случае новизна будет акцентироваться в меньшей степени, чем преемственность и стабильность ожиданий.

Однако у будущего много сюрпризов, и попытки отлить его в четкие формы могут приводить к пугающим деформациям: транзитная трасса может оказаться ненужной и заброшенной, а парк может стать озорной базой преступного синдиката. В связи с этим наша ответственность перед будущим состоит не в том, чтобы навязывать ему готовые формы, а в том, чтобы заботиться о нем, сохраняя ресурсы, удерживая возможности развития открытыми и культивируя способность реагировать на изменения в настоящем.

Это действия, поддающиеся этической и эстетической интернализации, что может превращать их в нечто, приносящее удовлетворение и сейчас. В совокупности их следовало бы назвать «сохранением будущего» по аналогии с подобными действиями в настоящем, называемыми «сохранением прошлого». Как сохранение наследия предполагает избавление от неприемлемого прошлого, так и сохранение будущего нуждается в избавлении от нежелательного будущего — запутанности выбора, событий, выходящих из-под контроля современными формами деятельности, бессмысленных возможностей, бесчеловечности. Получать удовлетворение от перемен, а не только пассивно переживать их следует еще научиться, т. е. научиться созданию и отбору среди разветвлений будущего. Уже молодых следует обучить представлять будущее как возможность: анализировать прогнозы, писать повести или делать фильмы о будущей жизни, писать свои будущие автобиографии — все это обогащение настоящего. Мир не начал меняться вдруг — он менялся всегда и, вполне возможно, не медленнее, чем сейчас. Однако меняется наше отношение к переменам: мы учимся видеть мир как процесс и по возможности принимать его именно как процесс. Мы видим также немало опасных сдвигов впереди: перемен внутри общества, в семье, в создании человека и его теле, в живом и неживом мире вокруг. У всего есть будущее в том смысле, что грядущие события неотврати-

мо выстраиваются в цепь, поэтому терять можно другое — целостный мысленный образ, охватывающий возможные события и связывающий их с настоящим. Такая потеря была бы чрезвычайно мучительной, ибо она означала бы потерю самих себя.

Должно произойти немало политических и социальных перемен, прежде чем удастся построить образ будущего. Его не построишь из проповедей и увещеваний, но окружение может сыграть в этом строгательном процессе не последнюю роль. В самом деле, изменения в настоящем можно сделать понятными; изменения в прошлом можно объяснить (вместо идилического «однажды давным-давно»); связь с ближайшим будущим можно показать; и сохранение, и приспособляемость можно превратить во внутренние императивы, приносящие удовлетворение в настоящем; эксперименты и «музеи будущего» способны расширить диапазон будущих возможностей. Иными словами, пространственное и временное окружение можно использовать для формирования отношения к будущему, тогда как само это отношение служит шифром к формуле изменения мира.

Изменения, которые сделаны видимыми

Мы выстраиваем образ мира из материала, предоставляемого нашими чувствами. Предъявляя этот материал в новых формах, художественные открытия меняют нашу чувствительность: то, что мы видим, то, как мы воспринимаем мир, и то, как мы смотрим. Хочется подчеркнуть один специфический аспект этого общего процесса: возникли новые временные манипуляции окружением, которые не только для нас привлекательны, но и обостряют наш образ времени, помогая «защипать» разрыв между сугубо абстрактной идеей и ее эмоциональным переживанием.

Возможности выражения времени через ландшафт почти не раскрыты, а соответствующие приемы малозвестны. Поэтому в поисках опоры мы обращаемся к тем искусствам, которые издавна занимались временем.

Так, литература способна организовать время в наибольшем охвате по сравнению с другими искусствами, представляя его гигантские интервалы: ее можно воспринимать, читая или слушая, в течение целых дней или недель. Художественная литература — богатейший источник информации относительно образов времени, что служит одной из ее наиболее устойчивых тем. Однако техника литературы лишь в самом обобщенном виде может представлять для нас какой-то интерес. Ландшафт не сведешь к застывшей поэзии (или к застывшей музыке), хотя он может вдохновлять поэзию или находить выражение через нее. Временные искусства — танец, музыка, театр — охватывают максимальный промежуток в несколько часов. Временная непрерывность в них в наибольшей степени близка к восприятию окружения, однако техника этих искусств, применяемая буквально, может быть полезна только в организации

быстрых перемен, на которых осознанно фокусируется внимание аудитории.

Живописцы и скульпторы также иногда обращаются к выражению динамических образов. Этим увлекался Тернер, этим увлекались футуристы, пытавшиеся создать образ внутренней жизни вещей — живых и неживых — и показать их связь с окружением. Они использовали искажения, взаимопроникновения, силовые линии, яркие контрасты. Они взламывали абрис предметов, показывая их в непрерывном движении, накладывая одна на другую фазы существования того же образа во времени, подобно тому, как кубисты совмещали различные перспективы, отображая движение наблюдателя. Футуристы использовали серии отображений различных фигур, чтобы совместить действия, на самом деле происходящие в различные моменты. Все эти средства стали уже казаться столь естественными, что подлинная «мгновенная» фотография, замораживающая реальное движение, выглядит странным образом нереалистичной. Нередко мы не в состоянии ощутить реальное движение столь же остро, как воображаемое движение в художественно избранном и «фальсифицированном» моменте действия.

Время представлено и в тех произведениях искусства, которые выглядят достаточно статичными. Этьен Сурио показал, что «Пастухи в Аркадии» Пуссена передают ритмы жизни и смерти, возврат к прошлому и движение в будущее. «Симфония, фильм, балет покоятся на ложе времени... но живописцы, в силу еще более тонкой магии, становятся господами нематериального времени... мира, временные измерения которого могут растягиваться и сжиматься странно подвижным образом. То краткий и хрупкий миг блистательно выступает на поверхность, то вдруг протяженность вселенной обретает себе эквивалент в вечности» [96].

Сурио считает Канта виновником возникновения ложного противопоставления «пространственных» искусств «временным» — различения, которое Кант ввел, чтобы предоставить музыке и поэзии наивысший ранг в силу их предполагаемой монополии на сугубо человеческое овладение временем. Непосредственно контрастна этому увлеченность многих художников торжественным празднованием данного момента и его vitalной силой. Несомненно, пластические искусства насыщены временными темами, и все же лишь при особых обстоятельствах их техника может быть применена к проектированию окружения.

Из всех искусств скорее всего кино наиболее значимо для нас, коль скоро его материальной подосновой является зримое изменение. Его популярность не только как зрелища, но и как творческой коммуникации среди молодых режиссеров отражает близость к возникающему у нас восприятию мира как процесса. Кино использует движение и во времени, и в пространстве, в отношении к зрителю, который и сам движется и меняется. В кино время можно ускорять и замедлять, останавливать и поворачивать в обратном направлении, искривлять в любом направлении. Все эти искажения вызывают

у зрителя сильный эмоциональный отклик. В отличие от литературы здесь нет открытого предъявления слияния и напряженности потоков времени, что может порождать недоумения, но зато дает огромную свободу и силу внезапности. Как и в проектировании среды, потенциальные измерения фильма богаты и сложны: цвет, свет, форма, движение, повествование, звук, диалоги. Фильмы обычно рассказывают о чем-то, но их подосновой является ритм внимания, навязываемый последовательностью сцен и эпизодов, и этот ритм должен соответствовать ожиданиям аудитории и ее готовности к его принятию.

Сопоставление и столкновение эпизодов рождает в сознании зрителя ассоциативные образы, и несколько разных времен можно сжать в один короткий интервал. Различные эмоции сопряжены с пространственной позицией — верх, низ, сзади, спереди, к, от, пространство, стиснутое, — но в еще большей степени с условиями времени: прошлое, будущее, быстрое, медленное, ожидание, неожиданность. Пространство и время влияют одно на другое: идея пространства выстраивается из временной последовательности сцен, время обогащается наполненностью пространственными ощущениями. Камера движется в обоих измерениях, трансформируя одно в другое и переводя их оба в эмоциональную согласованность. Во всех этих средствах мы можем обнаружить продуктивные аналоги для проектирования окружения. Однако ключевые различия неустрапимы: в окружении внимание, как правило, не так детерминировано и не столь протяжено, поток образов не поддается обычно контролю, а формой нельзя столь свободно и быстро манипулировать.

Роль времени в проектировании окружения обычно оказывалась второстепенной или незначительной. Подлинным исключением были процессии и их пространственное оформление: приближение к бою, к королю, мертвым. С другой стороны, ландшафтная архитектура, особенно в японских садах для прогулок или английских парках романтической эпохи, отработала метод изображения грандиозного ландшафта через серию последовательно воспринимаемых контрастных одна другой картин. Поскольку к тому же здесь использовался живой материал, в этих садах разыграна и последовательность состояний — роста или упадка во времени. Эти последовательности уже не были никем запланированы — сады обычно проектируются так, чтобы придать некоторое желанное состояние в определенный момент, даже если он отодвинут вперед на несколько поколений. Однако старинные парки обычно имеют особое очарование, приносимое зрелостью и некоторой заброшенностью.

Все эти примеры — далекое прошлое. Если сегодня ставить задачу проектирования окружения как чего-то организованного во времени или являющегося знаком времени, то в нашем распоряжении немало общих методических средств. Одно из них — зримое накопление знаков прошлых событий, что придает очевидность глубине исторического времени. Другое — выделение сопутствующих и вместе с тем контрастных между собой состояний, что передает

намоущение ритмики времени через контраст нынешнего состояния с тем, о котором помнят, и с тем, которое ожидается. Третье — прямое предъявление перемен окружения, когда за счет трансформаций мизансцен или изменения позиции наблюдателя перемены становятся достаточно осязаемыми, чтобы быть воспринятыми в настоящем. Наконец, нам доступны средства символического ускорения или замедления тех изменений, которые иначе проходят незамеченными, будучи слишком неспешными или слишком мгновенными, чтобы мы могли их уловить нашими чувствами. У всех названных методов собственный характер — ни один из них не используется сегодня сколько-нибудь систематически; их потенциальные возможности составляют содержание этой главы.

Временной коллаж

Нам хорошо знакомы зримые нагромождения исторических событий: сопоставление старого и нового повествует о ходе времени, иногда удивительно красноречиво. Древнегреческие храмы в Селинунте возвышаются из моря едва раскрывшихся диких цветов; римский амфитеатр в Лукке превратился в овальное кольцо домов вокруг рыночной площади. Деревня Эйвбери стоит внутри неолитических валов, и ее дома и овцы разделяют одно общее пространство со старыми камнями. Особенно крупными хранилищами времени являются большие соборы: Кентерберн не столько красив, сколько внушает благоговение как святое место, используемое и перестраиваемое от столетия к столетию. С северной стороны огромное здание превращается в руину. В Сиракузах дорический скелет собора торчит из его средневековой кожи. Все это не столь частые примеры, отнюдь не задуманные в качестве таковых, хотя теперь, когда они уже есть, их можно сознательно сохранять именно в этом качестве.

Научная реставрация тщательно различает новодел от подлинных остатков и стремится восстановить «подлинность» окружения и оснащения сооружения, опираясь на раз и навсегда установленное «правильное» время (символические предметы принято считать вечными теми же самыми, тогда как рабочие инструменты, например, охотно заменяются новыми). Выдвигается требование, чтобы необходимые новые постройки «соответствовали» старым или путем откровенной имитации, или за счет некой общности размеров, масштаба, материала или формы. Однако втайне мы испытываем удовольствие от смешанности нового со старым.

Древности производят наибольшее впечатление в одном из двух контекстов: или когда они совершенно изолированы в каком-то дилом и одиноком месте, укрытом или возвышенном; или в тесном контакте с современной жизнью, когда они вырастают в ее гущу. Есть немало впечатляющих сооружений, в которых древняя конструкция преобразована для современных целей и все эстетическое преимущество достигнуто за счет контраста форм. Новое целое оказывается более выразительным, чем первоначальное сооружение или то, что

могло бы встать на его место. Частичное разрушение старинного центра Буды в Венгрии во время второй мировой войны обнажило средневековый каркас. К счастью, руины не пытались отстроить ни в средневековых, ни в барочных формах. Были сохранены фрагменты всех периодов, построены новые здания, и достройка в современном духе включила эти старинные фрагменты. Здания XIX в. были частью перестроены и частью восстановлены, а «замочные скважины» на фасадах домов позволяют увидеть древние остатки в спрятанных от глаз слоях.

Нетрудно вообразить изменения, которые шли бы еще дальше, отбирая и сталкивая между собой не только видимые формы, но и исторические смыслы. Тогда история места была бы не просто вежливым введением к сообщению, а серией событий, предъявленных зримо и противопоставленных контрапунктом в формировании нового. Например, были предложения превратить Фортецца да Бассо во Флоренции в общественный рекреационный центр, однако, несмотря на любопытный визуальный контраст форм нового парка и старых укреплений, сам драматизм преобразования крепости в Луна-парк не был осущитим в проектах. Крепость была враждебным включением в город, осуществленным Медичи с целью удержания горожан в подчинении. Раскрыть ее для общественных увеселений означало бы полный переворот ее исторической роли.

Такой подход не назовешь охраной, хотя он включает тщательное и уважительное отношение к истории. Он может включать и разрушение и уж во всяком случае переделки, он требует интерпретации истории, которая может быть и ошибочной, ибо меняется от поколения к поколению. Отбор остатков прошлого, зрительную подачу которых следует усилить, представляет собой уже следствие этой интерпретации. «Наслоение» нередко используется как осознанное средство эстетической выразительности — зримое нагромождение накладывающихся следов от сменявших друг друга периодов, причём каждый след изменен новыми добавлениями и сам видоизменяется, создает что-то вроде временного коллажа. Именно чувство глубины в старом городе привлекает нас с такой силой. Раскрытые руины скрывают под собой еще не открытые слои: римские термы и их водоток сохраняются под банями XVIII в., а декоративная горка в саду Кентерберн у средневековой стены представляет собой обработанный заново доисторический курган.

При практическом применении этого метода часть прежних трансформаций сохраняется, тогда как другие устраняются; обнажаются старые элементы, а новые помещаются там, где они способны вызвать наибольший формальный и ассоциативный резонанс. Все в целом приобретает характер сложной и свободной организации, в чем-то постоянно неожиданной и потому двусмысленно неопределенной. Эта методика предполагает, что должно оставаться достаточно места для наложения новых слоев и что знаки будущего, в том смысле, который был раскрыт выше, должны включиться в общий коллаж. Материалы следует подбирать исходя из их характерной способности

покрываться следами времени: не только знакомый мягкий серый цвет шифера и зелень меди, но и стертость ступеней и то, как пыль, осаждающаяся на глубоких рельефах, заставляет их казаться освещенными снизу. «Чем более я размышляю о стали, — пишет Роберт Смитсон, — тем в большей степени ржавчина проступает как ее фундаментальное свойство... Для технологического мышления ржавчина связана со страхом перед старением, выпадением из использования, энтропией, разрушением. То, что сталь ценится помимо ржавчины и без нее, составляет техническую ценность, но не художественную» [93]. Контрасты, порождаемые старением, необходимо использовать художественным образом: постоянство тайной твердости кремния, например, мягкой эрозии теплоокрашенного кирпича. Надежды и страхи, связанные с близким будущим, должны сегодня выступить на поверхность. Нужно видеть, что Венеция тонет. Рисунок зрелого дерева может сопровождать росток. Знаки прошлого и будущего могут служить материалом эстетического контраста и связности. Идите в ожидании исполнения исторических циклов отстроили башню в Бадаи и выскек на ней: «... и пусть сохранятся эти буквы, когда все вновь в руину обратится».

Можно «заимствовать» время, чтобы расширить настоящее, точно так же, как можно зрительно «занять» у обширного внешнего пространства, чтобы увеличить небольшое помещение. Мы предлагаем усилить и усложнить чувство местного времени, так же как можно предложить интенсифицировать и обогатить формы деятельности. Подобное сопоставление времен может быть достаточно сильным, чтобы вызвать специфическое ощущение, будто прошлое, настоящее и будущее на какой-то момент таинственным образом совпадают между собой.

В подобной методике скрыты свои опасности. С ее помощью можно нагромоздить бессмысленные контрасты живописных фрагментов или начать их сознательно производить: псевдоисторические наименования улиц или пузырчатое стекло, изготавливаемое на конвейере (впрочем, надо иметь в виду, что для случайного туриста и такая фальшивая история может оказаться немалым удовольствием). Искусство временного коллажа не рассчитано на вечность, поскольку история, известная сегодня, может оказаться неверной или неточной завтра, но и само это изменение обладает выразительностью отображения времени. Это весьма утонченное проектирование, нуждающееся в понимающей аудитории. Эта техника годится скорее для ключевых сооружений и участков, чем для широкого распространения, поскольку в большинстве мест достаточно простого сохранения следов прошлого и будущего, чтобы придать им символическую глубину и зрительный резонанс.

Коллаж — не простая смесь старого и нового. Это результат эстетической оценки и художественного суждения, осознанное сопоставление, казалось бы, несвязанных элементов, с тем чтобы форма и значение каждого усиливали одна другую и вместе с тем достигалась бы общая цельность. В общем виде коллаж можно исполь-

зовать в проектировании крупномасштабного окружения: сохранение и художественный контраст участков разного возраста, соединения их путями или звеньями активности, введение влохняющих новых видов деятельности в старую оболочку контрастного значения. Большой ландшафтный парк в Стоу, который формировался целое столетие рядом проектировщиков и меценатов в ходе смены вкусов, выросал именно таким образом, — каждый следующий замысел использовал смысл, заложенный в предыдущем, и отзывался на него.

Контрастность эпизодов

Если временной коллаж несет в себе отнесенность к историческим переменам, то ритмический рисунок событий передает еще более острое чувство времени. Мы привыкли к временному эффекту эпизодических изменений. Если они цикличны и достаточно близки по времени, образ того, как было, и того, как будет, работает на усиление образа, формируемого в данный момент. Есть глубинная последовательность существования формы, принимающая на себя новые оттенки при солнечном свете, или зимой, или в пустоте. Эти эпизоды имеют характерное содержание, их разделяют быстрые переходы в существовании формы, кажущейся вневременной. Возвращение через интервал принадлежит тому классу перемен, к которому мы относимся с симпатией, и мы нередко пытаемся втиснуть весь меняющийся мир в эту комфортабельную схему. Зрительно обогащая периодичность, мы используем наиболее элементарную форму переживания времени. Сам процесс изменения не включается внутрь художественного эффекта; мы жадно впитываем уникальные качества контрастирующих между собой эпизодов. Они не соотносятся с переменами за границами нашей персональной памяти, связываясь с памятным нам опытом, и будущее оказывается здесь с нами, поскольку все будет примерно так, как мы знали в прошлом.

Сбрасывающие листья деревья — классический пример подобного эффекта. Их летняя и зимняя формы резко различны, но и логически, и зрительно связаны одна с другой, и каждая из этих форм сопряжена с целым пучком эмоциональных значений. Между ними существуют относительно быстрые и резкие переходы: весенние почки, осенняя листва. Цикл хорошо знаком, и в каждой форме мы в состоянии разглядеть тень ее противоположности. У этого ритма немало аналогий в ряде аспектов человеческой жизни.

Мы отмечаем множество контрастов такого типа, получая от этого явное удовлетворение: замерзшая и летняя гладь озер, толпа или пустота на Уолл-стрит, морской берег в шторм и штиль, Бродвей днем и ночью. Перемены, разделенные более долгими отрезками времени, тоже производят на нас впечатление, если они выстраиваются в сознании как остро контрастирующие состояния: свежеекрашенный или почерневший дом, дом, полный детей или молча-

ливый, — контраст, существующий в памяти, отзываясь в настоящем.

Мы наслаждаемся подобными эффектами, наталкиваясь на них; иногда мы создаем их средствами журналистики и фотографии там, где они едва намечены, но крайне редко предпринимаем попытки создания их в действительности. Тем не менее проектировщик должен постоянно и сознательно стремиться к возникновению таких эффектов. Это означает рассмотрение тех колебаний функционального использования или погодных условий, которые будет переживать объект, и такая его организация, при которой он, не теряя фундаментальной цельности, принимал бы в каждом случае характерный и запоминающийся облик. Ландшафтные архитекторы умеют представлять себе растительность в разные времена года и (реже) при разном освещении. Здания тоже можно проектировать для искусственного освещения и для солнечных лучей, для наполненности и пустоты, для обновленности и некоторого обветшания. Другие задачи такого рода решаются труднее, когда, скажем, надо создать зал, который выглядел бы четко и привлекательно как со множеством людей, так и почти пустой; паркинг или участок для летнего лагеря, который был бы красив, будучи и занят, и пуст. Окружение в крупном масштабе вряд ли когда-либо рассматривалось с этой точки зрения, хотя мы и ощущаем иной раз случайно возникающие эффекты. В этой размерности циклы активности и покоя, ночи и дня, жары и холода, праздника и будней представляют собой потенциально мощный источник художественного наслаждения.

Окружение совсем не обязательно должно пассивно принимать циклические изменения, оно может их резко драматизировать: ночное освещение способно вывернуть наизнанку дневную светотень, акустические поверхности — принять такую форму, чтобы усилить звуки в часы тишины, мобильные укрытия и оборудование — меняться, чтобы подчеркнуть смену времен года. Вполне возможно, что удастся создать такие фасадные покрытия, что они будут менять цвет и фактуру в зависимости от колебаний погоды — ведь используется же в ландшафтной архитектуре растительность иной раз только ради ее яркого осеннего убора.

Люди меняют убранство своих домов, и, если бы осмысленным приемом дизайна интерьера учили более широко, они могли бы делать это в форме выразительного циклического процесса. Большинство эпизодических контрастов представляют собой всего лишь использование и усиление каких-то внешних изменений. Вполне возможно, что окружение может менять свои формы без соответствующих внешних воздействий. Тогда оно уподобилось бы природному ландшафту, обладающему собственным ритмом.

Эпизодические изменения способны образовывать отличный фон для празднеств. Знакомое окружение может быть преобразовано ради оформления особых повторяющихся сюжетов-событий. Тогда и обособленность события по отношению к обыденной жизни, и его связанность с ней могут стать зримыми для всех. Для многих поколе-

ний такую роль играли школьные балы, да и сейчас время от времени равномерность среды нарушается тайнами на открытом воздухе или праздничной иллюминацией, и многие из нас хранят в памяти прекрасные карнавалы в чужеземных городах. Но мы в Соединенных Штатах крайне редко стремимся решительно изменять общественное пространство на короткий промежуток времени. Мишура, свисающая с фонарных столбов на торговых улицах во время Рождества, — довольно жалкое зрелище. Блеск и очарование временной архитектуры стали забытым удовольствием.

В какие-то моменты жизни каждый испытывал совершенно особенное чувство «взвешенности» момента, «великого настоящего», которое поглощает все наше внимание. Это очень интенсивное и таинственное личное переживание. Тогда вещи даны нам как бы непосредственно, без закрывающей их обычно вуали конвенциональных значений. Внутренний и внешний миры соединяются, и мы кажемся себе сами частью ландшафта, представшего перед глазами. Это не остановка времени, а чувство исполненной жизненной силы «застылости», в которой и изменение, и время предощущаются вместе. Вечность и мимолетность, быстрые биологические ритмы и долгие циклы изменений — все, кажется, собирается воедино. Мы создаем тогда необычайно широкое, связанное и интенсивное мгновение настоящего. Это ощущение отнюдь не легко пробуждается, но сила исполненного жизни столкновения с живыми вещами, думается, в известные моменты способна его вызвать. Такое может случиться в пещере, на вершине горы, в саду или у воды, в каком-то неожиданном месте, куда нелегко добраться... все вдруг кажется свежим, новым, непривычным и странноватым. Французский философ Гастон Башлар [28] отмечает, что подобные места обладают магической способностью вызывать застывание времени. Сильное оформление какого-то эпизода способно вызвать у нас переживание этого чувства, было вечным настоящим примитивного общества.

Приобретая такую возможность, опытный проектировщик всегда уделяет особое внимание переходу от эпизода к эпизоду. Переходы, которые мы обычно именуем началами и концами, — это те точки, с помощью которых мы, как правило, организуем никогда не прекращающийся поток событий. За исключением очень кратких промежутков времени, мы ведь вообще не способны уловить поток, если он не обозначен такими точками. Переход, если только удастся сделать его достаточно быстрым и ярким, является наиболее впечатляющей кульминацией — мимолетной, двусмысленной, подвижной. Закат и рассвет, новые листья на голых ветвях, быстрый процесс обесцвечивания ландшафта в Новой Англии, последний день летнего отпуска, сбор публики в фойе или подъем занавеса, спешащие домой служащие, заполнившие улицы, — все это типичные клише, и, как всякие добротные клише, они никогда не теряют привлекательности. Иногда проектировщики создают специальную переходную форму или даже пытаются придать форму самому акту трансформации: сама смена декораций может играть роль ритуала.

Разрушение здания само по себе есть спектакль, хотя и не опирающийся на драматизованное либретто. Рушащаяся кровля горящего здания, падение взорванной фабричной трубы — возбуждающие мгновения, хотя мы и испытываем некоторый стыд, признаваясь в этом. Поскольку, как уже утверждалось, разрушение и смерть окружения могут играть столь же существенную роль, что и его создание, почему мы должны отказываться от того, чтобы отметить эти мгновения как значительные? Более того, разве нельзя спроектировать здание так, чтобы его можно было хорошо разрушить — не просто легко, но и артистично? (Странноватая идея!) Когда нечто «пережило себя» и должно исчезнуть, это может стать и визуальным событием, и необходимой формой изменения. Мы обычно крайне односторонне сосредоточиваем внимание на открытиях и началах, но была же ведь знаменитая ночь прощального карнавала в гетто Флоренции перед тем, как его снесли в 1886 году!

Иные находят особый вкус в переходных стадиях длительных процессов, испытывая удовлетворение теми моментами, когда зрелость переходит в упадок, когда преходящая сущность вещей проявляется со всей силой. Я отнюдь не сторонник эстетики упадка и не собираюсь строить фальшивые руины, чем так увлекались в прошлом. Но мы вполне могли бы научиться обнаруживать и использовать эстетические возможности мест, которые уже находятся в упадке или уже не поддаются обновлению по не зависящим от нас причинам. Мы могли бы также специально подчеркивать грубоватую новизну и находить удовольствие во временных декорациях. Можно вообразить достаточно крупные фрагменты окружения вроде «парков» трейлеров или садов, где производилась бы периодическая перепланировка — по чисто эстетическим мотивам, возможно, полностью совмещенным с функциональной необходимостью.

Хранящийся в памяти контраст между эпизодами усиливается за счет символического напоминания о предыдущем состоянии. Знайки-японцы вывешивают картины весны в зимнем сумраке и заснеженные сны в разгар весны. Обнаженное дерево в зеленеющем саду напоминает о зиме, а оранжерея, присыпанная снегом, — о лете. Оживление в густоте сумерек особенно заметно, если оно наблюдается в районе, который мы ожидаем увидеть пустынным в этот час (скажем, набредя на Йорквилль в Торонто*). Возможна и более абстрагированная символика: кинофильмы, звукозаписи или иные формы воспроизведения предшествовавшего и наступающего состояний.

Демонстрация перемен

Все описанное относится к использованию широко распространенного образа времени, хранящегося в памяти. Однако перемены в окружении могут быть продемонстрированы и прямо, в манере,

* Имеется в виду городок Йоркского университета, одного из двух университетов Торонто. (Прим. пер.)

близкой к способу их реального осуществления, но использующей процесс изменений как художественный материал. Мы теперь воспринимаем скорее непрерывность движения, чем резко сменяющие один другой эпизоды, а это движение не должно быть ни слишком быстрым, ни слишком медленным, учитывая ограниченную способность нашего восприятия. Мы непременно должны видеть или слышать, или ощущать нечто меняющимся, составляя аудиторию, внимательно приглядывающуюся ко всему процессу или по крайней мере к основному его содержанию. Естественно, что здесь требуется контроль над всеми параметрами перемен.

Мы редко имеем возможность наблюдать демонстрацию перемен, так как большинство элементов окружения меняется слишком медленно и нам не удастся обеспечить деликатный контроль над формой этих перемен. Представления класса «звук и свет» являются сегодня наиболее знакомым примером: ночью, на глазах досужей публики игра искусственного света и звукозапись используются для драматизации некоего исторического места. Однако существуют куда более фантастичные природные демонстрации перемен: пламя, тучи, закаты, текущая вода, прибой, колебание трав на ветру. Гибель здания в разрушительном пожаре или извержение вулкана являются собой зрелища, необходимо привлекающие внимание. Примерами рукотворных явлений такого рода служат фейерверки, игра воды в фонтанах или тщательно отрежиссированные карнавалы. Притом, что художественная формула здесь остается бедной и однозначной, подобные зрелища оказываются захватывающими или даже трогательными: такова полночь в праздничестве православной пасхи, когда новый огонь от алтаря передается от свечки к свечке и золотистые отблески растекаются до краев темной церкви.

Эти художественные возможности близки тем, что используются кино. Контроль правда, менее строг, внимание более рассеяно, но эти недостатки компенсируются масштабностью и значимостью подключенных в целое элементов. На неподвижном, статичном фоне постоянного окружения элементы, включаемые в игру, приобретают особо подвижный характер: свет, звук, дым, вода, жесты людей, сложные машины. Такие зрелища следует приберегать для существенных событий и значительной аудитории, и они не могут длиться более нескольких часов. Здесь могут использоваться хорошо знакомые средства временной организации: развитие, замедление, кульминация, контрапункт, контраст, вариация темпа, ритм, переходы. Однако основная структура целого должна быть простой до элементарности — использование ясных повторных ритмов, выделение крупных эпизодов, нарастание к какой-то кульминации. Когда предметы двигаются один относительно другого и последовательно высвечиваются, возможно включить также отголоски некоторых приемов кинематографа: иллюзии свободного течения времени или обратимости времени. Однако в сфере общественной жизни моменты произвольной дезориентации следует использовать с умеренностью. Необходимо учесть, что представления названного

типа могут быть особенно удачны там, где чувственная стимуляция была бы без них притуплена монотонностью: интерьеры или подземные пространства, например. Во всех остальных случаях для представлений можно выделить специальные зоны, подобные садам развлечений Лондона XVIII в. с их яркой иллюминацией, концертами, театром, танцами. Дизайнер события может безусловно использовать пространственное представление как ключевое звено общей программы, вставляя в него при желании театрализованное будущее.

Чисто технические возможности, используемые в представлениях «звук и свет», уже достаточны для создания сильных средовых спектаклей. До сих пор, однако, они использовались больше всего в рамках кинетического искусства и шоу. Сегодня их можно распространить на масштаб города. В самом деле, огни города уже сейчас куда интереснее, чем ordinarily «психоделическое» шоу*, а свет костров на большой территории издавна был важным моментом празднеств. Городские огни — масштабная вещь, связывающая зрителя с местами концентрации внимания. Лондонская Трафальгарская площадь в субботнюю ночь — естественный спектакль: сочетание теплого и холодного света, переливы люминесценции, игра теней, движущихся линий, цветных букв, ярких точек; подсвеченные купола и башни. Над всем этим зависшая луна, отражающаяся в эмалевой скорлупе автомобилей.

Освещение города может программно выхватывать из ночи движение автомобилей, поездов и самолетов, высвечивать ориентиры, указывать направление, время, погоду; очерчивать реки и внешние границы, указывать на собравшиеся толпы и подчеркивать важные события, оконтуривать деревья, соперничать с луной и обыгрывать тучи; собираться из огней в руках людей. Множество зажигающихся и гаснущих или меняющих цвет и яркость огней может пульсировать, отвечая некоему внутреннему ритму. Новые возможности электронной музыки могут дать специфически встроенный аккомпанемент для такого мобильного пространственного зрелища. Можно ли подобным образом организовать звуки города? Это и менее вероятно и, может, менее заманчиво, но сама возможность стоит того, чтобы ее рассмотреть.

Отсутствие четкой программы может оборачиваться преимуществом, подобно тому, как это происходит в «искусстве соучастия»**. Тогда намечаются главные линии развития, вводятся темы,

* Психоделические шоу 60-х годов выросли из общей установки на создание хеппенинга с использованием сильных шумов, стробоскопического слепящего света, цветного света, проекции слайдов на «актеров»-участников. В 70-е годы обычные шоу переросли в заурядное оформление молодежных дискотек. (Прим. пер.)

** Возникнув и развившись в 60-е годы, «искусство соучастия» опиралось на художественную провокацию, обращенную к неподготовленному множеству людей: провокация действием (актерская по характеру) или определенной (характерным примером была гряда тростника, выставленная к подъезду большого офиса ко времени завтрака). Активно использовалось движение протеста против войны во Вьетнаме. (Прим. пер.)

материал и стимулирующие импульсы, и все вместе разворачивается в ходе взаимодействия между этими приготовлениями и импровизацией исполнителей и аудитории. Вполне можно представить себе светоспектакль, охватывающий потоком импровизации случайные события на фоне огней города или случайные реакции зрителей. В этих случаях регулирование передается исполнителям, владеющим искусством импровизации и мгновенно реагирующим на возникающие мимолетные изменения и сигналы, исходящие от зрителей.

При меньшей аудитории возможно возникновение более интимного контакта. Представьте себе окружение, реагирующее на направление и напряженность взгляда или звук голоса, окружение, которое безнадежно скучно, когда на него не смотрят, но мгновенно оживающее в ответ на внимание, пристрастие, любопытство или возбуждение! Или вообразите себе миниатюрную аранжировку, чьи цвет, яркость, звучание, теплота реагировали бы на мельчайшие движения или даже одно только психологическое состояние сольного наблюдателя. Это уже не просто зрелище, нечто, воспринимаемое сугубо пассивно, — контакт между человеком и окружением окажется столь же непосредственным, каков он между музыкантом и его инструментом. Однако все это нуждается в сложном и дорогом оборудовании и достаточной искусности — массовая аудитория не обязательно требует такой сложности.

Представление не обязательно должно быть целиком искусственным. Ландшафтные архитекторы давно знают, как усилить впечатление от движения и звука водных потоков; мягкая зелень или флаги проявляют движение ветра. Можно зажигать огни или втягивать на «писну» облака с помощью зеркал или оптических щелей*. Можно перевести приливы в зрелище движения морских вод. Всегда впечатляющий миг заката можно обострить с помощью звуковой аранжировки или с помощью поверхностей, которые могли бы улавливать и усиливать изменение цвета. Прилив и отлив, восход и заход луны или солнца могут сопровождаться колокольным звоном. И в гораздо менее заметные минуты существует возможность трансформировать изменения солнечного света в радужный спектакль (с помощью линз, зеркал и призм), чтобы отметить иначе неуловимые моменты полудня, солнцестояния или равноденствия. Дрожание отраженного света на встревоженной поверхности воды — знакомый пример как раз такого частично контролируемого усиления ощущений.

Представление может быть связано и с чисто человеческими событиями. Свет может прямо обострить спады и подъемы потока пассажиров, разыгрывать «пьесу» из рисунков, образованных движением людей в пространстве или плотностью и направлениями транспорта, отображаемыми на пульте. Улица может быть сценой разыг-

рывания текущей истории с участием увеличенных изображений актеров, огней, гигантских кукол — уличные театры демонстрируют нам, что время и его события могут оживать на открытом воздухе с использованием простейших средств*.

Подлинная опасность заключена в том, что легко соблазниться чисто техническими возможностями, производя в результате яркие, но бесформенные или чисто экстравагантные спектакли. Перемены в формах крупномасштабного окружения не могут не быть огрубленными и менее подвижными чем в кино или театре, и психологическая сила окружения лежит именно в тех чувствах реальности и предметности, которые как бы произрастают из него. Большие спектакли могут быть не только дорогими и громоздкими, но еще и весьма раздражающими, и успешность этого вида искусства, несомненно, требует простоты, ясности ритма, неспешного темпа, некоторого размаха, акцентирования на неподвижном и «вечном» фоне, непосредственной связи с природными изменениями, содержательности связи с деятельностью человека.

Проектирование движения

Не меньшее впечатление динамики достижимо за счет использования движения самого наблюдателя: по мере прохождения сквозь окружение оно кажется переменчивым. Здесь вновь, так как изменение осуществляется в переживаемом настоящем, большинство средств, используемых временными искусстваами, доступны дизайнеру, хотя и в несколько огрубленном виде. Классическими примерами служат долгие и строго организованные подходы к тронам и алтарям, воздвигавшимся царями и жрецами, чтобы потрясти воображение подданных. Это были простейшие ритмизованные процессы, сколь бы ни были богаты и массивны используемые средства, нацеленные на достижение финальной кульминации роскоши или страха, выстраиваемые для прочтения в одном направлении и при строго контролируемых условиях. Города и парки могут иметь похожие процессионные пути.

В некоторых крупных парках использован другой тип последовательности: серия контрастных «сцен» выстроена так, чтобы при прохождении порядок их следования усиливал очарование целого. Так, например, сады в Стоурхеде запроектированы как маршрут вокруг искусственного озера неправильной формы; один вид следует за другим, замыкаясь и раскрываясь среди разнообразной растительности, вид снизу сменяется видом сверху, и все они нацелены на сооружения, характер которых и связанные с ним ассоциации последовательно меняются.

Наша жизнь полна и радостей и неудовольствий, связанных

* К концу 70-х годов едва ли не все варианты подобных «представлений» были опробованы в рамках авангардных художественных выставок (включая демонстраций материала о «дисплеях» в природных условиях), однако отнюдь не в массовых зрелищах. (Прим. пер.)

* Линч косвенно даёт отсылку к родившемуся в Нью-Йорке экспериментальному театру «Хлеб, кровь и куклы», завоевавшему всемирную популярность своими представлениями на улицах. (Прим. пер.)

с движением: шоссе, улицы городов, сельские дороги — все это обычно скучно, но иногда совершенно внезапно вызывает оживление или восхищение. Кажется, что пространство преобразуется, неожиданно открываются новые перспективы, мы то испешно движемся, то проскальзываем мимо или поворачиваем. Это ощущение, к которому все чрезвычайно расположено: великие города знамениты прогулками по ним, пейзажные дороги очень популярны. Новая мобильность и новое отношение ко времени и изменениям существенно повысили потенциал проектирования последовательностей. Можно ругаться, что вид с движения — основная форма восприятия в наши дни. Однако проектирование последовательности используется редко и очень элементарно — лишь немногие его возможности использованы для достижения художественной выразительности.

Элементы и техника этого искусства широко обсуждались в литературе, предпринято несколько попыток применить его идеи в качестве по крайней мере предложений*. У этого искусства есть особенности, связанные с его динамичной природой, масштабом, степенью контролируемости, способами восприятия и простотой воспринимаемых предметов. Повторять все это здесь было бы утомительно. В целом эстетический эффект, производимому меняющимся миром, и вполне соответствует нашей чувствительности к динамическому процессу. Течение времени становится видимым и драматичным. Кроме того, это искусство непосредственно сопряжено с основной функцией транспортной коммуникации, и потому нет необходимости трактовать его как изолированный эстетический феномен, как это, вероятно, обстоит с непосредственной демонстрацией перемен.

Проектирование последовательности может выступать в совокупности с другими временными эффектами. Дорога может раскрывать исторические слои города: барочные площади в их контрасте с новыми торговыми центрами, древние фундаменты у подножия небоскребов. Пути могут соединять места, контрастные по своим случайным качествам, как это происходит в прогулочных парках. В более формальных ситуациях вроде познавательной экскурсии движение в пространстве может осознанно символизировать движение во времени. Операции со светом и звуком могут использоваться для обогащения наглядных изменений, производимых движением зрителя. Но здесь мы опасно приближаемся к границе полного хаоса. Ритмические модификации сцены, через которую движутся люди, требуют тщательной дисциплины: изменения или движения, или и то и другое вместе должны быть в этом случае простыми и ясными.

* Линч прежде всего имеет в виду их совместную с Д. Эпплардом книгу «Вид с дороги», изданную Массачусетским технологическим институтом в 1964 г. [26]. (Прим. пер.)

Проявление долговременных перемен

Существует еще одна теоретическая модель восприятия перемен в окружении. Она была бы, несомненно, чем-то совершенно обыденным, будь мы в состоянии ощущать процесс изменений в течение более долгого промежутка времени, чем один день. Мы могли бы тогда ощущать длящийся месяц процесс сооружения здания точно так же, как мы ощущаем динамическую форму танца или фильма. Конечно, в определенном смысле процесс строительства нам понятен. Мы знаем, что он происходит, мы можем разложить его во времени и предсказать его завершение, и мы планируем его так, чтобы добиться максимальной эффективности. Мы можем даже получить удовольствие, наблюдая некоторые эпизоды внутри этого процесса — монтаж стального каркаса или установку башни. Однако нужно быть уж очень утонченным наблюдателем, чтобы ощущать форму процесса сооружения как эстетическую форму или предпочесть одну цепь событий другой по внешнеэкономическим мотивам. Поскольку крупномасштабное окружение меняется непрерывно и не имеет завершенной формы, было бы очень естественно, если бы оно и ощущалось именно таким образом. Тогда можно было бы проектировать долговременные перемены как художественный процесс, планируя замедления ускорения, возвращения к началу, имея в виду форму последовательности, так же как непосредственно видимое или экономические и социальные последствия. Тогда мы приобрели бы гораздо более сущностное понимание значения перемен как таковых. Возможно, что историки, плановики, государственные деятели, экономисты и все те, кто профессионально имеет дело с долговременными изменениями и обладает теми или иными средствами символического представления этих изменений в сжатом виде, способны эстетически воспринимать долговременный процесс. Они могут восхищаться тем, как расцветали и угасали страны, или тем, как растет и преобразуется город. Но немногие из остальных способны растянуть свою способность восприятия до такой степени. Уже сталкиваясь с процессами, длящимися более нескольких часов, мы членим их на ряд самостоятельных эпизодов, соединяемых краткими (или игнорируемыми вовсе) переходами. Таким образом мы вернулись к проектированию эпизодов, обсуждавшемуся выше. В этом смысле, чтобы обнаружить долговременное изменение, его следует организовать так, чтобы демонстрировать через определенные интервалы характерность и контрастность фаз облика чего-то, напоминающая о прошлом состоянии и провозглашающая наступление последующих стадий. Однако такого рода читаемость — скорее чисто интеллектуальная потребность, чем сложный эстетический мотив. К сожалению, наша способность к восприятию ограничена. Мы не умеем видеть, как растет цветок и даже как растет бамбук, хотя знаем, что он способен вырасти на сорок сантиметров за день. Мы не способны замечать те быстрые движения, которые очевидны, скажем, сражающейся рыбе, чьи нервные реакции требуют всего $1/15$ до-

ли секунды. Для наблюдения за подвижным, меняющимся миром мы оснащены весьма бедно. Диапазон нашего восприятия столь узок, что мы почти слепы и должны заниматься изобретательством, чтобы видеть больше. Росток появляется незаметным для нас образом, но с помощью рапидной съемки мы зрительно ускоряем его движение, и тогда росток выглядит как живо реагирующее, воспринимающее существо. Эдвард Стейхен не может оторваться от процесса киносъемки метаморфоз куста роз. На другом полюсе, используя мгновенную фотографию и сверхзамедленную съемку, Ганс Дженни показывает богатый и странный мир очень быстрых вибраций. В этих ранее невидимых вздрагиваниях мы обнаруживаем теперь сложные ритмы, изысканные круговые движения, фантастическое разрастание и резкие диссонансы.

Возможно ли расширить диапазон нашего восприятия искусственным образом, чтобы ощутить те перемены в окружении, что ускользают от наших невооруженных чувств? Фильм сжимает 24 часа жизни города в трехминутный отрезок времени, и возникает совершенно новый мир. Мы улавливаем новую прелесть в городском окружении, узнаем нечто о природе городского процесса. Сможем ли мы когда-либо предпочесть манипулирование самой городской формой, чтобы добиться удовлетворяющих наши чувства ускоренных и замедленных перемен, остается сугубо проблематичным. Но мы, безусловно, в состоянии пустить в общественный оборот средства кино, фотографии, знаки, диаграммы и т. п., которые дадут каждому возможность ощутить обычно невидимые процессы.

Я очертил таким образом четыре различных пути, с помощью которых изменения окружения могут быть преобразованы в эстетическое переживание, и предложил пятую возможность, носящую пока более спекулятивный характер. Через временной коллаж мы зрительно усиливаем богатые следы времени, которое ушло. Через организацию эпизодов мы можем создавать контрастные состояния, на которые отзываются наши персональные память и ожидания, что облегчает нам трансформацию потока времени в циклически повторяющиеся рисунки. Через непосредственную демонстрацию перемен в окружении мы придаем сценичность непрерывным модификациям в настоящем, а используя движение зрителя, достигаем того же эффекта даже и в неизменном окружении. Наконец, я предполагаю возможность воплощения очень быстрых или очень замедленных изменений в диапазон нашего визуального восприятия и тем самым в наш совокупный эстетический опыт. Все эти пути открывают широчайшие возможности для эксперимента, обучения, включения массового соучастия. Непосредственно способствуя расширению восприятия нами окружающего мира, они могут также сделать более живым и более вразумительным доступный нам образ времени как такового.

III. Осмысление региона

Двадцать лет назад Минни-вэлли была открытым ландшафтом: долина проходила сквозь город Сан-Диего подобно широкой зеленой реке через урбанизированное пространство. Дома венчали высокие холмы по обеим ее сторонам, а по дну долины были разбросаны молочные фермы вдоль линии деревьев, росших вдоль ручья.

Теперь эта долина — гигантская торговая зона: скоростная магистраль, автостоянки, офисы, стадион, два главных торговых центра и кладбище старых автомобилей. Ручья не было (нужно наводнение, чтобы он выявил свое существование). Обрывистые склоны обнажены. В воздухе иной запах. Изменился звуковой фон, и асфальтовые поверхности отражают зной.

Жители Сан-Диего не забыли, чем была долина раньше, и не сдерживают себя в выражениях относительно ее нынешнего состояния. Однако они часто пользуются здешними магазинами, и тысячи людей из разных мест проезжают по долине ежедневно. История подобных перемен характерна для североамериканского города. Это повествование о прокладке новой магистрали, о перемещении делового района ради обеспечения новых потребностей в автостоянках и в связи с общим ростом города, о прибылях от земельной спекуляции, о налоговых бурях, о битвах, связанных с зонированием территории, и о недолгом, запоздалом, слабом и «неразумном» сопротивлении.

Оценивая события постфактум, градостроители любят говорить о значении автомобиля, о будущих формах торговли и центрального делового района, о компонентах роста города, о закономерностях земельной спекуляции и о налоге на неподвижность как средстве сохранения муниципального контроля. Все это весьма важные вещи, хотя чуть излишне абстрактные, как всегда бывает в дискуссиях урбанистов. Но в конечном счете все эти вещи сводятся к снижению качества жизни — по крайней мере для кого-то, а ведь, помимо этого качества, нет надобности ни в экономике, ни в налогообложении, ни в городах, ни во всем прочем.

Все же удивляет, почему в обсуждении технических вопросов, связанных с Минни-вэлли, так мало места было уделено анализу того, каким образом новое окружение воздействует на повседневную жизнь тех, кто им пользуется, как оно действует на них в самом прямом смысле: через глаза, уши, кожу, обоняние. Большинство градостроителей склонны считать, что подобный анализ или слишком очевиден, чтобы терять на него время, или слишком тривиален, непредсказуем и субъективен, чтобы включать его в круг обсуждаемых тем. Однако те, кто ощущает место, не могут с этим согласиться, и их жалобы устойчивы и упорны. Более того, вопрос отнюдь не так элементарен и самоочевиден, как может показаться.

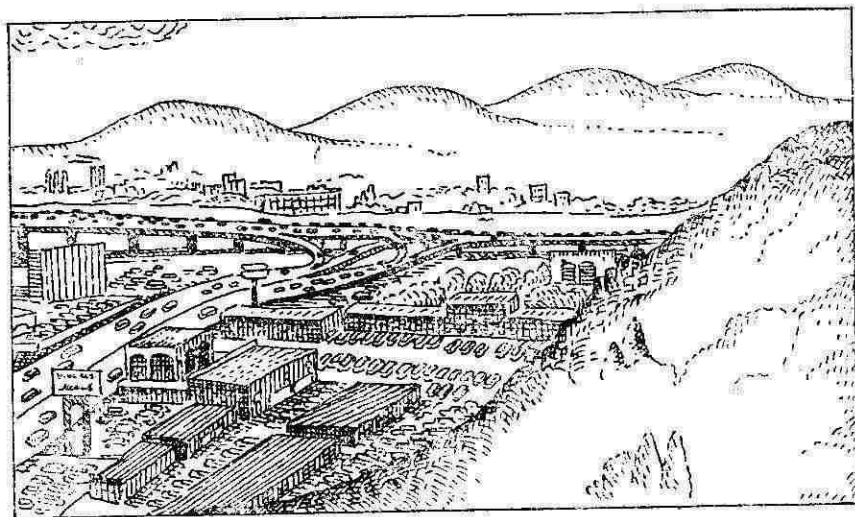
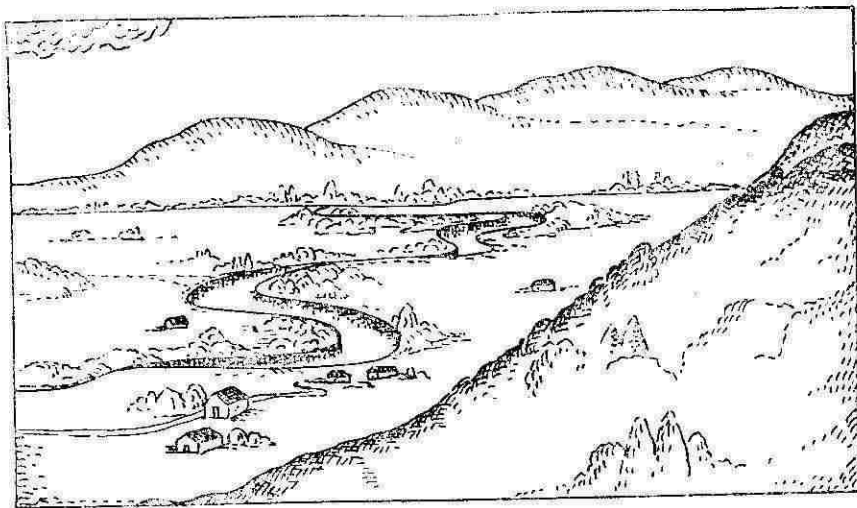

Рис. 60. Миши-вэлли в прошлом и настоящем

Трансформации типа Миши-вэлли даже в тех случаях, когда они осуществляются строго по плану, оцениваются и описываются в категориях экономики, транспортных коммуникаций, политики, пространственных требований, собственности на землю, экологии, наконец. Когда решение о локализации уже принято, просвещенный муниципалитет или просвещенный градостроитель могут обратиться к профессионалу, чтобы «сделать это красивым». Однако чисто человеческое переживание ландшафта на самом деле является столь же фундаментальным фактором, что и все прочее, и потому должно рассматриваться в первичной стадии замысла.

Я предполагаю занять особую позицию: воспринимаемое человеком качество окружения необходимо проектировать в региональном масштабе, поскольку происходившее с Миши-вэлли определялось региональными соображениями и люди теперь живут именно в этом масштабе.

Но заговорить о сознательном проектировании, овладении и осмыслении чувственного качества региона — значит, немедленно столкнуться с тремя принципиальными вопросами.

Что мы понимаем под чувственным качеством?

Имеет ли оно реальную социальную значимость?

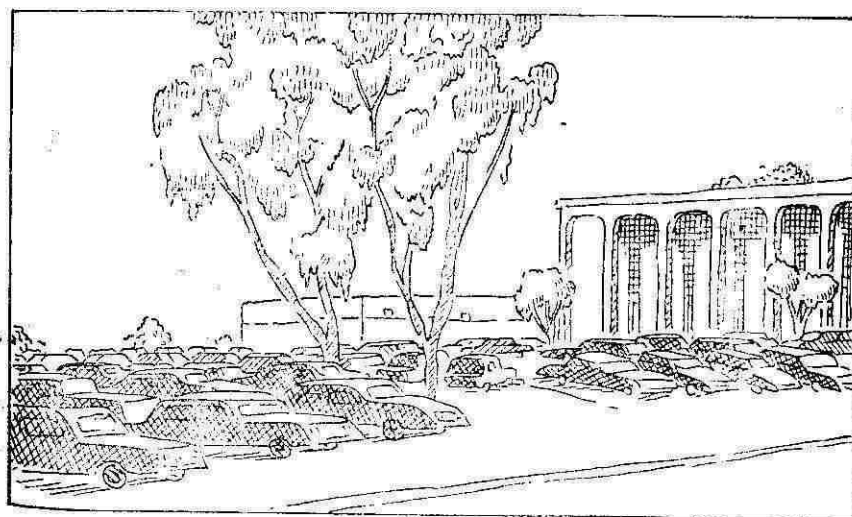
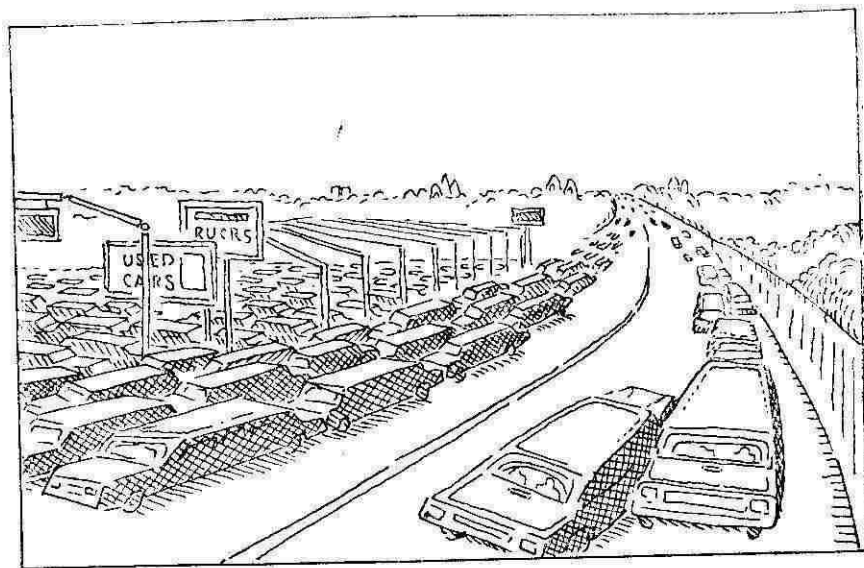
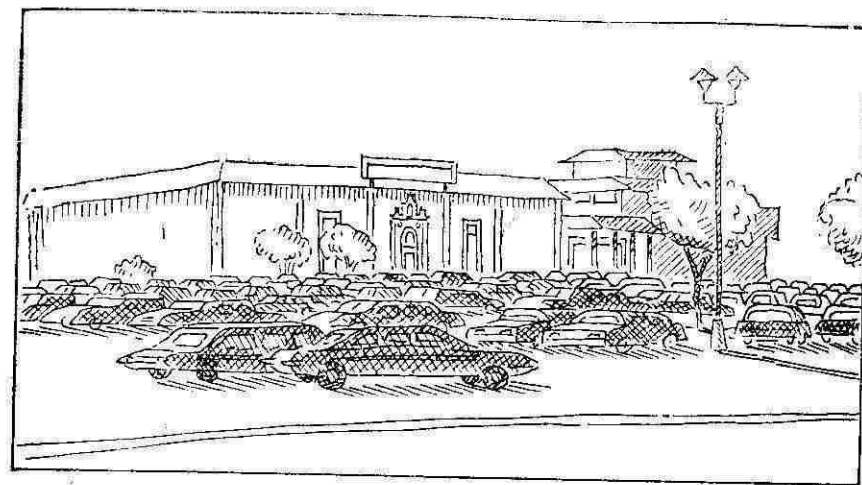
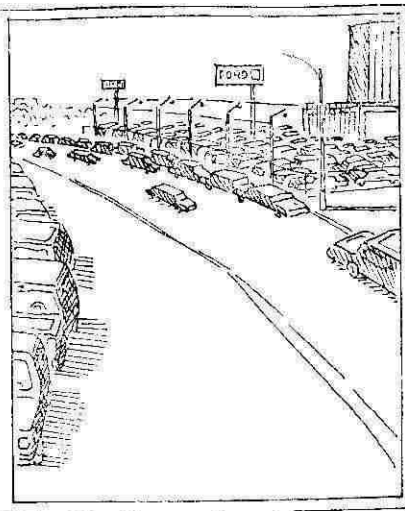
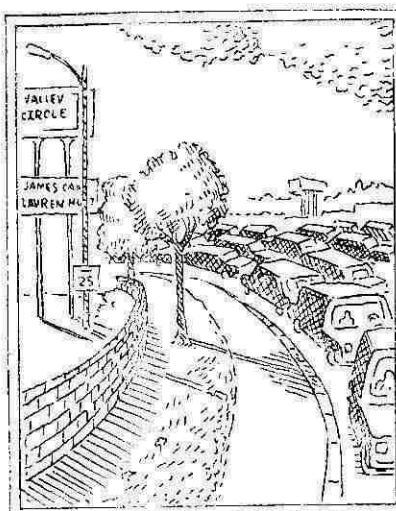
Можно ли его действительно регулировать в масштабе региона?

Чувственное качество охватывает зрительное, слуховое, обонятельное и тактильное восприятие места. Общественная значимость этой характеристики, как правило, отрицается или игнорируется. Я стремлюсь доказать, что оно имеет жизненно важное значение для человеческого существования, что проекты, игнорирующие его, воплощаются в городах, отзываящихся в человеке унынием и отчаянием.

Третий из вопросов труднее прочих. Чувственное качество крайне редко оценивается в масштабе города или региона и еще реже оценивается успешно. Считается, что это нечто, требующее внимания только в случаях проектирования общественных площадей или значимых сооружений. Напротив, я считаю, что его следует рассматривать при разработке проектных программ для всего обитаемого региона и для того повседневного окружения, которое составляет поведение. Этот текст — попытка подтвердить высказанное убеждение. Поскольку, однако, речь идет скорее о возможном, чем реально достигнутом, сомнения необходимы.

В самом деле, а нужно ли действительно пытаться обеспечить чувственное качество в таких масштабах? В прошлом проектирование крупномасштабного окружения и забота о его эстетическом качестве осуществлялись посредством волеизъявления господствующей силы. Централизованные правительства строили Пекин, Рим эпохи барокко или османовский Париж, да и американское движение «за красоту города» процветало в то время, когда высшие слои горожан удерживали в своих руках контроль над городом и городская политика власти отражала их вкусы. Проектирование физической оболочки крупного учреждения было, как правило, средством навязать множеству пользователей обобщающую монументальную форму безотносительно к чьим-либо предпочтениям.

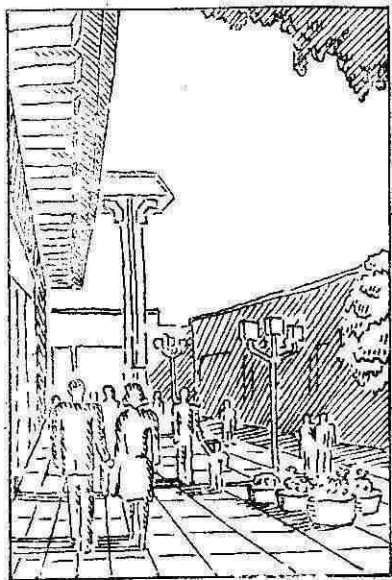
Тем не менее связь между проектированием и централизованной властью не является совершенно жесткой. Я готов утверждать, что демократическое управление должно заниматься не только тем, чтобы приспособить окружение к нуждам пользователей, но и максимальным предоставлением им контроля над этим окружением. Это неизбежно ведет к поиску стратегии и техники, непохожим на стандартные средства крупномасштабного проектирования.

В США забота о чувственном качестве региона имеет два источника и соответственно породила две линии профессионального знания и профессиональной деятельности. Одна, более старая, началась в недрах архитектуры и ландшафтной архитектуры, которые сначала служили королям, а затем — выборным властям или крупным корпорациям, строившим парки или монументальные площади

Рис. 61. В долине Минни-ваппи среди машин

подобно тому, как это осуществлялось движением «за красоту города». Позже эта техника распространилась на более заурядные объекты: жилые районы, новые города, зоны реконструкции в старых городах. Однако это все же всегда проекты, предполагающие осуществление крупномасштабных изменений, воплощаемых в жизнь некоей мощной силой. Традиционный акцент ставится

в этом случае на внимание к городскому участку, на детальный контроль за формой, на интуицию экспертов, на творческий потенциал проектирования, на подчинение «реалиям развития» (т. е. подчинение интересам и возможностям тех, кто обладает властью решать), на расширение сферы применения принципов и рабочих средств архитектурного мышления и, наконец, очень часто — на тягу к грандиозному. Впрочем, опыт работы над городской средой привнес в эту идеологию некоторое осознание множества интересов клиентов и реальных политических конфликтов. И все же недавние «урбанистические программы» для некоторых из наших больших городов суть новые

попытки на старой ветви. Вторая, не столь древняя линия складывается из усилий по территориальному планированию в первую очередь в национальных парках и лесных массивах, где на смену проблемам лесозаготовки пришла проблема массовой рекреации. Здесь озабоченность профессионалов направлена на внегородские территории: скорее на сохранение естественной красоты, чем на создание чего бы то ни было, более регулирования, чем проектирование. В этом случае управление статично и полностью охватывает своим контролем обширную территорию, и потому естественно, что профессионализм приобрел технический и систематизирующий оттенок. От регулирования вырубки он унаследовал предпочтение к количественному подходу рациональному оптимуму, четкие критерии «оптимальности»: предельное число пользователей, открытый доступ к воде и т. п.

Подобный «лесной» подход сросся с озабоченностью по поводу загрязнения воздуха, вод и почв. Все соображения в этом случае сближаются за счет сосредоточения на природе и ее сохранении, научном анализе и технической рациональности. Сюда же примыкает движение в пользу сохранения исторически ценных рукотворных ландшафтов, а также растущая заинтересованность в сохранности традиционного сельскохозяйственного пейзажа. Хотя критерии сохранения по историческим и «эстетическим» соображениям оказываются в меньшей степени «научными», наблюдается та же тенденция в сторону твердого и универсального в оценке.

Обе традиционные линии могут взаимообогащаться (автор биогенетически исходит из первой и пытается перестроиться). Проекти-

рование и регулирование не только вполне совместимы, но даже с трудом поддаются обособлению, точно так же, как системотехническая рациональность и творческая интуиция не враждебны одна другой. Разумеется, тот факт, что территория относится к городским или сельскохозяйственным, регулируется одним или многими центрами, бедна или богата, не может не влиять на использование тех или иных критериев, выбор той или иной техники. Однако в любом случае можно применить общие фундаментальные принципы и методы как проектирования, так и анализа — для лесов, парков, исторических зон, деловых районов и любых других пространственных объектов. Лишь объединение обеих разрозненных по сей день традиций может дать нам достаточную компетентность для работы с любым объектом, и объединяющей их темой должно стать определение того способа, каким чувство региона влияет на человеческую жизнь. Возможно, что когда нибудь мы дорастем и до такой позиции, с которой сможем думать о воздействии и на другие жизни — животных, а может быть, и растений. Для настоящего момента достижение эффективной, широкообъемлющей заботы о самом человеке было бы уже огромным шагом вперед.

Приложение I содержит краткий обзор недавних американских попыток планирования чувственного качества обширных территорий с отсылками к текущим исследованиям и статьям. В масштабе города — там, где проблемы наиболее остры, — список исследований невелик, а свод достигнутых реализаций еще короче. Не случайно качество городского окружения в равной степени убого почти во всех уголках мира. Те места, что обычно воспринимаются как желанные образцы, оказываются, как правило, следами медленного развития, осуществлявшегося в жестких природных границах и культурных нормах первоначальным резким рывком, а затем медленным обогащением за счет непрерывного обживания и реконструкции (территории старинного фермерского хозяйства, исторические города). В других случаях это места, несущие малую нагрузку — там, где проектирование тщательно выполняло требования тех, кто намеревался использовать данное место и имел средства для достижения задуманной программы (частные парки, некоторые жилые районы «средне-верхнего класса», торговые центры).

Отсутствие достижений в проектировании окружения нельзя считать фатальным, но его нельзя объяснить и какой-то одной очевидной причиной вроде нехватки финансовых средств, безразличия обществственности, административных ошибок или политических махинаций. Одна из основных трудностей — в отчуждении пользователей от аппарата контроля над формами и характером жизни данного места, что ведет и к искажению формы, и к навязыванию функций, чуждых месту. Другая трудность заключена в нашей неспособности эффективно контролировать недвижимую собственность из-за хаотичности локального управления и частнособственнической эксплуатации земли. Разумеется, это непростые проблемы, глубоко сопряженные с нашей политической, экономической и социальной

системой в целом. Соответственно эта работа может лишь поверхностно касаться их содержания, сосредоточиваясь на той позиции, какую проектировщик может действительно занимать в сегодняшних Соединенных Штатах.

Еще одна трудность заключена в нашей неспособности постигнуть прямое воздействие окружения на человеческое существо и понять, каким образом можно контролировать это воздействие, чтобы удовлетворить несколько неопределенные и во всяком случае весьма сложные стремления. У нас нет надлежащего опыта, и мы перегружены обветшалыми представлениями. Здесь будет рассмотрена в первую очередь именно эта проблема, хотя игнорировать ранее названные невозможно. Пытаясь выявить то, как мы можем воспользоваться всем, что уже нам известно о качестве окружения, мы также должны указать пределы наличного знания.

Чувственное качество регионов

Совсем непросто найти одно простое слово для определения ошутимого качества какого-то места. Есть точные слова для отдельных ощущений: зрение, слух, осязание, обоняние. Но стоит попытаться говорить о чувствах обобщающим образом, как мы обнаруживаем себя на свалке старых противоречий психологии и этики.

Мы имеем дело с тем, что можно видеть, ощущать под ногой, с запахами, разлитыми в воздухе, со звуками колоколов или мотоциклов, с тем, как все это воздействует на наши самоощущение, действия, чувства, понимание. Сюжет, как очевидно, достаточно широк и емко, охватывая и гостеприимность тени в жаркий день, и символическое значение священного участка. Однако он отнюдь не всеобъемлющ, так как относится исключительно к непосредственным, и прежде всего мгновенным, ощущениям и не включает, например, загрязненности воздуха, не воспринимаемой непосредственно. Так, смог — чувственный феномен, а окись углерода — нет. Точно так же избранный угол зрения исключает большую часть экономических аспектов окружения, если только условия деятельности не испытывают прямого воздействия со стороны ощущений, идущих извне. Мы исключаем также большую часть долговременных социальных и психологических факторов вроде эффектов, производимых пространственным разделением семьи, рода или характером собственности.

Важно, однако, иметь в виду, что чувственное восприятие отнюдь не является сугубо эстетическим вопросом, ибо ошутимое оказывает фундаментальное воздействие на существование как таковое. Эстетическое воздействие представляет собой лишь часть большого целого, хотя оно потенциально включено в любой акт восприятия, и эстетический опыт представляет собой лишь специфически возвышенную фазу ощущения, отличающуюся не видом, а только степенью. То, что для нас здесь важно, включает эстетическое ощущение, но и многое помимо него, и потому чувственное, или сенсорное, ка-

чество места может трактоваться как его в чистейшей форме человеческий (или античеловеческий) аспект.

Ощущаемое окружение представляет собой хотя и широкий, но определяемый и связанный сюжет — связанный в том смысле, что его определяют сходные формы осознания, что им можно манипулировать с помощью некоторых общих средств и что большинство людей может согласиться с тем, что внутри него все в достаточной степени сцеплено между собой. Поскольку центральным звеном оказывается двусторонний процесс восприятия, анализ всегда должен включать воспринимаемые характеристики окружения вместе с ситуацией воспринимающих, их ценностями, их способностями и возможностями. Ни одно сколько-нибудь полезное умозаключение не может быть получено, если исследуется лишь то, что может быть увидено, или то, как люди смотрят: глядящие и рассматриваемое должны учитываться в единстве. Именно поэтому мы оцениваем качество воспринимаемого окружения сообразно определенности той или иной группы людей.

Нас интересуют здесь те чувственные качества больших и сложных территорий, которыми в принципе можно эффективным образом управлять в масштабе города или крупного городского района, в масштабе агломерации или сельскохозяйственного региона. Мы не будем здесь ни разделять, ни противопоставлять городские и сельские территории: это элементы непрерывной цепи обжитых территорий, и их практически становится все сложнее отделить один от другого. Это реальный масштаб нашей сегодняшней жизни, именно тот масштаб, в котором некоторые существенные чувственные качества воспринимаются особенно сильно и относительно легко поддаются воздействию. Однако многие другие чувственные феномены локализируются в малом масштабе и входят в самоощущение индивида в каких-то особых местах. Можно сказать, что если наши чувства локальны, то наш опыт регионален. В связи с этим в одно рассуждение окажутся включены и столь крупные вещи, как воздушный бассейн или система скоростных автомагистралей, и столь малые, как тротуар, скамья или уличный знак. Такое метание между деревом и лесом может показаться путанным, но дело в том, что, скажем, разработка правил охраны отдельных деревьев может быть не менее стратегическим для региона действием, чем зонирование обширных лесных территорий. Граница обсуждения по каждому сюжету проводится скорее сообразно масштабу осознания и воздействия, чем в связи с объемом или иным объектом.

Кто управляет этим?

Множество групп участвуют в формировании качества окружения, среди них не столь уже много тех, кто очевидным образом его создает и регулирует его жизнь. Крупные застройщики, как общественные, так и частные, не будучи непосредственно связаны с теми, кто в конце концов становятся пользователями, лишь косвенно пе-

сут ответственность перед ними — через цены или через голоса избирателей. Крупный частный застройщик заинтересован в привлекательности результата своей деятельности для покупателя — в момент продажи. Финансист, стоящий за ним, озабочен возможностью перепродажи и стремится к обычным схемам. Общественный застройщик может в еще меньшей степени осознавать смысл того, что делает, тогда как исполнители его программы склоняются в пользу упорядоченности, простоты и чувства солидности. Общественный застройщик отличается, как правило, сугубо управленческим подходом, будучи озабочен сметой и предстоящими эксплуатационными расходами.

Обе категории застройщиков стремятся прежде всего к тому, чтобы дело было сделано: для того, чтобы сделать деньги, или ради политической поддержки, и еще потому, что это удовлетворяет их тщеславию. Они любят формы, облегчающие быстрое принятие решения, простоту и четкость определения полномочий. Их привлекают солидные, геометризованные, четко очерченные, гладкие вещи, отодвинутые одна от другой достаточно широко. Различные общественные учреждения, продукция которых играет столь существенную роль в нашем ландшафте, имеют, как правило, несколько квалифицированных проектировщиков — постоянных служащих. Для таких учреждений легче всего воображать окружение в категориях некоторой завершенной украшенности — участки озеленения, мемориальная скульптура, красивые знаки. Управление парков еще очевиднее культивирует подобные чувственные цели, поскольку его задача — приспособление территорий к естественным обликом ко всеобщему удовлетворению. Их идеал — английский парк — газон и деревья, это весьма благодарная форма, повторяемая все более монотонно.

Те, кто определяет границы зон, тоже озабочены внешним видом территории (хотя они скорее всего отопрутся от этого на суде). Они стремятся к приятному и добропорядочному окружению, особенно в жилых районах, но их цели столь же скромны, как и доступные им средства. Они жаждут однородности и порядка кристальной ясности, когда все можно без труда обнаружить в четко выделенном из окружения месте. С другой стороны, составители строительных правил не имеют осознанной концепции внешнего облика, однако их обособленные, специфицированные, упрощенные технические требования могут производить весьма ощутимые побочные эффекты. Так, например, парадет на крыше, требуемый пожарными правилами, в течение целых десятилетий определял характер силуэта города, а правило «два выхода из каждой квартиры» существенно влияет на форму любого сегодняшнего многоэтажного жилого дома.

Форма чувственного окружения испытывает воздействие со стороны множества других источников. Владельцы многоквартирных домов перестраивают их, чтобы приспособить к меняющимся нуждам и во имя утверждения или поддержания социального статуса. Те, кто производит различные компоненты окружения — машины,

уличную «мебель», плиты замощения, стеновые и кровельные материалы, светильники, озабочены тем, как их продукт будет выглядеть на странице каталога (хотя и эту сторону они могут полностью передать дизайнеру-графику). Во всяком случае они не могут и не испытывают потребности вообразить, каким образом этот продукт проявит себя в реальном городском ландшафте. Если они рассматривают, как объект будет работать, это делается в рамках логики менеджера-покупателя, а не конечного потребителя. Те, кто ответствен за общественное пространство и повседневно поглощен проблемами несчастных случаев, вывозки мусора, строительных катастроф и вообще всяких беспорядков, вполне естественным образом мечтают о поверхностях, которые легко мыть или стричь, о прочности предметов, оград, предупреждающих знаков, мощения тротуаров и вообще той очевидности и легкой доступности, какая всемерно облегчает контроль. У рекламных агентств и торговых фирм свои собственные мотивы для самопроявления в чувственно воспринимаемых формах, и они вынуждены конкурировать между собой, борясь за внимание зрителя и изобретая все более дикие формы.

Предметный мир, в котором мы живем, формируется руками всех этих «проектировщиков». Более того, он является еще и побочным продуктом множества других действий, вообще не имеющих отношения к сенсорным ощущениям: определения налогов, норм безопасности, процента прибыли, технических изобретений, юридических договоренностей, производственных процессов и т. п. Наше окружение несет на себе отпечаток всего этого без исключений — не удивительно, что лик среды может в такой степени сбивать с толку или приобретать бесчеловечное выражение.

Власти, несущие ответственность за благосостояние обитателей территории, реализуют эту ответственность путем организации всевозможных служб, учреждения правил, установления субсидий и налогов и прочих косвенных средств воздействия. Странно было бы ожидать от них попыток регулирования чувственного качества непосредственным образом. Поскольку, однако, их цель — обеспечение всеобщего благосостояния, они, как правило, озабочены благопристойностью и привлекательностью. Многие их действия — прокладка улиц и коммуникаций, сооружение общественных зданий и регулирование частной застройки, система налогов и вообще способ управления обширными общественными пространствами — прямо сопряжены с этими свойствами среды. Можно показать, что в принципе в их руках находятся дополнительные средства воздействия, использование которых вполне реалистично, но затруднено тем, что может лишь в незначительной степени опереться на прежний опыт.

Заметим, что даже в том прекрасном будущем, когда все люди могут сами определять, каким быть их дому, существенные проблемы осмысления и освоения чувственного качества в масштабе региона сохраняют все свое значение. Эти проблемы не могут быть однозначно приписаны определенным местам и ситуациям — они относятся

ся к непрерывности качества, соотносению со всей территорией региона и с жизнью всех его обитателей. Чувственные качества, подобные чистоте воздуха или внятной структуре целого, безразличны к внутренним разграничительным линиям. Есть элементы окружения, которые безусловно могут формироваться оптимальным образом только единым управляющим центром: скоростные магистрали, большие площади, системы предметов, питаемые из одного источника, — фонари, телефонные будки или указующие знаки. Есть к тому же ограниченные по площади места, где состав пользователей столь подвижен или столь сложен, что они не смогли бы, да и не захотели бы взять на себя заботу о них: таковы улица деловой части города или центральная площадь. Лишь учреждения регионального характера могут сформировать координирующую сеть для локальных действий и обеспечить выравнивание резких перепадов качества, достигающегося разным группам населения. Такие учреждения способны собирать, анализировать и распространять значимую информацию о чувственном качестве среды, которая практически недоступна более никому. Наконец, программы, выработанные на региональном уровне, могут активно использоваться местными группами, трактуемыми рекомендациями или как конечную цель, или только как ориентир.

Зачем это нужно!

Во имя чего какой-то орган власти должен пытаться регулировать чувство места? Каковы здесь общественные цели и предполагаемые социальные результаты?

В эпоху расцвета общих фраз такие вопросы обычно обходят, сразу ныряя в жалобы по поводу бесчисленных нерешенных проблем и проектов их разрешения или сразу же развертывая описание методов проектирования и исследований, равно как и предложения по организации общественных усилий. Определение общественной потребности сводится, как правило, к весьма тощечному содержанию задач: не слышать или не видеть чего-то, что всеми признается несносным; сохранить нечто, всеми признаваемое восхитительным; увеличить объем зеленых насаждений и т. п. Однако подлинная задача обладает гораздо большим содержанием.

Характеризуя цели и описывая примеры, мы лишь набрасываем схему возможного содержания усилий регионального масштаба. Только выстраивая те и другие системно (а не согласно номинальной очередности, ясности или легкости реализации), мы можем выявить их основополагающую роль в условиях жизнедеятельности. В то же время конкретные задачи, приоритеты и возможности должны оцениваться на месте, в конкретных ситуациях, но сообразно мере значимости, а не очевидной позиции в списке. Такое сочетание возможно.

Основанием для установления подобной меры служит уже различное знание о восприятии среды, которое, несмотря на многооб-

разность незаполненных ячеек и нерешенных загадок, справедливо может быть оценено как значительное. Результаты исследований все яснее показывают, что многие из фундаментальных требований, предъявляемых к окружению, действительно можно считать всеобщими, а другие характерны во всяком случае для значительных групп населения. В целом же, хотя часть накопленного знания тривиальна, а часть — сугубо экзотична, мы располагаем уже достаточным объемом фундаментального содержания в общей форме. Естественно, что в каждом конкретном случае общая форма знания приобретает истинное выражение лишь через призму местных задач и оценки местной ситуации, и данный очерк посвящен скорее мере и границам усилий регионального масштаба, чем попытке выстроить точные правила для всеобщего и повсеместного употребления.

Чувства и действия

Первичным критерием определения качества чувственно воспринимаемого мира является степень эффективности, с которой он поддерживает функции нашего организма. Соответственно первичным требованием следует считать саму по себе возможность пользоваться чувствами: ощущать запахи, видеть, слышать, осязать. При этом чувство должно быть внятным, информативным, доставляющим удовлетворение, и подконтрольным.

Подавляющий смог, монотонный шум, беспорядочная реклама, закрытые виды или неприятные запахи резко ограничивают нашу способность чувствовать, и потому устранение таких ограничений оказывается предваряющим условием для решения всех дальнейших задач. Нельзя забывать также о сенсорных потребностях физически неполноценных, о зрении глухих, о слухе слепых, но и для физической нормы пронзительный звук, сверхъяркий свет или тяжелый жар могут создать препятствия для какой бы то ни было деятельности или даже стать прямой угрозой. Вредность обладает кумулятивными свойствами, даже если ее интенсивность ниже порога внимания. Но чаще сенсорные условия нарушают комфортность или сокращают работоспособность. Степень раздражения несколько варьируется в зависимости от культурного стандарта, характерности, ее роли.

Тем не менее возможно установить общеприемлемые стандарты сенсорного содержания для определенных типов территорий и их обитателей. Вывести и проверить эти стандарты можно, изучая предпочтения и поведение людей; так, характеристика уличных шумов (уровень шума, его тональность и стабильность) ясно коррелирует со степенью раздражимости, и с эффективностью действий тех, кто подвергается их влиянию. Если уровень шума, контраст освещенности или различимость можно легко выразить количественно, то другие качества — «фактурность» света или раздражающий оттенок звука — требуют качественной оценки. Есть и такие качества, кото-

рые легко измерить, но непросто связать с самоощущением; так, нетрудно измерить, какую часть зрительного поля занимает видимый объект, но нелегко определить, когда это способствует и когда препятствует позитивному ощущению.

Очевидно, что общественные потребности превосходят по содержанию задачу снятия блокировки чувств и подавляющих или раздражающих ощущений, что фокусировка внимания на резких запахах, неприятных видах или надоедливых шумах составляет лишь нормативную и потому наиболее примитивную основу необходимого регулирования. Важны и позитивные цели: не только очистить воздух, но и наполнить его вещами, достойными того, чтобы на них смотреть, звуками, достойными нашего слуха; сделать мир предметом чувствования, увеличить чувствительность и придать чувствам тонкость, доставить человеку то непосредственное удовольствие и ощущение душевного равновесия, которые непосредственно связаны с живым восприятием мира. Большинство людей замечают ничтожно мало из того, что слышимо или видимо в их окружении, научившись отвлекаться от него. Наши чувства, будучи биологически весьма развиты, в социальном плане совершенно недоиспользуются и даже подавляются как малопригодный инструмент. Общественное регулирование окружения способно вновь дать работу чувствам, и тогда люди вернут себе радость восприятия светлого, ароматного, звучащего мира.

Чувствуемое окружение воздействует и на все органические функции тела: моторику движений, дыхание, температуру и ритмы тела. В обширной эргономической литературе достаточно данных о нормах окружения, и все эти данные без труда подтверждаются и нормальным здравым смыслом, и простыми экспериментами. Но даже эти сведения, как правило, игнорируются. Что еще хуже, мы совершенно забываем о маленьких и старых, о калеках, о всех тех, кто «не нормален», т. е. не абсолютно здоров и не таков, как мы сами. Легко определить, насколько все типы пользователей могут нормально действовать в стандартных ситуациях: подниматься по лестнице, проходить в дверь, пересекать улицу, нести покупки, катить коляску. С этой точки зрения особое значение приобретает поверхность земли, тот «пол», который в буквальном смысле слова является основанием всякого действия.

Дополнительная сложность заключается в том, что урбанистический ландшафт отнюдь не обладает той функциональной однозначностью, какая характерна для кабины пилота или рабочего места машиниста (все эргономические стандарты разрабатывались именно для таких ситуаций). Поведение в среде многовариантно и переменчиво, поэтому необходимо подвергнуть анализу общественное пространство с задачей выяснить, насколько оно способно удовлетворить всю широту поведенческих ситуаций, включая те действия, которые почти всегда осуществляются, хотя почти никогда не планируются заранее: сидение на ступенях, стояние на углу улиц, проталкивание вперед в автобусе, бег по площади, привычку при-

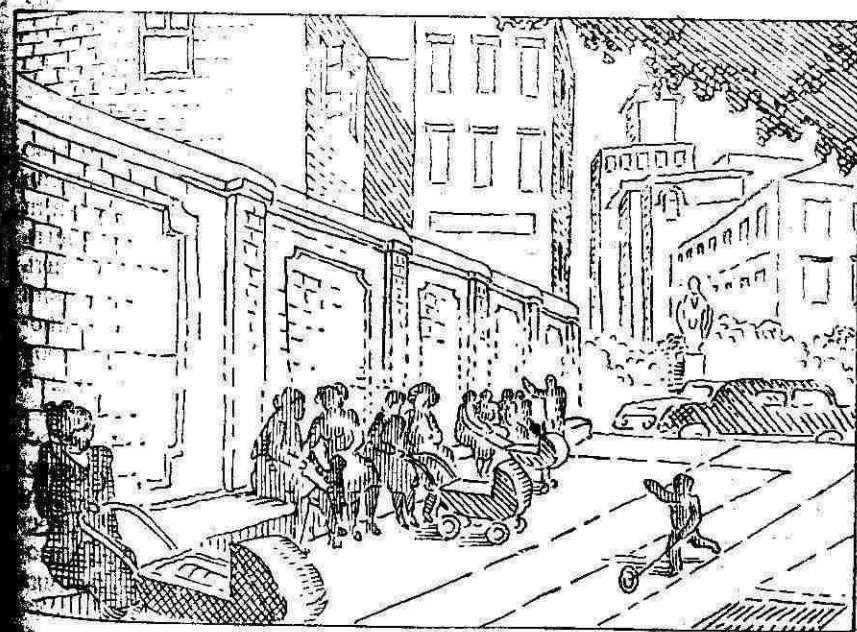
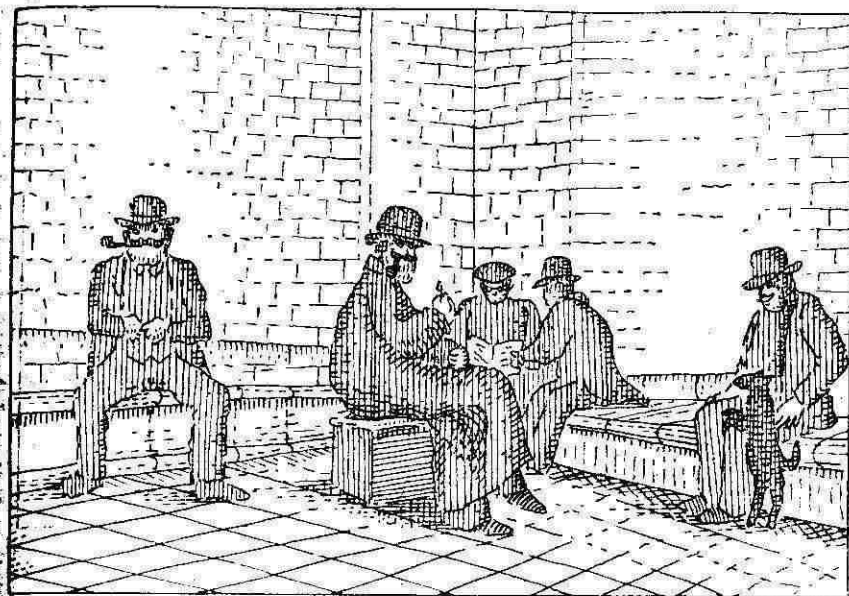

рис. 62. Каменные скамьи вдоль Пол-Ривер-Моул в Бостоне помогли сделать уютным пространство общения

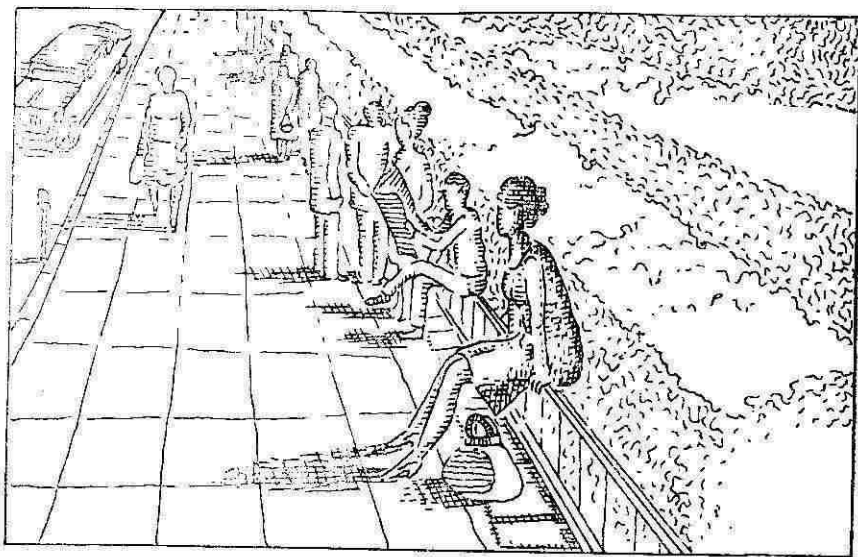

Рис. 63. В деловом центре Сverdлoвскa люди усаживаются на оградy в поисках узкой полочки тени

слоняться... И еще необходимо определить, есть ли поблизости места для универсальных функций: есть, пить, купаться, одеться? Легко ли здесь передвигаться? Свобода поведения — ценное качество ландшафта. Как часто мы наблюдаем разительное несоответствие между местами и тем, что люди пытаются на них делать!

Итак, вокруг функционирования нашего организма, наших чувственных ощущений в первую очередь нагромождается множество соображений о среде, большая часть которых может быть доведена до формы четких критериев. Общественная служба в состоянии проанализировать регион в категориях любого из них, установить нормы или качественные параметры для большей части и строить программу постепенной модернизации окружения в соответствии с ними. Даже несколько случайно выбранных примеров могут продемонстрировать общие сюжеты, из которых можно делать выбор для тщательного исследования. Так, можно выработать нормы и стандарты для следующего:

уровень и модуляция освещенности тротуаров в отличие от освещения дорожной части улиц и случайных световых «оазисов»;

минимальное количество солнечного света, необходимое для открытых пространств, частота видов вовне, которую нужно обеспечить для места общественного пользования; сохранение панорамных видов, равно как и свободного доступа к точкам, откуда они могут обозреваться;

предохранение от резких бликов и предпочтение отделочных поверхностей, модулирующих сильный свет;

допустимый минимум различимости отдаленных ориентиров сквозь слои;

допустимая яркость и подвижность изображений на рекламных щитах;

допустимый максимум шумов для сохранения возможности говорить на улице, слышать звуки природы, спать спокойно и учиться, дать слепым возможность ориентироваться по звукам;

предохранение от раздражающих или вводящих в заблуждение запахов, дымов, пыли;

доступность мест, где можно посидеть или прилечь на открытом воздухе;

допустимое время задержки при переходе через улицу;

допустимый максимум наблюдаемых несоответствий между поведением и формой окружения (т. е. те случаи, когда внешний наблюдатель безошибочно может установить, что некто ощущает себя связанным окружением, например, неудобно сидя и т. п.);

легкость перемещений через общественные пространства: пешком, на инвалидной коляске, на костылях;

замощение, отвод дождевой воды, ровность и чистота тротуаров; доступность общественных туалетов и бань, их содержание и контроль над ними;

легкая доступность питьевой воды и питания;

наличие и доступность укрытий от дождя, ветра, тени, утепленных или охлаждаемых мест, предотвращение сквозняков и перегрева общественных пространств и т. д.

В круг задач общественной службы регулирования могут также входить:

анализ уровня шума по региону;

создание специальных программ обучения вниманию к среде;

разработка прототипов систем освещения;

пропаганда использования фонтанов, ветровых устройств, световых и тепловых скульптур, колоколов и музыки, декоративно-монументальных работ, зрелищ типа «звук и свет» и других средств, которые способствуют расширению на гаммы чувств;

рекомендации в области политики налогообложения и административных правил с целью обеспечения чистоты воздуха или чистоты на улицах;

предложение систем аркад или подобных им укрытий;

разработка прототипов туалетов, сидений, укрытий;

эксперименты с новыми материалами для замощения, ступеней, ручек, дверей;

испытания их пригодности для людей с разными физическими возможностями;

постоянное исследование микроклимата, его воздействия на людей и воздействия, которое на него оказывает реконструкция окружения;

нанесение на планы препятствий для лиц с физическими недостатками или мест, вызывающих потери времени пешеходами и т. д.

Образ места и времени

Города представляют собой системы доступа к тем или иным местам сквозь мозаично организованную территорию. С другой стороны, территория включает пространственный контроль над доступом и действием, которое обеспечивается этим доступом. Территории варьируются между «пузырьком» непосредственного персонального пространства и сферой крупных социальных групп, включая в качестве промежуточных пространств дома и соседства. К тому же сенсорные факторы взаимодействуют с социальными нормами и средствами перемещения, в результате чего части региона воспринимаются как доступные или недоступные, открытые или закрытые, пичьи или подконтрольные.

Важно проанализировать регион с точки зрения его ощущаемой доступности для его же обитателей: считают ли они затруднительным движение в известных направлениях или в определенное время, представляют ли они, что иные цели труднодостижимы или что вход в них осложнен, встречаются ли они сложности в ориентации, наконец, чувствуют ли они себя по приезде «в своей тарелке»? Только при отсутствии претензий к перечисленным качествам место можно считать действительно доступным. Для любой данной группы можно начертить карту ощущаемой доступности — конечно, социальные отношения оказываются для такой карты решающими, но не менее существенны и средовая форма места, и форма его освоения. С этой точки зрения «хорош» такой регион, где нет больших и непрерывных «выключенных» зон и где между различными группами наблюдаются лишь незначительные различия в ощущаемой доступности.

Однако, если открытый доступ и имеется внутри такого идеального района, большая часть принадлежащих ему мест все же четко отделена от окружения и в известной степени подконтрольна. Поведение стабилизируется за счет того, что территория обозначена, что она подконтрольна и защитима. Одни действия уместны в пределах территории, другие нет, и эффективность поведения зависит от общего признания границ и типов действий, которые считаются уместными внутри них. Существуют также переходы от одной территории к другой, и они-то наиболее любопытны. Таким образом, район следует оценивать и по тому, насколько ясно обозначены территории, удачны ли переходы, насколько точно расчленены пространства, соблюдается ли норма допустимого поведения, есть ли у всех социальных групп «собственные» территории и насколько полным является общее согласие по поводу границ между ними.

Доступ и территория — важные аспекты мысленного образа пространства, трактуемого как потенциальное движение и потенциальное поведение. Об этом уже говорилось, но важно заметить, что самоотождествление с местом, равно как и его организованность в мысленную структуру, не только обеспечивают эффективное действие и взаимодействие, но и служат источником чувства эмоциональной безопасности, понимания и удовлетворения. Ориентирован-

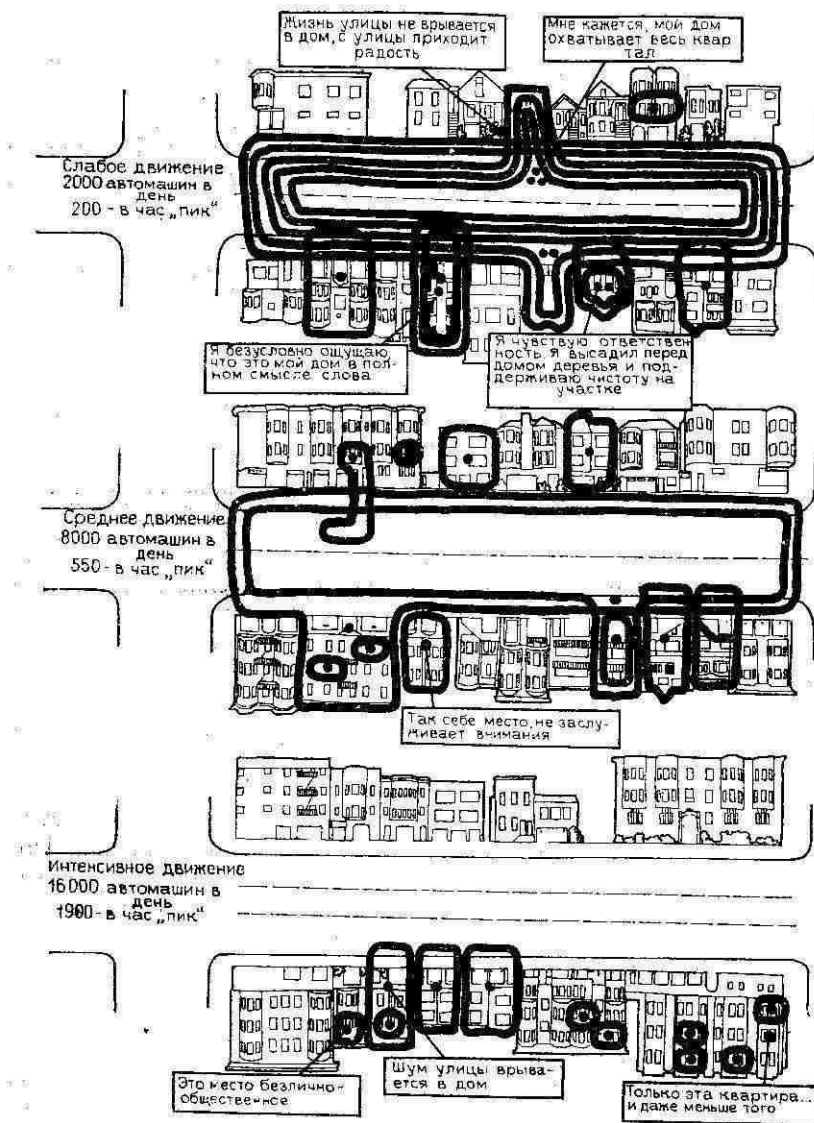

Рис. 64. Жители Сан-Франциско обсуждают свой квартал и наносят на план «свой дом»

ность во времени и пространстве образует каркас знания: наша способность опознавать место и воспринимать его через образ памяти почти безгранична, но чувственная форма места делает усилие, затрачиваемое на постижение образа, большим или меньшим. Именно поэтому мы испытываем удовольствие от предметно определен-

ных, опознаваемых мест и связываем с ними свои чувства. Они дают нам опору, чувство «быть у себя». Характер места чаще всего оценивается с некоторой аффектацией, и отсутствие характерности — обычный сюжет жалоб и сожалений. Людям приятно «знать» большой город, понимать его историю, и сильное чувство места поддерживает чувство самотождественности личности. Наверное в силу этого знакомые черты ландшафта защищаются обычно с таким жаром от посягательств.

Профессионалы обычно чувствуют себя растерянными в столкновении с подобными материалами. Составляя планы сохранения какой-то предметной характеристики места, они склонны забывать о взаимосопленности наблюдаемого и наблюдателя. Образ, содержащийся в сознании проектировщика, с ничем не обоснованным оптимизмом отождествляется с тем, что хранится в сознании местного жителя. Акцентируется сохранение признанной характеристики, но профессионалы пропускают создание характерности или медленное раскрытие скрытой характеристики, ибо последняя приписывается уникальным или «историческим» объектам, поскольку приписать ее повседневному окружению оказывается психологически невозможным. Принято считать, что опознаваемость, или образная структура регионального масштаба, суть нечто эзотерическое и потаенное, в то время как для большинства людей весь регион или его крупный фрагмент — это очевидное жизненное пространство.

На локальном уровне весь вопрос заключается в том, насколько успешно люди могут определить объект, с которым себя отождествляют, район «своего», свой дом, место работы и отдыха. Сложность заключена в том, что идентификация является не только следствием непосредственной интерпретации качеств ландшафта, но и следствием характера контроля, создания, освоения и осознания места. Поэтому региональное бюро может лишь способствовать развитию тех процессов, которые ускоряют и усиливают формирование локальной идентификации. И все же общий диагноз силы привязанности к месту дает полезную информацию.

Сама по себе очевидная локализация места, к которому возникает привязанность, должна служить предостережением против безразличного применения каких-то форм, стандартных для региона в целом. Правила регулирования кварталов должны различаться так же, как различаются и люди, и места их обитания, и специфичность такого порядка можно и должно развивать и закреплять в тесном контакте с местным населением.

Есть какие-то места, сохранением формы которых обеспокоены почти все. Они-то и составляют подлинно общественную сферу — те значимые внешние или внутренние пространства, которые очевидным образом доступны широчайшей публике и действительно используются ею: главные улицы, парки и скверы, площади, но также и главные вестибюли, платформы метрополитена, большие залы и универмаги. Характерные черты подобных элементов и их связанность в систему поддаются анализу в региональном масштабе.

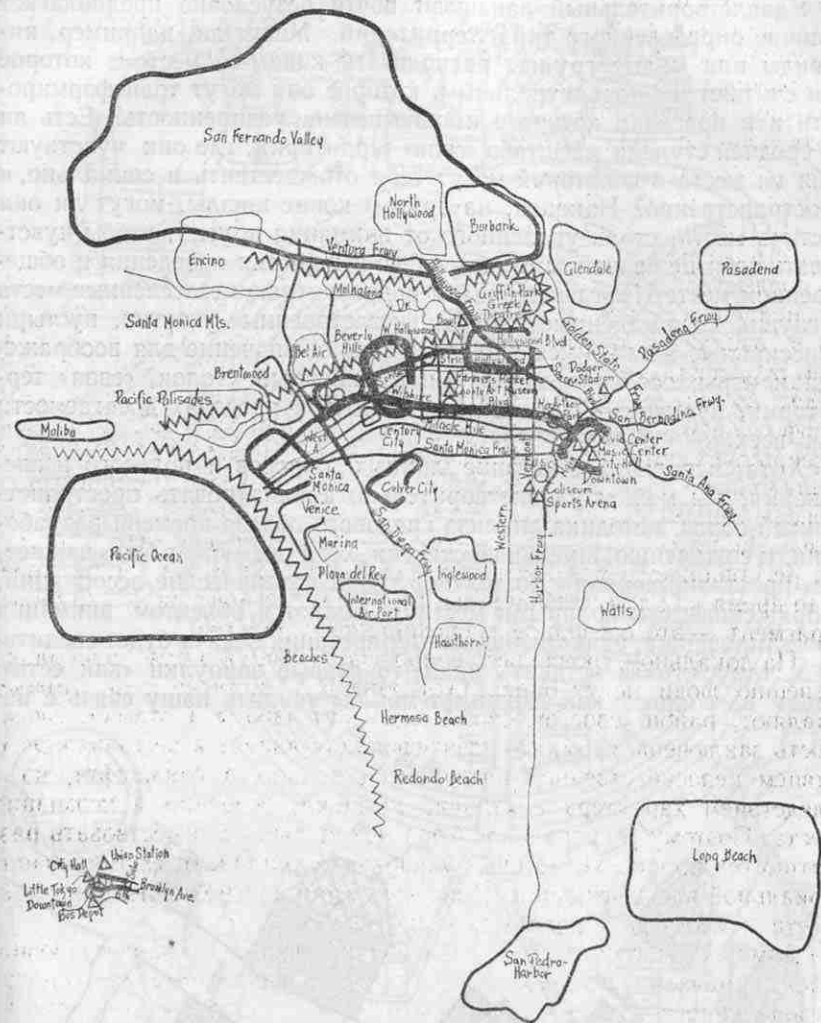

Рис. 65. Люди из богатого Уэствуда охватывают воображением большую часть Лос-Анджелесской агломерации. У обитателей Бойль-Хайта поле воображения много уже (внизу)

Можно оценить пространственные формы таких мест, опыт движения сквозь них и к ним, их связанность с наблюдаемой деятельностью тех, кто их заполняет, их образ в сознании пользователей. Качества всех этих элементов в известной степени поддаются общественному влиянию. Наконец, в более крупном масштабе можно задаться вопросом о внятности основных элементов региона для большинства обитателей; основных центров, путей, районов и ориентиров, которые структурируют всю территорию.

Удовлетворительный ландшафт почти безусловно предполагает наличие определенного типа территорий. Могут ли, например, индивиды или малые группы располагать каким-то местом, которое они считают им подконтрольным, которое они могут трансформировать и в пределах которого им обеспечена уединенность? Есть ли на средней ступени масштаба «своя» территория, где они чувствуют себя на месте и с которой могут себя отождествить и социально, и пространственно? Наконец, на другом конце шкалы, могут ли они достичь места, столь удаленного от внимания других, чтобы чувствовать себя не связанными обыденными нормами поведения в общественном месте? Под последним я подразумеваю незаселенные места и глушь, хозяйственные проезды, незастроенные участки, пустыри или скрытые места, имеющие столь важное значение для воображения и игры, особенно для детей. Уединенный уголок, «своя» территория, пустырь — все это должно быть в пределах досягаемости для всех.

Хотя, используя сочетание личных опросов и полевого исследования, мы можем удовлетворительно анализировать пространственный образ, методика анализа средового образа времени разработана, к сожалению, в меньшей степени, хотя она может быть важнее, чем пространственная. До тех пор, пока исторические ассоциации, сопряженные с избранными местами, остаются объектом внимания проектировщика, единственная интерпретация задачи будет сводиться к тому, чтобы оставить какие-то старые закоулки «как есть». Ответ на вопрос: как ландшафт мог бы усилить нашу связь с на-

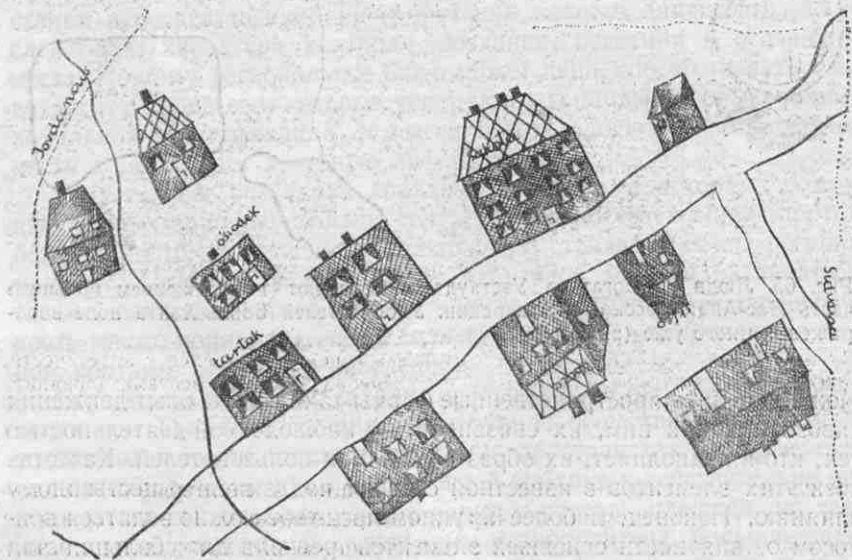

Рис. 66. «Своя» территория глазами ребенка из польской деревни: ясная, компактная, знакомая

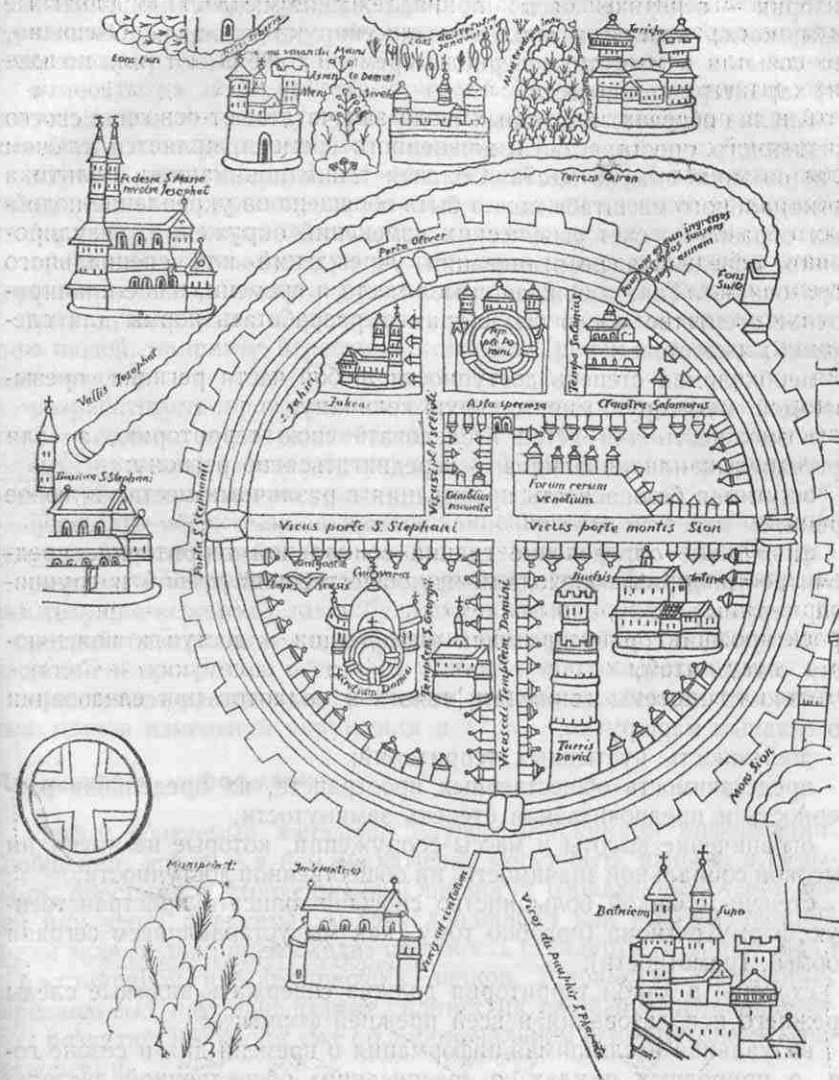

Рис. 67. На карте Иерусалима XII столетия город представлен в виде креста, вписанного в круг, заполненного и окруженного святыми местами (сравните рисунок с древнеегипетским иероглифом «город»)

стоящим, с недавним прошлым, с будущим, с непрерывным ходом времени, — остается по-прежнему неопределенным. И в то же время отсутствие временных связей в окружающем нас ландшафте служит постоянным меланхолическим сюжетом литературы. Более того, очевидно, что есть не только пространственные, но и временные тер-

ритории — вечерние часы, принадлежащие подросткам, дневные часы, когда ларьки и прилавки оккупируют площадь. Очевидно, что события и известные периоды времени тоже имеют (или не имеют) характер, как и места.

Анализ образов, в которых люди запечатлевают освоение своего жизненного пространства и жизненного времени, является ключом к пониманию смысла места. Обладая таким пониманием, политика регионального масштаба может быть обращена на укрепление подобных образов за счет физических изменений окружения, регулирования поведения, реорганизации учреждений или специального образования. Так, обсуждая смысл места и времени, наше планировочное агентство могло бы, например, разработать нормы для следующих сюжетов:

- необходимая степень доступности любой части региона, превышающей некоторую минимальную величину;
 - возможность для детей исследовать свою территорию, а для престарелых или инвалидов — передвигаться по региону;
 - ощутимая безопасность пребывания в различных местах в любое время;
 - физическое определение границ социальной территории, предпочитаемые формы перехода между общественной сферой и групповой территорией;
 - доступность ориентирующей информации и доступ к поясняющим материалам;
 - ясность системы движения, связей и подходов при следовании по главным маршрутам;
 - доступность пустынных территорий;
 - представимость общественных пространств, их предельная размерность и предпочитаемая степень замкнутости;
 - ограничение высоты и массы сооружений, которые не имеют ни высокой социальной значимости, ни общественной доступности;
 - степень, с какой большинство способно описать пространственную форму региона (подобно тому, как мы устанавливаем сегодня нормы грамотности);
 - степень, в какой территория должна содержать видимые следы прежнего использования и всей прежней формы;
 - визуальная и слышимая информация о времени дня и сезоне года, о природных циклах, о «расписании» общественной деятельности;
 - выраженность текущих перемен, тенденций и альтернатив будущего развития и т. д.
- Планировочное агентство могло бы также:
- создать проектно-методические рекомендации о способах повышения чувства места в новых районах;
 - определять на планах территории сохраняемые и территории, изменяемые во имя усиления чувства места;
 - анализировать читаемость региона и связность его основных путей;

создать базисный проект структуры региона и установить сенсорные программы для тех зон и путей, которые будут подкреплять этот замысел;

наносить на план степень, в какой обитатели различных зон могут менять для своих нужд формы непосредственного окружения (или уже осуществили эти перемены);

изучить неиспользованные или недоиспользованные зоны региона (плоские кровли, автостоянки, хозяйственные проезды), чтобы выяснить возможность общественного использования;

предложить региональную систему велосипедных и пешеходных дорожек, включая их конструкцию и способ содержания;

дать предложения о раскрытии подхода к зонам, притягивающим людей, например берегам, лесопаркам, рекам и ручьям, видным точкам;

разрабатывать прототипы окружения, спроектированные с тем, чтобы усилить средовую гибкость или доступность пространств;

создавать программы обучения людей нахождению и использованию региональных ресурсов;

поощрять общественное празднование времен года или устройство особых праздников;

создавать информационные центры, где были бы представлены как текущие перемены, так и будущие возможности;

разрабатывать планы сохранения памятников в региональном масштабе и программы массового усвоения истории региона;

предлагать правила сдерживания или обращения вспять видимых темпов изменений окружения и т. п.

Ландшафт и информация

Любой обитаемый ландшафт служит источником информации. Сообщения, которые в нем заключены, могут быть явными и скрытыми, простыми и утонченными. Они могут передаваться через людей или через предметы. Анализ ландшафта как информационной среды значительно превосходит сложность стандартных упражнений с расстановкой информирующих знаков. Множество сообщений, передаваемых нам ландшафтом, влияет на наше поведение, познание, развитие, не говоря уже об эмоциональном и эстетическом удовольствии.

Плотность информации — темп, в котором ее воспринимает наблюдатель, — играет здесь ключевую роль. На дороге, за рулем на нас обрушивается лавина сигналов, многие из которых бессмысленны или излишни, тогда как в иных ситуациях мы испытываем информационный голод. Очевидно, существует некий (несомненно, это переменная величина) оптимальный поток информации, и в большинстве общественных ситуаций можно по крайней мере определить нежелательные экстремальные состояния.

Кроме того, даже будучи в пределах ощутимой нормы плотности, информация должна еще быть вразумительной: упорядоченной, лег-

ко распознаваемой, уместной. Под уместностью я понимаю соответствие между формой и сообщением. Так, скажем, запретность какой-то зоны требует выражения обозначением всей территории, тогда как знак выхода есть нечто, ведущее к выходу и через него. Под уместностью следует также понимать предъявление сообщения в том месте, к которому оно относится, — марку пива разумнее помещать на стене или крыше бара, а не на придорожном щите.

Названные параметры информации — плотность, охват, вразумительность, уместность в обоих смыслах — могут измеряться безотносительно к содержанию сообщения. Самые заметные знаки в городе банальны, иные из них просто ложны, но цензура здесь вряд ли уместна. Острая необходимость в сообщениях особого рода (предупреждение, контроль) позволяет ожидать всеобщего согласия относительно предоставления им сенсорного первенства. Во всем прочем лучше предоставить осуществление цензуры индивиду: дать ему возможность отгораживаться от нежелательных для него сообщений и не вынуждать его слышать громкоговоритель или видеть на мигающий свет. Если это достигнуто, то наилучшей формой общественной политики было бы, наверное, добавление ценной информации, а не подавление ее контролем.

Те сообщения, которые чаще всего нужны, должны оказываться под рукой: о времени, о погоде, об условиях движения и паркингах, о расписаниях и действительном времени прибытия, о предстоящих событиях, местных новостях и местной истории. Необходимо также обеспечение общедоступности многообразных средств связи: радио, телефоны, почтовые ящики, телеэкраны на улице, консоли ЭВМ, доски объявлений, газеты... Но если в одних местах желателен «шир информации», в других столь же остро нужны покой и чувство отключенности, позволяющие человеку сосредоточиться на себе самом. В самом деле, возможность побыть в спокойном парке в самом сердце города принадлежит к числу наиболее распространенных мечтаний.

Чувствуемый ландшафт, ощущаемая среда влияют и на межперсональное общение. Нагромождаемые одно на другое препятствия могут мешать встретиться вовремя; несмолкающий шум может делать невозможной нормальную речь. С другой стороны, есть места, где встреча и беседа нескольких человек оказывается и естественной и легкой, а также обширные пространства, пригодные для парадов, карнавалов, митингов и прогулок, составляющих квинтэссенцию городской жизни. Сложившаяся схема функционирования мест и сообщений между ними может как обособлять людей, так и способствовать их встрече, и общественное пространство может быть зрительно отчуждено или связано с территорией групп, провоцируя их взаимное знакомство. На периферии какого-то действия могут существовать своего рода ниши, из которых можно без помех наблюдать за действием или готовить себя к тому, чтобы включиться в него; управляющие могут облегчать людям встречу в том или ином месте или, напротив, защищать их от нежелательных встреч: конт-

ролирование общения и коммуникации в целом представляет собой центральное звено человеческих взаимодействий и соответственно является мощным средством осуществления власти.

Информационно насыщенное окружение является средой интенсивного развития личности. Оно замедляет или ускоряет это развитие объемом заключенной в нем информации, размахом контрастов, включением пространства эксперимента и самовыражения, отзывчивостью ко всему новому. Следовательно, одна из важнейших форм оценки городского ландшафта — это анализ форм его функционирования в роли стимула и среды обучения и саморазвития.

Региональный анализ информативности окружения частично может осуществляться непосредственно, но частично наталкивается на проблемы (особенно если пытаться уловить неявные сообщения, различия в социальных группах или процесс обучения). В простейшем своем содержании такой анализ не встречается, как правило, сопротивления, однако достаточно скоро приходится затрагивать власть и привилегии. Они-то и являются мешающими для качества региона.

Можно привести некоторые примеры региональных норм информации:

- пределы количества слов (или иных единиц информационной плотности), воспринимаемого в общественном пространстве;

- ограничения зрительно наблюдаемой информации, связанные с ее местом (за исключением особого назначения и особых мест);

- способы обеспечения сенсорного первенства ключевых сообщений общественного значения;

- запрещение насилия над вниманием (за исключением сообщений особой важности);

- облегчение доступа к общезначимой информации (выявляемой в ходе опроса);

- создание и размещение информационных центров и средств связи, доступных широкой публике;

- доступность мест, где можно встретиться и побеседовать с удобством, равно как и мест для крупных собраний на открытом воздухе, и т. д.

Дополнительное планировочное агентство могло бы:

- наносить на план плотность и характерность визуальной информации;

- проектировать и пускать в ход информационные центры;

- разрабатывать правила контроля над системой знаков и рекомендации для их проектировщиков;

- рекомендовать размещение и форму общественных знаков;

- анализировать то, как люди воспринимают и используют средовую информацию;

- экспериментально опробовать пути использования окружения в качестве средства обучения;

- дать возможность малым локальным группам пользоваться их окружением как средством коммуникации, препятствуя установле-

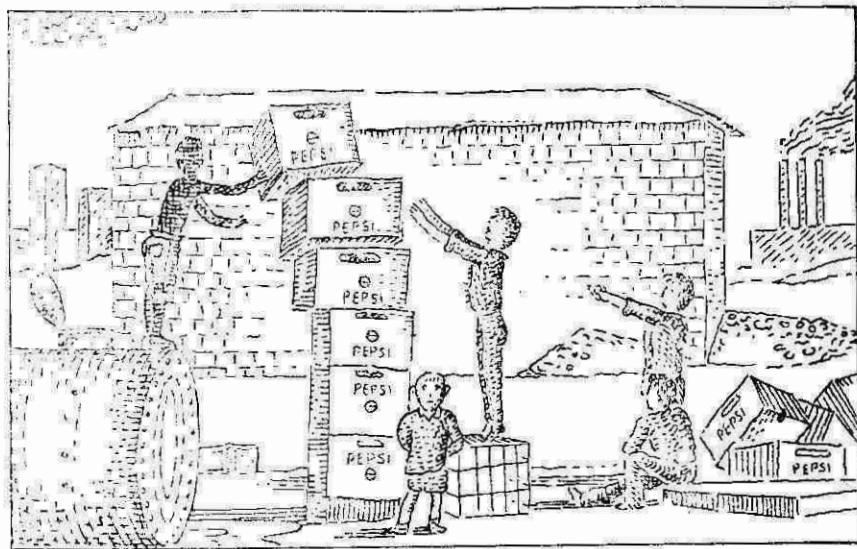

Рис. 68. В процессе созерцания и игры дети открывают окружающий мир

нию доминирующего частного контроля над информационной средой;

дать рекомендации относительно организации работы в изолированных публичных или малопривлекательных зонах, примыкающих к зонам интенсивной коммуникации;

создать образцы формы и функционирования мест, где люди могли бы без опасений завязывать новые знакомства и т. п.

Чувство живого

Значимость любого места заключается в ощущении его связанности с жизнью человека и со всем живым. Многие из перечисленных выше качеств относятся именно к этому, например когда речь идет о том, что обстановка зримо поддерживает осуществление биологических и социальных функций, когда она обладает опознаваемостью места и ясной временной структурой или когда она насыщена информацией. Но место соотносится с тем же ощущением и по-иному и нередко столь незаметно, что ускользает от поверхностного внимания общества: несомненно, что одни места производят впечатление чего-то холодного, тогда как в других кипит жизнь.

На живость места влияет множество причин: «прозрачность» окружения (то, как оно дает ощутить характер происходящего здесь); то, как люди оставляют здесь следы своего присутствия; манера, в которой предметы отражают свое назначение и способ действия; система владений, всегда находящая внешнее выражение;

и сами по себе плотность и сложность происходящих здесь действий. Эти факторы относительно легко выявляются. Другие более трудны для определения в конкретных понятиях, — скажем, способ, которым место выражает представления и ценности своих обитателей. Во всяком случае, можно счесть очевидным, что и «живость» места, и его способность выражать человеческие ценности возрастают вместе с ростом местного контроля над его развитием.

Жизнь как целое служит источником удовлетворения, создавая природный контекст нашему существованию. Тот, кто занимается анализом региона, должен отметить возможность наблюдать жизнь животных и растений, земли и скал, воды, огня и даже неба. Играет ли ветер струями дыма и флагами? Можно ли познать естественную историю места нашего жительства? Можно ли следить за сменой времен года? Можно ли ощутить ритм роста и поведения живого? Все это существенно, так как немалая доля неудовлетворенности городами проистекает из того, что они чувственно отгораживают нас и от других людей, и от всего живого в целом.

Чтобы исправить эту трагическую оплошность, планировочное агентство должно разрабатывать нормы относительно следующего: желательное разнообразие и плотность деятельности внутри общественного пространства и у его границ;

«прозрачность» окружения относительно происходящих в нем процессов и наличие видимых следов человеческой деятельности, наличие мест для прогулок и отдыха, откуда можно наблюдать за деятельностью других;

возможность для групп и индивидов зримо предъявлять выражение их системы ценностей (скажем, разрешая и поощряя декорирование улиц или заботясь о выгодном размещении общественных зданий, обладающих символическим значением);

частая возможность видеть воду, зелень, камни, землю и открытое небо;

сохранение и усиление существующего рельефа и природных элементов или по крайней мере их зримое выявление и т. д.

Планировочное агентство могло бы также:

разрабатывать проектные прототипы повышения «прозрачности» среды;

способствовать появлению средств, дающих человеку возможность обратить внимание на природные процессы и элементы окружения;

проектировать оформление празднеств и создавать их сценарии и т. п.

Кратко охарактеризованные четыре темы (чувство и действие, образ места и времени, ландшафт и информация, чувство живого) заключают в себе главные основания необходимости планирования и управления чувственными качествами региона. Они же способны служить разумным основанием аналитических исследований и программы действий. Как бы ни казались они абстрактными в кратком изложении, они могут быть прямо связаны с действием. Регио-

пальные учреждения должны заняться этими аспектами, поскольку они имеют фундаментальное значение для человеческого существования. В то время как критерии ценности восходят к основным исследованиям, установление очередности действий исходит уже от конкретных условий времени и места. Оно может вытекать из более детальных тематических исследований или рождаться в политических конфликтах и соглашениях, или вырастать из соучастия пользователей в формировании своего окружения. Я еще вернусь к некоторым из процессов установления критериев.

Наша тема включает зрительное и эстетическое восприятие, но в целом она значительно шире. Она возникла из представления о том, что благополучие индивидов и малых групп зависит от их взаимодействия с окружением и отнюдь не обеспечивается их ролью пассивных наблюдателей. Более привычные представления о качестве окружения, на которые делается сегодня такой нажим, трудно связать с фундаментальными человеческими ценностями, да и трудно реализовать.

Вопросы проектирования чувственной формы в масштабе крупных территорий по сей день ограничиваются приблизительными описаниями. Методика нашего действия должна выйти за рамки печальных размышлений, «художественных концепций», проповедей, раздутых и совершенно лишенных реальности генеральных планов, на которые столь часто пытаются полагаться. Опираясь на конкретный свод задач, подобный представленному выше, можно выразить их в предельно очевидной форме, так, чтобы было действительно ясно, как предлагаемые действия должны встроиться в общую программу будущих дел. Можно и должно определить стоимость этих действий и утвердить распределение ответственности и расписание осуществления программы. Совокупность таких планов необходимо перевести на язык социальной программы и включить в финансовую программу «сенсорной модернизации» региона.

Нет принципиальных препятствий тому, чтобы выявить все элементы окружения, которые ниже установленных нормативных требований. Предполагаемые результаты можно представить на фотомонтажах и чертежах, демонстрирующих последовательный процесс реализации программы. Можно разработать проектные системы и образцы их воплощения, построить специальные вербальные и графические программы «сенсорной модернизации» избранных конкретных мест, разработать «структурные проекты» для региона в целом.

Контекст и ограничения

Подробное изложение целей может создать впечатление безграничности возможностей, но финансовые и иные ограничения всегда составляют оборотную сторону медали и в не меньшей степени, чем задачи определяют финальные результаты.

Одну из главных групп ограничений образует сама человеческая природа в биологическом и социальном смыслах, однако это обстоятельство всегда встраивается в задачу, будучи и ее источником. Другие ограничения носят характер переменных величин.

Естественные условия региона служат очевидной основой и несут в себе очевидные пределы для сложения его чувственной формы — его геологическое строение и рельеф, климат и экология. Разумеется, топографию можно изменить мощной техникой, а создание поселения изменяет микроклимат; экологическая же система подвержена непрерывной перестройке. Но все подобные изменения заставляют распахиваться — при этом основы географии места и его климата остаются почти неизменными в человеческой шкале времени. Мы уже имели возможность усвоить несколько грустных уроков истории относительно скрытой цены радикального преобразования места по сравнению с адаптацией к его особенностям.

В естественной среде развивается обычно основной каркас поселения, меняющийся весьма медленно, и именно этот каркас служит той подосновой, на которой могут разворачиваться какие бы то ни было действия по улучшению чувственной характеристики региона. Расставлены сооружения, земля расчерчена и отдана для использования, функционируют транспортные и прочие сети. Естественно, что урбанизированные регионы представляют собой крайне консервативные системы с огромной инерционностью. Крупномасштабное планирование пытается лишь управлять уже существующей системой и модифицировать ее — оно не способно заменить ее новой. К тому же имеется много непредметных средовых систем, обладающих не меньшей сопротивляемостью к переменам: системы землевладения и контроля над землепользованием и строительством, сети коммуникаций и взаимосвязи между локализованными формами деятельности, технологические мощности, общераспространенные представления об окружении и отношение к нему, наконец, устоявшиеся формы его использования. Чтобы работать над сенсорными качествами, нужно постичь переплетение всех этих систем, непосредственно связанных с пространственной структурой окружения. Создавая ограничения, эти системы в то же время облегчают определение задач и установление очередности их решения. Так, если засушливый климат требует умножения тени и воды, то наличие частной собственности на землю подталкивает к обеспечению общественного доступа к открытым пространствам.

Еще существовавшее те пределы, что устанавливаются исторически сформировавшимися политикоэкономическими и культурными нормами. Системы производства, потребления и власти, организация семейной жизни, взаимоотношения между классами, между полками, культурные ценности и те роли, которые принимают на себя люди, — все это образует фундамент формирования ощущений, поскольку и то, что видимо, и то, чем является зрительное восприятие, детерминировано социально. Все эти ключевые вопросы выходят за рамки нашего эссе, хотя их наличие неизбежно отражается на его страницах,

но во всяком случае необходимо помнить, что они не менее значимы, чем пространственные условия, что в определении границ и контекста качества среды они играют роль, сопоставимую с биологической природой человека. Соответственно любой ответственный анализ такого качества начинается с общего понимания данного ландшафта, его заселения, его истории, его обитателей, их культуры и экономической жизни.

Административный и правовой контексты сенсорного регулирования

Эффективное планирование и проектирование подчинены прежде всего тому, что должно быть осуществлено. Самый широкий обзор видовых панорам не может привести к осмысленному результату — полезнее рассмотреть, какие из этих панорам при действующих правилах зонирования могут быть заблокированы, поскольку последнее может быть и пересмотрено. Чем прямее путь к желаемому действию, чем более независимо от всех других и чем точнее совпадает с уже существующими мотивациями потенциального исполнителя, тем больше шансов на быстрое достижение цели. Так, план новых посадок в парке скорее будет иметь успех, чем план, по которому пужно убедить совет парка, владельцев примыкающих участков и городские власти нарезать-ривировать место для будущего кафе. Для осуществления немедленных задач достаточно проанализировать систему действующих учреждений, мотивы их действий, характер и стиль работы, а затем обработать предложение таким образом, чтобы оно «подшло». Когда же речь идет о долгосрочных программах изменений, нужны новые типы подхода и новые учреждения.

Правовая основа для сенсорного регулирования меняется по мере того, как суды начинают преодолевать устойчивую убежденность в том, что чувствование есть вопрос эстетики, а она — дело приватное, прихотливое, непредсказуемое в отличие от таких практических и «объективных» сюжетов, как здоровье, безопасность или собственность. Однако и здоровье, и безопасность — тоже договорные нормы, так как меру здоровья определить совсем не просто, а безопасность всегда включает некоторую долю «разумного» риска. Собственность же нередко является (по крайней мере частично) отражением сенсорных качеств — контроль над внешним видом, если таковой неприятен людям и снижает цену земельной собственности, отталкивая потенциальных покупателей, уже имеет правовую основу*. Однако такой контроль не распространяется, как и

* В американской действительности подобные правовые нормы используются как для классово ориентированной реконструкции городских районов, выталкивающей малоимущих жителей, так и для эффективного подавления конформистских вкусов индивида со стороны «добропорядочного окружения». Так, в 1964 г. состоялся прецедентный процесс в новом городе Кесл-биз-Сити под Вашингтоном, когда суд вынес решение о насильственной рестройке частного (!) жилого дома как «снижающего стоимость района» из-за счет экстравагантных архитектурных форм. (Прим. пер.)

странно, на ситуации, когда нет той собственности, которая претерпевала бы подобный ущерб, и вред наносится одним лишь людям!

Более того, почему-то некоторые чувственные ощущения трактуются как «объективно» более неприятные, чем другие. Так, резкие шумы или плохие запахи считаются очевидным ущербом и подлежат общественному контролю, тогда как безобразное окружение трактуется как вопрос вкуса и потому не рассматривается как правонарушение. Все эти бессмыслицы порождены самой историей права, инерционностью сложившихся иерархий ценностей и культурных конвенций. Однако уже поэтому можно надеяться на воздействие разумных доводов, нового опыта, нового образовательного уровня и сдвига в ценностях.

Однако по самой природе закона такие изменения могут быть очень постепенными, и к тому же есть вполне реальные, хотя и туманные, пределы приложению нормативности к вопросам чувствования. Именно поэтому сенсорные требования, если они предъявляются к суду, сопрягаются с более «респектабельными» вопросами или даже маскируются последними. Так, правила, запрещающие спиливание деревьев, мотивируются экологическими соображениями, а создание резервных зон обосновывается химерой грядущего расширения улиц. Сейчас наиболее популярная в США законодательная доктрина дошла до того, что контроль над сенсорным качеством предоставляется полиции, если «эстетические» соображения связаны с соображениями здравоохранения, безопасности или рыночной стоимости и если они свободны от расплывчатости, дающей чиновникам чрезмерные возможности принимать произвольные решения.

Например, согласно этой доктрине, контроль над уличными знаками должен предусматривать наряду с информативностью и приятным видом безопасность на дороге. Однако строгий контроль над обликом зданий допустим лишь в исторических районах, которые являются уникальными «культурными ресурсами» и приносят доход от туризма. Сенсорный контроль все еще паразитирует на иных соображениях и потому уже зависит от убежденности, побудительных причин и косвенных эффектов. Ограничения такого рода удастся ослабить только в том случае, если чувственные критерии удастся представить предельно ясно, прямо соединить их с общественной пользой и сделать более открытыми к ценностям, которые исходят не только от высших классов и профессионалов.

Типы региональных действий

Диагноз

Каким образом региональное планировочное агентство может воздействовать на чувственно воспринимаемые качества региона, если он постоянно меняется под воздействием тысяч обособленных усилий, большая часть которых лишь частично подчинена об-

существенному контролю? Одним из основных инструментов воздействия во всякой плюралистической ситуации является диагноз, так как лучшая информированность сама по себе влияет на действия других и способствует повышению их уровня осознанности. Таким образом, планировочное агентство в состоянии анализировать качество региона (как используемого объекта и как представления о нем) и периодически публиковать общий доклад о сенсорном состоянии региона, равно как и отдельные выпуски по конкретным проблемам.

Такой диагноз станет основанием как для общественных действий, так и для частного строительства, для образования и политической пропаганды. Его распространение способно побудить общественную поддержку делу улучшения качества среды. Однако общие обзоры такого типа — весьма дорогостоящее дело, а связать с ними действия отнюдь не просто. Возможно, что результатом деятельности исследовательской группы окажутся запыленные кипы документации, просеивание которой может поглотить всю наличную энергию. Соответственно необходимо свести результаты анализа к нескольким фундаментальным характеристикам, способным реально служить основанием для широкой политической или образовательной программы: уровни шума, относительная чистота улиц, образы использования и доступности или размещение и темп перемен чувственно воспринимаемого образа вместе с указанием на источники этих перемен. Иначе говоря, информация полезна в том случае, если она непосредственно соотнесена с каким-то местом или какой-то проблемой, вокруг которых нарастает волна критики. При этом эффективность информации в существенной степени зависит от того, в какой момент и в какой форме информация становится доступной.

Так, обзор воздействия существующих высотных зданий на городскую панораму сможет сыграть свою роль в момент обсуждения контроля над высотностью, а анализ локальных образов территории окажется уместен тогда, когда предложен проект реконструкции. Диагноз состояния конкретного места может быть направлен непосредственно его обитателям, которые удостоверятся в его точности; анализ, имеющий прямое отношение к определенной группе, должен быть передан в ее непосредственное использование.

Агентство может также исследовать сенсорные результаты осуществленных проектов для того, чтобы выяснить, насколько при их осуществлении учтены общественные потребности и достигнуты поставленные цели. Необходимы публикация и обсуждение как успехов, так и провалов: польза от таких проверок очевидна, хотя, разумеется, следует считаться с недовольством застройщиков, ошибки которых будут извлечены на свет. Можно также предсказывать сенсорные последствия предлагаемых проектов в качестве основы для принятия решения или контроля над реализацией. Возможно также составление сопровождающей документации с прогнозом воздействия на шум, доступ, вид и т. п. при разработке программ

крупных общественных работ, типа реконструкции районов или транспортной схемы. Другими словами, можно превратить чувственно воспринимаемое качество в нормальное звено обычных заключений о состоянии среды.

Программы

Региональное планировочное агентство должно разрабатывать сенсорные программы, вынося их на суд общественности. Это могут быть как нормы или схемы для всей территории, так и специфицированные нормы для определенных места и времени. Часть таких программ может быть выражена в виде «проектной схемы», уточняющей размещение и сенсорную характеристику желаемых частей региона, но не связанной с предметной детализацией, которая уточняется позже. Такого типа схема или сценарий могут, например, показывать, что будущий торговый центр должен представлять собой пешеходную зону с низкими, открытыми сооружениями в лабиринте узких проулков; что он должен быть открытым сверху и одновременно обеспечивать укрытие, сросшимся с непосредственным окружением и в то же время хорошо видимым с определенных точек на главных путях подхода и подъезда. Проектные схемы представляют собой весьма абстрагированные, гибкие, крупномасштабные планы, соответствующие задачам контроля в региональном масштабе. Провоцируя определенные общественные действия и определяя ограничения для частного строительства, такие схемы могут выполняться в различных формах. Местные группы сами могут наполнить их конкретным содержанием, а занятые отдельными участками проектировщики, следуя им, почти не теряют творческой свободы. Такие программы необходимо согласовать с более привычными планами землепользования и транспортных коммуникаций.

Можно рекомендовать некоторые изменения процесса проектирования с учетом соучастия пользователей, проведения общественных обсуждений, конкурсов, включения сенсорной информации, которая может обосновать выбор альтернативных вариантов, нормативного учета общих программ сенсорной модернизации. Правило, согласно которому известная доля стоимости строительства (обычно 1%) отчисляется на нужды декоративно-монументального искусства, может служить своего рода образцом. Впрочем, это не лучший образец, поскольку им поощряется тяжеловесная монументальная скульптура, к которой люди относятся глубоко безразлично. Эффективнее была бы норма, согласно которой известная доля сметы отчислялась бы на последующие улучшения по просьбам пользователей уже после их поселения на новом месте.

Общественные программы управления, финансирования и налогообложения хорошо известны: они существенно влияют на сенсорное качество окружения. Так, например, изменение налога на собственность или наследство может обеспечить сохранение открытых пространств. Широко обсуждается вопрос о дополнительных

обложении некоторых производственных выбросов как средство уменьшения загрязнения воздуха и воды. Можно ли воспользоваться тем же средством для регулирования уровня шума, движения транспорта, освещенности, размеров реклам и подобных измеримых явлений?

Правила регулирования

Поскольку юридические барьеры постепенно сдвигаются под натиском перемен, планировочное агентство региона должно вырабатывать и предлагать правила контроля над сенсорным качеством частного строительства. Строительные правила обычно не включают прямо поставленных сенсорных задач. Но традиционные средства общественного контроля — зонирование, строительные нормы, правила распределения ответственности — могут включить многое: посадку сооружений на рельеф, их пропорции, массу и доступность взгляду, фактуру отделки; сохранение пропорции и тип замыкания открытых пространств; сохранение красивых фрагментов и силуэтов, сохранение линий видимости и доступа солнечного света; усиление природных достоинств места; обеспечение достаточным количеством зелени, скамей, укрытий, туалетов и прочих удобств; многообразие и ясность деятельности, связанной с фронтом улицы; пешеходную доступность и безопасность; своевременное появление информации и еще многое другое.

Правила могут иметь как общетерриториальное, так и сугубо местное применение, многие из этих методов опробованы в реальных ситуациях. В отличие от правил финансовое поощрение, обмениваемое на удобства, несет с собой известную опасность: скрытая в упаковке такого поощрения общественная цена может на самом деле превысить получаемые в конечном итоге усовершенствования среды.

Для нескольких особо значимых мест агентство могло бы разрабатывать детализованную сенсорную программу, чтобы направлять характер проектных предложений и иметь основание для их оценки. Обычно проектные программы сводятся к составлению списка основных предметных характеристик: столько-то помещений, столько-то квадратных метров автостоянок. Однако, включая в перечень хотя бы желаемые формы деятельности или взаимосвязи и качества желательной формы, программа может стать и гибче, и эффективнее. Сенсорная программа не должна отличаться по характеру спецификации от любых других программ. С той же определенностью, что и в них, можно обозначить требуемую степень визуальной различимости или чистоты, поверхность, отводимую для движения детских колясок, уровень отождествления со «своим» пространством, определяемый вероятностью опознаваемости, степень открытости общественного пространства, наличие зримой активности в ночные часы или доступности определенного типа информации. Более тонкие качества, трудно поддающиеся измерению, могут быть предъяв-

лены в виде «паттернов»* — таких базисных форм, как рекомендуемое пространственное соотношение между площадью автостоянок, дверями дома и палисадником или, например, способ организации «ниш» на периферии, из которых люди могли бы наблюдать нечто, не вполне включаясь; или — по аналогии — демонстрация в изобразительном материале каких-то иных мест в виде примеров какого-то качества, не поддающегося однозначному описанию. Техника составления спецификаций с целью сохранения характера среды хорошо известна, построить же технику спецификации того характера среды, который лишь подлежит созданию, непривычно и трудно. Фактически речь идет о новом методе проектирования.

Проекты, относящиеся к критическим точкам региона или обладающие критическим значением для него в силу собственной природы (в связи с символическим значением или габаритами, или привносимым шумом), следует оценивать с точки зрения их воздействия на сенсорные качества среды. Опираясь на принятые нормы, программы и принципиальную проектную схему, такого рода оценка могла бы играть как консультативную, так иногда и контролирующую роль. Проектная экспертиза — достаточно гибкое средство работы с тонкими вопросами качества, если, разумеется, экспертная оценка опирается на хорошо разработанные критерии и осмысленную программу. Но экспертиза нередко оказывает или малозначительное, или даже вредное воздействие на проектирование, если ее осуществляют обычные смешанные группы из профессиональных проектировщиков и менеджеров, которые, прикрываясь расплывчатыми соображениями, противопоставляют прибыль различным плохо формулируемым критериям («в гармоническом соответствии характеру окружения», «человеческий масштаб» и т. п.). Было бы особенно ценно, если бы рассмотрение какого-то конкретного предложения являлось в то же время рассмотрением ценности тех правил и программ, на основе которых выносятся суждения: действительно новаторский проект или выявление непредвиденных результатов должны вызвать необходимость изменений как правил, так и практической деятельности.

Проектирование

До сих пор, за исключением отсылок к абстрагированному инструментарию вроде схематического проектирования или уточнения характера будущего посредством аналогов, паттернов или пробных действий, мы не затрагивали проектирования как такового, т. е. непосредственного определения формы — деятельности, которую

* Линч использует это понятие в смысле, который придан ему известным методологом проектирования Кристофером Александером, развернувшим концепцию «паттернов», или устойчивых отношений между деятельностью и местом ее осуществления. Будучи выражены вербально, «паттерны» адекватно переводятся в язык графики для содержания каждого данного конкретного проектного задания. (Прим. пер.)

большинство автоматически связывает с заботой о сенсорном качестве окружения. Эта сдержанность не случайна, так как вообще вопрос о применимости традиционного проектного процесса к масштабу региона достаточно сомнителен. «Градостроительное проектирование» несет в себе опасную бациллу грандиозности: за концепцией большой архитектуры скрывается и желание тотального контроля. Это желание особенно опасно сегодня еще и потому, что совпадает с сильной современной тенденцией крупномасштабных капиталовложений. Крупномасштабное проектирование требует значительной экономической и политической силы и большого чисто технического усилия, связанного с попыткой все предусмотреть и все обеспечить.

Особенно тревожно то, что оно заглушает «голос с мест» и всякую местную инициативу. Результат известен — «крупнозернистое», невыразительное, труднообживаемое обиталище.

Однако проектирование может быть использовано более разумным образом, и именно такой тип проектной работы замыкает свод функций, приписываемых планировочному агентству региона. Один из элементов этой работы — «системное проектирование», вернее, дизайн систем, когда разрабатываются определенные формы (вместе с видами их использования) для элементов, широко применяемых в общественном благоустройстве: замощение, ограды, фонари, реклама или фонтаны; велосипедные дорожки, информационные центры, тоннели и проходы, световая реклама, укрытия; события и процессы в жанре фестивалей и всевозможных празднеств; крупные элементы вроде образной улицы, остановки транспорта, маленького парка. Системный дизайн проводится так, чтобы за счет перегруппировки элементов, выбора места, используемых материалов или изменения габаритов можно было легко вписаться в местные условия. Проектные программы такого рода следует разрабатывать в кооперации с общественной линейной службой (транспорт, освещение и т. п.) или промышленной фирмой.

Необходимы и некоторые особые услуги в области проектирования. Это и справочники, и образцы решений (витрина магазина, небольшой двухэтажный дом, сад на заднем дворе) как для общей ориентации застройщиков, так и для тех жителей, которые не могут позволить себе обратиться к профессионалам. Не исключено, что проектировщики могут воспринять общественную проектную службу как угрозу своему существованию, однако число ситуаций, в которых профессиональное проектирование вообще не участвует, или таких, где профессионализм полностью подчиняется узкопонимаемым частнособственническим интересам, так велико, что использование штата общественного регионального агентства более чем рационально. При наличии достаточных средств такой штат может ставить и более сложные задачи, разрабатывая экспериментальные формы и испытывая варианты их применения. Однако необходимо считаться с тем, что при добросовестном подходе это длительная, дорогостоящая и довольно рискованная деятельность. Имея огром-

ное значение для увеличения наших знаний и опыта, она вряд ли способна привести к немедленно ощутимым результатам.

Служба планирования могла бы также предлагать осуществление специальных проектных разработок непосредственно линейным общественным службам. Она могла бы предлагать свои проектные квалификации, равно как и знание настоящего и будущего территориального контекста, в обмен на умеренный гонорар и известное влияние на результат, не участвуя непосредственно в принятии решений. В ходе такого сотрудничества — что не менее важно — агентство постигает мотивировки и ограничения, предопределяющие работу линейных служб, и подобная обратная связь способна усовершенствовать централизованное планирование за счет ускоренного обмена информацией. Возможно также осуществлять «передачу займы» профессионалов агентства линейной службе для развития самостоятельной проектной группы.

Одной из форм утверждения службы проектирования могло бы стать приписывание штатных проектировщиков к определенным зонам региона для работы на месте и обеспечения связи с центром. Со временем они приобретали бы детальное знание своей зоны и ее обитателей, подсказывая им определенные приемы воздействия на те решения частных и общественных сил, которые постоянно на них обрушиваются. В круг их задач вошли бы также обучение местных жителей оценке и эксплуатации их непосредственного окружения и помощь им в организации общественного контроля. Характеристики мест и обитателей внутри региона всегда столь различаются, что именно на локальном уровне можно добиться наивысшего эффекта в поддержании качества окружения (за исключением тех вопросов, которые поддаются рассмотрению только на региональном уровне).

Квалифицированный и ответственный персонал регионального планировочного агентства может использовать службу дизайна и иным образом, сосредоточивая внимание на крупномасштабных решениях. Он будет включаться в критическую стадию обсуждения ключевых решений, предлагаемых другими, со своими предложениями, критикой и информацией или появляться на сцене в момент накала дискуссии, когда решение должно быть вот-вот принято. Это тактика «противоогня»*, нуждающаяся в изрядных дипломатических качествах и способности к мгновенному реагированию. Эта тактика непродуктивна, если нет умения распознавать тот стратегический момент, когда решение еще не провозглашено и даже еще не сформулировано, но уже «висит в воздухе». Естественно, что подобная тактика игнорирует существование тех застройщиков, менеджеров или потребителей, которые не могут принимать ключевых решений или вообще никаких. И все же этот тип вмешательства, если он используется внимательным и живым персоналом, распола-

* Тактика борьбы с пожаром путем направления встречного огня в момент благоприятного ветра. (Прим. пер.)

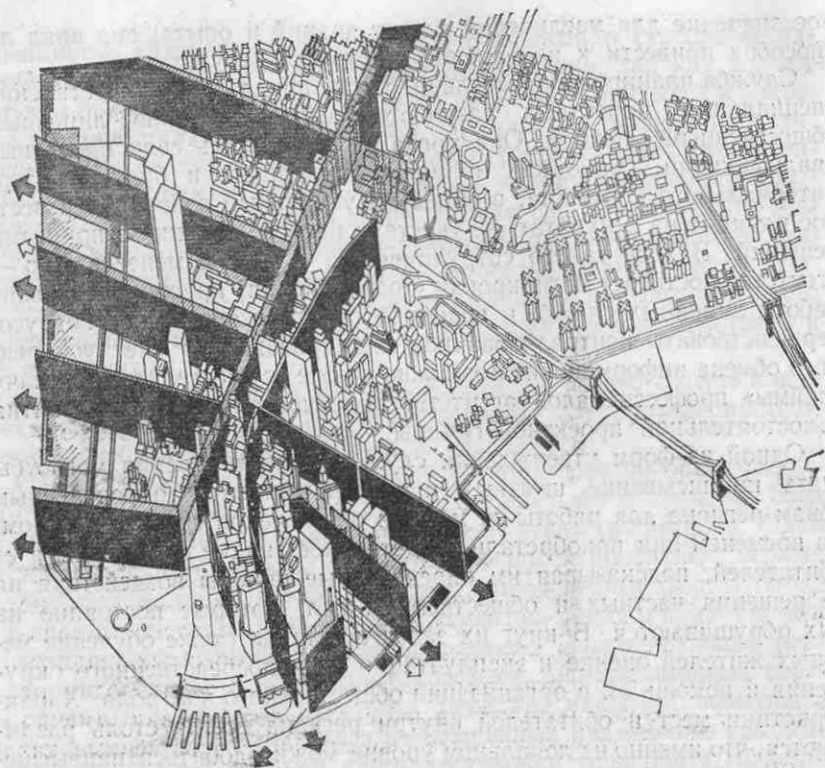

Рис. 69. Просветы, или «визуальные коридоры», которые надлежит оставить открытыми при любых вариантах развития нижнего Манхэттана, наложенные на изображения существующей застройки

гающим необходимой информацией для мгновенного ответа на любой запрос, может оказываться наиболее экономной формой влияния на сенсорные формы, особенно в обстановке строительного бума.

И еще одну форму проектирования необходимо иметь в виду — примерный проект, демонстрирующий, как может выглядеть и как функционировать данная территория, если ее реконструировать.

Не используя детализировки и не будучи обращен к одному адресату, примерный проект осуществим в кратчайшие сроки; он представляет собой фактически общественно значимую информацию относительно возможностей, заложенных в данном месте. Профессионалы не любят подобную работу, так как все это не предназначено к осуществлению и годится лишь на то, чтобы украсить какой-нибудь очередной отчет или доклад. И в самом деле, подобные картинки нередко выполняются при полном пренебрежении реальными ограничениями и функциональным характером места. Даже если они сделаны тщательно, изображенное не будет воплощено в той же форме, что может вызывать немотивированные страхи или надежды, сколько бы ни утверждалось, что это только иллюстрации.

Хуже того, картинки могут быть исполнены для того, чтобы сознательно ввести в заблуждение и выгодно «продать»: участок искажен, формы искажены или воспринимаются с невероятных точек, и фальшивая сцена наполняется счастливыми человечками, занятыми невероятными здесь действиями. И все же при учете всех названных опасностей следует отметить, что примерный проект способен выразить содержание предлагаемой программы так, как нельзя передать его иными способами: то, чем может стать место, — не менее ценная информация, чем то, что оно есть сейчас. С разумной осмотрительностью агентство может использовать примерный проект для исследования последствий применения норм и правил, которые оно разрабатывает, — во всяком случае для собственных внутренних задач.

Всякая прямая попытка регионального планировочного агентства непосредственно контролировать детальное проектирование крупных территорий или коммуникации, находящиеся под контролем другого общественного учреждения, окончилась бы неременной катастрофой. Опыт показывает, что общественные службы гораздо интенсивнее сопротивляются давлению общественности, чем большинство частных застройщиков. Проектные работы для территории или системы должны осуществляться тем учреждением или службой, которые будут нести полноту ответственности за работу. Однако периодически возникают идеи относительно особо значимых мест, где необходимо скоординированное проектирование при невозможности передать ответственность одной группе. Тогда множество общественных служб занято оборудованием и вводом в действие отдельных частей, а частные застройщики формируют окружающую «сцену». В этом случае центральное планировочное агентство может предпринять попытку осуществить «системное проектирование» во имя интеграции разрозненных общественных и частных усилий.

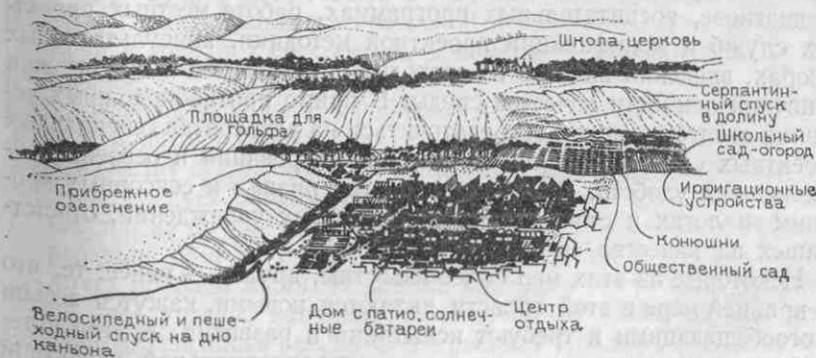

Рис. 70. Примерный проект для Сан-Диего (демонстрация возможного развития этого засушливого района — плотно собранные населенные пункты на плато и рекреация в каньонах)

Это характерно для размещения всех объектов-ориентиров, требующего значительных усилий: участников множество, у них нет общих интересов, и к ним нет доступа через формальные каналы. В подобных ситуациях проект неизбежно охватывает лишь те черты объекта, которые имеют принципиальное значение для обеспечения качества места, оставляя значительное число вопросов для разработки независимыми проектными группами. Тогда координирующее проектирование становится более сходным с рекомендованным выше составлением сенсорных программ, чем с традиционным градостроительным проектированием.

Успех зависит от хорошей организации неформального обмена информацией, умения персонала и таких рычагов, как специальное законодательство, политические связи или деньги. Опираясь на эти условия, квалифицированный проектировщик способен отыскать способ одновременно удовлетворить весьма различные требования, и в этом случае координирующий проект становится средством смягчения остроты социальных конфликтов или по крайней мере основой для переговоров. Конечно, более эффективный (но и более затруднительный) способ сводится к формированию общественной или частной организации, которая имела бы возможность освоить всю территорию. В целом же реконструкция окружения зависит от дееспособной организации, адаптирующейся к конкретному месту и нуждам пользователей.

Итак, четыре перечисленные функции: диагноз, программирование, регулирование и различные виды проектирования — образуют широкий веер потенциального действия регионального планировочного управления. Относительная важность той или иной функции непостоянна и зависит от обстоятельств, величины региона, наличия ресурсов, степени общей договоренности относительно качества среды и централизации или децентрализации контроля. Резонно ожидать, что при малых средствах, в условиях децентрализации и отсутствия единодушия, агентство должно сосредоточиться на диагнозе, воспитательных программах, работе местных проектных служб и модификации проектной методики, консультативных обзорах, введении налогов на «отходы» производства и обеспечении рыночной ценности качества среды. В прямо противоположных условиях агентство может сосредоточиться на разработке генеральных проектных схем и дизайне систем, проектировании и освоении общественных удобств, детализации систем правил и сенсорных программ налогов и стимулах, создании новых учреждений, ответственных за качество среды.

Некоторые из этих мер более известны, другие — менее: те, что по крайней мере в этой области являются новыми, кажутся весьма многообещающими и требуют испытания и развития. К этой категории можно отнести использование территориальной проектной службы; изменения в обычном проектном процессе с целью поощрения сенсорного программирования и соучастия пользователей; развитие методики сенсорного программирования; непосредствен-

ное использование диагноза на местах; общественную критику в адрес завершенных и осваиваемых объектов; введение платы или гарантии права пользователей на определенные сенсорные качества среды; улучшение способов управления общественным пространством; создание новых дееспособных учреждений, ответственных за качество среды.

Стратегия исследований и действий

В мире, где господствуют конфликты и во всем ощущается недостаток, необходимо выбрать стратегию. Нужно отобрать ключевые сведения, организовать на их основе программу действий в рамках определенного временного промежутка и приспособить ее к сути данного вопроса и его контексту. Невозможно охватить все вопросы, и тем более нельзя с ними работать одновременно, поскольку решения регионального уровня раскладываются на много уровней и по многим точкам, тогда как исследования длятся долго и принятие решений постоянно откладывается. Ускорение процесса исследования и частые консультации могут сократить длительность обратных связей, и все же работа над регионом сохранит много шероховатостей. Всякая стратегия оказывается по необходимости цепью циклически повторяющихся исследований и действий (частичных) с ритмом в два-три года. Только постепенно этот процесс обрывает понимание и доверием, опытом сотрудников, хуже или лучше складывающимися отношениями с другими учреждениями и обилием одновременно протекающих дел (и бюрократической волокиты).

Наиболее действенные программы начинались не с солидного анализа в целом, что казалось бы логичным, а с проведения удачного исследования или проектного процесса, результат которых способен обеспечить поддержку дальнейших предприятий. В ходе развертывания таких программ образ целого складывался постепенно при движении от задачи к задаче. Опыт показывает, что самый тонкий вопрос заключается в том, как инициировать такую стратегию, которая окажется способной к саморазвитию с течением времени и сохранит способность к изменению направленности в дальнейшем.

Первой, начальной проблемой может быть любая из обязательных и потому содержащих в себе возможность пробудить интерес к качеству среды. Но если существует некоторый диапазон для выбора, следует останавливаться на такой, которая естественно выведет и на другие задачи, обещает ценных союзников, эффективное решение, дает некоторое обобщающее проникновение в суть всего круга проблем места. Подобные критерии могут быть удовлетворены чем угодно, например исследованием различимости уличных знаков: успешный результат закрепляет отношения с транспортным отделом, что может привести к рассмотрению всей системы уличной информации. Или, скажем, программа превращения пустующих участков в малые парки способна завоевать планировочному агентст-

ву широкое признание общественности. Так или иначе, агентство обучается лишь в процессе деятельности.

Большая часть проблем, как правило, выглядит малообещающе: или уже есть детализированное решение, или практическое решение оказывается нереальным. К тому же в дело впутаны скрытые интересы, а подразумеваемые ценности сомнительны. Опыт показывает, что точная постановка проблемы и необходимость убедить в ее правильности потенциального заказчика требуют нередко больше времени и даже больше искусства, чем сама по себе выработка решения. Обычно возникает стремление «открыть» любую проблему, т. е. ослабить тяготеющие над ней ограничения, найти новых клиентов, рассмотреть более широкий круг целей и развернуть зону того, что с ней связано. Так, дорожные знаки соперничают с рекламой и частными объявлениями, работа с ними игнорирует пешехода и вообще представляет собой только малый фрагмент общей проблемы транспортной коммуникации и информации на улице. Точно так же возникает, например, сомнение, является ли создание малых парков наилучшим способом использования пустырей. К сожалению, расширение содержания любого сюжета, если доводить его до логического конца, неизбежно упирается в конечном счете в не поддающийся ни исследованию, ни решению Принципиальный Вопрос. Естественно поэтому, что, «открыв» проблему, позже из всех сил стремишься «закрыть» ее, к чему толкают и совершенно определенные рекомендации со стороны заказчика.

Переговоры по поводу проблемы, удержание ее в руках осложнены еще традиционно долгим циклом региональных исследований, отягощающим собой ритм «открывания—закрывания» сюжетов. Всегда есть опасность получить в конце концов вполне разумные рекомендации для решения вчерашних проблем, утративших сегодня всякий смысл.

Параллельные трудности связаны с выбором группы, с которой следует поддерживать связь, — неформальные рабочие связи всегда продуктивнее крупных совещаний «по ходу» или обмена меморандумами. К счастью, как правило, учреждения, занятые ключевыми региональными проблемами и воздействующие на сенсорную форму, и даже их персонал сохраняют достаточную устойчивость. Вопрос о способах установления контакта с общественностью на местах гораздо неопределеннее. Мы все время подчеркивали принципиальную важность обеспечения такого контакта, но, к сожалению, очень редко удается уяснить, чем же является эта общественность и каким изменениям она подвержена. В связи с этим региональному планировочному агентству резонно начинать с организации своей работы по территориальным подразделениям или с работы над сугубо локальными проблемами, лишь постепенно выходя на уровень региональной проблематики. Увы, такой прагматический подход чреват некоторым пренебрежением общерегиональными сюжетами и потенциалом, недовольством властей и дорогостоящим окостенением внутренней организации самого учреждения.

Поддержание связи с общественностью требует (особенно вначале, когда еще нет взаимного доверия) большой энергии персонала агентства. Опытный и закаленный штат будет устанавливать эти взаимосвязи постепенно и сдержанно, памятуя о том, что один срыв в этом деле опаснее, чем отсутствие взаимосвязи вообще. Я утверждаю, что контакт с общественностью необходимо устанавливать на ранней стадии, но сугубо селективным образом, так, чтобы основанном контакте служило в данный момент решаемое дело, и так, чтобы все время менять группы контакта. Следует отметить, что профессионалы почти благодарны тем фундаментальным ограничениям (рельеф, климат, градостроительная структура и прочее), которые обладают столь солидной устойчивостью.

Предположим, что какое-то агентство городской или региональной планировкой, ответственное перед местными властями или их коалицией (в США нет региональных властей) и уже глубоко погруженное в знакомые вопросы землепользования или транспортных коммуникаций, решает заняться проектированием сенсорных качеств подотчетной территории. Импульсом для такой постановки вопроса могло быть какое-то сиюминутное важное дело — загрязнение воздуха, бум строительства небоскребов, спорная автомагистраль или небрежное использование земли. Как действовать агентству, которое ни разу не выполняло работ в области сенсорного программирования и почти не может обратиться к прецедентам, списанным в литературе?

Агентству необходимо выработать стратегию: 1) начальная стадия, в которой отбатывается умение и утверждается новая роль; 2) процесс перспективных разработок — последовательных или одновременных, где акцент может сдвигаться по мере прояснения ситуации; 3) некоторое результирующее «стабильное состояние», когда сенсорное программирование становится уже нормальным элементом в системе операций планирования. Уже на стадии утверждения стратегия должна включить все рабочие вопросы: сроки, средства, необходимость в персонале, формулирование проблем и установление тактических союзов.

Начало

Уже начальная стадия требует особой установки, новых средств и, возможно, нового персонала. Обычная техника обращения к консультантам в области планировки городов способна лишь завести в тупик, так как необходимо установление долговременной специализации в рамках деятельности регионального учреждения. Опыт показывает, что целесообразнее формирование специальной новой секции внутри его структуры для работы над основной проблемой при использовании консультантов лишь по мере необходимости — для помощи в организации кампании в целом. Здесь требуется постоянный штат, обладающий квалификацией в сфере крупномасштабного проектирования, инвентаризации ландшафтов и бихевио-

рального анализа*. Необходимо также, чтобы соответствующие специалисты могли войти в тесную местную тонкости городского и регионального развития, и потому помимо внутренних ресурсов неизбежно привлечение новых специалистов извне.

Как и в случае иных, новых по содержанию программ, не ассоциирующихся непосредственно с нормальными функциями управления, целесообразно формирование специального консультативного совета, который был бы независим от существующих политических укладов и мог бы сосредоточить внимание на чисто содержательных сторонах проблемы. Это могла бы быть, например, «Комиссия по качеству среды», в целом представляющая группы, заинтересованные в таком качестве или способные влиять на него: специалисты по охране памятников, строители и финансисты, инженеры транспортных и иных коммуникаций, художники и дизайнеры, менеджеры общественных пространств, представители соседних и потребительских сообществ, клубов садоводства, торговцы, создатели реклам, эксперты здравоохранения, журналисты, представители пожилых или неполноценных и т. д. Имея возможность давать советы агентству и рассматривать его работы, такая комиссия может использовать влияние, проявлять внешние атрибуты руководства, придавать делу вес и широкую известность. Равновесие между представленными в ней интересами, численность, индивидуальность и интересы ее членов окажут, разумеется, прямое влияние на меру практической полезности, но в любом случае энергичная комиссия оказывается сильной и постоянно действующей поддержкой делу реконструкции среды.

Персонал агентства берется за первично сформулированную проблему, не дожидаясь всей совокупности достоверной информации, но параллельный анализ должен осуществляться так, чтобы как можно раньше начать отвечать на сопутствующие вопросы и открывать дополнительные сюжеты. В то же время необходимо провести быстрое обзорное исследование — скорее поверхностное полевое обследование, подкрепляемое сведениями из вторичных источников и в первую очередь беседами со знающими людьми. Круг вопросов, требующих незамедлительного ответа, примерно таков.

1. Какова базисная пространственная структура региона: характерные зоны, главные центры, основные пути? Каковы наиболее резкие, бросающиеся в глаза сенсорные качества этих элементов?

2. Что представляют собой основные группы пользователей или клиентов, заинтересованных в сенсорном качестве в масштабе региона?

3. Каковы наиболее очевидные сенсорные проблемы и потенциальные возможности региона?

* Линч явно имеет в виду не доктрину бихевиористской социологии (обословление внешне воспринимаемого поведения людей от порождающих его причин), а практику анализа поведения, поддающегося как статистической, так и качественной оценке в связи со средовым характером условий. (Прим. пер.)

4. Какие учреждения и какие силы участвуют в определении чувственно воспринимаемой формы, с какими явными мотивами и результатами?

5. Какими могли бы быть основные средства (в пределах возможностей агентства) для совершенствования чувственно воспринимаемого образа региона?

На основании такого обзорного обследования и в сочетании с опытом, постигаемым по мере проникновения в содержание первично предъявленной проблемы, можно приступить к разработке детального плана кампании.

Три линии действия

Переход ко второй, разработочной стадии программы означает резкое расширение операций. Ниже представлена приблизительная схема, пригодная для крупного агентства. Схема не претендует на универсальность и служит лишь для демонстрации возможностей, среди которых можно осуществлять выбор.

В нашей версии работа разветвляется по трем параллельным линиям, в каждой из которых предполагаются разыгрывание иной роли и специфическая постановка задачи. Такое трехчастное упорядочение задачи должно уже на ранней стадии способствовать уточнению и акцентировке ведущих звеньев сенсорного программирования. Это не стабильная структура — люди и информация переходят от одной линии к другой, тогда как в позднейшей стадии эти «каналы» могут слиться или высохнуть, выполнив свою задачу. Первая линия — исследования и программы регионального масштаба в соответствии с традиционной планировочной моделью: здесь осуществляется первичное обзорное исследование. Вторая линия — прямая связь с несколькими избранными клиентами, осуществляемая специально организованной группой. Третья — задачи, непосредственно вырастающие из локальных проблем: соответствующая группа уже осуществила осмысление первичного задания. Дополнительные функции вырастают впоследствии из деятельности этих трех групп, но в конечном счете все интегрируется единой структурой учреждения. Тем не менее целесообразно создать и сохранять небольшой специальный подраздел, который занимался бы исключительно качеством среды как таковым. Исследователи первой линии должны выполнить контурное обследование региона: опознать, структурировать и выявить качества главных центров, путей и районов; градации качества по критериям шумов, микроклимата, воды и воздуха, визуальных характеристик, характеристик земли (рельеф и растительность); определить основные исторические ценности и символический потенциал, нуждающиеся в сохранении. Главный вопрос, стоящий за всеми этими задачами, постоянен: как и в каком направлении меняется сенсорная форма региона?

Завершив полевые исследования, группа первой линии должна выпустить обзор образной структуры — продемонстрировать то,

как представительная группа местных жителей использует, воспринимает и оценивает окружение. Последующие обзоры покажут, как меняется этот образ. Обзор образной структуры должен быть согласован с результатами полевых исследований, чтобы связать ландшафт в представлении людей с ландшафтом, предметно явленным чувствам. Это необходимый для всей дальнейшей работы мостик связи между чувственными феноменами и социально-экономическими источниками. К сожалению, большинство осуществленных исследований ограничивалось полевым обследованием — это означает, что их авторы некритическим образом трактовали результаты через призму собственных профессиональных представлений, утратив при этом основной объем внутреннего содержания воспринимаемого мира.

В дальнейшем та же группа должна подвергнуть анализу способ принятия решений по поводу качества среды, характерный для региона, и выявить возможные пути изменения этого процесса: кто принимает решения, исходя из каких посылок и с какими результатами? настроена ли сложившаяся практика на перемены? Что могло бы ее изменить? что может здесь сделать агентство? Чем раньше достигнуто понимание действительного хода дел, тем больше возможности сориентировать всю работу на достижение желаемых целей. Материал, содержащийся в трех названных обследованиях, поможет этим людям выявить и осознать их собственные образные представления, их отношения, способы пользования различными местами, их собственные проблемы и желания. Методика развертывания и проведения подобного диалога уже разработана [51]. Если диалог развивается успешно, можно переключить ту же группу на обсуждение того, что необходимо сделать и как это можно было бы осуществить. Группа может расширяться, включая новых людей с подобными интересами, или вступать в контакт с теми, кто иначе смотрит на вещи во имя выявления противоречий, выработки компромиссов и соглашений. По мере разрастания процесса профессионалы отходят на второй план, лишь периодически оказывая техническую поддержку, налаживая связь или оказывая проектные услуги, и получают возможность перейти к опросам других пользователей.

Все больший объем действий (если таковые последуют) будет осуществляться без участия профессионалов, и обсуждаемые моменты скорее всего далеко выйдут за рамки сугубо сенсорных вопросов. Со временем некоторые профессионалы могут расстаться с центральным агентством и перейти к постоянной консультативной деятельности на собственный страх и риск. Другие могут превратиться в официальных консультантов по проектированию зон, но группа «корневого» консультирования как целое не должна закреплять постоянных отношений ни с одной специфической группой.

Работа по второй линии непременно включает периодическую смену клиентов: это консультация, а не адвокатура. Ее цель — соединить различные ключевые группы для обеспечения решений сре-

дового характера и выявить заинтересованность в сенсорном состоянии окружения.

С точки зрения агентства, работа второй линии учреждает источники исходящей от клиентов информации и доверия, которое не может быть достигнуто при формальных обследованиях. Открытия совершаются здесь не из «научных» источников, а из непосредственных собеседований, и деятельность второй линии способна пробудить существенную политическую поддержку (или обеспокоенность). В то же время если удастся пробудить к жизни новые организации клиентов, то они, в свою очередь, начнут менять ту атмосферу, в которой функционирует агентство.

Маневрируя таким образом, агентство способно предотвратить монополизацию чьего-то эгоистического круга представлений или избежать отчужденности от власти, являющейся юридическим источником его собственной роли. Осуществленный диалог непременно должен привести к некоторым сдвигам в политике относительно окружения.

Группа третьей линии наших гипотетических действий — группа задач. Игнорируя ключевые группы клиентов, она отбирает из числа принципиальных проблем те, которые явно поддаются решению: какой-то общественный проект, который может быть осуществлен в течение определенного времени, вроде обновления ограниченной территории или кодекса детализованных средовых норм. Эта группа уже начала работу в первичной стадии развертывания агентства и, если располагает возможностями, может браться за одну-две следующие. Это вполне традиционное сфокусированное усилие, осуществляемое рабочей группой, состав которой определяется характером задачи. Она может, конечно, помимо исследователей среды и проектировщиков включить и иных специалистов, но отбор задачи осуществляется исходя из ее важности для сенсорного качества и его зависимости от искусности в решении именно проектной задачи по реорганизации среды.

Включение рабочей группы придает реалистический оттенок деятельности планировочного агентства и помогает укреплению внешней поддержки за счет демонстрации способности находить ответ на неотложные проблемы окружения. Избираемый объект проектирования непременно должен содержать правдоподобность успешного решения, тогда персонал учреждения сможет многое привнести в него и многому на нем научиться. Равно впечатляющая, но нереалистическая программа и реализация скверного проекта стали бы катастрофой, особенно в первом столкновении с жизнью. Объект проектирования должен быть еще и таким, чтобы агентство могло в заранее рассчитанной точке реализации освободиться от него.

Приняв за основу организацию работы по трем руслам, мы неизбежно столкнемся с проблемами внутренней координации и опасностью окостенения специализированных ролей и представлений. Изображая дело карикатурно, можно предсказать, что «холодные»

техники сосредоточены в первой линии, «горячие» организаторы взаимодействий — во второй, а «крепкие» прагматики — в третьей. Если не обеспечить интенсивный обмен персоналом и информацией, каждая из групп непременно застынет в преданности своей особой роли и соответствующим ей отношениям и представлениям. Следует помнить, что речь идет о переходных группах.

Результаты деятельности по трем параллельным линиям необходимо еще привести в соответствие друг другу, что желательно осуществить на более ранней стадии включения в работу. Задачи, клиенты и специальные исследования должны сходиться в общем поле проблемы. В этом случае обобщенный анализ первой линии получает переориентацию в соответствии с данными о характерных для клиента ценностях и ранее неизвестными трудностями функционирования среды. Соответственно этому можно определить новые группы «корневого» значения для консультаций, или же консультанты обратятся к тем людям, которых наиболее сильно затрагивает содержание рабочей задачи третьей линии. Точно так же новые проблемы, выявляемые в ходе консультативных диалогов, могут определить или постановку задач перед рабочей группой, или способ интерпретации содержания этих задач.

Лишь на основании подобных перекрестных связей может вырасти объединенное промежуточное задание на дальнейшее углубление, обсуждаемое сначала комиссией, а затем и смежными агентствами. Обобщающий отчет должен включить дополнительные рапорты о состоянии региона, рекомендации относительно политической тактики, программ, критериев и смет, предложения по реорганизации процесса освоения сенсорного качества. Политическая и административная реакция на такой промежуточный отчет, безусловно, потребует от агентства уточнения как исследований, так и проектных предложений — приходится считаться с относительно долгим временным промежутком, разделяющим региональное обследование и действия в региональном масштабе. Каждый анализ и каждый проект должны выполняться так, чтобы естественным образом вызывать последующие, чтобы обеспечить постепенное разрастание целого. Поначалу последовательность и связность заинтересованности в сенсорных качествах невелики, есть основания утверждать, что необходимо делать особый упор на просветительскую работу. Однако, если эта работа не будет с самого начала непосредственно связана с жизненно важными вопросами и живым действием, она окажется бессмысленной.

Естественно, что агентство обратится в первую очередь к наиболее жгучим проблемам, на решение которых оно может оказать наибольшее влияние. Проблематика крупного региона может фокусироваться на состоянии воздушного бассейна, сохранении ландшафта, организации дорожной сети или сенсорных следствиях общей схемы расселения. Малое населенное место заставит обратить внимание прежде всего на мусор и беспорядок, рекламу, ландшафтную архитектуру или пути улучшения микроклимата. Пригородная

зона вызывает в первую очередь к организации контроля над ее развитием; удаленный регион — к привлечению туристов; центральный город — к организации использования существующей застройки или сохранению коммерческого центра. Недоразвитая в функциональном отношении зона потребует концентрации внимания на сенсорных условиях выживания и общественного здоровья, тогда как более состоятельная зона — на организации досуга или совершенствовании функций окружения как источника обучения и саморазвития личности. Те, кто живут в быстро развивающемся районе, захотят знать, как придать уютность стандартным сооружениям, спасти от разрушения ценные ориентиры или каким образом направить массовое строительство и благоустройство, чтобы жители в будущем смогли его модифицировать и наделить новым содержанием. Территория, находящаяся в упадке, будет вызывать к нахождению путей удержания населения, спасения наследия поколений и обращения его в средство нового развития... В одних случаях лейтмотивом бытия окажутся сохранение и стабилизация, в других — подготовка к реконструкции среды или использованию окружения для символизации социальных сдвигов.

Разумеется, контекст сенсорного программирования окажет воздействие как на используемые средства, так и на получаемые результаты. Небезразлично, придется ли работать в традиционном и однородном в социальном смысле окружении, где сенсорные качества носят ясно выраженный характер, или в переходном и плюралистическом, где происходит непрестанное столкновение различных систем ценностей. Власть может быть концентрированной и твердой, и тогда работа носит характер закрытый, технократический, ориентированный и нацелен на немногочисленные центры принятия решений. Или же власть может быть предельно децентрализованной — тогда гораздо больший акцент ляжет на общественную информацию и пропаганду, на воспитание и программирование, стандарты и способы инициирования проектного процесса. Все подобные вариации контекста вызывают соответствующие вариации в методике работы. Более того, в рамках того же конкретного региона и содержание проблем, и характер власти подвержены изменениям, даже если последние медленны и малозаметны, — методика работы должна подстраиваться к ним.

Стадия стабилизации

По мере достижения стадии стабилизации три линии могут или развиваться слитно-параллельным образом, или смешиваться с другими, новыми. Первый рывок потребует значительного персонала, но было бы неразумно сделать такое состояние постоянным: большой и постоянный штат означает почти неизбежно утерю гибкости и образование почти непреодолимых границ между группами профессионалов. Большую часть общего анализа и подготовки программы по первой линии правильно отнести к компетенции отдела общей

планировки, который теперь должен уже хорошо ориентироваться в сенсорных последствиях своей обычной работы и, возможно, включить нескольких специалистов по этому вопросу. Установленная связь с группами общественности также носит уже общий характер, тем более, что ее содержание несомненно перейдет за рамки проблематики сенсорного качества среды. Несомненно, что непрерывная обратная связь с группами пользователей, сопровождаемая оказанием экспертных и проектных услуг, должна быть рутинной функцией любого планировочного органа. Аналогично рабочие группы, решающие текущие острые проблемы региона, могут создаваться на время, а их состав — меняться в соответствии с изменением целей. К тому же среди этих целей лишь иногда будут возникать такие задачи, где сенсорное качество оказывалось бы первостепенным сюжетом.

И все же по мере встраивания названных функций в общую структуру обычных работ сохранение небольшого специализированного отдела остается необходимостью. Он должен служить «внутренним» источником поддержания внимания к сенсорному качеству в ситуациях, когда множество проблем одновременно требует внимания. Этот же отдел должен служить опорной профессиональной базой для исследователей и проектировщиков среды, работающих в других подразделениях. За ним сохраняются особые функции: проведение сенсорного диагноза и оценка сенсорных эффектов иных решений; разработка справочников, программ и методик для проектировщиков; разработка иллюстративных, системных и поисковых проектных решений; оказание услуг общественным группам и другим агентствам. Этот постоянный отдел должен быть мал по сравнению с общим персоналом планировочного органа, что облегчит ему возможность участия в комплексных исследованиях и готовность к реорганизации в случае возникновения новых проблемных ситуаций.

Агентство может назвать такой отдел — «отдел планировки города», хотя такое название скорее предполагает, что планировка — единственная задача отдела, что никто другой не занят планировкой и что этот отдел реально формирует мир города. Более того, такое название предполагало бы, что эта группа работает только над городским ландшафтом, не затрагивая окрестностей. Может быть, учитывая все это, следует назвать отдел «отделом качества среды».

Это соответствовало бы наименованию комиссии, о которой уже шла речь, и было бы особенно уместно, если группа занималась бы экологией, здравоохранением, а также психологическим и социальным воздействием форм окружения. Именно такая комбинация была бы наиболее логична. Мы отнюдь не стремимся к обособлению чувственно ощутимой формы от других проблем. Напротив, сенсорные проблемы должны быть обязательным элементом любой попытки планировки, должны рассматриваться в одном ряду с политическими, социальными и экономическими компонентами любого общественного, стать основой первого рапорта о чувстве региона.

На основе предварительных данных трех типов группа региона начинает осмысливать «все, что в принципе возможно» в региональном масштабе. Речь идет о некой синтетической программе, построении экспериментального набора критериев, обзоре предварительных соображений о том, какими могли бы стать различные элементы региона. На этой стадии размышления могут и должны быть свободными, даже безответственными. Это предложения, которые изначально предназначаются для того, чтобы их позже отбросить: таково начало проектирования — без него и обзоры, и дискуссии не многого стоят.

Информация сама по себе не порождает идей, хотя может стимулировать их рождение. Напротив, идеи поверяются информацией. Слишком часто при проектировании среды стремятся лишь к улучшению непосредственно очевидных кризисных состояний или к сохранению чего-то конкретного: в результате новые возможности так и остаются невыясненными.

В то время, как группа первой линии сосредоточена на наиболее обобщенной тематике, вторая группа (назовем ее «корневой», поскольку она выходит на тех, кто образует собой «корни» региональных учреждений) движется совсем в ином направлении. Общий обзор образа региона даст, разумеется, некоторое представление о нуждах людей, но полученная информация будет непременно безличной, бесстрастной и усредненной. Более того, она и не может в силу этих качеств быть пересмотрена и откорректирована теми, кто дал для нее исходный материал. Соответственно «корневая» группа начинает с выбора одной или нескольких групп клиентов для первичного диалога.

Группы могут отбираться по территории проживания или пользования, классовой принадлежности, возрасту, полу, этнической принадлежности или роли в формировании окружения. Поскольку одновременно можно работать лишь с несколькими людьми, выбор имеет первостепенное значение. В зависимости от ситуации он может пасть на тех, кто финансирует крупные программы развития территорий, на подростков в гетто, домовладельцев в новом пригороде или пассажиров местного транспорта. Группа выбирается или в связи с тем, что она особенно сильна или особенно обездолена, или в связи с тем, что ее составляют люди, для которых окружение имеет принципиальное значение. В любом случае отбираются те, с кем реально можно связаться, у кого можно многое узнать и кто в свою очередь надеется приобрести в границах разумного временного промежутка реальное воздействие на свое окружение, если они уже им не располагают. Политическая картина региона и принципиальные решения влияют на выбор. При этом необходимо руководствоваться двумя дополнительными критериями: группа должна иметь максимально прямое отношение к какой-то региональной проблеме; она должна состоять из людей, которые еще не имели возможности высказаться по поводу решений регионального масштаба, но их голос вот-вот приобретет силу.

Установив первоочередной выбор, консультанты начинают диалог с выборкой по каждой группе. Программирование сенсорной формы не может осуществляться как независимое от общества действие.

Характерные сложности

Очердность

В работе над чувственно постигаемым окружением встречаются постоянно одни и те же трудности. Одна из них — вопрос о месте сенсорного качества в ряду других средовых сюжетов. Гораздо чаще, чем хотелось бы, оно оказывается в самом конце списка срочных вопросов. Это качество трактуется как роскошь, которой не мешало бы заняться при наличии в руках излишка средств. Оно оказывается высоко в шкале первоочередных дел только в том случае, когда некое редкостное свойство окружения, к которому жители глубоко привязаны, находится под угрозой, как, например, в уникальных исторических зонах. И все же высокий статус сенсорного качества редок в американском городе даже в таких исключительных случаях. Ясное и открытое сенсорное программирование осуществляется до сих пор лишь в районах проживания «верхне-среднего класса», богатых городах и туристских районах.

Эстетические качества часто трактуются как нечто легковесное и бесформенное, подобное мыльной пене: трудно анализировать, легко сбросить — наша культура смотрит на чувственно воспринимаемую форму как на сугубо поверхностный феномен, своего рода полировку или глянец, наносимый на поверхность, когда что-то содержательное и существенное уже сформировано. Но поверхность сцеплена с внутренним содержанием, с сутью, именно она играет ключевую роль в процессе функционирования целого, поскольку именно на поверхностях осуществляются всякая взаимосвязь и всякий обмен. Все, что мы знаем и чувствуем (за исключением генетического наследия), приходит к нам с поверхности.

Забота об ощущении и постижении среды не специфична для богатства, хотя сенсорные ценности, присущие богатым, более четко выражены и легче навязываются всем остальным. Чувство места — его пыль, духота или бесчеловечность, которая в нем выражена, — может быть еще важнее для тех, кто из-за бедности непосредственно сталкивается с ним. Достаточно часто демонстрировалось, что различия средовыми предпочтениями профессионалов и обывателей происходят не только из специального образования, но и вследствие разной классовой принадлежности*. Обсуждения этих расхож-

* Во избежание недоразумения необходимо иметь в виду, что Линч, сообразно традициям американской социологии, под классом понимает социальную группу, выделяемую по внешним признакам, и понятие «класс» не имеет в тексте отношения к марксистской интерпретации его содержания. (Прим. пер.)

дений показали, что критерии качества различны или, точнее, что при всей соизмеримости ценностей нет ни универсальных решений, ни универсальной шкалы очередности по значению. Так, общества с весьма скудными ресурсами могли затрачивать поразительно большую часть средств на символическое оформление бытия: карнавалы, соборы, фейерверки, цветы или полихромия. Конечно же, выживание всегда имело первичное значение, но удивительно, как близко допускали и допускают люди приближение к самой границе выживания во имя удовлетворения чисто человеческой жажды знаний и чувств. Да и само выживание опирается на сенсорные факторы.

Нет оснований обобщенно определять, какое — высокое, среднее или низкое — значение придается сенсорному качеству, — в каждой конкретной ситуации одни элементы чувственного переживания будут играть критическую роль, другие — среднюю, третьи казаться несущественными. Соответственно ключевой характеристикой может оказаться отсутствие тени при палящем солнце, наличие символического выражения социального единства группы, ясная система ориентации, спокойное окружение, выраженность потенциала территории или привлекательность средовой фактуры. Дизайн среды отнюдь не означает непременно мрамора, помпезных бульваров и величественных зданий, некоторые сенсорные изменения по существу дешевы. Простая глина и простая трава могут служить для них первоклассными материалами.

Сенсорные качества нередко отбрасываются из круга проблем, подлежащих общественному решению. Их объявляют «субъективными», поскольку речь идет о том, как люди воспринимают и ощущают. Но ведь и другие нормы тоже субъективны: материальные блага, считающиеся необходимыми для обеспечения комфортности, риск несчастного случая, принимаемый за «разумный», степень умственного переутомления, считающаяся допустимой, и т. п. Подобные нормы трактуются как «объективные» лишь потому, что они привычны, ясно кодифицированы и кажутся чем-то вне нас. На самом деле их уточненная формулировка есть дело оценки и субъективного суждения и опирается на те или иные скрытые допущения. До известной степени нормы опираются на суждение о всем человеческом роде, другие относятся лишь к какой-то категории людей: никто не в состоянии пережить усекновение главы, но иные благополучно переживают курение. Совершенно аналогично одни сенсорные нормы относятся к любому человеческому существу, другие соотносимы с особыми идеями и ценностями больших социальных групп: третьи — с особыми местами, социальными ролями или соматическими типами; и, наконец, четвертые относятся к чистым идiosинкразиям. Общественная политика должна быть чувствительной к этим вариациям. Но если она разумна, то не может и не должна уклоняться от вопроса ценности и субъективного. Примем раз и навсегда, что сенсорное качество субъективно по своей природе, что оно в большой степени зависит от особенностей людей и мест, что оно отнюдь не исследовано в надлежащей степени. Это означает,

однако, лишь то, что сенсорные программы будут сильнее различаться в зависимости от ситуаций, чем это свойственно программам всех других типов.

Там, где на чувственно воспринимаемое качество смотрят как на ненужную роскошь, работы по реорганизации всего региона могут оказаться зависимыми в первую очередь от личных убеждений немногих, отнюдь не имея поддержки в широком общественном мнении, получающем политическую выраженность. Средства в руках группы могут при этом оказаться скорее всего ничтожными. Тем важнее, чтобы исследования могли максимально быстро перейти от сугубо специальных интересов к тем сенсорным факторам, которые включены в контекст проблем, имеющих очевидную важность для многих. Даже самые «жесткие» ситуации обладают сенсорными измерениями: качество повседневной жизни в пионерном поселении, сенсорные условия, в которых осуществляется индустриальный тип труда, воздействие предметной обстановки на здоровье детей и их воспитание.

Можно начать с любой из этих непосредственных реалий — у сюжетов сенсорного качества есть одно тактическое преимущество: они затрагивают каждого, они очевидны каждому, и (впрочем, только сначала) они кажутся мало затрагивающими установившуюся картину распределения интересов по сравнению с многими другими вопросами планирования.

Можно обойтись без роскошных изданий, которые столь часто ассоциируются с «визуальными исследованиями», и тактика работы может одновременно стать упрощенной и ускоренной. Полевые исследования или интервью можно провести с помощью добровольных помощников; неопытный персонал можно превратить в квалифицированный в ходе работы. Дорогостоящих консультантов следует привлекать иногда лишь для того, чтобы преодолеть затруднения в ходе работы или обучить местный персонал, а не для самостоятельного проведения работ. К счастью, опыт, который должен изучаться, — это личный опыт каждого, а то время, что теряется на координацию и обучение делу, стократ оплачивается ростом заинтересованности на месте и умения.

Сохранение

Наибольшую известность приобрели визуальные исследования существующего первоклассного ландшафта*. Сохранение — относительно простая цель, и к тому же легко добиться полити-

* Линч отсылает к работам Комиссии сохранения береговой зоны Калифорнии (1974); исследованию М. Чераззи долины Тичино в зоне Милана (1970); работе градостроительной комиссии Швейцарии над генеральным планом сохранения региона Лозанны (1970); работе К. Файнса по восточному Сассексу в Англии (1968); работе Транспортного комитета штата Вашингтон по ландшафтной и рекреационной организации дорожной сети (1974) и т. п. (Прим. пер.)

ческой поддержки усилий по спасению того, что для каждого очевидно. К сожалению, большинство существующих ландшафтов лишены цельности, расчленены и разорваны, и самым сложным в таких ситуациях оказывается начать! Сначала кажется, что сохранять вроде бы нечего: все настолько неумовимо, что лишь немногие представляют себе скрытые возможности, так как не видели успешных выходов из подобных же ситуаций. Хуже того, большинство не верит в возможность сделать вообще что бы то ни было.

В такой ситуации остается начать с существующего состояния: как люди пользуются своим окружением? что они делают с ним? какие черты места они ценят? от чего в окружении они особенно страдают? какие реальные перемены можно было бы осуществить в реальные сроки? От мелких действий, привязанных к сугубо локальным ситуациям, можно перейти к более широкому фронту активности, набирая постепенно общественную поддержку. Даже малые, но бросающиеся в глаза улучшения оказываются весьма мощными стимулами: покраска, озеленение, знаки на улице могут оказаться полезным началом, если только каждый шаг ведет к следующему, не давая остыть пробудившимся надеждам.

Нет такого региона, в котором бы не было чего-либо достойного сохранения. То, что люди склонны отождествлять сенсорное планирование только с уникальностью, богатством, наконец, первозданной природой, — печальное недоразумение. Даже те ландшафты, которые очевидно стоят охранения, редко можно сберечь в нетронutom виде. Чувственно воспринимаемое качество столь тесно переплетено с повседневным функционированием, столь зависит от сегодняшних представлений о контексте и его элементах, что оно — непрерывно изменяющаяся реальность. Максимум чего можно добиться — это охранительного регулирования, способного направлять и сдерживать «вращение спены». На нас особенно сильно влияют темп ощущаемых перемен, их направленность и связанность с прошлым и будущим.

Чувственно воспринимаемые качества нередко прямо сопрягаются с экологическими факторами: большинство современников находит огромное удовлетворение в «естественном», и к тому же подавляющее большинство экологически уравновешенных территорий обладает несомненной внешней привлекательностью. Вид места часто служит выражением его экологического состояния, и заботу о чувственно воспринимаемом в окружении нередко можно приравнять к сохранению природы. Связь с экологией — полезный тактический союз, но в содержательном смысле довольно рискованный: чувственно хорошее окружение складывается не только из деревьев и сельских идиллий, да и отнюдь не все стабильные экологические системы красивы.

Сенсорное качество непосредственно сопряжено с историей места. Характер места есть результат исторического развития, и знание того, чем оно было, как оно стало тем, что есть, и какие исторические силы поддерживают его существование, позволяет уяснить,

как сохранить этот характер или усилить его. Но и здесь связь привлекательности с историческим процессом отнюдь не означает, что забота о сенсорном качестве — это прежде всего забота о сохранении исторической памяти или что развитие места не может испытать резкое изменение. Часть исторического прошлого не существенна для привлекательности места либо потому, что все это случилось слишком давно, либо потому, что о нем лучше бы вовсе забыть. Тот факт, что наибольшая забота о сенсорном качестве до сих пор проявлялась в областях, предназначенных для сохранения исторического наследия, объясняется скорее недоразвитостью проблематики, чем ее естественным ограничением.

Политические аспекты

Чувство места является также и фактом политического бытия. Те изменения, которые могли бы произойти с внешним обликом населенного места, зависят от того, кто здесь осуществляет контроль. Более того, сама внешность способствует закреплению и усилению рисунка политической структуры. То, что люди видят и слышат, может отчуждать людей, внушать им трепет, заставлять умолкнуть или лишать их понимания вещей. Символы имеют большую силу. Потому-то чувственно воспринимаемый образ окружения был столь важным делом для правящего класса, и именно потому бунтари разрушают вещи, что их символика ненавистна.

Но осязаемое окружение может также служить объединению небольшой общины, создавать терпимые жизненные условия для различных аутистов или служить символической поддержкой дела революции. Так, в первые годы существования Советского Союза улицы были заполнены огромными символическими декорациями, а зажженные на окнах свечи укрепляли датское сопротивление во время немецкой оккупации. Более того, поскольку многие из желательных сенсорных характеристик опираются на общечеловеческие свойства и являются, по словам экономистов, неделимым фондом (чистый воздух, зелень парков и пр.), для большинства ситуаций будет справедливо суждение, что изменения сенсорного качества среды могут повысить качество жизни для всех.

В то же время сенсорное качество нередко представляет собой фактор в политическом конфликте, хотя и редко выявляется как таковой. Так, анализ уровней этого качества по региону четко показывает, сколь неравномерно распределены сенсорные ресурсы и возможности. Участки, с которых открывается красивый вид, дорожки и, естественно, заняты состоятельной публикой; жилая застройка, предназначенная для рабочих, обычно выкупается «средним классом» (пригород Лондона Хемпстед-гарден — классический тому пример). Подобное же неравенство играет ключевую роль в дискуссиях относительно использования земли и программы развития. По мере разрастания городов одной из целей новоселов пригорода становится поиск лучшего окружения, и те же сенсорные качества

окружения пытаются защитить от нашествия ранее преуспевшие переселенцы. Понимание природы сенсорного качества лишь проявляет сущность как несправедливости монополизации среды, так и ценности того, что испытывает угрозу нашествия.

Знание такого рода необходимо нам для того, чтобы в процессе урбанизации, когда мы стремимся увеличить равенство, не уничтожить одновременно как раз то, что является предметом всеобщего стремления. В противном случае последовательное улучшение качества окружения может лишь увеличить реальное неравенство удовлетворения потребностей, за исключением тех случаев, когда объект реконструкции — некое общественное достояние или когда реконструкция «просачивается» в среду в течение весьма длительного времени.

Следует считать с тем, что исследования сенсорного качества могут вызывать подозрения в том, что они — лишь внешнее прикрытие для стремления монополизировать среду. Изобранные проектные решения и впрямь нередко служили аргументом в пользу крупномасштабных капиталоемких строительных программ, а охрана ландшафта бывала уже предлогом для недопущения новых людей на какую-то территорию. Планировочное агентство должно тщательно избегать возможности оказаться подозреваемым в такого типа связях, публично предъявляя совокупность общественных последствий реализации какого-то изящно выполненного проекта, стремясь расширить общественный контроль и уже тем высказываясь в пользу работ, непосредственно вовлекающих в диалог клиентов. Агентство должно исходить из множественности чувственно воспринимаемых ценностей и предпочтений во имя защиты пространственных и временных территорий локальных сообществ от нежелательных разрушений. К сожалению, приходится считаться с тем, что, осуществляя подобную программу поведения, агентство может потерять долю первоначальной поддержки главенствующих социальных групп.

Центр контроля и принятия решений — вот о чем здесь идет речь. Должен ли дизайн среды быть централизованным или децентрализованным и до какой степени? Требуется ли ответ на этот вопрос столь специального рассмотрения, чтобы цели и решения вырабатывались высококвалифицированными профессионалами? Должны ли решения быть прерогативой тех, кто обладает экономической и политической силой, коль скоро только они могут их реализовать? Типичные задачи в дизайне среды действительно нуждаются в значительных средствах и прочной координированности, поэтому те, кто ведут проектирование, охотно перехватили бы инициативу у тех, кто обладает средствами.

В самом деле, крупномасштабное проектирование нередко оказывалось средством усиления и символического выражения централизации власти. Происхождение градостроительства коренится в задаче создания священных городских центров: Теотихуакан, крупные комплексы майя, города Шанского Китая, храмовые комп-

лексы Месопотамии и Египта или Чан-Чан там, где теперь Перу. Священный трепет, внушаемый этими монументальными композициями, был прямым орудием централизации власти в перегруппировывающем свои ресурсы обществе.

Но можно ли в качестве альтернативы рассматривать создание того, что будет хорошо продаваться, исходя из способности рынка наилучшим образом выражать массовые желания? И можно ли довериться демократическому политическому процессу в качестве средства уравнивания противоречивых требований? Если так, то дизайн среды становится средством выявления конфликтных требований и их последствий и погружается в самую гущу политики.

Найдутся и такие профессионалы, которые отвергнут все названные подходы. Для них правильная стратегия заключается в том, чтобы максимально децентрализовать действие. Пусть каждый сам обнаруживает собственное окружение. Свергнуть с пьедестала богородицеобразного проектировщика или превратить его в учителя среди равных ему учеников, в специализированного сотворца. Профессиональные тайны проектирования следует превратить в доступную информацию, пользуясь которой малые группы смогли бы придать форму своему месту.

Наша точка зрения заключается в том, что контроль над окружением следует децентрализовать в границах возможного, но не доводить децентрализацию до абсолюта. Да, индивиды или во всяком случае малые группы должны обладать компетенцией для формирования собственного ближайшего окружения, если это входит в круг их желаний. Здесь профессионал может помочь формированию «диффузной» компетентности за счет инструктажа, технической помощи, играя роль источника информации или генератора возможностей. Но есть качества, и весьма существенные, которые в принципе не поддаются освоению в малом масштабе: формы открытых пространств или транспортных магистралей, системы стандартизованных объектов, качество воды и воздуха, широко понимаемые нормы социально приемлемого действия.

Есть также немало локализованных мест, которые, однако, не могут быть «приписаны» к малой, стабильной группе пользователей. К тому же приходится иметь дело и с межгрупповыми конфликтами, и с задачей выравнивания распределения сенсорных ресурсов. В таких случаях профессионал — это общественный эксперт, способствующий политическому процессу принятия решений и стремящийся сохранить открытость к изменению и развитию этого процесса, к насыщению его знанием. Там, где клиентов много или они неуловимы, или их просто еще нет, профессионал стремится приспособить место к их нуждам — он играет посильную роль их представителя.

Он рекомендует общую политику перевода решений системного характера на локальный уровень в деле определения общих правил соучастия пользователей в проектом процессе, масштаба капиталовложений и их локализации во времени. Все это подчеркивает

необходимость переноса акцента с регулирования поведения на широко понимаемое просвещение, на действия, развивающие чувствительность к проблемам среды и искусство; скорее на разнообразие и гибкость формы, чем на грандиозность результатов; на контроль со стороны пользователей и оказание им консультативной помощи; наконец, на использование таких методических схем, которые способствовали бы гибкости и незамкнутости содержания решений. Заметим, что подобная точка зрения сужает возможности действий, поскольку немало типов крупномасштабных работ не отвечают перечисленным требованиям.

Помимо противоречивых отклонений к централизации существует еще один диапазон представлений, в котором одни профессионалы противостоят другим. Одни — это те, кто ради эффективности деятельности стремится оказаться как можно ближе к тем точкам, где сегодня принимаются решения, а другие — те, кто хочет перестроить общество и озабочен в первую очередь демонстрацией этого стремления и политическим просвещением. Каждая из позиций означает свои собственные формы исследований и свою методику проектирования. Выбор методики не может быть осуществлен по внутрипрофессиональным соображениям — политические представления, модель человека оказываются здесь источником технических предпочтений. Выбор во всяком случае неизбежен.

Качество окружения нередко захлестывается активностью общественных или частных агентств, подталкиваемых к действию стремлением к прибыли, выживанию или просто жадой «что-то с этим сделать». Их узкоориентированная направленность на эти простые цели порождает характерное пренебрежение привлекательностью окружения. Очень часто орган планирования идет на уступки перед напором этих сил: заключаются сделки, идет маневрирование в трещинах на теле процесса принятия решений, и лишь таким образом выполняется некоторая полезная работа. Планировочный орган может ставить вопрос на обсуждение, вводить новую информацию, продвигать политическое действие. Однако ни одно официальное агентство не в состоянии идти дальше и делать нажим на изменение структуры общества (что, может, и необходимо в первую очередь). Однако и содержание предоставляемой им информации, и способ работы с клиентами могут помочь другим двигаться по этому пути.

Практически перед нашим планировочным агентством более скромный выбор. Будет ли оно прежде всего обслуживать (и побуждать некоторые сдвиги) те группы, которые сейчас определяют форму ландшафта: будет ли оно стремиться прежде всего контролировать и сдерживать их действия; или же оно исходит из надежды изменять структуру решений каким-то немедленным и заметным образом? Так или иначе, трудная, но устойчивая стратегия — такая перестройка процесса принятия решений, при которой сенсорное качество среды станет интегральной частью внутреннего критерия успешности работы. Думается, что именно это наиболее су-

цественно. Разумеется, необходимо хорошо понимать «реальность развития» (эвфемизм, означающий для каждого момента времени способ, каким обычно делаются дела) для того, чтобы деятельность нашего агентства приводила к какому-то результату. Но знание, понимание отнюдь не означают фатальной необходимости отбросить надежду на перемены структурного характера. Напротив, оно обязательное предварительное условие таких перемен.

Знание и чувство

Есть интеллектуальные мотивы, не совсем независимые от вопросов политики, которые непременно всплывают на поверхность, как только речь заходит о качестве окружения. Можно ли работать с сенсорным качеством сугубо рационального или оно постигается исключительно интуитивно, чувством? Нужно ли здесь вообще научное подтверждение? Возможно и полезно ли приводить чувственное восприятие к измеримым данным? Наконец, какова здесь роль художника или проектировщика?

Наша позиция предпочтения децентрализации и демократических решений неизбежно обрекает нас на открытую демонстрацию всего хода работы. Цели, данные, решения — все это должно становиться предметом дискуссии. Художественная таинственность не более приемлема для утверждения сенсорной политики, чем для определения экономической или социальной политики (хотя профессионалы в этих областях творят собственные таинства). Но интуиция при этом отнюдь не изгоняется — она участвует в процессе творчества, результаты которого означают формирование предмета публичной дискуссии. Та же интуиция играет ключевую роль в научном открытии. Более того, решения на уровне малых групп могут оставаться интуитивными или неявными до тех пор, пока эта группа формирует собственное пространство и не испытывает нужды объяснять резоны своего поведения вовне. Однако настоящие публичные решения пугаются в систематизации и открытости: «проектные соображения» не могут сохранить силу признаваемого бастиона чистой гениальности.

Уже в силу этого научного доказательства взаимосвязанности чувственно воспринимаемой формы и полноты человеческого существования приобретает значительную ценность. Однако научная точность нужна не всегда и тем более не всегда имеет решающее значение. Нам вовсе не нужно устанавливать вечные истины по каждому случаю. Научное подтверждение полезно тогда, когда с его помощью некий пользователь может уяснить себе ту силу, с которой окружение воздействует на его жизнь, или когда посредством этого знания можно перевести характер этого воздействия в категорию процесса принятия решений. В то же время если раскрыть для пользователя ясную форму процесса принятия решения, в котором он играет определенную роль, то этот пользователь будет действовать правильно без всякой опоры на научные подтверждения.

Научное знание расширяет, естественно, содержание нашего представления о необходимом, но некоторое представление у нас уже есть — мы обладаем достаточным опытом в использовании данных нам чувств.

Более того, сведения, подлежащие использованию в нашей области, отнюдь не должны имитировать форму научных сведений, используемых в иных областях. Количественно выраженная информация полезна потому, что это информация в наиболее ясной форме, однако весьма опасно количественно измерять тонкие, ускользающие от точного формулирования феномены. Ужесточение формы анализа нередко приводит к тому, что его объект трещит и раскалывается и содержание вытекает через образовавшиеся трещины. Наиболее полезные для проектного процесса данные носят обычно прямой характер, без сложного опосредования: описательные рисунки и вербальный комментарий к ним, побуждающие воображение изображения, киносъемка поведения людей, графические модели мест, поэтические описания. Статистика уместна для записи простейших характеристик вроде температуры, силы звука, степени различимости, плотности функционального использования или обобщенных предпочтений. Если ее пытаются применять к комплексному содержанию преимуществ, значений, ценностей или характеристик, вся эта вычислительная механика стирает содержание в порошок.

В деле планировки среды проектирование — слово с совершенно путаным содержанием, колеблющимся между двумя иллюзиями. Согласно одной, это нечто, имеющее отношение только к внешнему виду; согласно другой — это прежде всего проектирование сооружений. Однако в действительности у дизайнера гораздо более общее значение — это творческое формирование возможной формы вместе со способом ее достижения во имя реализации некоторой сугубо человеческой цели. Можно проектировать и скульптуру, и механизм, и мебель для гостиной, оставаясь дизайнером, поскольку дизайнерское проектирование вовсе не сосредоточено на внешнем виде чего бы то ни было, на каком-то одном избранном функциональном содержании, испытывающем воздействие со стороны формы.

Чувство окружения — лишь одно из следствий его ранее спроектированной структуры (если ее форма сознательно проектировалась). В редких случаях сенсорное качество является доминантной характеристикой места (в Луна-парке, например), и в столь же редких случаях оно вообще может игнорироваться (в прокладке подземных инженерных коммуникаций или в планировке автоматизированного складского здания). Но везде, где присутствуют люди, везде, где они активны, обобщенная привлекательность места — по меньшей мере одно из ключевых последствий сложившейся формы окружения. Этот фактор вместе с другими ключевыми должен быть включен в проектную задачу для любого места с самого начала.

Я высказываюсь, таким образом, в пользу такого типа сенсорного или средового планирования, который был бы теснейшим об-

разом связан с повседневными решениями относительно общественного достояния, со всеми прочими формообразующими звеньями при создании пространственной формы. Критерии оценки такого процесса должны быть равно операциональными и поддающимися прямой проверке. Его осуществление должно иметь открытый характер и политическую направленность; оно должно быть подчинено вниманию к интересам пользователя, оказанию ему помощи в понимании его собственной взаимосвязанности с ландшафтом, в овладении средствами контроля над его окружением. В этом очерке сделана попытка наметить контуры подготовительной работы для организации такого политического по существу процесса. Нужно ли еще раз говорить о том, что само по себе техническое мастерство, не сопровождаемое социально-экономическими переменами, не способно привести к созданию заново «золотого века»?

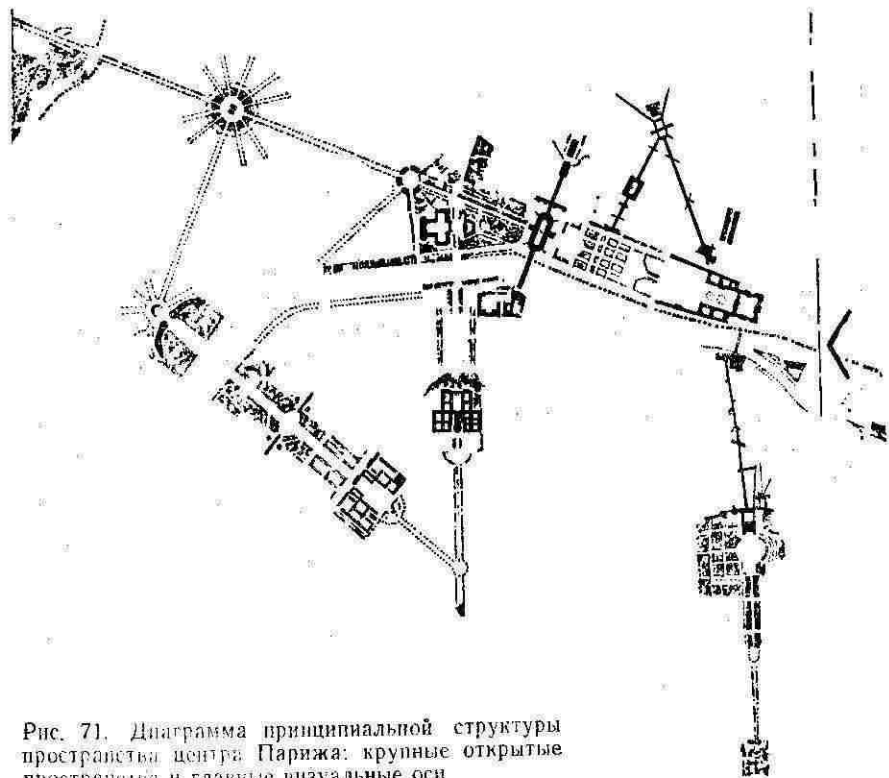
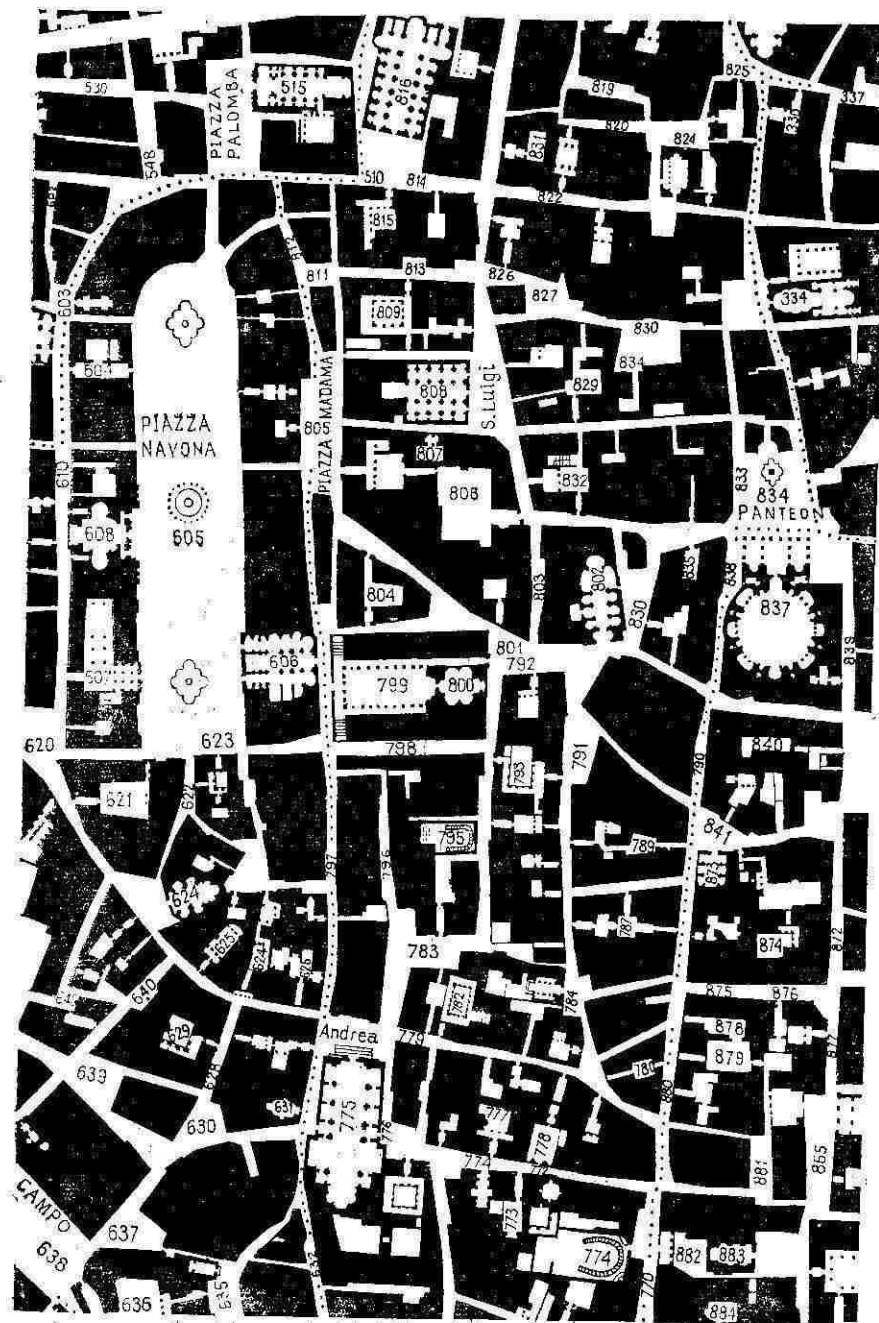

Рис. 71. Диаграмма принципиальной структуры пространства центра Парижа: крупные открытые пространства и главные визуальные оси

Рис. 72. План застройки Рима 1748 г., выполненный Нолли, выражает всю сложность фактуры, образованной улицами, площадями, интерьерами соборов, дворцами, дворами и садами

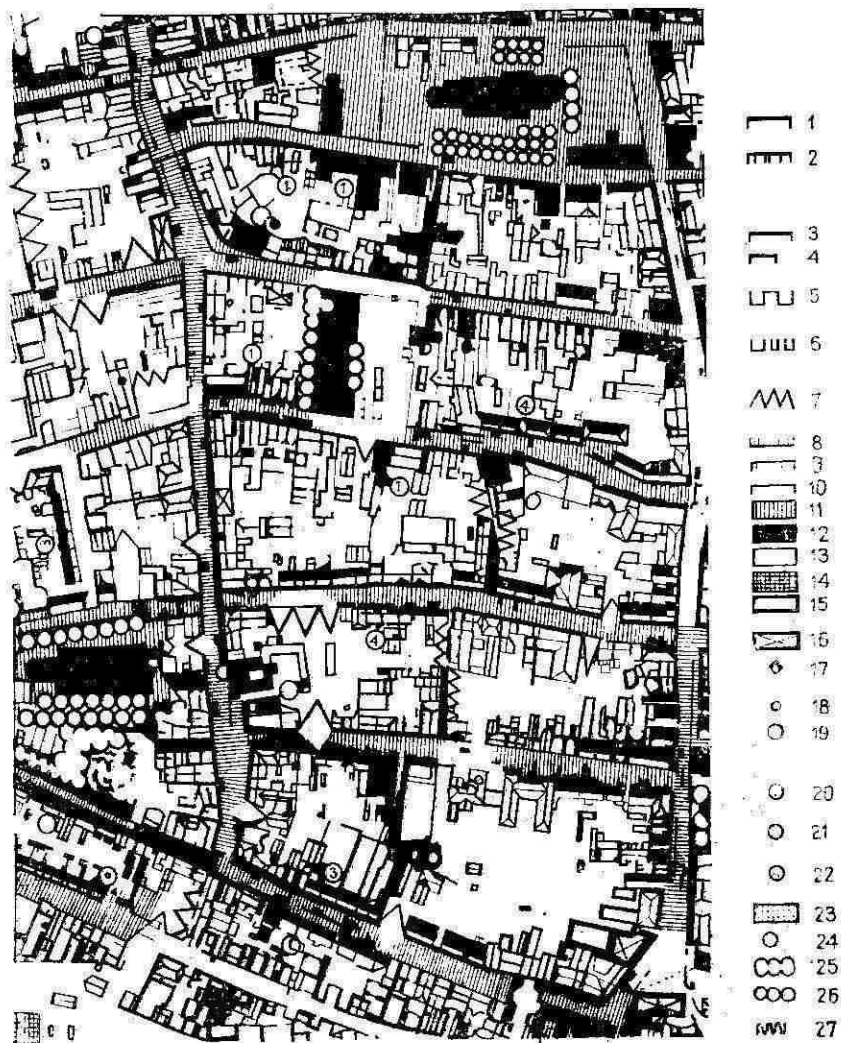

Рис. 73. Детальный пространственный анализ центральной зоны города Линцштадт, ФРГ

1—плотный фронт застройки; 2—ряд отдельно стоящих зданий с выявленным фактом и формы кровли; 3—исторические памятники; 4—под охраной закона; 5—пространственное взаимодействие; 6—пространство улицы, формируемое отдельно стоящими зданиями; 7—отсутствие пространственной характеристики; 8—откос и река; 9—плотина; 10—мост; 11—площадь, поверхность улиц; 12—узкий газон; 13—парк; 14—недоступная территория; 15—отдельно стоящее сооружение; 16—здание, «выступающее из масштаба»; 17—башня, видимая на расстоянии; 18—труба; 19—деревянно-каменные постройки XVII-XIX вв.; 20—крытые шифером дома горожан классического периода; 21—крытые шифером дома-строения классического периода; 22—крытые шифером обложившиеся дома позднелессического периода; 23—позднелессическое дерево, естественный ориентир; 24—плотная куча деревьев; 25—аллея; 26—живые изгороди, кустарники

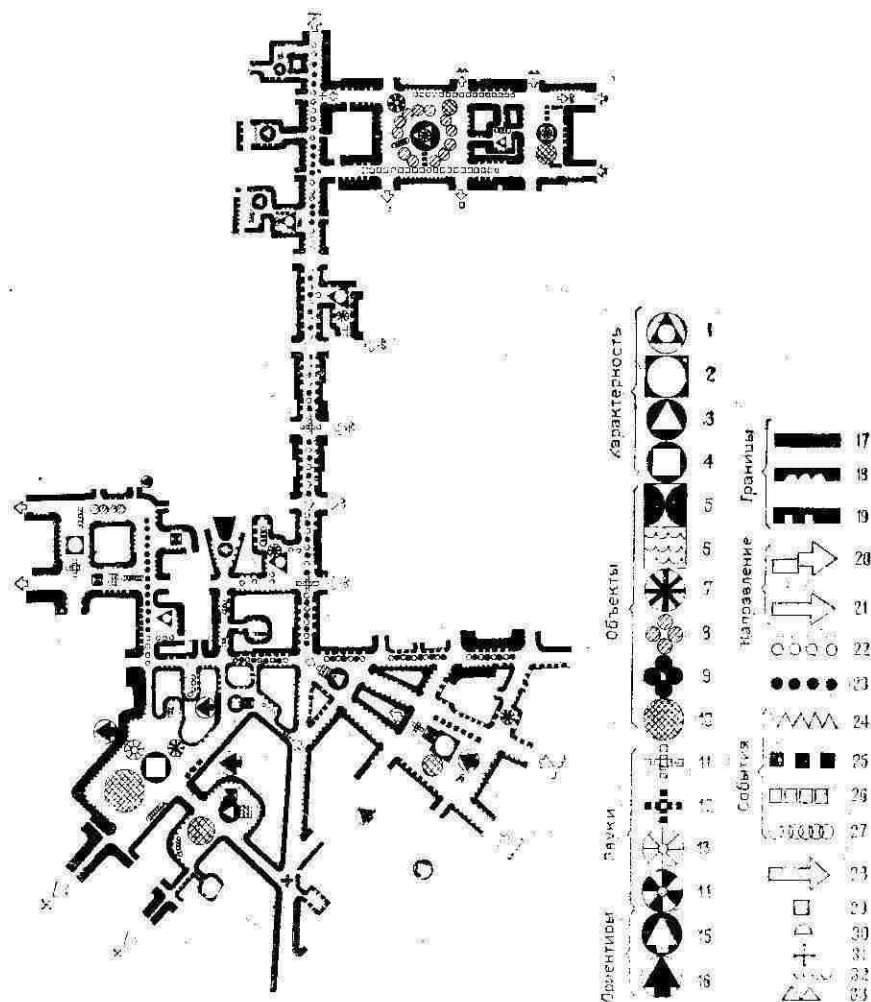

Рис. 74. Пространственный анализ фрагмента Миннеаполиса, отображающий как расположение физических объектов, так и субъективные впечатления

1—вселое; 2—элегантное; 3—интимное; 4—подвижное; 5—скультура; 6—контраст; 7—акцент; 8—экран; 9—выгородка; 10—замощение; 11—гул; 12—нерегулярный стук; 13—спокойный стук; 14—ритмизованный стук; 15—в экстерьер; 16—в интерьер; 17—непреодолимые; 18—полупреодолимые; 19—преодолимые; 20—спуск; 21—подъем; 22—витрины; 23—тротуары; 24—игры; 25—сидение; 26—прогулки; 27—общение; 28—вид; 29—здание; 30—Капитолий; 31—церковь; 32—река; 33—оборы

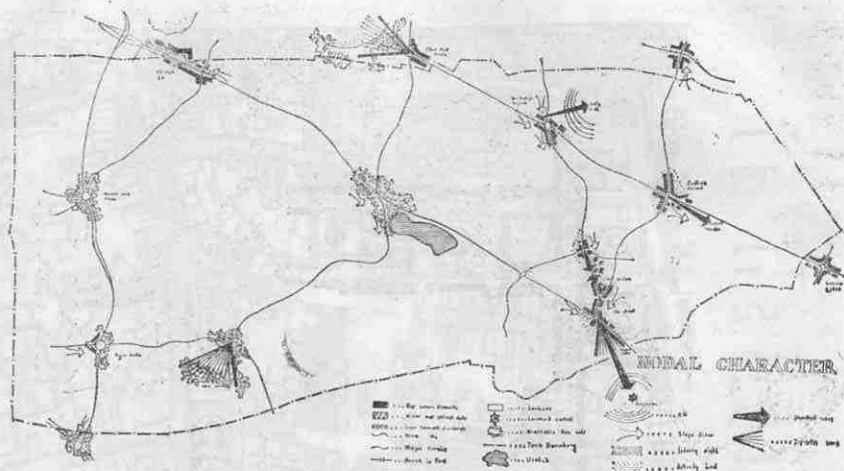

Рис. 75. Структура Бруклина (штат Массачусетс), представленная через анализ главных узлов

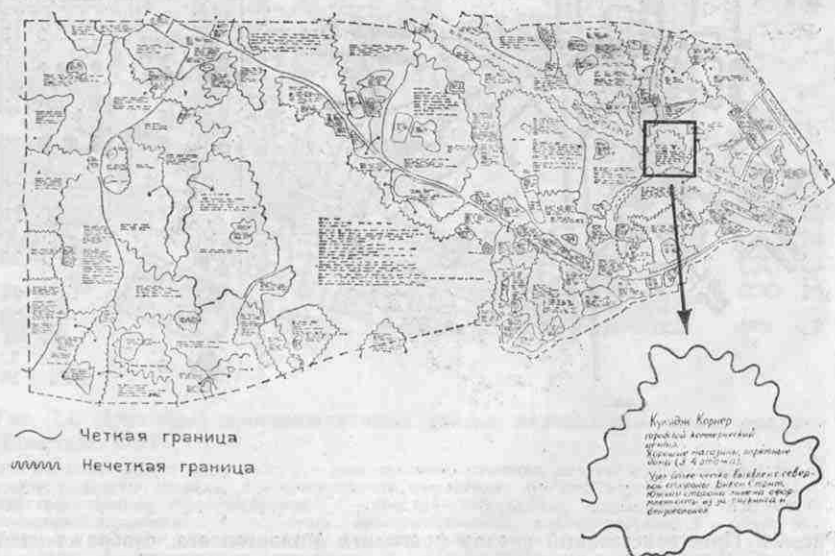

Рис. 76. Город Бруклин подразделен на зрительно подобные районы

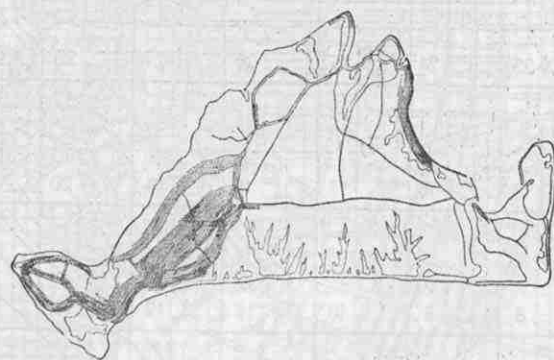
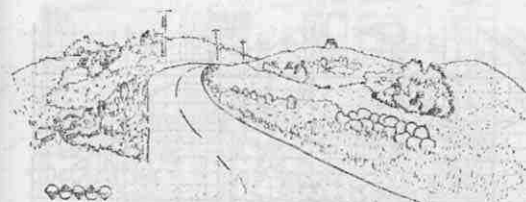
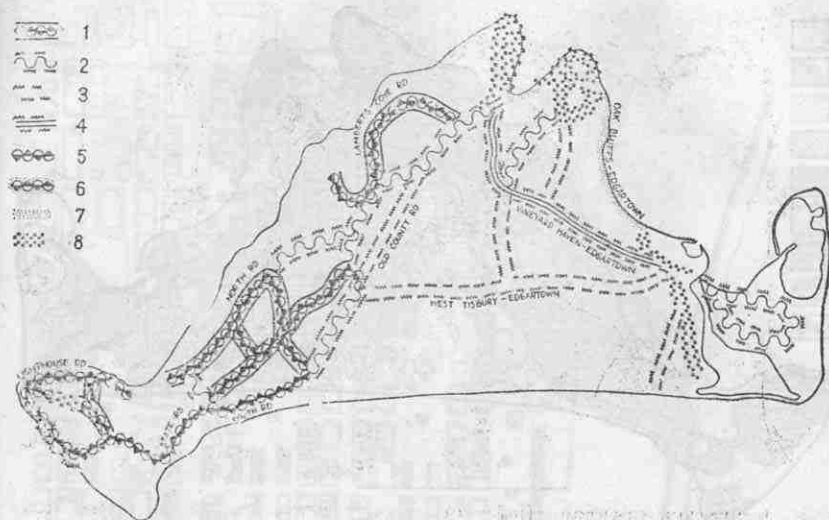

Рис. 77, а, б, в. Пейзажная карта дорог на острове «Мартин виноградник»: классификация по типам и пример одного типа. Для сравнения приведена карта предпочитаемых дорог, позволяющая заметить соответствие предпочтения и типа дорог

1 — узкая, извилистая, всхолмленный рельеф, густой лес, минимум застройки; 2 — узкая, извилистая, плоский рельеф, лес и луг, есть застройка; 3 — узкая, прямая, плоский рельеф, лес и луг, есть застройка; 4 — широкая, широкие обочины, прямая, равнина с лесом, есть застройка; 5 — узкая, извилистая, открытый холмистый пейзаж, есть застройка; 6 — прибрежная извилистая, плоский или слабовсхолмленный ландшафт, есть застройка; 7 — пляж вдоль обрыва; 8 — прямая, на плоском, плотная застройка

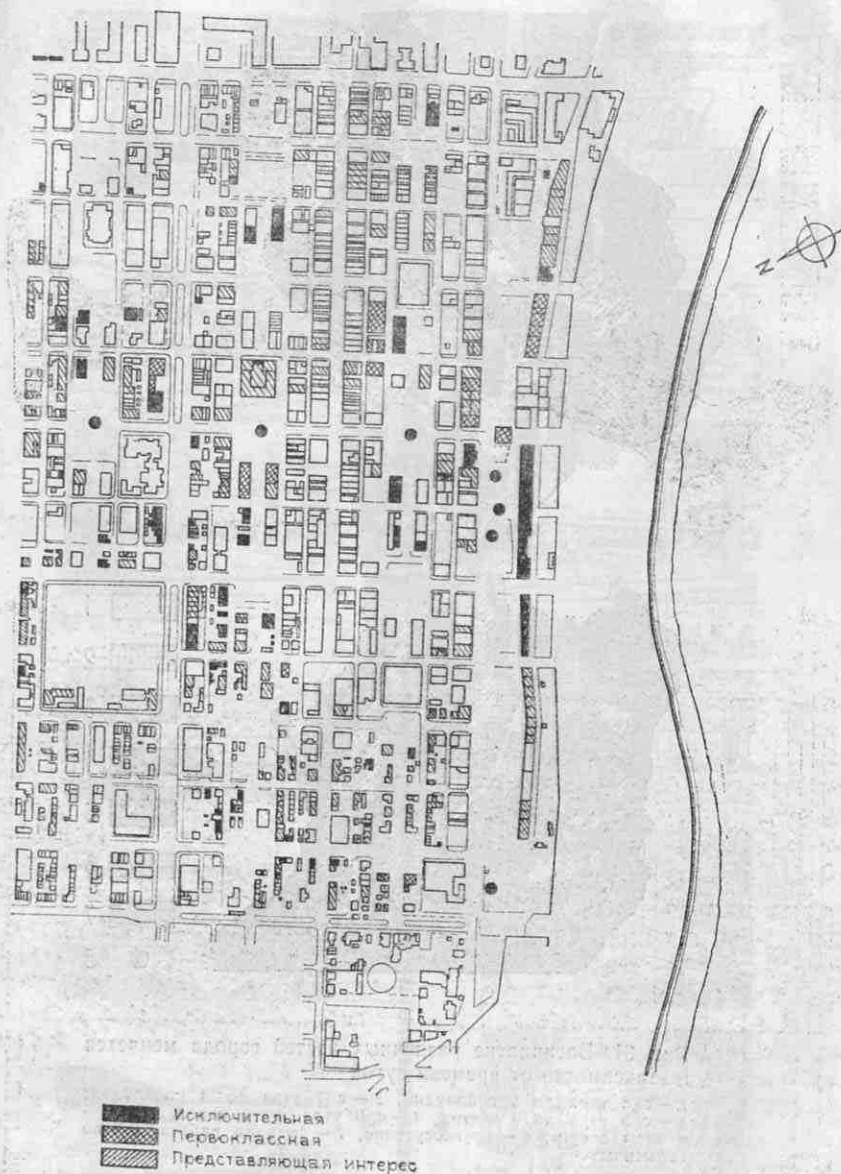
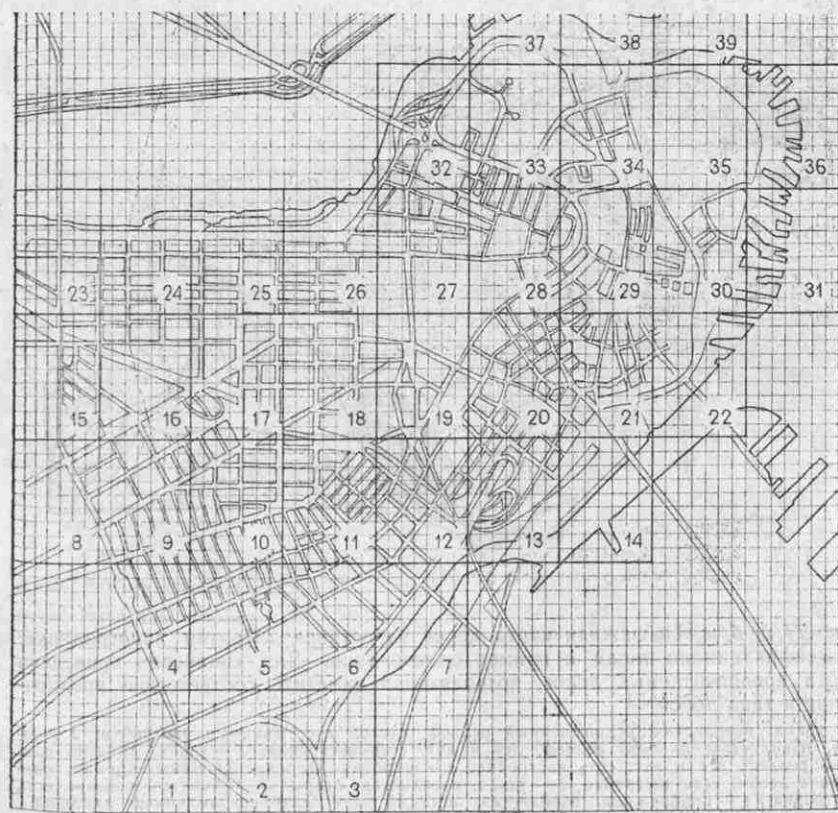
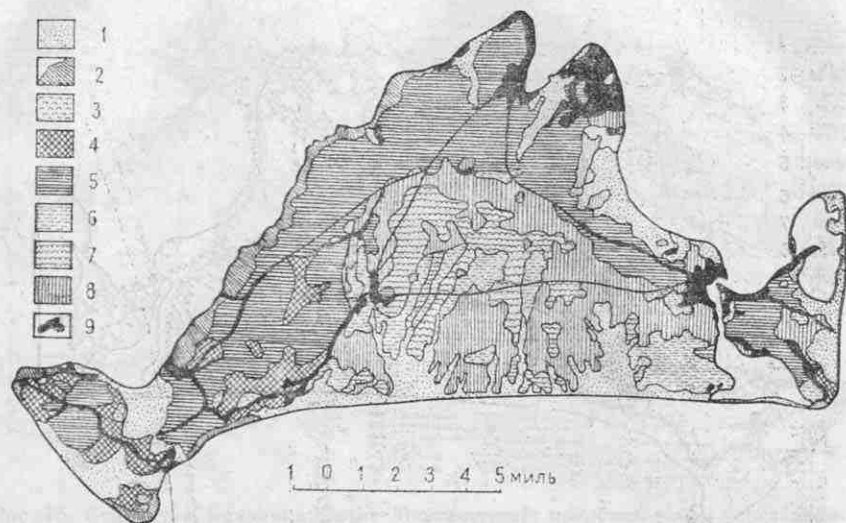
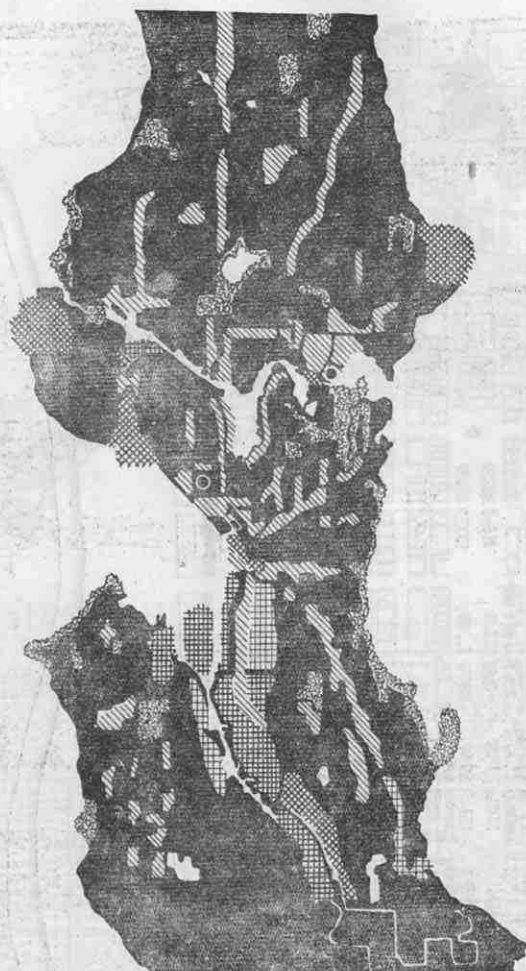

Рис. 80. Застройка, обладающая исторической ценностью, г. Саванна

Рис. 78. Остров «Мартин виноградник»: карта восьми типов
 1 — солончаки; 2 — обрыв, скалы; 3 — луга, болота; 4 — кусты на холмах; 5 — морена, заросшая лесом; 6 — равнины, луг; 7 — кустарник на равнине; 8 — лес на равнине; 9 — зоны застройки

Рис. 79. Решетка для фотоанализа, наложенная на план центра Бостона

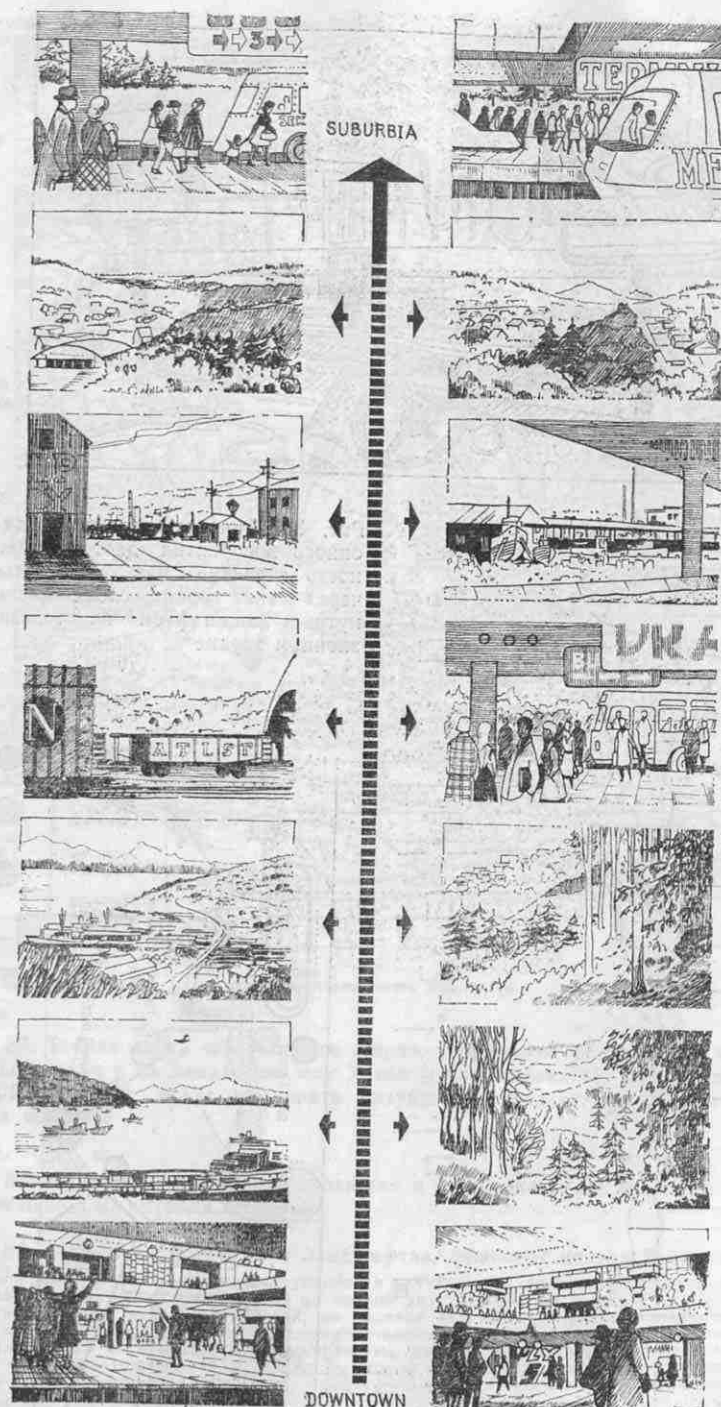

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

Рис. 81. Восприятие различных частей города меняется в зависимости от времени суток

1 — с 8 утра до 5 пополудни; 2 — с 7 утра до 4 пополудни; 3 — с 9 утра до 9 вечера; 4 — с 9 утра до 2 пополудни; 5 — в часы досуга; 6 — круглосуточно; 7 — сменная работа; 8 — по событиям

Рис. 82. Анализ предлагаемой транзитной магистрали посредством серии набросков главных видов влево и вправо с проектируемого пути

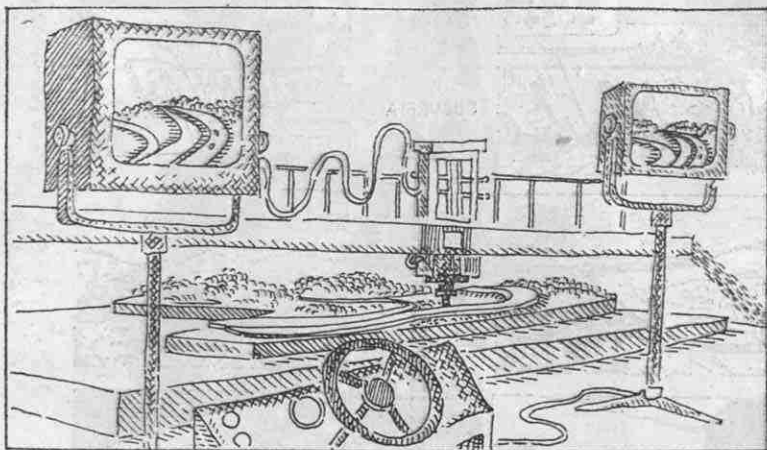

Рис. 83. Аппарат для симуляционного восприятия дает возможность «пройти» или «проехать» через макет города, следя за попутным ландшафтом на телевизионном экране

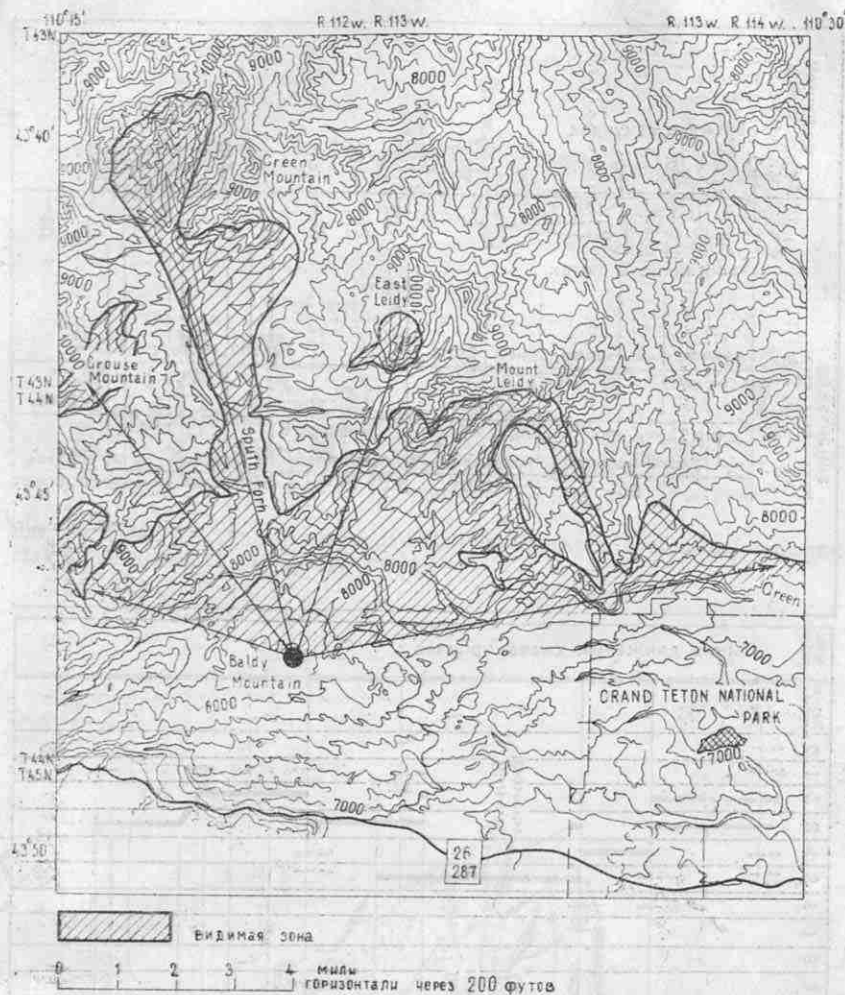
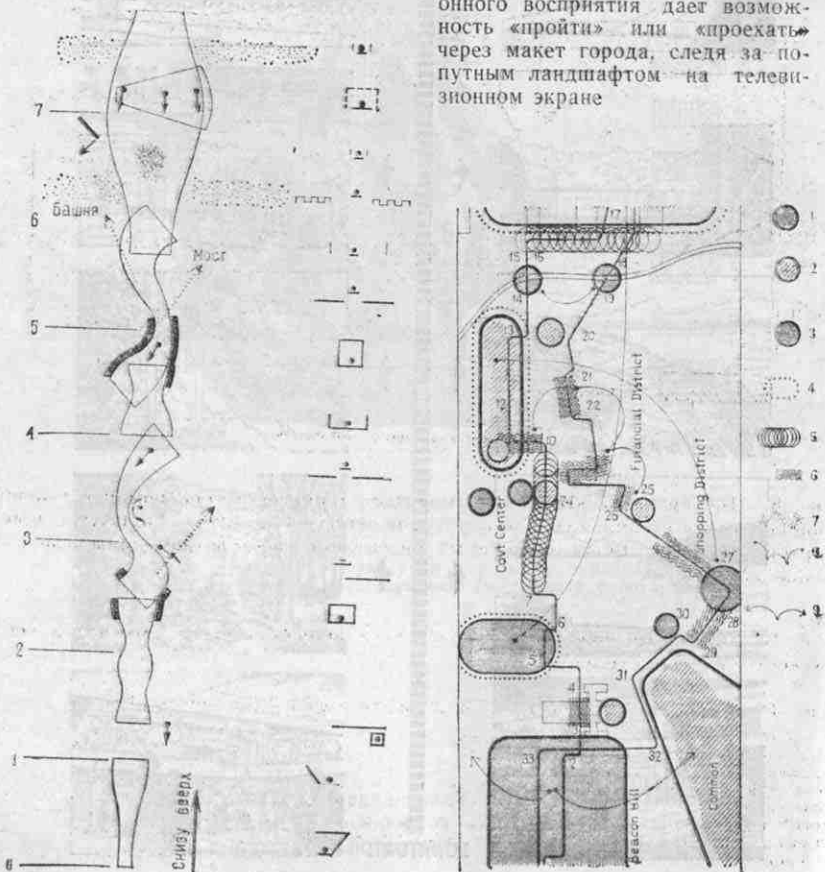

Рис. 86. Точная карта «визуального веса»: территория, обозримая с главной видовой точки в национальном лесу Титон (штат Вайоминг). Пользуясь такой картой, лесничие могут оценивать визуальные последствия предлагаемого плана вырубки

Рис. 84. Диаграмма чувства пространства и движения вдоль скоростной северо-восточной магистрали в Бостоне

Рис. 85. Оценка «акустического ландшафта», фрагмент центра Бостона
1 — зона или элемент с высокой визуальной и акустической распознаваемостью; 2 — зона или элемент с высокой визуальной, но низкой акустической распознаваемостью; 3 — зона или элемент с низкой визуальной, но высокой акустической распознаваемостью; 4 — зона чувства утраты временной последовательности; 5 — отвлекающий и лишенный смысла звук; 6 — «отзывчивое» пространство, дающее возможность включения в звуковой ритм; 7 — скучный как визуально, так и акустически участок; 8 — трудноразличимые источники звука; 9 — район, характеризующийся акустической «вписанностью» в город

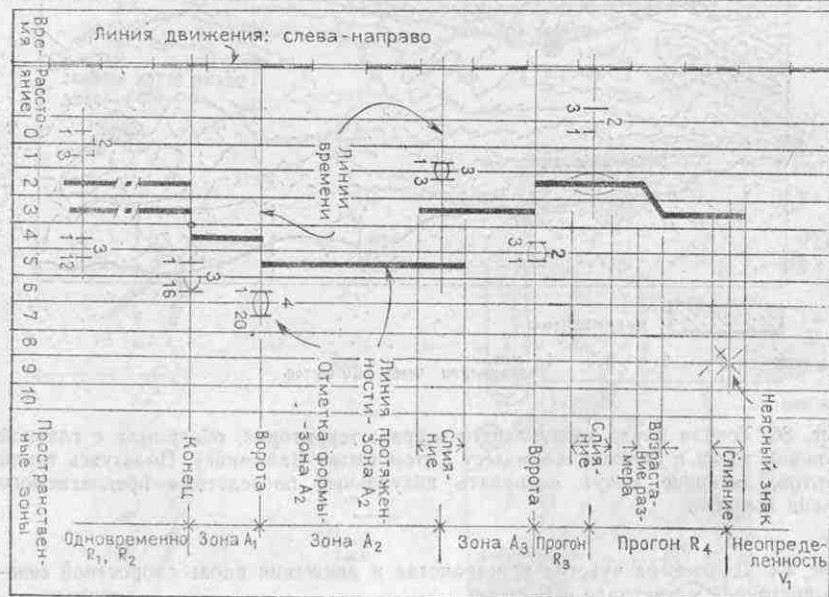
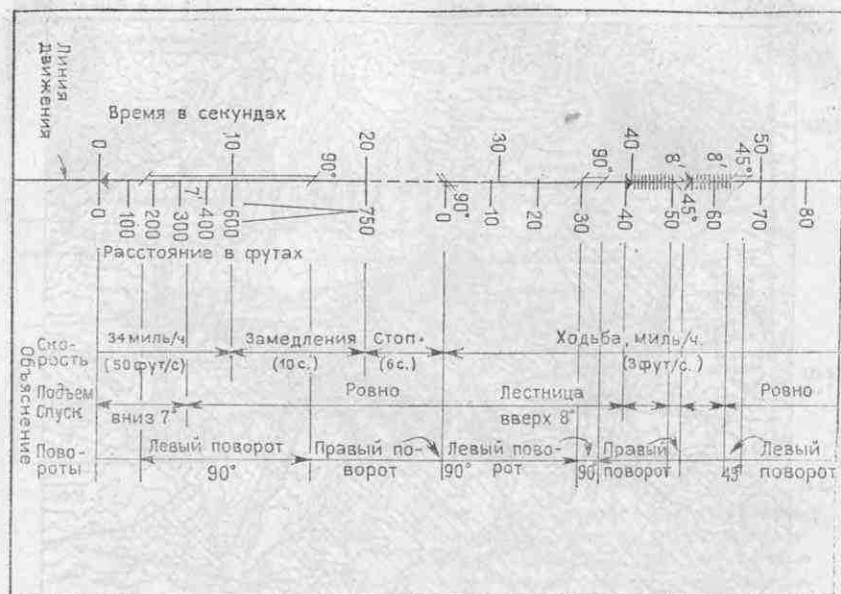

Рис. 87. Уточненная запись движения, продолжительности и пространственных форм на отрезке пути (по Тиллю)

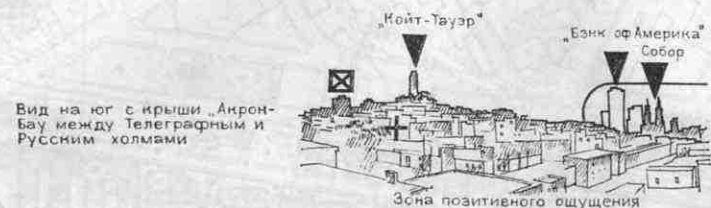

Рис. 88. Одна из серий фотопанорам Сан-Франциско и диаграмма, выявляющая и оценивающая главные ориентиры

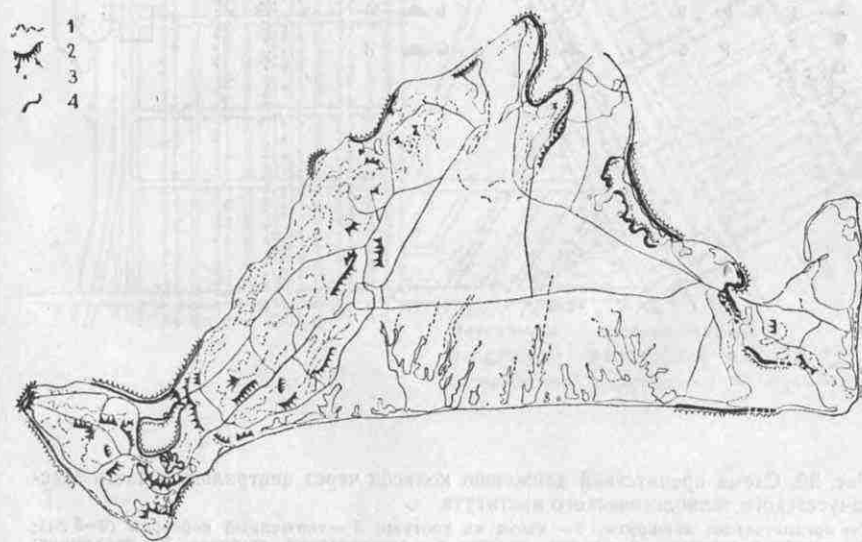

Рис. 89. Нанесение на карту скальных гребней и берегов, наблюдаемых с общедоступных мест на острове «Мартин виноградник»

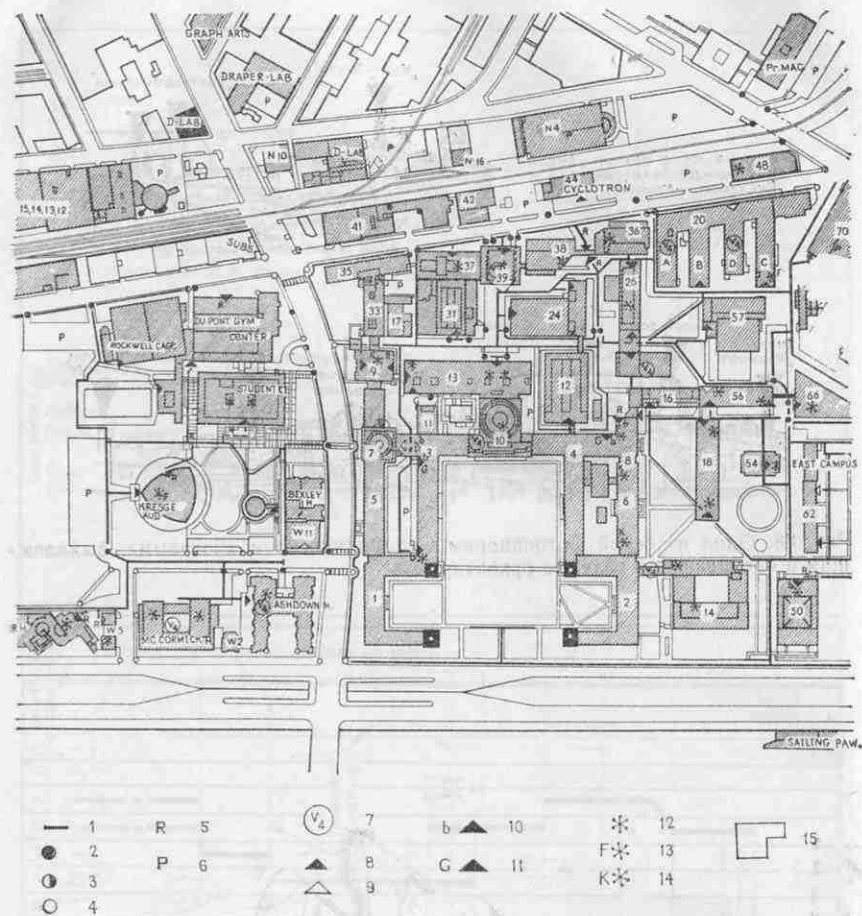

Рис. 90. Схема препятствий движению колясок через центральную часть Мас-сачусетского технологического института
1 — предлагаемые маршруты; 2 — въезд на тротуар; 3 — сниженный поребрик (0—5 см); 4 — поребрик тротуара; 5 — рампа, пандус; 6 — ограниченная стоянка; 7 — подъемник; 8 — вход в уровне земли; 9 — вход через одну ступень; 10 — вход в подвал; 11 — въезд в гараж; 12 — лифт; 13 — грузовой лифт; 14 — автоматический лифт; 15 — недоступно (более двух ступеней)

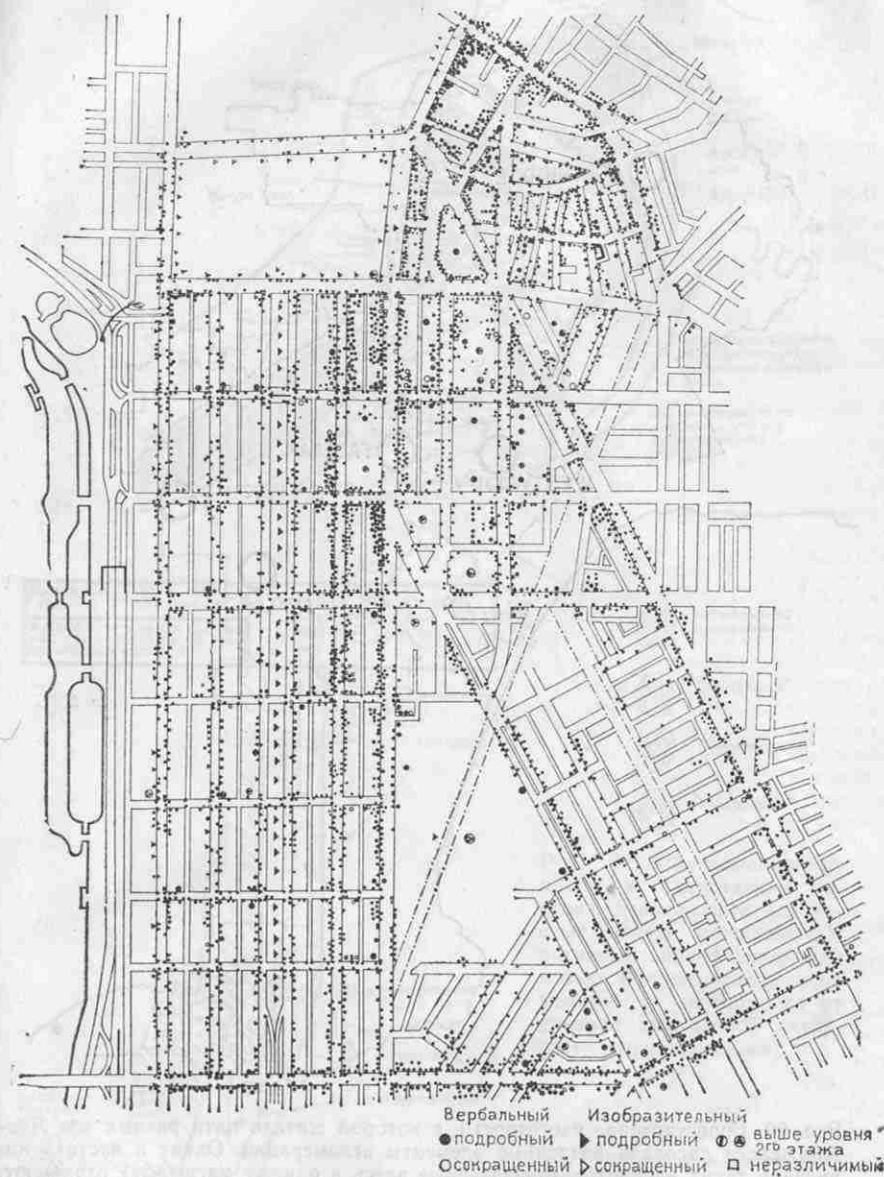

Рис. 91. Систематическое обследование указующих знаков в бостонском районе Бэк Бей. Отметим их количество, переменную густотность, повторяемость и то, как они группируются в деловых районах и вдоль магистралей

Westwood

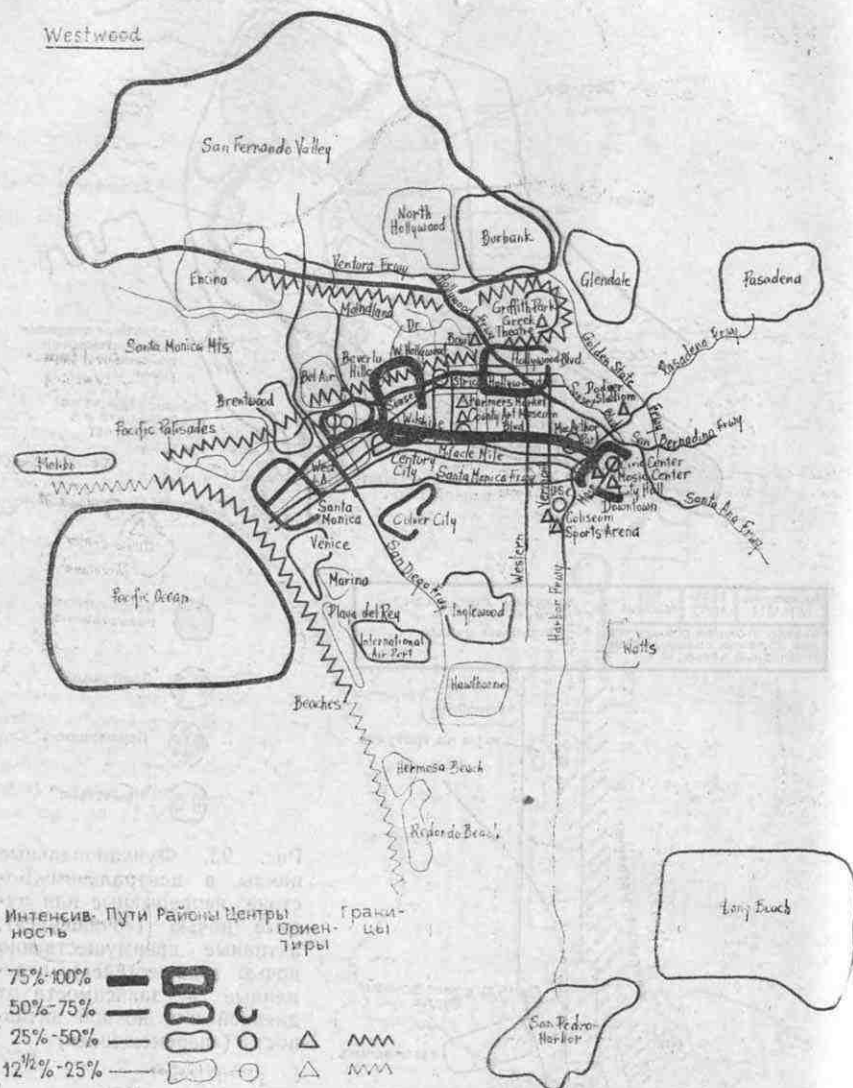

Рис. 95. Вествуд

Рис. 96. Фэрфакс

Fairfax

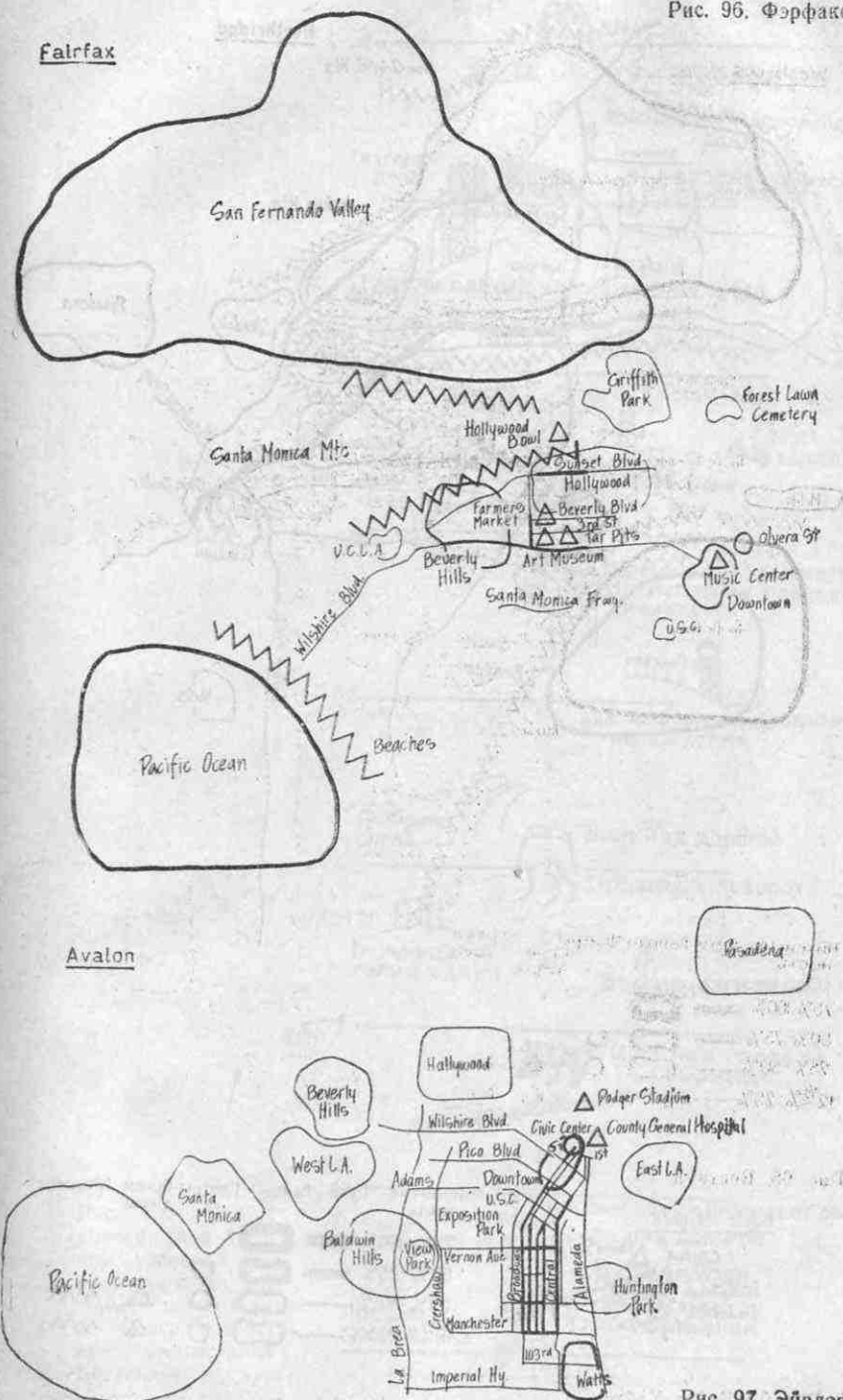

Рис. 97. Эйвлон

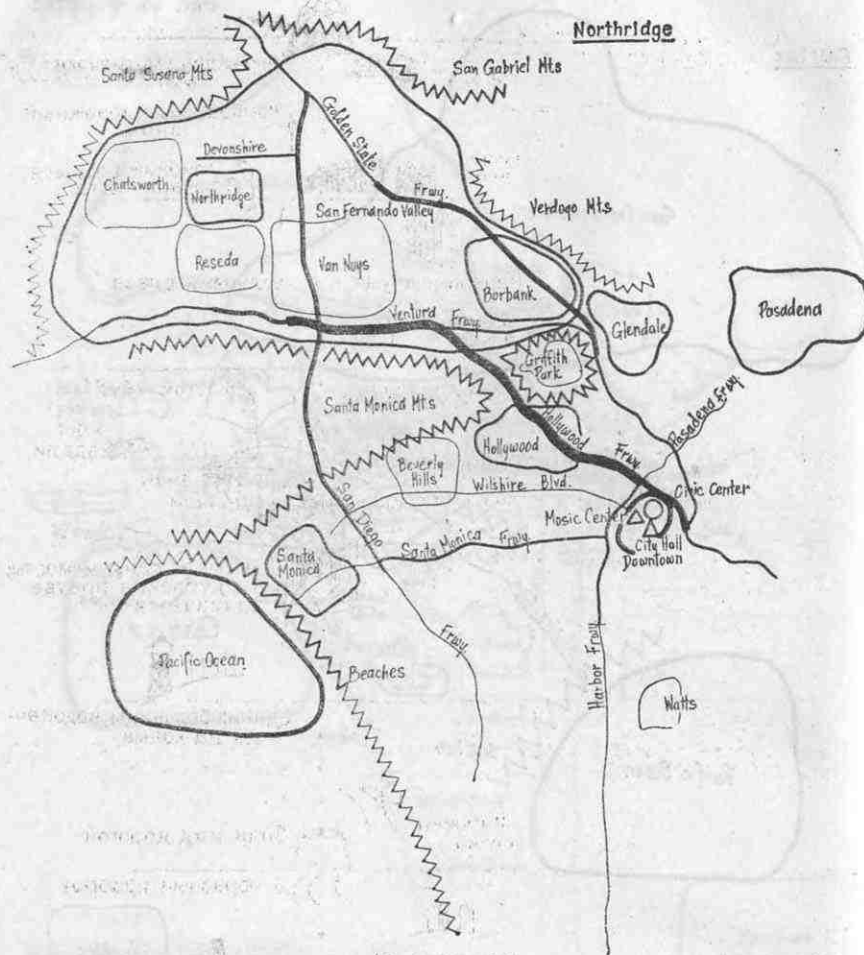

Рис. 98. Нортридж

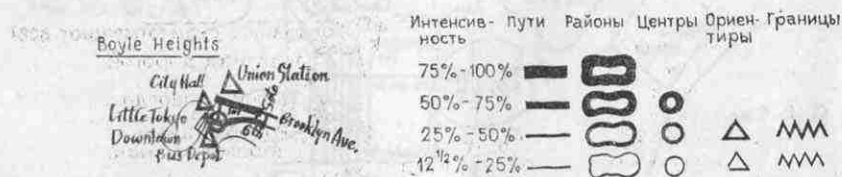

Рис. 99. Бойль-Хайтс

Рис. 100. Вид с дороги: свод того, что успевали зарисовать люди, которых провозили по Северо-восточной магистрали Бостона

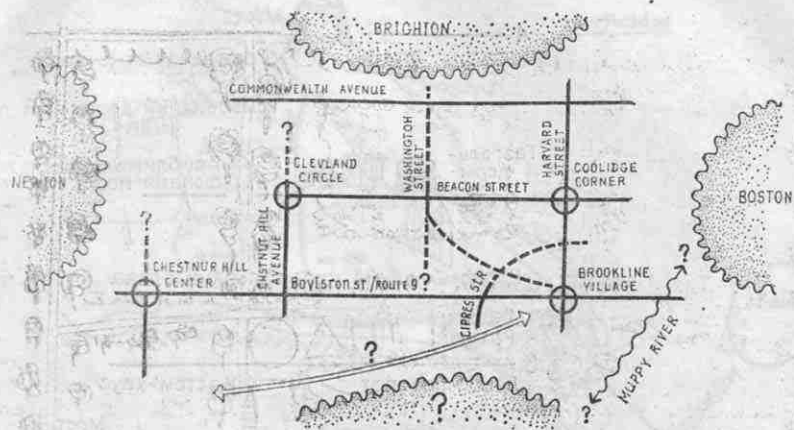

Рис. 101. Как жители Бруклина (штат Массачусетс) искажают или забывают в фрагментах по соседству и связях со всем городом

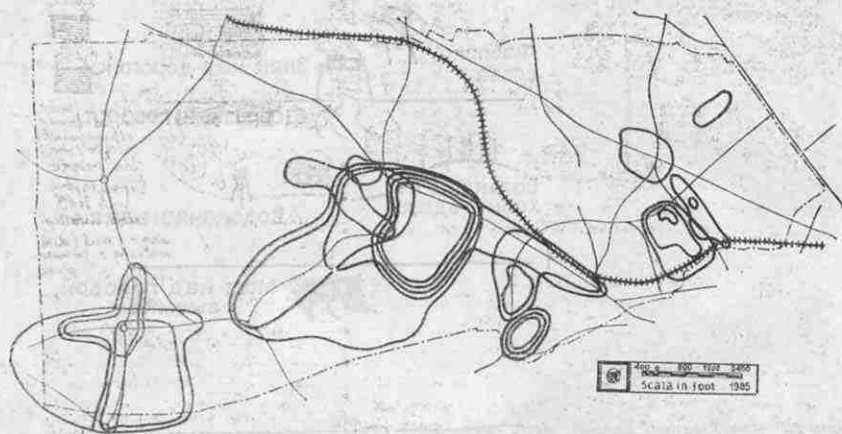

Рис. 102. Жителей Бруклина просили нарисовать «свой» район. Когда границы избранных ими зон нанесли на точную карту, на ней проявилась некоторая информация о социальной структуре города и его визуальной форме

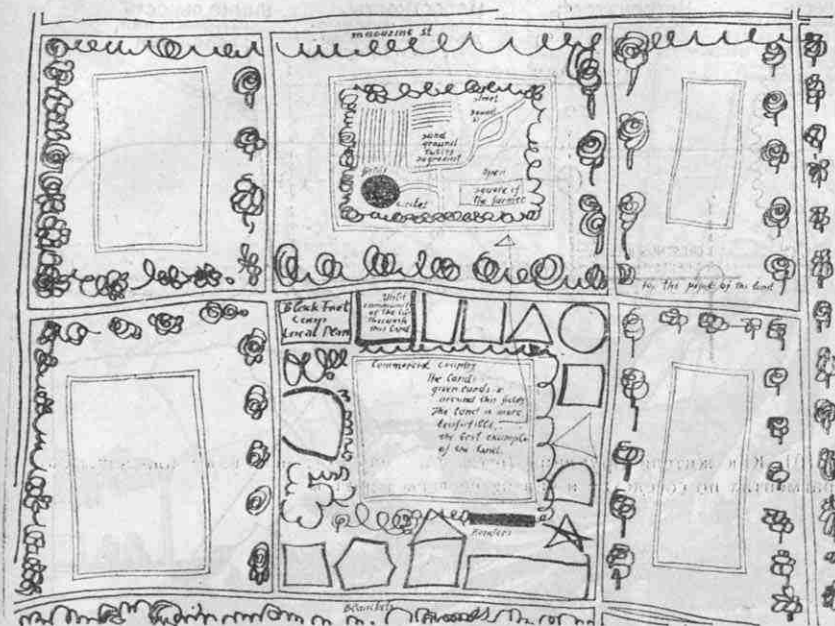
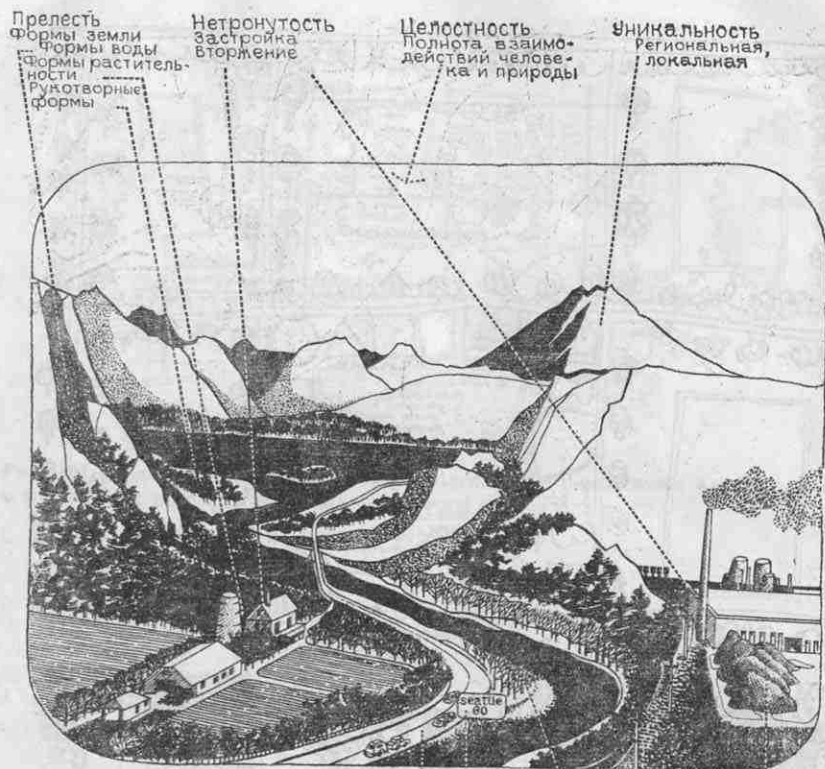

Рис. 103. Мечты обитателей Кембридж порта, близ Бостона, об идеальном окружении

Прелесть
формы земли
формы воды
формы раститель-
ности
рукотворные
формы

Нетронутость
застройка
вторжение

Целостность
полнота, взаимо-
действие челове-
ка и природы

Уникальность
региональная,
локальная

Разнообразие
ресурсов рекреа-
ции Рекреацион-
ный потенциал,
измеренный раз-
нообразием смеж-
ных ресурсов

Предпочитаемый
пейзаж: ответы
опрошенных

Чувствительность
рекреационных
ресурсов. Уязви-
мость в связи с
пользованием

Объем транспорта
Поток турист-
тов. Наличие обще-
го и рекреационно-
го движения в каждом отрезке

Доступность
Расстояние от
основных сосре-
доточений насе-
ления

Визуальная уязвимость.
Деградация как угро-
за целостности ланд-
шафта
Рекреационное исполь-
зование. Замеры нали-
чного использования в
количественном выра-
жении

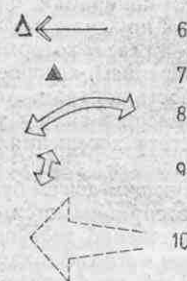
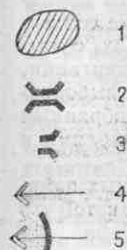
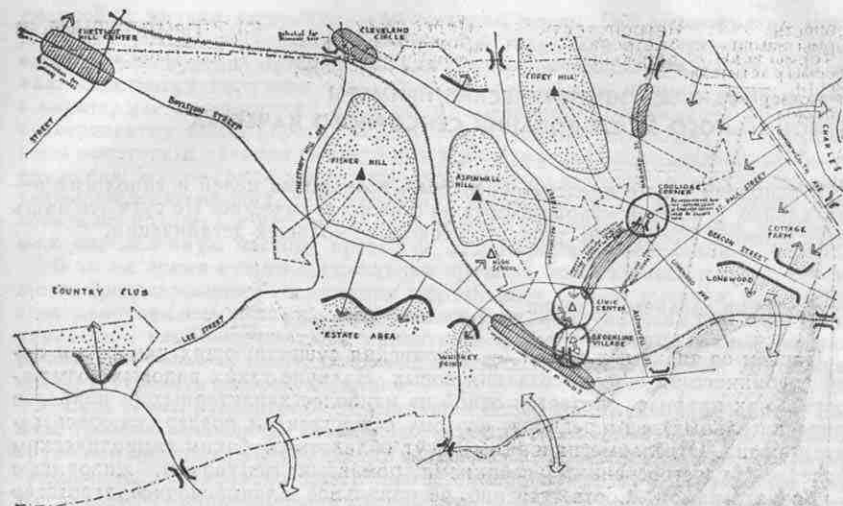

Рис. 105. Визуальный потенциал города Бруклина: поле для действия в рамках общественной политики

1 — зона потенциального крупного изменения визуального характера; 2 — улучшить визуальный характер входа и выхода (въезда-выезда); 3 — улучшить визуальные качества входа; 4 — необходимо раскрыть вид: центральной зоны (5) и учреждения или ориентира (6); 7 — потенциальная локализация нового сильного ориентира; 8 — потенциал для улучшения визуальной связи; 9 — улучшение подведения к остановке транзитного транспорта; 10 — потенциальный панорамный вид

Рис. 104. Эскиз ландшафта, иллюстрирующий критерии оценки пейзажных качеств автодорог штата Вашингтона. После качественного определения группой экспертов эти критерии преобразуются в систему измерений

ДЕТАЛИЗОВАННЫЕ ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕНСОРНОГО КАЧЕСТВА

В основном тексте представлены серия возможных целей и типология региональных действий, направленных на сенсорное качество. По сути это лишь перечисление. Попробуем добиться несколько большей детализации.

Организация дальнего видения

Начнем со знакомых вещей — сохранения существующих панорам и полей глубинного видения и создания новых. Наличие таких видовых возможностей, как правило, считается одной из наиболее характерных (и наиболее привлекательных) черт региона, поэтому общественная поддержка здесь гарантирована. Отдельные панорамы могут обладать глубоким символическим значением, удостоверенным учебниками, романами, мемуарами, живописью и кинематографом. Соответственно региональное планировочное агентство может в первую очередь соотнести свою деятельность с баталиями, возникающими ввиду угрозы этим панорамам, с экономическим отражением их ценности в варьируемых ценах на землю и в арендной плате. Можно также соотнести задачи с физиологией глаза, который «отдыхает» на далеких видах, с психологическим удовлетворением, которое нам доставляют ясность ориентации, определенность, охватность панорам. Агентство может использовать выборочные интервью, чтобы измерить силу и устойчивость отношения к избранным видам, исследовать частоту посещения видовых точек местными жителями и приезжими.

Естественным следующим шагом будет составление обзора главных панорам, включая те, что воспринимаются как ключевых видовых точек, и те, что видны с основных общественно доступных «коридоров» в ткани региона. На плане необходимо нанести масштаб и характер этих видов вместе с визуальными доминантами — все это необходимо описать с помощью фотографий или рисунков. Следует специально отметить объекты, которые уже блокируют элементы панорамы или могут их заблокировать. Необходимо также выявить ценные потенциальные виды с обозначением необходимых для реализации, расчистки или путей доступа к ним. Перечень видовых точек должен включать главные интерьеры, доступные широкой публике. Желательно попытаться выйти за рамки фиксации основных видов на плане, чтобы измерить или по крайней мере описать, насколько часты открытые панорамы в разных зонах региона. Если сравнить частоту далеких (при возможности — и средней глубины) панорам, можно попытаться классифицировать зоны региона по «визуальной глубине». При этом необходимо изучить недавнюю историю места, чтобы понять, какими именно образом нынешние правила землепользования и современный процесс строительства закрепляют или разрушают панорамы, являющиеся общественной ценностью.

Необходимо также провести параллельное изучение степени, в какой жители разных типов отдают себе отчет в существовании панорам, выяснить, ценят ли они их и, скажем, делают ли «петлю» по пути, чтобы любоваться открывающимся видом. Существенно выяснить, какие конкретно панорамы ценятся особенно высоко и при каких обстоятельствах: по дороге, на досуге, дома или на работе. Полезно провести также контрольное обследование частоты и полноты упоминаний о местных панорамах в газетах, журналах, путеводителях, прозе, живописи, политических дискуссиях и т. п.

Накопленная таким образом информация превращается в основание для множества общественных инициатив. Не будучи здесь связан сдерживающей силой конкретной ситуацией, я их просто перечислю. Общественное агентство может предпринять особые «видовые мероприятия» или путем разработ-

ки особых правил застройки, или выкупая земли. Эти мероприятия могут концентрироваться на какой-то избранной точке или осуществляться вдоль важной транспортной артерии или естественной границы вроде береговой линии. Они могут получить обобщенное выражение в нормах, относящихся к высоте, массе сооружений и характеру озеленения, обеспечивающих полноту перспектив вдоль дороги, берега или с холмов. Возможна градуировка норм высотности начиная с берега или в направлении водоразделов, чтобы сооружения заднего ряда могли «выглядывать» из-за близстоящих. Возможно также введение правил, регулирующих «визуальную глубину», чтобы обеспечить периодическое раскрытие вида на море или с вершин холмов, включающих определенную частоту просветов в застройке, озеленении и оградах.

Во то же время нужны специальные правила, относящиеся к тому, что видимо: предотвращение сооружения зданий (или только высоких зданий) на зрительно важных выступающих точках, например высотах. Можно также определить ключевые силуэты, ориентиры, фронты или визуальные «мешки» (в которых большая часть ключевых точек сохраняет взаимные зрительные связи) и учредить их особую охрану.

Есть смысл рассмотреть специально и более конструктивные нормы: скажем, требование создания визуальных «пустот» или видовых площадок при сооружении любого крупного здания в плотно застроенной зоне или, например, требование, согласно которому любое блокирование существующего вида должно быть компенсировано раскрытием нового. С помощью правил, регулирующих частное строительство, или путем общественного строительства можно предпринять общую программу: каждое значимое общественное пространство или дорога должны иметь по крайней мере один раскрытый вид на какую-то ключевую ландшафтную доминанту символического значения. Сенсорные программы нового строительства или реконструкции в зонах ключевого значения должны непременно включать в свой состав точно названные перспективные виды, которые нужно сохранить и создать заново. Весьма полезным может оказаться введение льгот, гарантированных в случае строительства или расчистки застройки, улучшающих существующие панорамы или глубинные перспективы.

Региональное планировочное агентство должно также тщательно рассмотреть возможные юридические средства утверждения «видовых прав» владельцев или сообществ: может ли существующий район, обладающий хорошим видом, требовать компенсации от застройщика, блокирующего этот вид, делать этот вид объектом судебного иска или обязывающих переговоров с застройщиком. Разумеется, требуется тщательная разработка дефиниций такого юридического права, форм его взаимодействия с существующими правами собственности и социальных последствий его широкого применения.

При вынужденной ограниченности масштабов деятельности агентство может разрабатывать и издавать методические указания для проектирования или пособия застройщикам, демонстрирующие способы строительства без блокирования вида или даже способы улучшения панорамы за счет нового строительства. Весьма эффективным может оказаться консультативное проектирование и дизайн — обзор критически важных зон с широким распространением эскизов, показывающих результаты внедрения какого-то проектного предложения в существующую панораму. При более драматической ситуации агентство может потребовать обозначения в полных габаритах на месте контуров значимого нового сооружения — или с помощью легкого каркаса, или с помощью канатов, удерживаемых на заданной высоте воздушными шарами, заанкеренными по будущим углам здания.

Подобные действия могут приобрести широкую поддержку, и их целенаправленность очевидна — они пробуждают некие предвидимые конфликты. Это может быть острое столкновение с застройщиками, чье право строить в формах и с плотностью, которые желательны для них, окажется под угрозой. Нередко бывает так, что зданием блокируется вид именно с целью извлечения из него максимальных финансовых преимуществ в интересах владельцев. Здесь неизбежна открытая борьба между частным и общественным использованием теми ресурсами, собственность на которые не была ясно

определена, но которые ранее использовались бесконфликтно только потому, что было неясно, кто, что и у кого отбирает.

Но и кроме таких прямых столкновений очевидно, что введение регулирующих «видовых» правил способно вызвать затяжки и осложнения в процессе одобрения проектного решения и иной раз можно сделать крайне затруднительным проектирование любого здания солидных габаритов и регулярной формы. Открытие общественного доступа к новой видовой точке может оказаться существенным вторжением в права собственников или даже своего рода приглашением к злоупотреблениям. Следует предвидеть эти дополнительные обстоятельства и найти путь их учета.

Возможно возникновение и других проблем. Защита панорам и улучшение перспектив способны увеличить неравенство восприятия региона, поскольку все это будет чаще производиться на тех территориях, которые потенциально обладают наивысшими визуальными качествами, а они в свою очередь, как правило, уже заняты наиболее состоятельной публикой. Именно это заставляет сосредоточить внимание на наиболее посещаемых видовых точках и «коридорах» и на стремлении к относительно равному выравниванию «визуальной глубины» различных зон региона. Наконец, отнюдь не исключено, что при раскрытии какого-то вида то, что видно, находится вне контроля и быстро идет к упадку. Несомненно, гораздо легче удержать под контролем компактное общественное пространство видовой точки, чем обширные участки видимой территории. К счастью, однако, то, что видимо, часто представляет собой «вечные» объекты подобно горе или морю или столь сложно и воспринимается со столь значительной дистанции (центра города вдали), что сохраняет привлекательность и при множестве неподконтрольных изменений.

В целом же сохранение значимых панорам или перспектив почти безусловно окажется целью, встречающей широкое понимание и общественное согласие, и главным препятствием к осуществлению программы оказываются частнособственнические интересы застройщиков. Как показывает практика, общественная поддержка необходимым мерам чаще всего оказывается плохо организованной, распыленной и не слишком бдительной. Однако, если этой поддержкой умело руководить, раскрывая со всей очевидностью существование риска, она может приобретать решающее значение. Буря вокруг строительства сверхвысоких зданий в деловом центре Сан-Франциско или жесткие нормы высотности, утвержденные референдумом в Сан-Диего, — лишь несколько характерных примеров скрытой мощи направляемого общественного мнения.

Денежные средства, в которых нуждается защита видов, относительно невелики, за исключением тех случаев, когда меры защиты вторгаются в сферу интересов частного строительства или когда необходимо выкупать землю. Прямые общественные затраты можно включать в налогообложение недвижимости или включать в расходы на сооружение, например, общественной автомагистрали. «Видовые побуждения» могут вызывать увеличение косвенных общественных затрат в связи с повышением плотности в привилегированных зонах. Так, весьма сомнительным оказалось бы увеличение общественных фондов за счет дополнительного налогового обложения использования видовых точек; разрешение застройщикам блокировать существующие видовые оси при условии выплаты штрафа, который в свою очередь пошел бы в фонд обеспечения новых панорам, было бы по меньшей мере странным.

Исследование и программы контроля над общественно ценными видами требуют множества новых (и старых) технических средств. Среди них составление планов «визуальных платформ» и «визуальных полей»; графическое описание видов и моделирование изменений; использование комбинированных панорамных фотографий, объективов типа «рыбий глаз»; компьютерные системы обозначения «видовых полей»; решетки «визуального вторжения» в зону видения; диаграммы взаимовидимости точек визуального поля; относительная «визуальная глубина» различных зон; интервью, раскрывающие меру знания и оценки визуального восприятия окружающей; эксперименты моделирования на месте в натуральную величину планируемых перемен и т. п.

Все это не столь уж ново — достаточно процитировать одну из статей Юстинианова кодекса (538 г. н.э.):

«Статья 63. В нашем царственном городе вид на море является одним из его достоинств. Чтобы сохранить его, мы повелили, чтобы ни одно здание не было сооружено в полосе 100 футов ширины, вдоль берега. Этот закон был обойден теми, кто вначале поставил здания в соответствии с законом; затем поставил перед ними навесы, отрезавшие вид на море без нарушения буквы закона; затем возвел здание под навесами и, наконец, снял навес. Каждый, кто наносит ущерб подобным образом, должен разрушить поставленное им здание и уплатить штраф в 10 фунтов золота».

Через несколько лет к закону было сделано добавление:

«165. Закон (ст. 63), согласно которому ни одно здание не может быть поставлено в полосе 100 футов от берега моря во имя сохранения вида на море, имеет полноту применения относительно вида влево и вправо точно так же, как и вида вперед».

Регулирование вида сталкивается с знакомыми проблемами.

Создание общественных укрытий

Если регулирование вида является обычным действием в повышении сенсорных качеств региона, то создание укрытий, будучи столь же прямым действием, знакомо в гораздо меньшей степени, хотя разбросанные тут и там укрытия можно встретить довольно часто. Целью является повышение комфорта города путем защиты его жителей от дождя, снега, палящего солнца, холода и сильных ветров. Недовольство микроклиматом городов составляет содержание одной из наиболее частых жалоб горожан, но в ответ на эти жалобы делается очень немногое.

Создание укрытий легко мотивируется и обычно не сталкивается с какими-то прямыми противодействующими интересами. Споры скорее всего могут возникнуть по поводу стоимости и ее оправданности. Действия могут опираться на аргументы граждан, чье здоровье страдает от отсутствия укрытий, на ощущаемую почти всеми дискомфортность, связанную с непогодой и т. п. Среди аргументов можно сослаться также на финансовую эффективность крытых торговых пассажей, на воздействие плохой погоды на общественный транспорт, на опоздания на работу и возможность дополнительного размещения торговли.

Чтобы придать программе солидное основание, необходимо составить обзор размещения и использования наличных укрытий — не только сознательно сооруженных, вроде аркад или автобусных остановок, но и карнизов, тенгов, зонтов, всех мест, куда прячутся люди от сильного ветра. Необходимо, естественно, анализ местных хронограмм осадков, ветров и температурных максимумов, а также описать колебания микроклимата в границах региона, вплоть до воздействия окружающих строений и укрытий. Все эти замеренные условия можно затем сопоставить с известными данными относительно выносливости и меры комфортности.

Подкреплению программы создания укрытий могут служить интервью у людей, взятые в скверную погоду, а также фотографирование их действий. Необходимы также сведения о плотности пешеходного движения в различных зонах, о времени, проводимом в ожидании на открытом воздухе, и о специфических нуждах, связанных с передвижением стариков и калек. Потребуется также информация о стоимости различных сооружений и их эксплуатации, о специфических проблемах, возникающих в связи с ними, вроде повышения преступности и т. п. С этой точки зрения совершенно необходим опрос полиции и эксплуатационных бригад...

Следующим шагом будет разработка детальных норм для всех типов укрытий: степень защиты от непогоды; в каких случаях необходимы замкнутость, подогрев или охлаждение; требуемая просматриваемость изнутри и извне; наличие сидений, телефонов; требования к покрытию и освещению; степень долговечности и формы ее поддержания; типы входов, размерность, емкость, формы включения в контекст и т. п.

Вполне допустима разработка норм для частного строительства относительно навесов или маркиз, ниш при входах, противоветровых стенок, общественных скамей и навесов вдоль фронта застройки; аркад при паркингах, связей внутренних пассажей с улицей, предотвращения усиления ветра или сильной концентрации отраженного света. В некоторых зонах может практиковаться финансовое поощрение создания общественных укрытий или системы штрафов, налагаемых в случае ухудшения микроклимата. Особые программы укрытий могут включаться в крупные строительные проекты как обязательная их часть. Можно также создать план обязательных линий аркад или выдавать частным застройщикам разрешения на строительство над тротуаром, если они обеспечат формирование аркады на уровне улицы.

Необходимо также разработать специальные методические рекомендации для проектирования различных типов укрытий, а также тех строительных элементов, которые служат укрытиями потенциально (подъезды, ограды). Здесь подлежат рассмотрению и особые проблемы: как строить аркады вдоль существующего торгового фронта, образованного зданиями, сооруженными в разное время; как пересечь укрытием улицы с транспортным движением; как создавать временные или передвижные укрытия или как использовать существующие конструкции с потенциальными свойствами укрытия вроде дорог над уровнем земли, разрушенных зданий или старых стен.

Агентству следует также рассмотреть способы поощрения местных сообществ к созданию собственных систем укрытий с помощью субсидий, предоставления материалов и деталей или технических консультаций... Поскольку главным вопросом будут стоимость и отягощение общественного бюджета, агентство должно сосредоточить усилия на способах снижения стоимости, путях формирования необходимых фондов и договоренности о том, какую меру полезности следует считать удовлетворительной компенсацией использованных средств.

Не исключены дополнительные проблемы. Вполне вероятен страх перед вандализмом, перед уменьшением безопасности в замкнутых или укрытых местах, перед ростом числа «бродяг». Возникает и немало сугубо технических проблем — затруднения с доставкой грузов, вывозом мусора или подъездом машин специальных служб. Может оказаться весьма трудным создание укрытий в существующих густозастроенных зонах и не менее простым изыскание средств для создания укрытий на новых участках с уменьшенной плотностью. Естественно вырастает стоимость частного строительства: владельцы лишаются возможности выбрасывать в общественное пространство нагретый воздух, отраженный свет или направлять в него порывы ветра. Прогнозирование изменений микроклимата замедляет завершение проектов, а стоимость укрытий неизбежно повышает смету. И все же преимущества столь очевидны, что все это не может играть роль главного препятствия. — основным будет стоимость общественного строительства, эксплуатации и дополнительного полицейского надзора...

Сохранение местной истории

Программа сохранения преемственности в заурядной зоне может показаться более необычной идеей, чем контроль над панорамами или сооружение укрытий. Я говорю, разумеется, не об охране памятников истории в общепринятом смысле слова, а о программе обеспечения того, чтобы каждая часть региона отражала в себе преемственность со своим прошлым, сколь бы оно ни казалось тривиальным. Основа такой программы — современное знание психологии памяти и опознавания и их важность для сохранения эмоционального равновесия и общего функционирования человеческого существа.

Эта общая основа может быть разработана и уточнена за счет выявления привязанности жителей к месту и его истории, учета случаев их сопротивления тотальной расчистке и реконструкции. Здесь разумно сослаться и на общий рост значения охранительного движения, особенно сейчас, когда оно захватывает и местные, соседские территории. Не лишним оказывается и упо-

минание о коммерческой ценности постанглии. Можно также доказывать, что общая, территориальная программа сохранения и объяснения прошлого способна повысить знание, удовлетворенность и, может быть, даже политическую интеграцию обитателей региона.

Анализ этой проблемы, очевидно, должен начинаться со сбора информации об истории региона начиная с истории его топографии. Следует уделить особое внимание истории малых локальных территорий и разных групп населения. Нужно собрать вместе графический материал об истории региона в максимально доступном объеме. По контрасту следует использовать выборочные интервью, направленные на то, чтобы вызвать у жителей осознание включенности в локальную историю и интерес к ней. Нужно собрать «устную историю» или по крайней мере стимулировать ее коллекционирование.

Параллельно сбору такого материала необходимо исследовать и проиллюстрировать степень сохранения следов прошлого в существующем ландшафте и различимость этих следов. Здесь же анализируется роль норм строительства как общественного, так и частного в сохранении или стирании таких следов. Особое внимание должно быть обращено на отношение к локальной истории, характерное для лиц, занимающих ключевые позиции в сфере принятия решений.

Сохранение истории почти всегда осуществлялось от случая к случаю (или от района к району). Если мы переходим к действиям регионального масштаба, становится возможным целый ряд новых общественных действий и среди них — установление условий для любого нового строительства, которое осуществляется на ранее занятом месте: в течение определенного периода времени новое сооружение или участок должны сохранять и демонстрировать фрагменты старой застройки, прежнего ландшафта или оборудования; должны обозначаться граница прежней застройки, ее формы; такую же роль может играть графическое и вербальное описание прежней ситуации. В зонах критического значения подобные общие правила должны перерасти в детальные программы для нового строительства, уточняющие, что должно быть сохранено и что выявлено. Только следующим шагом может быть уточнение того, какие именно объекты заслуживают сохранения полностью. Это знакомая процедура выявления исторических ориентиров; для больших территорий необходимо также определить нормы масштабности или ограничения к использованию материалов во имя припоминания прежнего состояния и гармонического включения новых зданий в старый контекст.

Может быть сформирован региональный архив, отображающий типы среды и средового поведения. В этот архив должны поступать сведения из типичных мест, обреченных на скорое исчезновение. Здесь эти сведения должны записываться, сохраняться и быть доступными для будущих исследований: планы, чертежи, фотографии, киносъемка происходящего на улицах, записи уличных шумов, видеointervью и т. п. Вполне возможно введение правила, согласно которому при любой реконструкции, превышающей определенный масштаб, в такой архив необходимо представить фиксацию того, что она сменяет, выполненную по установленной форме.

Задача заключается не только в том, чтобы обнаружить и выразить прошлое, но и записывать в память места текущую историю. Региональное агентство может обозначить территории, которые по сравнению с другими особенно бедны следами прошлого, и рекомендовать способы сохранения преемственности в новых зонах застройки, способствовать широкому общественному или полупубличному обучению средовой истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

К разделу I

1. Angyal, A., «Über die Raumlage vorgestellter Oerter», Archiv für die Gesamte Psychologie, Vol. 78, 1930, pp. 47—94.
2. Automotive Safety Foundation, Driver Needs in Freeway Signing, Washington, Dec. 1958.
3. Bell, Sir Charles, The People of Tibet, Oxford, Clarendon Press, 1928.
4. Best, Elsdon, The Maori, Wellington, H. H. Tombs, 1924.
5. Binet, M. A., «Reverse Illusions of Orientation», Psychological Review, Vol. 1, No. 4, July, 1894, pp. 337—350.
6. Bogoraz-Tan, Vladimir Germanovich, «The Chukchee», Memoirs of the American Museum of Natural History, Vol. XI, Leiden, E. J. Brill; and New York, G. E. Stechert, 1904, 1907, 1909.
7. Boulding, Kenneth E., The Image, Ann Arbor, University of Michigan Press, 1956.
8. Brown, Warner, «Spatial Integrations in a Human Maze», University of California Publications in Psychology, Vol. V, No. 5, 1932, pp. 123—134.
9. Carpenter, Edmund, «Space Concepts of the Aivilik Eskimos», Explorations, Vol. V, p. 134.
10. Casamajor, Jean, «Le Mystérieux Sens de l'Espace», Revue Scientifique, Vol. 65, No. 18, 1927, pp. 554—565.
11. Casamorata, Cesare, «I Canti di Firenze», L'Universo, Marzo — Aprile, 1944, Anno XXV, Number 3.
12. Claparède, Edouard, «L'Orientation Lointaine», Nouveau Traité de Psychologie, Tome VIII, Fasc. 3, Paris, Presses Universitaires de France, 1943.
13. Cornetz, V., «Le Cas Élémentaire du Sens de la Direction chez l'Homme», Bulletin de la Société de Géographie d'Alger, 18e Année, 1913, p. 742.
14. Cornetz, V., «Observation sur le Sens de la Direction chez l'Homme», Revue des Idées, 15 Juillet, 1909.
15. Colucci, Cesare, «Sui disturbi dell'orientamento topografico», Annali di Neurologia, Vol. XX, Anno X, 1902, pp. 555—596.
16. Donaldson, Bess Allen, The Wild Rue: A Study of Muhammadan Magic and Folklore in Iran, London, Lirzac, 1938.
17. Elliott, Henry Wood, Our Arctic Province, New York, Scribners, 1886.
18. Finsch, Otto, «Ethnologische Erfahrungen und belegstücke aus der Südsee», Vienna, Naturhistorisches Hofmuseum, Annalen, Vol. 3, 1888, pp. 83—160, 293—364, Vol. 6, 1891, pp. 13—36, 37—130, Vol. 8, 1893, pp. 1—106, 119—275, 295—437.
19. Firth, Raymond, We, the Tikopia, London, Allen and Unwin Ltd., 1936.
20. Fischer, M. H., «Die Orientierung im Raume bei Wirbeltieren und beim Menschen», in Handbuch der Normalen und Pathologischen Physiologie, Berlin, J. Springer, 1931, pp. 909—1022.
21. Flanagan, Thomas, «Amid the Wild Lights and Shadows», Columbia University Forum, Winter 1957.
22. Forster, E. M., A Passage to India, New York, Harcourt, 1949.
23. Gatty, Harold, Nature Is Your Guide, New York, E. P. Dutton, 1958.
24. Gautier, Emile Félix, Missions au Sahara, Paris, Librairie A. Colin, 1908.
25. Gay, John, Trivia, or The Art of Walking the Streets of London, Introduction and notes by W. H. Williams, London, D. O'Connor, 1922.
26. Geoghegan, Richard Henry, The Aleut Language, Washington, U. S. Department of Interior, 1944.
27. Gemelli, Agostino, Tessier, G., and Galli, A., «La Percezione della Posizione del nostro corpo e dei suoi spostamenti», Archivio Italiano di Psicologia, I, 1920, pp. 104—182.
28. Gemelli, Agostino, «L'Orientazione Lontana nel Volo in Aeroplano», Rivista Di Psicologia, Anno 29, No. 4, Oct. — Dec. 1933, p. 297.
29. Gennep, A. Van, «Du Sens d'Orientation chez l'Homme», Religions, Moeurs, et Légendes, 3e Série, Paris, 1911, p. 47.
30. Granpré-Molière, M. J., «Landscape of the N. E. Polder», translated from Forum, Vol. 10:1—2, 1955.
31. Griffin, Donald R., «Sensory Physiology and the Orientation of Animals», American Scientist, April 1953, pp. 209—244.
32. de Groot, J. J. M., Religion in China, New York, G. P. Putnam's, 1912.
33. Gill, Eric, Autobiography, New York City, Devin-Adair, 1941.
34. Halbwachs, Maurice, La Mémoire Collective, Paris, Presses Universitaires de France, 1950.
35. Homo, Leon, Rome Impériale et l'Urbanisme dans l'Antiquité, Paris, Michel, 1951.
36. Jaccard, Pierre, «Uné Enquête sur la Désorientation en Montagne», Bulletin de la Société Vaudoise des Science Naturelles, Vol. 56, No. 217, August 1926, pp. 151—159.
37. Jaccard, Pierre, Le Sens de la Direction et L'Orientation Lointaine chez l'Homme, Paris, Payot, 1932.
38. Jackson, J. B., «Other-Directed Houses», Landscape, Winter, 1956, 57, Vol. 6, No. 2.
39. Kawaguchi, Ekai, Three Years in Tibet, Adyar, Madras, The Theosophist Office, 1909.
40. Kepes, Gyorgy, The New Landscape, Chicago, P. Theobald, 1956.
41. Kilpatrick, Franklin P., «Recent Experiments in Perception», New York Academy of Sciences, Transactions, No. 8, Vol. 16, June 1954, pp. 420—425.
42. Langer, Suzanne, Feeling and Form: A Theory of Art, New York, Scribner, 1953.
43. Lewis, C. S., «The Shoddy Lands», in The Best from Fantasy and Science Fiction, New York, Doubleday, 1957.
44. Lyons, Henry, «The Sailing Charts of the Marshall Islanders», Geographical Journal, Vol. LXXII, No. 4, October 1928, pp. 325—328.
45. Maegraith, Brian G., «The Astronomy of the Aranda and Luritja Tribes», Adelaide University Field Anthropology, Central Australia no. 10, taken from Transactions of the Royal Society of South Australia, Vol. LVI, 1932.
46. Malinowski, Bronislaw, Argonauts of the Western Pacific, London, Routledge, 1922.
47. Marie, Pierre, et Behague, P., «Syndrome de Désorientation dans l'Espace», Revue Neurologique, Vol. 26, No. 1, 1919, pp. 1—14.
48. Morris, Charles W., Foundations of the Theory of Signs, Chicago, University of Chicago Press, 1938.
49. New York Times, April 30, 1957, article on the «Directomat».
50. Nice, M., «Territory in Bird Life», American Midland Naturalist, Vol. 26, pp. 441—487.
51. Paterson, Andrew and Zangwill, O. L., «A Case of Topographic Disorientation», Brain, Vol. LXVIII, Part 3, September 1945, pp. 188—212.
52. Peterson, Joseph, «Illusions of Direction Orientation», Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods, Vol. XIII, No. 9, April 27, 1916, pp. 225—236.
53. Pink, Olive M., «The Landowners in the Northern Division of the Aranda Tribe, Central Australia», Oceania, Vol. VI, No. 3, March 1936, pp. 275—305.
54. Pink, Olive M., «Spirit Ancestors in a Northern Aranda Horde Country», Oceania, Vol. IV, No. 2, December 1933, pp. 176—186.
55. Porteus, S. D., The Psychology of a Primitive People, New York City, Longmans, Green, 1931.
56. Pratolini, Vasco, Il Quartiere, Firenze, Valleschi, 1947.
57. Proust, Marcel, Du Côté de chez Swann, Paris, Gallimand, 1954.
58. Proust, Marcel, Albertine Disparue, Paris, Nouvelle Revue Française, 1925.

59. Rabaud, Etienne, *L'Orientation Lointaine et la Reconnaissance des Lieux*, Paris, Alcan, 1927.
60. Rasmussen, Knud Johan Victor, *The Netsilik Eskimos (Report of the Fifth Thule Expedition, 1921-24, Vol. 8, No. 1-2)* Copenhagen, Gyldendal, 1931.
61. Rattray, R. S., *Religion and Art in Ashanti*, Oxford, Clarendon Press, 1927.
62. Reichard, Gladys Amanda, *Navaho Religion, a Study of Symbolism*, New York, Pantheon, 1950.
63. Ryan, T. A. and M. S., «Geographical Orientation» *American Journal of Psychology*, Vol. 53, 1940, pp. 204-215.
64. Sachs, Curt, *Rhythm and Tempo*, New York, Norton, 1953.
65. Sandström, Carl Ivan, *Orientation in the Present Space*, Stockholm Almqvist and Wiksell, 1951.
66. Sapir, Edward, «Language and Environment», *American Anthropologist*, Vol. 14, 1912.
67. Sauer, Martin, *An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia*, London, T. Cadell, 1802.
68. Shen, Tsung-lien and Liu-Rhen-chi, *Tibet and the Tibetans*, Stanford, Stanford University Press, 1953.
69. Shepard, P., «Dead Cities in the American West», *Landscape*, Winter, Vol. 6, No. 2, 1956-57.
70. Shipton, Eric Earle, *The Mount Everest Reconnaissance Expedition*, London, Hodder and Stoughton, 1952.
71. deSilva, H. R., «A Case of a Boy Possessing an Automatic Directional Orientation», *Science*, Vol. 73, No. 1893, April 10, 1931, pp. 393-394.
72. Spencer, Baldwin and Gillen, F. J., *The Native Tribes of Central Australia*, London, Macmillan, 1899.
73. Stefánsson, Vilhjálmur, «The Stefánsson-Anderson Arctic Expedition of the American Museum: Preliminary Ethnological Report», *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, Vol. XIV, Part I, New York City, 1914.
74. Stern, Paul, «On the Problem of Artistic Form» *Logos*, Vol. V, 1914-15, pp. 165-172.
75. Strehlow, Carl, *Die Aranda und Loritza-stämme in Zentral Australien*, Frankfurt am Main, J. Baer, 1907-20.
76. Trowbridge, C. C., «On Fundamental Methods of Orientation and Imaginary Maps», *Science*, Vol. 38, No. 970, Dec. 9, 1913, pp. 888-897.
77. Twain, Mark, *Life on the Mississippi*, New York, Harper, 1917.
78. Waddell, L. Austine, *The Buddhism of Tibet or Lamaism*, London, W. H. Allen, 1895.
79. Whitehead, Alfred North, *Symbolism and Its Meaning and Effect*, New York, Macmillan, 1958.
80. Winfield, Gerald F., *China: The Land and the People*, New York, Wm. Sloane Association, 1948.
81. Wilkin, H. A., «Orientation in Space» *Research Reviews*, Office of Naval Research, December 1949.
82. Wohl, R. Richard and Sttauss, Anselm L., «Symbolic Representation and the Urban Milieu», *American Journal of Sociology*, Vol. LXIII, No. 5, March 1958, pp. 523-532.
83. Yung, Emile, «Le Sens de la Direction», *Echo des Alpes*, No. 4, 1918, p. 110.

К pazney 11

1. Aaronson, B. S. «Hypnotic Alterations of Space and Time», *International Journal of Parapsychology* 10 (Spring 1968), 5-36.
2. Bartlett, Frederic C. *Remembering*, Cambridge: Cambridge University Press, 1932.

3. Eliade, Mircea, *The Myth of the Eternal Return*, trans. W. R. Trask, New York: Pantheon, 1954.
4. Fraisse, Paul, *The Psychology of Time*, trans. J. Leith, New York: Harper & Row, 1963.
5. Gurvitch, George, *The Spectrum of Social Time*, Paris: Reidel, 1963.
6. Halbwachs, Maurice, *La Mémoire Collective*, Paris: Presses Universitaires de France, 1950.
7. Hunter, M. L. *Memory*, Baltimore: Penguin, 1964.
8. Kubler, George, *The Shape of Time*, New Haven: Yale University Press, 1962.
9. Leach, Edmund, «Time and False Noses», In *Rethinking Ethnology*, London: University of London, Athlone Press, 1961.
10. Luce, Gay Gaer, *Biological Rhythms in Psychiatry and Medicine*, Program Analysis and Evaluation Branch, National Institute of Mental Health, 1970, Public Health Service Publication # 2088.
11. Macaulay, Rose, *The Pleasure of Ruins*, New York: Walker, 1953.
12. Meyerhoff, Hans, *Time in Literature*, Berkeley: University of California Press, 1955.
13. Miller, G. A., E. Galanter, and K. H. Pribram, *Plans and the Structure of Behavior*, New York: Holt, 1960.
14. Minkowski, Eugene, *Le temps vécu*, Neuchâtel, Switzerland: Delachaux & Niestle, 1968.
15. Nabokov, Vladimir, *Speak, Memory*, Baltimore: Penguin, 1969.
16. Nietzsche, Friedrich, *The Use and Abuse of History*, trans. Adrian Collins, New York: Liberal Arts Press, 1957, (orig. ed. 1873).
17. Orme, J. E. *Time, Experience, and Behavior*, New York: American Elsevier, 1969.
18. Piaget, Jean, *The Child's Conception of Time*, trans. A. J. Pomeroy, London: Routledge & Kegan Paul, 1969 (orig. ed. 1946).
19. Shackle, G. L. S. *Decision, Order, and Time in Human Affairs*, Cambridge: Cambridge University Press, 1961.
20. Stark, S., «Temporal and Atemporal Foresight», *Journal of Human Psychology* 2 (1962), 56-74.
21. Toffler, Alvin, *Future Shock*, New York: Random House, 1970.
22. Whitrow, G. J. *The Natural Philosophy of Time*, New York: Harper & Row, 1963.
23. Yoors, Jan, *The Cypries*, New York: Simon & Schuster, 1967.
24. Andersen, J., «Space-Time Budgets and Activity Studies in Urban Geography and Planning», *Environment and Planning* 3 (1971), 353-368.
25. Appleyard, Donald, «City Designers and the Pluralistic City», In Lloyd Rodwin and Associates, *Planning Urban Growth and Regional Development*, Cambridge, Mass.: MIT Press, 1969.
26. Appleyard, Donald, John R. Myer, and Kevin Lynch, *The View from the Road*, Cambridge, Mass.: MIT Press, 1964.
27. Aylward, Graeme, «Environmental Adaptability», MCP thesis, Department of Urban Studies and Planning, M. I. T., 1966.
28. Bachelard, Gaston, *The Poetics of Space*, trans. Maria Jolas, New York: Orion Press, 1964.
29. Barr, John, *Derelect Britain*, Baltimore: Penguin, 1969.
30. Bohannon, Paul, «Concepts of Time among the Tiv of Nigeria», *South-west Journal of Anthropology* 9 (1953), 251-262.
31. Brandi, Cesare, *Teoria del Restauro*, Rome: Ediz. di storia e letteratura, 1963.
32. Brandon, S. C. F. *Time and Mankind*, London: Hutchinson Press, 1951.
33. Briggs, Asa, *Victorian Cities*, Baltimore: Penguin, 1968 (orig. 1963).
34. Buchanan, Colin, and Partners, *Bath: A Planning and Transport Study*, London, 1965.
35. Carr, Stephen, and Kevin Lynch, «Where Learning Happens», In Martin Meyerson, ed., *The Conscience of the City*, New York: Braziller, 1970.

36. Chi Wu-Fou «Yuan Yeh», 1634. Quoted in Joseph Needham, *Science and Civilization in China*, vol. 4, part. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
37. City of Stoke-on-Trent. Reclamation Programme. April 1969.
38. Clough, Rosa T. *Futurism, the Story of a Modern Art Movement*. New York: Philosophical Library, 1961.
39. Coggins, Clemency. «Archaeology and the Art Market». *Science* 175, no. 4019 (January 21, 1972).
40. Cohen, John. «Psychological Time». *Scientific American*, November 1964. 116—122.
41. Coles, Robert. *Uprooted Children: The Early Life, of Migrant Workers*. New York: Harper & Row, 1971.
42. Corkery, Daniel. *The Hidden Ireland*. Dublin: M. H. Gill and Son, 1967 (orig. 1924).
43. Cowan, Peter. «Studies in Growth and Change and the Aging of Buildings». *Transactions of the Bartlett Society* 1 (1963).
44. Cox, Harvey. «The Restoration of a Sense of Place: A Theological Reflection on the Visual Environment». *Religious Education*, January 11, 1966.
45. Craig, Maurice. *Dublin 1660—1860*. Dublin: Hodges & Figgis, 1952.
46. Davis, Hester A. «The Crisis in American Archaeology». *Science* 175, no. 4019 (January 21, 1972).
47. de Nouy, Lecompte. *Biological Time*. London: Methuen, 1936.
48. Dinesen, Isak. *Out of Africa*. New York: Modern Library, 1952.
49. Dunne, J. W. *An Experiment with Time*. London: Faber & Faber, 1958, third edition.
50. Ekstein, Rudolf. *Children of Time and Space*. New York: Appleton — Century — Crofts, 1966.
51. Evans-Pritchard, E. E. «Time and Space». In *The Nuer — a Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*, pp. 94—138. Oxford: Clarendon Press, 1940.
52. Ford, Boris. In Michael Brawne, d., *University Planning and Design*. Architectural Association Paper No. 3.
53. Forster, E. M. *Howards End*. New York: Random House, 1954 (orig. ed. 1910).
54. Frame, Janet. *Faces in the Water*. New York: Braziller, 1961.
55. Garcia Marquez, Gabriel. *One Hundred Years of Solitude*, trans. Gregory Rabassa. New York: Harper & Row, 1970.
56. Glacken, Clarence J. *Traces on the Rhodian Shore*. Berkeley: University of California Press, 1967.
57. Hampshire, Stuart. «On the Liveliness of Universities». *The Listener* 81, no. 2096 (May 29, 1969).
58. Hawley, Amos. «The Temporal Aspects of Ecological Organization». Chapter 15 in his *Human Ecology*. New York: Ronald Press, 1950.
59. Hawthorne, Nathaniel. *The House of the Seven Gables*. New York: Pocket Books, 1971 (orig. ed. 1851).
60. Hirshleifer, Jack. *Disaster and Recovery*. Santa Monica: Rand, RM 3079 PR, 1963.
61. Hosmer, Charles B., Jr. *The Presence of the Past: A History of the Preservation Movement in the United States before Williamsburg*. New York: Putnam, 1965.
62. Hubert, Henri. «Etude sommaire de la représentation du temps dans la religion et la magie». In H. Hubert and M. Mauss, *Mélanges d'histoire des religions*. Paris: F. Alcan, 1909.
63. Hudson, Kenneth. *Industrial Archaeology*. London: University Paperbacks, 1965.
64. Hussey, Christopher. *English Gardens and Landscapes, 1700—1750*. New York: Funk & Wagnalls, 1967.
65. International Union of Architects, 7th Congress. *Architecture in Countries in the Process of Development — Cuba, La Habana*, September 1963.
66. Janet, Pierre. *L'évolution de la mémoire et de la notion temps*. Paris: A. Chahine, ca. 1928.
67. Joyce, James. *Ulysses*. New York: Vintage, 1961.
68. Jenney, Hans. *Cymatics*. Basel: Basilius Press, 1967.
69. Kawabata, Yasunari. *A Thousand Cranes*, trans. Edward G. Seidensticker. New York: Knopf, 1959.
70. Leach, Edmund. «Primitive Time Reckoning». In Charles Singer, E. J. Holmgard, and A. R. Hall, *A History of Technology*, vol. 1, pp. 110—127. Oxford: Clarendon, 1954.
71. Levins, Richard. *Evolution in Changing Environments*. Princeton: Princeton University Press, 1968.
72. Lewis, Wyndham. *Time and Western Man*. Boston: Beacon Press, 1957.
73. Lifton, R. J. «Individual Patterns in Historical Change: Imagery of Japanese Youth». *Comparative Studies in Sociology and History* 6, (1964), 369—383.
74. Lonberg-Holm, K. «Time Zoning as a Preventive of Blighted Areas». *Architectural Record and Guide*, June 1933.
75. Lynch, Kevin. «Environmental Adaptability». *Journal of the American Institute of Planners* 24, no. 1 (1958).
76. Lynch, Kevin. *The Image of the City*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960.
77. Moore, W. E. *Man, Time, and Society*. New York: Wiley, 1963.
78. Mumford, Lewis. *Technics and Civilization*. New York: Harcourt, Brace, 1934.
79. Neutra, Richard. *Survival Through Design*. New York: Oxford University Press, 1969.
80. Newcomb. «Geographical Aspects of the Preservation of Visible History in Denmark». *Annals of the American Association of Geographers*, September 1967.
81. Niane, Djibril Tamsir. *Sundiata: An Epic of Old Mali*, trans. G. D. Pickett. London: Longmans, 1965.
82. Nilsson, Martin Persson. *Primitive Time Reckoning*. Lund: C. W. K. Gleerup, 1920.
83. O'Sullivan, Maurice. *Twenty Years A-Growing*. New York: Viking Press, 1963.
84. Oxenham, R. J. *Reclaiming Derelict Land*. London: Faber & Faber, 1966.
85. Papageorgiou, Alexander. *Continuity and Change*. Tubingen, 1970.
86. Poulet, Georges. *Studies in Human Time*, trans. Johns Hopkins Press. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1956. (orig. 1950).
87. Raup, H. M. «The View from John Sanderson's Farm: A Perspective for the Use of Land». *Forest History* 10, no. 1 (Yale University, April 1966).
88. Reddaway, T. F. *The Rebuilding of London after the Great Fire*. London: Arnold, 1951.
89. Rosenbloom, Joseph. «Student Pilgrims Work at Survival in Plimoth». *Boston Globe*, January 27, 1972.
90. Saint Augustine. *Confessions*, trans. R. S. Pine-Coffin. Harmondsworth: Penguin, 1961.
91. Schafer, Edward H. «The Conservation of Nature under the Tang Dynasty». *Journal of Economic and Social History of the Orient* 5, part 3 (1962) 279—308.
92. Schilder, P. «Psychopathology of Time». *Journal of Nervous and Mental Diseases* 83 (1936), 530—546.
93. Smithson, Robert. «A Sedimentation of the Mind: Earth Projects». *Artforum*, September 1968, pp. 45—50.
94. Sorokin, Pitrim, and Robert K. Merton. «Social Time, a Methodological and Functional Analysis». *American Journal of Sociology* 42 (1937), 615—629.
95. Soseki, Natsume. In E. McClellan, ed., *Grass by the Wayside*. Chicago: University of Chicago Press, 1969.

96. Souriau, Etienne. «Time in the Plastic Arts». *Journal of Aesthetics and Art Criticism* 7, no. 4 (1949), 294—307.
97. Statistical Abstract of the United States, 1971. Washington, D. C.: U. S. Bureau of the Census.
98. Stephenson, Ralph, and J. R. Debrix. *The Cinema as Art*. Baltimore: Penguin, 1965.
99. Strauss, Anselm, ed. *The American City, a Sourcebook of Urban Imagery*. Chicago: Aldine, 1968.
100. Strong, Roy. *Festival Designsbulnigo Jones*. London: Victoria and Albert Museum, 1969.
101. Svenson, Erik. «Differential Perceptual and Behavioral Response to Change in Spatial Form.» Ph. D. thesis, Department of Urban Studies and Planning, M. I. T., 1967.
102. Svevo, Italo (pseud. of Ettore Schmitz). «La Morte». In Appollonio, ed., *Corto viaggio sentimentale e altri racconti inediti*. Milan: Mondadori, 1949.
103. Toulmin, Stephen, and June Goodfield. *The Discovery of Time*. London: Hutchinson, 1965.
104. Tunnard, Christopher, and Boris Pushkarev. *Man-Made America*, part 3. New Haven: Yale University Press, 1963.
105. Wallace, M. and A. I. Rabin. «Temporal Experience». *Psychological Bulletin* 57 (1960), 213—256.
106. Wallis, Aleksander. «The City and Its Symbols». *Polish Sociological Bulletin*, no. 1 (1967), 35—43.
107. Wells, H. G. *Anticipations of the Reaction of Mechanical and Scientific Progress upon Human Life and Thought*. New York: Harper, 1902.
108. Whorf, Benjamin Lee. «An American Indian Model of the Universe». In John B. Carroll, ed., *Language, Thought, and Reality*. Cambridge, Mass.: MIT Press., 1964.
109. Willetts, John. *Art in a City*. London: Methuen, 1967.
110. Wolfenstein, M. *Disaster: A Psychological Essay*. Chicago: Free Press, 1957.
111. Wright, Lawrence. *Clockwork Man*. New York: Horizon Press, 1968.
112. Yates, Frances P. «Architecture and the Art of Memory». *Architectural Design* 38 (December 1968), 573—578.
113. Yeats, William Butler. «To Be Carved on a Stone at Ballylee». In *Michael Robartes and the Dancer*. Dundrum: Cuala Press, 1921.
114. Banerjee, Tridib. Personal correspondence.
115. Krasin, Karalyn. Informal suggestion.
116. Southworth, Michael. Informal suggestion.

К разделу III

- * 1. Appleyard, D., and Lynch, K. *Temporary Paradise? A Look at the Special Landscape of the San Diego Region, and its technical appendix*, for the Planning Department, San Diego, Calif., 1974. [figs. 1, 2, 14; cited 58, 83, 112]
2. Ashley, Myer, Smith, Inc., *City Signs and Lights. A project by Signs/Lights/Boston*, January 1971. [cited 30, 34, 193, 194, 195]
- * 3. Barnett, J., *Urban Design as Public Policy*. *Architectura Record Books*, New York, 1974. [see 27, 35; fig. 13; cited 47, 83]
4. Barton-Aschman Associates, *Organizing for Better Urban Design in Minneapolis*, for Minneapolis Planning Commission. [see 29, 48; cited 82]
5. Boston Redevelopment Authority, *Downtown Design and Development Study*. Boston, 1969.
6. California Coastal Zone Conservation Commission, *Appearance and Design*, June 1974; North Central Coast Regional Commission, *Policies: Appearance and Design*, July 1974; and South Coast Regional Commission, *Appearance and Design in the South Coast Region*, September 1974. [see 34; cited 71, 83, 179]

- * 7. Carney, W., *Where We Stand: A Report on Leverett's Planning Process*. Leverett Conservation Commission and Planning Board, Leverett, Mass., November 1973. [cited 27, 35, 111]
8. Cerasi, M., *Valori ambientali del comprensorio Lodigiano*. Istituto Lombardo per gli Studi Economici e Sociali, Milan, July 1967. [cited 85]
9. Cerasi, M., *Analisi e progettazione dell'ambiente: Uno studio per la valle del Ticino*. Ente provinciale per il turismo di Milano, 1970. [see 17, 52; cited 71, 85]
10. Commission Intercommunale d'Urbanisme, *Plan Directeur de la Region Lausannoise. Analyse des Sites et Aspects Pratiques de Leur Protection*. Lausanne, Switzerland, 1970. [figs. 11, 35; cited 71, 85]
11. Dallas Department of Urban Planning, *The Visual Form of Dallas*, Dallas, Tex., ca. 1974. [see 20, 23, 24, 28, 31, 33, 39, 43]
12. DeCarlo, G., *Urbino*. Marsilio, Padova, 1966. English ed.: Cambridge, Mass., 1970.
13. Detroit City Planning Commission, *Inner City Design Resources*, Detroit, 1969. [cited 5, 81]
- * 14. Detroit City Planning Commission, *Detroit 1990: An Urban Design Concept for the Inner City*. Detroit, 1970. [see 42; fig. 12; cited 81]
15. Federal Highway Administration, *Manual, National Scenic Highway Study*, 1974. [see 19, 22, 38, 47]
16. Fines, K. D., «Landscape Evaluations: A Research Project in East Sussex». *Regional Studies*, March 1968. [see 18, 36, 41, 44, 49, 50; cited 71, 84]
17. Greater London Council, Department of Architecture and Civic Design, *Thames-side Environmental Assessment*, London, March 1968. [see 9, 52; fig. 53; cited 84, 115]
- * 18. Jacobs, P., «The Landscape Image». *Town Planning Review*, April 1975. [see 16, 36, 41, 44, 49, 50; cited 6, 71, 81, 84]
19. Jones and Jones, *Scenic and Recreational Highway Study*, for the Legislative Transportation Committee, State of Washington, Seattle, 1974. [see 15, 22, 38, 47; fig. 52; cited 6, 71, 84, 99, 115]
20. Kansas City Planning Department, *Measuring the Visual Environment*, CRP Technical Report No. 11, Kansas City, Mo., 1967. [see 11, 23, 24, 28, 31, 33, 39, 43; cited 5]
- * 21. Kutcher, A., *The New Jerusalem: Planning and Politics*. MIT Press, Cambridge, Mass., 1975. [figs. 8, 17, 18, 33, 36, 37, 55, 57; cited 19, 74, 85, 178, 181, 182]
22. Lewis, P., «Quality Corridors for Wisconsin», *Landscape*, Spring 1966. [see 15, 22, 38, 47; cited 84, 99]
23. Los Angeles City Planning Commission, *The Visual Environment of Los Angeles*, Los Angeles, Calif., April 1971. [see 11, 20, 24, 28, 31, 33, 39, 43; figs. 6, 47; cited 5, 82]
- * 24. Lynch, K., *Visual Analysis, Community Renewal Program*, Brookline, Mass., September 1965. [see 11, 20, 23, 28, 31, 33, 39, 43; figs. 21, 22, 48, 49; cited 81]
25. MacManus, F., and G. Cullen, *Tenterden Explored*, Kent County Council, Maidstone, Kent, England, 1967. [cited 85]
26. Marans, R. W., *A Manual on the Development of an Environmental Study for Design Resources*, Detroit Regional Transportation and Land Use Study, July, 1967.
27. Markus, M., and J. West, «Urban Design Through Zoning», *Planner's Notebook*, Vol. 2, No. 5 (October 1972), American Institute of Planners. [see 3, 35; cited 83]
28. Melting, A., *Description and Analysis of the Visual Form of Rye*, four vols., mimeo., Rye, N. Y., 1967. [see 11, 20, 23, 24, 31, 33, 39, 43; cited 82]
- * 29. Minneapolis Planning Commission, *Toward a New City*, CRP, Minneapolis, December 1965. [see 4; cited 5, 82]
30. Minneapolis Planning Commission, *Metro Center 1985*, Minneapolis, 1970. [cited 82]

31. Montreal Service d'Urbanisme, *Relevé Visuel: Région de Montréal*, 1967. [see 11, 20, 23, 24, 28, 33, 39, 43]
32. New York City Planning Commission, *New Life for Plazas*, New York, April 1975.
33. Oakland City Planning Department, *Oakland's Form and Appearance*, Oakland, Calif., 1968, and *Design Framework for Oakland*, Oakland, Calif., 1969. [see 11, 20, 23, 24, 28, 31, 39, 43; cited 5, 83]
- * 34. Okamoto/Liskamm Inc., *Appearance and Design—Principles for the Design and Development of San Francisco Bay*, San Francisco, September 1967. [see 6; cited 71, 83]
35. Okamoto, R., and F. E. Williams, *Urban Design Manhattan*, New York Regional Plan, Viking, New York, 1969. [see 3, 27; cited 5]
36. Overview Corp., *From the Mountains to the Sea: State of Hawaii Comprehensive Open Space Plan*, for the Department of Planning and Economic Development, Hawaii, 1972, pp. 55–83. [see 16, 18, 41, 44, 49, 50; cited 6, 71, 83]
37. Paju, O., *Regional Miljö: Landskapet, bebyggelsen, vågarna; Exempel på skissmaterial Stockholmstrakts Regional Planekontor, 1960–1970*, Regionalplanekontoret, Stockholm, May 1975. [cited 85, 95]
38. Polakowski, K. J., *Upper Great Lakes Regional Recreational Planning Study; Part 5: Scenic Highway System*, Upper Great Lakes Regional Commission, 1974. [see 15, 19, 22, 47; cited 6, 84]
39. Portland Chapter, American Institute of Architects, *Visual Survey of Downtown Portland*, Portland, Ore., April 1971. [see 11, 20, 23, 24, 28, 31, 33, 43; cited 5, 83]
40. Public Art Work-hop, *Mural Manual*, Beacon Press, Boston, 1975. [cited 20]
41. Research, Planning and Design, Inc., *Vermont Scenery Classification and Analysis*, report to Vermont State Planning Office, 1971. [see 16, 18, 36, 44, 49, 50; cited 6, 71, 84]
42. Roze, A., et al., *Urban Design with People—A Case Study*, mimeo., Detroit, ca. 1972. [see 14; cited 61, 81]
- * 43. San Francisco Department of City Planning, *San Francisco Urban Design Study*, eight preliminary reports, and the *Urban Design Plan*, San Francisco, 1969–1971. [see 11, 20, 23, 24, 28, 31, 33, 39; cited 82, 98, 178, 182]
44. Sargent, F. O., *Scenery Classification, Agricultural Experiment Station*, University of Vermont, Burlington, 1971 [see 16, 18, 36, 41, 49, 50; cited 6, 84]
45. Seattle Department of Community Development, *Determinants of City Form*, Urban Design Report No. 1, Seattle, Wash., January 1971. [figs. 27, 40; cited 5, 83]
- * 46. Southworth, M., and S. Southworth, *Environmental Quality Analysis and Management for Cities and Regions: A Review of the Work in the United States*, Town Planning Review, July 1973. [cited 81, 86]
47. Steinitz-Rogers Associates, Inc., *Potential Impacts of Interstate 84 in Rhode Island*, Cambridge, Mass., 1972. [see 15, 19, 22, 38; cited 6, 71, 84]
- * 48. Skidmore, Owings, and Merrill, *Urban Design Mechanisms for San Antonio*, prepared for the City Planning Dept, City of San Antonio, October 1972. [see 4; cited 57, 81]
49. Vermont Central Planning Office, *Vermont Scenery Preservation*, Montpelier, Vt., 1966. [see 16, 18, 36, 41, 44, 50; cited 6, 71, 84]
- * 50. Vineyard Open Land Foundation, *Looking at the Vineyard*, West Tisbury, Mass., January 1973. [see 16, 18, 36, 41, 44, 49; figs. 10, 23, 24, 34; cited 71, 83, 92, 106, 114]
51. Vision, Inc., *townscape conservation plans for Exeter, N. H., Bellows Falls, Vt., and others*, Cambridge, Mass. [cited 71]
52. Weismantel, W., *River of the Mind*, Vol. 3, *Citizen Perception Study of the Rio Grande*, Center for Environmental Research and Development, University of New Mexico, Albuquerque, 1974. [see 9, 17; cited 115]
- * 53. Alexander, C., *A Pattern Language*, Oxford University Press, New York, 1975. [cited 48, 170]
54. Altman, I., *The Environment and Social Behavior*, Brooks/Cole, Monterey, Calif., 1975. [see 63, 88, 89, 96, 169, 180, 197; cited 21, 23, 165, 169, 171]
55. Appleyard, D., *City Design and the Pluralistic City*, in L. Rodwin, *Planning Urban Growth and Regional Development*, MIT Press, Cambridge, Mass., 1969. [cited 61, 111, 170]
56. Appleyard, D., and M. Lintell, *The Environmental Quality of the City Street: The Resident's Viewpoint*, Journal of the American Institute of Planners, Vol. 38 (1972), pp. 84–101. [cited 25, 111]
57. Appleyard, D., K. Lynch, and J. Myer, *The View From the Road*, MIT Press, Cambridge, Mass., 1964. [see 73, 121, 182, 185; figs. 30, 47; cited 95, 98, 166]
58. Arnheim, R., *Towards a Psychology of Art*, Faber, London, 1967. [cited 14]
59. Babcock, R. F., *Billboards, Glass Houses, and the Law*, Harper's April 1966, pp. 20–33.
60. Bachelard, G., *The Poetics of Space*, trans. M. Jolas, Orion Press, New York, 1964. [cited 35, 173]
61. Bacon, E., *Design of Cities*, Viking, New York, 1967. [see 146; cited 5, 90, 168]
62. Banerjee, T. K., *Urban Experience and the Development of the City Image: A Study in Environmental Perception and Learning*, Ph. D. Thesis, Department of Urban Studies and Planning, MIT, Cambridge, Mass., 1971. [cited 111, 170]
- * 63. Barker, R., *On the Nature of Environment*, Journal of Social Issues, Vol. 24, No. 4 (1963). [see 54, 88, 89, 96, 169, 180, 197]
64. Barker, R., *Ecological Psychology*, Stanford University Press, Stanford, Calif., 1968. [cited 169]
65. Berlyne, D. E., *Aesthetics and Psychobiology*, Appleton-Century-Crofts, New York, 1971. [cited 14, 38]
66. Blumenfeld, H., *Scale in Civic Design*, Town Planning Review, Vol. 24, No. 1 (April 1953). [cited 90, 168]
67. Boston Children's Museum, *Centre Street: An Exhibit and Fair*, Children's Museum, Jamaica Plain, Mass., 1975. [cited 32, 174]
68. Brodey, W., *The Other-than-Visual World of the Blind*, Architectural Design, January 1969. [cited 167]
69. Brower, S., *The Signs We Learn to Read*, Landscape, Autumn 1965. [cited 23]
70. Carr, S., *The City of the Mind*, Environment for Man, W. R. Ewald (ed.) Indiana University Press, Bloomington, 1967. [cited 170]
- * 71. Carr, S., et al., *Ecologue/Cambridgeport Project*, final report, Department of Urban Studies and Planning, MIT, Cambridge, Mass., December 1972, for Office for Environmental Education, U. S. Department of Health, Education, and Welfare. [fig. 51; cited 63, 111, 174]
72. Carr, S., and L. Lynch, *Where Learning Happens*, Daedalus, Vol. 97, No. 4, (Fall 1968). [cited 32, 174]
73. Carr, S., and D. Schissler, *The City as a Trip: Perceptual Selection and Memory in the View from the Road*, Environment and Behavior, June 1969. [see 57, 121, 182, 185; cited 166]
74. Civic Trust, *Pride of Places*, London, 1972. [cited 23]
75. Collier, J., *Visual Anthropology: Photography as a Research Method*, Holt, Rinehart, and Winston, New York, 1967. [cited 108]
76. Coomber, N. C., and D. Biswas, *Evaluating Environmental Intangibles*, Geneva Press, Bronxville, N. Y., 1973. [cited 14]
77. Cooper, C., *Some Social Implications of House and Site Plan Design in Easter Village*, Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley, 1965.

- * 78. Cooper, C., *The House as a Symbol of Self*, Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley, 1971. [see 127; cited 23, 35, 173].
79. Coughlin, R. E., and K. A. Goldstein, *The Extent of Agreement Among Observers on Environmental Attractiveness*, Regional Science Research Institute, Discussion Paper No. 37, Philadelphia, February 1970. [see 101, 163; cited 14, 173].
80. Craik, K., *The Comprehension of the Everyday Physical Environment*, *Journal of the American Institute of Planners*, Vol. 34 (January 1968). [cited 113].
- * 81. Cullen, G., *The Concise Townscape*, Van Nostrand, New York, 1971. [see 105, 106, 125, 143, 155; cited 23, 168].
82. Downs, R. M., and D. Stea, *Image and Environment: Cognitive Mapping and Spatial Behavior*, Aldine, Chicago, 1973. [see 90; cited 23, 111, 170].
83. Edney, J. J., *Human Territories as Organizers: Some Social and Psychological Consequences of Attachment to Place*, *Environment and Behavior*, Vol. 8, No. 1 (March 1976). [cited 21, 171].
84. Fruin, J. J., *Pedestrian Planning and Design*, Metropolitan Association of Urban Designers and Environmental Planners, New York, 1971. [cited 16, 169].
85. Gibson, J. J., *The Perception of the Visual World*, Houghton Mifflin, Boston, 1950. [cited 14].
86. Glacken, C. J., *Traces on the Rhodian Shore*, University of California Press, Berkeley, 1967. [cited 35, 172].
87. Glaser, B. J., and A. L. Straus, *Discovery of Grounded Theory*, in W. J. Fiske (ed.), *Qualitative Methodology*, Markham, Chicago, 1970.
88. Goffman, E., *The Presentation of Self in Everyday Life*, Doubleday, New York, 1959. [see 54, 63, 96, 169, 180, 197].
89. Goffman, E., *Behavior in Public Places*, Free Press, New York, 1963. [see 54, 63, 88, 96, 169, 180, 197; cited 169].
- * 90. Golledge, R. G., and R. Moore, *Environmental Knowing*, Dowden, Hutchinson and Ross, Inc., Stroudsburg, Pa. (forthcoming). [see 82; cited 23, 111, 112, 113, 170, 172].
- * 91. Goodey, B., *Perception of the Environment*, Center for Urban and Regional Studies, Occasional Paper No. 17, University of Birmingham, England, 1971. [cited 111, 170].
92. Goodey, B., *A Checklist of Sources on Environmental Perception*, Research Memorandum No. 11, Center for Urban and Regional Studies, University of Birmingham, England, March 1974. [cited 170].
93. Goodey, B., *Images of Place: Essays on Environmental Perception, Communications, and Education*, Center for Urban and Regional Studies, University of Birmingham, England, 1974. [cited 23, 174].
94. Goodey, B., *City Scene: An Exploration into the Image of Central Birmingham as Seen by Area Residents*, Research Memorandum No. 10, Center for Urban and Regional Studies, University of Birmingham, England, 1971. [cited 61, 112].
- * 95. Grandjean, E., *Fitting the Task to the Man: An Ergonomic Approach*, Taylor and Francis, London, 1971. [cited 15, 16, 168].
- * 96. Grey, A. L., et al., *People and Downtown*, University of Washington, Seattle, September 1970. [see 54, 63, 88, 89, 169, 180, 197; fig. 4; cited 169].
97. Hack, G., *Improving the City Streets for Use at Night: The Norfolk Experiment*, Department of Urban Studies and Planning, MIT, Cambridge, Mass., June 1974. [cited 19, 20, 167].
98. Harrison, J. D., *The Perception and Cognition of Environment*, annotated exchange bibliography No. 516, Council of Planning Librarians, Monticello, Ill., January 1974. [cited 170].
99. Harrison, J. D., and W. A. Howard, *The Role of Meaning in the Urban Image*, *Environment and Behavior*, Vol. 4, No. 4 (December 1972). [cited 113].
100. Heath, T., *Environmental Aesthetics: The State of the Art*, Royal Australian Institute of Architects Research Report, Copper and Brass Information Centre, Sydney, 1975. [see 192; cited 14].
101. Herzog, T. R., Kaplan, and Kaplan, *The Prediction of Preference for Familiar Urban Places*, *Environment and Behavior*, forthcoming. [see 79, 163].
102. Hopkinson, R. G., *The Quantitative Assessment of Visual Impressions*, *Journal of the Town Planning Institute*, Vol. 7, No. 10 (1971). [cited 15, 100, 167].
- * 103. Hubbard, H. V., and T. Kimball, *An Introduction to the Study of Landscape Design*, Macmillan, New York, 1924. [cited 168].
- * 104. Ittelson, W. H., et al., *An Introduction to Environmental Psychology*, Holt, Rinehart and Winston, New York, 1974. [see 150; cited 165].
105. Jackson, J. B., *Landscapes*, ed. E. H. Zube, University of Massachusetts Press, Amherst, 1970. [see 81, 106, 125, 143, 155; cited 172, 173].
106. Jackson, J. B., *American Space*, Norton, New York, 1972. [see 81, 105, 125, 143, 155].
107. Kates, R. W., and J. F. Wohlwill (eds.), *Man's Response to the Physical Environment*, *Journal of Social Issues*, Vol. 22, No. 4 (1966), pp. 1-140.
108. Kazin, A., *A Walker in the City*, Grove Press, New York, 1951. [cited 35].
109. Kepes, G., *Notes on Expression and Communication in the Cityscape*, Daedalus, Winter, 1961. [cited 35, 168].
110. Klein, H., *The Delineation of the Town Centre in the Image of its Citizens*, in E. J. Brill (ed.), *Urban Core and Inner City*, University of Amsterdam, Leiden, 1967. [cited 111, 170].
111. Ladd, F. C., *Black Youths View Their Neighborhood: Neighborhood Maps*, *Environment and Behavior*, Vol. 2 (1970), pp. 74-99. [cited 23, 35, 111, 170].
112. Lassiere, A., *The Environmental Evaluation of Transport Plans at the Strategy Level*, Department of the Environment, London, England, October 1974. [cited 85, 184].
113. Lee, T. R., *Perceived Distance as a Function of Direction in the City*, *Environment and Behavior*, Vol. 2 (1970), pp. 40-51 [cited 111].
114. Leighty, L., *Aesthetics as a Legal Basis for environmental Control*, 17 *Wayne Law Review*, 1971. [cited 40].
115. Leopold, L., *Landscape Aesthetics*, *Ekistics*, April 1970.
116. Lerup, L., *Environmental and Behavioral Congruence as a Measure of Goodness in Public Space: The Case of Stockholm*, *DMG-DRS Journal*, Vol. 6, No. 2 (April/June 1972). [cited 19].
117. Leuba, C., *The Concept of Optimal Stimulation*, in H. Fowler, *Curiosity and Exploratory Behavior*, Macmillan, New York, 1965. [cited 14].
118. Lewis, O., *The Children of Sanchez*, Random House, New York, 1961. [cited 35].
119. Lewis, P. F., D. Lowenthal, and Y. Tuan, *Visual Blight in America*, Association of American Geographers Research Paper No. 23, 1973.
120. Ling, A., *Skyscrapers and Their Siting in Cities*, *Town Planning Review*, Vol. 34, No. 1 (April 1963). [see 21, 123, 145; cited 178].
121. Little, Arthur D., Inc., *Response to Roadside Environment*, Outdoor Advertising Association of America, 1968. [see 57, 73, 182, 185; cited 174].
122. Litton, R. B., *Forest Landscape Description and Inventories*, U. S. Department of Agriculture, Forest Service Research Paper PSW-49, 1968. [cited 92].
123. Litton, R. B., *Landscape Control Points*, U. S. Department of Agriculture, Forest Service Research Paper PSW-91, 1973. [see 21, 120, 145; fig. 38; cited 106, 184].
124. Lowenthal, D., *Geography, Experience, and Imagination*, *Annals, American Association of Geographers*, September 1961. [cited 113].

125. Lowenthal, D. and H. C. Prince, «English Landscape Tastes», *Geographical Review*, Vol. 55 (April 1965). [see 81, 105, 106, 143, 155; cited 173]
126. Lowenthal, D. and M. Riel, *Publications in Environmental Perception*, Nos. 1-8, American Geographical Society, New York, 1972. (Eight pamphlets: environmental assessments of New York, Boston, Cambridge, and Columbus and a comparative analysis; structures of environmental association; milieu and observer differences; and semantic and experiential components.) [cited 14, 111, 113, 166]
- * 127. Lukashok, A., and K. Lynch, «Some Childhood Memories of the City», *Journal of the American Institute of Planners*, Vol. 22, No. 3 (Summer 1956). [cited 23, 111]
- * 128. Lynch, K., *The Image of the City*, MIT Press, Cambridge, Mass., 1960. [see 168; cited 23, 29, 61, 111, 170]
129. Lynch, K., «The Openness of Open Space», Chapt. 1, in *Open Space for Human Needs*, Marcou, O'Leary and Associates, Washington, D. C., 1970. [cited 27]
130. Lynch, K., *Site Planning*, 2d edition, MIT Press, Cambridge, Mass., 1971. [cited 168]
- * 131. Lynch, K., *What Time Is This Place?*, MIT Press, Cambridge, Mass., 1972. [cited 28, 30, 94, 171, 189]
132. Lynch, K., *Growing Up in Cities: Studies of the Spatial Environment of Adolescents in Cracow, Melbourne, Mexico City, Salta, Toluca and Warszawa*, Report for UNESCO, 1975. [see 134; figs. 7, 45; cited 14, 32, 111, 169]
133. Lynch, K., and M. Rivlin, «A Walk Around the Block», *Landscape*, Vol. 8, No. 3 (Spring 1959). [cited 111]
134. Mauer, R., and J. C. Baxter, «Images of the Neighborhood and City among Black-, Anglo-, and Mexican-American Children», *Environment and Behavior*, Vol. 4 (1972), pp. 351-388. [see 132; cited 32, 111]
135. Michelson, W., *Man and His Urban Environment*, Addison-Wesley, Reading, Mass., 1970. [cited 172]
136. Milgram, S., «The Experience of Living in Cities», *Science*, Vol. 167 (1970), pp. 1461-1468. [cited 111, 169]
137. Miller, G. A., «The Magical Number Seven Plus or Minus Two: Some Limits on Our Capacity for Processing Information», *Psychological Review*, Vol. 63 (1956), pp. 81-97. [cited 14]
138. Miller, G. A., E. Galanter, and K. Pribram, *Plans and the Structure of Behavior*, Holt, New York, 1960.
139. Miller, J. D., *Effects of Noise on People*, Central Institute for the Deaf, for the U. S. Environmental Protection Agency, U. S. Government Printing Office, Washington, D. C., December 1971. [cited 15, 167]
140. MIT Department of Urban Studies and Planning, *Signs in the City*, Cambridge, Mass., June 1963, reprinted by the Laboratory for Environmental Studies, MIT, Cambridge, Mass., March 1971. [fig. 43; cited 30, 105, 174, 193]
141. Moore, R., *The Ecology of a Neighborhood Playground: Implications for Planning, Design and Management*, Department of Landscape Architecture, University of California, Berkeley, 1973. [cited 174]
142. Muchow, M. and H., *Der Lebensraum des Grosstadt Kindes*, Hamburg, M. Riegel, 1935. [cited 169]
143. Nairn, I., *The American Landscape, A Critical View*, Random House, New York, 1965. [see 81, 105, 106, 125, 155; cited 23, 91, 96, 168]
144. Neutra, R., and R. A. McFarland, *Accident Epidemiology and the Design of the Residential Environment*, *Human Factors*, Vol. 14, (1972), pp. 405-420.
145. Parke, M., *View Protection Regulations*, American Society of Planning Officials, Planning Advisory Service Report No. 213, Chicago, 1966
146. Peets, E., *On the Art of Designing Cities*, ed. P. Spreiregen MIT Press, Cambridge, Mass., 1968
147. Petersen, J. T., *The Climate of Cities: A Survey of Recent Literature*, National Air Pollution Control Administration, U. S. Department of Health, Education, and Welfare, Raleigh, N. C., 1969
148. Perin, C., *With Man in Mind*, MIT Press, Cambridge, Mass., 1972
149. Piaget, J., *The Child's Conception of the World*, Routledge and Kegan Paul, London, 1964.
150. Proshansky, H. H., W. H. Ittelson, and L. G. Rivlin (eds.), *Environmental Psychology: Man and His Physical Setting*, Holt, Rinehart, and Winston, New York, 1976
151. Rainwater, L., «Fear and the House-as-Haven in the Lower Class», *Journal of the American Institute of Planners*, January 1965
152. Rand, G., «Pre-Copernican Views of the City», *Architectural Forum*, Vol. 131
153. Rapoport, A., «Observations Regarding Man-Environment Systems», *Man/Environment Systems*, January 1970
154. Rapoport, A., and R. Hawkes, «The Perception of Urban Complexity», *Journal of the American Institute of Planners*, March 1970
155. Rasmussen, S. E., *Towns and Buildings*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1951
156. Reynolds, I., and C. Nicholson, *The Estate Outside the Dwelling*, Department of the Environment, Great Britain, Her Majesty's Stationery Office London, 1972
157. Rivlin, L. G., and M. Wolfe, «The Early History of a Psychiatric Hospital for Children», *Environment and Behavior*, Vol. 4, No. 1 (March 1972)
158. Robinette, G. O., *Plants, People and Environmental Quality*, U. S. Government Printing Office, Washington, D. C., #2405-0479
159. Royse, D., *Social Inferences via Environmental Clues*, Ph. D. Thesis, Department of Urban Studies and Planning, MIT, Cambridge, Mass., 1969.
160. Schmid, J. A., *Urban Vegetation, A Review and Chicago Case Study*, Chicago University Department of Geography, 1974
162. Searles, H. F., *The Non-Human Environment*, International University Press, New York, 1960. [cited 35, 167, 173]
163. Shafer, E. L., and M. Tooby, «Landscape Preferences: An International Replication», *Journal of Leisure Research*, Vol. 5, No. 3 (1973), pp. 60-65, [see 81, 101; cited 14, 173]
164. Sieverts, T., «Perceptual Images of the City of Berlin», E. J. Brill (ed.), *Urban Core and Inner City*, University of Amsterdam, Leiden, 1967. [cited 111, 170]
165. Simmel, G., «The Metropolis and Mental Life», in P. K. Hatt and A. J. Reiss (eds.), *Reader in Urban Life*, Free Press, New York, 1951.
166. Sims, W., *Neighborhoods: Columbus Neighborhood Definitions Study*, Columbus, Ohio, 1973. [cited 111, 112, 171]
167. Sims, W., «Iconic Simulations. An Evaluation of Their Effectiveness as Techniques for Simulating Environmental Experience along Cognitive Affective, and Behavioral Dimensions», Ph. D. Thesis, Department of Urban Studies and Planning, MIT, Cambridge, Mass., September 1974. [see 171; cited 91, 170]
168. Smith, B. A., «The Image of the City 10 Years Later», MCP Thesis, MIT, Department of Urban Studies and Planning, Cambridge, Mass., 1969. [see 128; cited 170]
- * 169. Sommer, R., *Personal Space: The Behavioral Basis of Design*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, N. J., 1969. [see 54, 63, 88, 96, 180, 197; cited 21, 169]
170. Sommer, R., *Design Awareness*, Holt, Rinehart and Winston, New York, 1972. [cited 14, 20]
171. Sorte, G. J., «Methods for Presenting Planned Environments», *Man/Environment Systems*, Vol. 5 (May 1975), pp. 148-154. [see 167; cited 166]
172. Southworth, M., *The Sonic Environment of Cities*, MIT, Cambridge, Mass., 1967. [fig. 41; cited 14, 102, 167]
173. Southworth, M., «An Urban Service for Children Based on an Analysis of Cambridgeport Boys' Conception and Use of the City», Ph. D. Thesis, MIT Cambridge, Mass., 1970. [cited 111, 169]

174. Southworth, M., and K. Lynch, *Designing and Managing the Strip*, Joint Center for Urban Studies of MIT and Harvard University, Working Paper No. 9, Cambridge, Mass., October 1974. [cited 104, 188]
175. Stea, D., and R. Downs, «From the Outside Looking In at the Inside Looking Out», *Environment and Behavior*, Vol. 2, No. 1 (June 1970). [cited 111, 170]
176. Stea, D., and D. Wood, *Un Atlas Cognitivo: La Geografia Psicologica de Cuatro Ciudades Mexicanas*, 1970. [cited 23, 111, 170]
177. Steinitz, C., «Congruence and Meaning: The Influence of Consistency between Urban Form and Activity on Environmental Knowledge», Ph. D. Thesis, MIT, Cambridge, Mass., 1967. [cited 170]
178. Stokols, D. (ed.), *Psychological Perspectives on Environment and Behavior: Conceptual and Empirical Trends*, Plenum, New York, in press. [cited 170, 172]
- * 179. Strauss, A., *The American City: A Sourcebook of Urban Imagery*, Aldine, Chicago, 1968. [cited 111]
- * 180. Suttles, G. D., *The Social Order of the Slum: Ethnicity and Territory in the Inner City*, University of Chicago Press, 1968. [see 54, 63, 88, 89, 96, 169, 197; cited 21, 23]
181. Svenson, E., «Differential Perception and Behavioral Response to Change in Urban Spatial Form», Ph. D. Thesis, MIT, Cambridge, Mass., 1967. [cited 171]
182. Thiel, P., «A Sequence-Experience Notation», *Town Planning Review*, Vol. 32, No. 1 (April 1961). [see 57, 73, 121, 185; cited 98]
183. Trieb, M., *Stadtgestaltung, Theorie und Praxis*, Bertelsman Fachverlag, Düsseldorf, 1974. [fig. 19]
- * 184. Tuan, Yi-Fu, *Topophilia: A Study of Environmental Attitudes, Perceptions, and Values*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, N. J., 1974. [cited 35]
185. Tunnard, C., and B. Pushkarev, *Man-Made America, Chaos or Control?*, Yale University Press, New Haven, 1963 (esp. the chapter on rural highways). [see 57, 73, 121, 182; cited 95]
186. Ure, P. N., *Justinian and His Age*, Penguin, Harmondsworth, 1951, pp. 164-165. [cited 184]
187. U. S. Departments of Interior and Agriculture, *Environmental Criteria for Electric Transmission Systems*, U. S. Government Printing Office, Washington, D. C.
188. Van der Ryn, S. H., *Amenity Attributes of Residential Locations*, Technical Paper No. 3, CRP, San Francisco, May 1965. [cited 14, 172]
189. Van der Ryn, S. H., and W. R. Boie, *Value Measurement and Visual Factors in the Urban Environment*, College of Environmental Design, University of California, Berkeley, January 1963, mimeo.
190. Varming, M., *Motorveje i Landskabet*, Statens Byggeforskningsinstitut, Copenhagen, 1970. [cited 95]
191. Walters, D., «Annoyance Due to Railway Noise in Residential Locations», in *Architectural Psychology*, RIBA, London, 1969. [cited 15]
192. Washington Environmental Research Center, for the U. S. Environmental Protection Agency, *Aesthetics in Environmental Planning*, EPA 600/5-73-009, U. S. Government Printing Office, Washington, D. C., November 1963. [see 100]
193. Weiss, R. S., and S. Boutourline, *Fairs, Pavilions, Exhibits and Their Audiences*, mimeo., 1962. [cited 169]
194. Whyte, W. H., «The Best Street Life in the World: Why Schmoozing, Smooching, Noshing, Ogling are Getting Better All the Time», *New York Magazine*, July 15, 1974. [cited 108, 110]
195. Wilson, R. L., «Livability of the City: Attitudes and Urban Development», in F. S. Chapin and S. F. Weiss (eds.), *Urban Growth Dynamics*, Wiley, New York, 1962. [cited 14, 172]
196. Wohlwill, J. F., and D. H. Carson (eds.), *Environment and the Social Sciences: Perspectives and Applications*, American Psychological Association, Washington, D. C., 1972. [cited 165]
197. Zeisel, J., *Sociology and Architectural Design*, Russell Sage, New York, 1974. [see 54, 63, 88, 89, 96, 169, 180; cited 165, 169]
198. Zube, E. H., «Scenery as a Natural Resource: Implications of Public Policy, and Problems of Definition, Description, and Evaluation», *Landscape Architecture*, Vol. 63, No. 2 (1973). [cited 173]
199. Zube, E. H., R. O. Brush, and J. G. Fabos, *Landscape Assessment: Values, Perceptions, and Resources*, Dowden, Hutchinson and Ross, Stroudsburg, Pa., 1975. [cited 14, 115, 172, 173]
200. Carney, W., *Trees for Cincinnati*, The Cincinnati Institute for the Wilder Foundation, Cincinnati, Ohio, 1975.
201. Cincinnati Institute, *Cincinnati Hillside: Development Guidelines*, Cincinnati, Ohio, December 1975.
202. Clark, R. S., «A Case Study: Seattle's Citywide Design Commission», *Practicing Planner*, Vol. 6, No. 1 (February 1976), pp. 32-39.
203. Dallas Department of Planning and Development, *Design Guideline for Inner City Neighborhoods*, Dallas, Tex., July 1972.
204. Perlman, B., «1% Art in Civic Architecture», RTKL Associates, Baltimore, Md., 1973.
205. Urban Design Council, *Housing Quality: A Program for Zoning Reform*, New York City, 1973.
206. Fairbrother, N., «New Lives, New Landscapes», Knopf, New York, 1970.
207. Firey, W., «Sentiment and Symbolism as Ecological Variables», in G. A. Theodorson (ed.), *Studies in Human Ecology*, Harper and Row, New York, 1961.
208. Hall, E., «Proxemics: The Study of Man's Spatial Relations», in J. Galdston (ed.), *Man's Image in Medicine and Anthropology*, International Universities Press, New York, 1963.
209. Lu, W., *The Urban Design Role in Local Government* (preliminary report of a conference), Goals for Dallas, Dallas, Texas, July 1976.
210. Lynch, K., «Urban Design», *Encyclopedia Britannica*, 15th Edition, Volume 18, pp. 1053-1065, Encyclopedia Britannica, Inc., Chicago, 1974.
211. Moss, S., «A Policy for the Visual Form of Industrial Areas», MCP Thesis, Department of Urban Studies and Planning, Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, Mass., 1964.
212. Schwartz, R., «Subway of the Mind», *Connection*, Fall 1967.
213. Sitte, C., *The Art of Building Cities*, trans. Charles T. Stewart, Reinhold, New York, 1945 (orig. 1889).
214. Ulrich, R. S., «Scenery and the Shopping Trip: The Roadside Environment as a Factor in Route Choice», Michigan Geographical Publication No. 12, Department of Geography, University of Michigan, Ann Arbor, 1974.
215. Weichert, K., *Elementy Kompozycji Urbanistycznej*, Wydawnictwo Arkady, Warszawa, 1974.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В поисках путей к «очеловеченному» окружению <i>А. В. Иконников</i>	5
---	---

I. ОБРАЗ ГОРОДА 15

Образ окружения	15
Три города	24
Образ города и его элементы	50
Форма города	87
Новая масштабность	112
Приложение I	113
Приложение II	128

II. ОБРАЗ ВРЕМЕНИ 142

Присутствие прошлого	142
Ныне живое	163
Сохраненное будущее	180
Изменения, которые сделаны видимыми	200

III. ОСМЫСЛЕНИЕ РЕГИОНА 217

Чувственное качество регионов	224
Кто управляет этим?	225
Зачем это нужно?	228
Контекст и ограничения	246
Административный и правовой контексты сенсорного регулирования	243
Типы региональных действий	249
Стратегия исследований и действий	259
Характерные сложности	270
Приложение III. Детализованные гипотетические примеры регионального исследования сенсорного качества	306
Список литературы	312

КЕВИН ЛИНЧ

ОБРАЗ ГОРОДА

Редакция переводных изданий
Зав. редакцией М. В. Перевалюк
Редактор И. А. Городецкая
Мл. редактор Л. Г. Беглецова
Технический редактор Н. В. Высотина
Корректор А. В. Федина

ИБ № 2731

Сдано в набор 18.01.82. Подписано в печать 05.04.82. Формат издания 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Печать высокая. Гарнитура «Литературная». Печ. л. 20,5.
Усл. печ. л. 20,5. Усл. кр.-отт. 20,5. Уч.-изд. л. 21,51. Тираж 10 000 экз. Изд. № А1Х 8896.
Заказ 698. Цена 1 р. 80 к.

Стройиздат
101442, Москва, Каляевская, 23а

Московская типография № 4 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
129041, Москва, Б. Переяславская ул., д. 46